

МЕЛИТОН КАЗИТЫ

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ**

Цхинвал–Владикавказ
«ЦЫКУРА»
2018

МЕЛИТОН КАЗИТЫ

ПУБЛИЦИСТИКА

Литературно-критические статьи

Интервью

Цхинвал–Владикавказ
«ЦЫКУРА»
2018

83.3(2Рос.Сев.)—8 Каз.
К—16

Книга издана при поддержке Нацбанка РЮО,
в частности, его Председателя *Ф.М. Зассеева*

Научный редактор —
кандидат педагогических наук, доцент СОГУ
Ф.Г. Бежаева

Казиты М. Р.
К—16 Публицистика [Текст]: литературно-критические
статьи/М. Казиты — Цхинвал — Владикавказ:
ЦЫКУРА, 2018 — 419 ф.

В книгу вошли обзорные и литературно-критические статьи, рецензии и интервью известного осетинского писателя и литературоведа, лауреата Государственной премии им. Коста Мелитона Казиты, написанные им в разные годы. Автор особое внимание уделяет творчеству известных осетинских писателей Коста Хетагаты, Гафеза, Георгия Бестауты, Михаила Булкаты, Камала Ходы и многих других.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

©Казиты М. Р., 2018
© «ЦЫКУРА», 2018

НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

Литературу делают столетиями. И чем больше ей лет, тем она мощнее, разнообразнее, могущественнее. Осетинская художественная литература за два века своей истории отличается неравномерностью своего развития. Ее основа была реальной и мощной. Наши классики Аксо Колыты, Темирболат Мамсыраты, Коста Хетагаты, Сека Гадиаты, Елбыздыко Брытиаты и другие подняли ее до классической вершины. Но во время советской власти, особенно в злосчастные 30-е годы, когда в Осетии кроме старого Арсена Коцойты и Нигера (Ивана Дзанайты) никого из известных писателей не осталось в живых, наша прекрасная художественная литература упала до декоративно-риторического уровня. «Партийная организация и партийная литература» В. И. Ленина «сбросили» ее с литературной высоты.

Это был большой удар не только по художественной литературе, но и по всему культурному фронту Осетии как на южной ее части, так и на северной. Ведь носителями культуры первым долгом являются писатели.

Только благодаря писателям-фронтовикам, особенно Грису Плиты, Гафезу (Федору Захарьевичу Гаглойты), Борису Мыртазты, Михаилу Цырыхаты, Хазби Калоты, Мухарбеку Кочысаты, Коста Маргиты и многим другим, услышали читатели правдивое слово о жизни. «Духом героизма и неизбежного возмездия, пафосом великой любви к жизни дышит поэзия осетинских поэтов-фронтовиков», — говорил Шамиль Джиккайты. А XX съезд Компартии стал своеобразным манифестом не только для осетинских писателей, но и всех писателей бывшего Советского Союза. Они, после свержения культа личности, почувствовали себя более-менее сво-

бодными. Свобода слова дала целую плеяду советских писателей-шестидесятников.

Осетинская художественная литература приобрела несколько поколений прекрасных писателей. Они были на подбор талантливы, смелы, неподражаемы — Георгий Бестауты, Хазби Дзаболаты, Михаил Булкаты, Георгий Гаджиты, Владимир Гаглойты, Исидор Козаты, Хаджи-Мурат Дзуццати...

Потом — новое поколение шестидесятников — Ахсар Кодзати, Васо Малити, Шамиль Джиккайты, Сергей Хугаты, Хаджи-Умар Алборты, Камал Ходы и многие другие. И можно, положив руку на сердце, с уверенностью сказать, что осетинская художественная литература поднялась до новой вершины, приобрела новые художественные формы, проблемы, образы. Свободно, вдохновленно, образно начали мыслить и ХХI век встретили с творческими успехами.

Осетинская литература как своеобразная художественная летопись духовной жизни осетинского народа рисует гуманность, отзывчивость, высокую духовность целых поколений. Она рисует жизнь всего осетинского народа высокими поэтическими средствами.

Осетинская литература, говоря словами известного осетинского писателя и литературоведа Шамиля Джиккайты, «становится все более разнообразной, многозвучной, интеллектуальной. Она питается истоками своей культуры и в то же время обращается к традициям русской» и мировой литературы. — «Она поднимает новые пласты общественной и духовной жизни народа, раскрывает тайники мыслей и чувств человека».

Рано ушедшие из жизни Гергий Бестауты и Хазби Дзаболаты, Георгий Гаджиты и Хаджи-Мурат Дзуццати, Зина Хостикоты... были глубоко национальны. Их творчество отличается образностью, гуманностью и щедростью души.

Слова известного русского поэта И. Сельвинского: «Мне стыдно, когда умирают Люди моложе меня», наводили на поэта Г. Бестауты грусть и сожаление, и родилось прекрасное его стихотворение «Каменное

дитя», насыщенное трагизмом, высокой духовностью, образностью и гуманизмом:

*Двухлетний ребенок изваян из камня седого,
Двухлетний ребенок в ответ не промолвит ни слова.
Он в вечный гранит, словно в склеп, забежал ненароком,
И вот остывает улыбка на камне убогом.*

*Чужое дитя, ты, как солнце, угасло злоеце,
В застывших глазах я читаю упрек виновато.
Чужое дитя, седина моя, видишь, трепещет,
Каким-то бессильным стыдом пред тобою объята.*

(Пер. Н. Орловой)

В последние десятилетия, когда распалось основное ядро мирового социализма, во всем мире между народами, между государствами усиливается вражда. Мы иногда ощущаем себя как на пороховой бочке — находимся чуть ли не на грани третьей мировой войны. Но, как ни странно, на рубеже последних столетий в осетинской литературе, несмотря на то, что на нашей земле многочисленные конфликты приводят к жестоким военным действиям, с глубоким патриотизмом развивался и развивается гуманизм.

Если Нафи Джусойты рад, что: «...мчится Терек, киноварью пеняшь, И, удивляя потрясенный мир, Неистребимый, словно птица феникс, Из пепла возрождается мой Ир» («Глядя на огонь». Пер. Я. Козловского), то Ахсар Кодзати доволен тем, что: «В небо Осетии песня взлетает, / древом священным среди вольных дерев. / Большого счастья душа не желает — / вырвался ввысь осетинский напев» («Осетинская песня». Пер. Т. Кибирова).

Совсем другую цель ставил перед собой прекрасный романист и переводчик Михаил Булкаты. Для него жизнь наших гордых, воинственных предков была путеводной звездой в будущее. В то время Шамиль Джикайты, не забывая о насущных, неотложных проблемах осетин и Осетии, поет «Колыбельную песню елочному саженцу». И не зря — прекраснейшая, серебри-

тая елка нужна всем. Она на руках держит белку, но скоро будет Новый год... Но не только в Новом году нужна саженцу помощь — все ради своей выгоды стараются растоптать слабого. Поэт потому защищает его от всякой твари и поет ему прекрасную колыбельную песню. И эта священная тема — тема гуманизма — продолжалась и продолжается во многих произведениях Хаджи-Мурата Дзуццати, Зинаиды Хостикоты, Музафера Дзаохты, Васо Малити, Хадзы-Умара Алборты, Сергея Хугаты, Феликса Плиты и др. С помощью оригинальных образов и художественно-изобразительных приемов они всегда добиваются своего — интенсивный творческий процесс позволяет им перевоплощать местные, осетинские проблемы в общие болевые точки общества в целом.

В этом контексте творчество «шестидесятника» Камала Ходова выигрывает и тем, что поэт, как это уже несколько раз отмечалось в осетинской литературной критике, отлично знает то, о чем и о ком говорит. А его произведения особо выделяются тем, что автор все детали рисует с любовью и с оригинальным видением.

«Когда не возвращается корабль» и по воле злой судьбы, «погружаясь, на безмятежное дно / Ложится навек, / Одинокие волны во тьме / Рыдают над ним...». Овдовевшие жены одевают траур. «Воротилы и клерки» «начинают дрожать в страхе за место...»:

*Про то, что не вернулся корабль,
Газеты дают петитом,
Чтобы люди ощутили озноб,
Примеряя к себе
Холод волны.*

*А далеко, на земле,
Под ветром
Вздыхает лес на родине корабля.
И по щекам потемневших пней
Ползут
Солоноватые
Капли.*

(«Когда не возвращается корабль...». Пер. Вл. Еременко)

Гуманность осетинской художественной литературе никогда не была чужда. Но то, что в последние десятилетия эта тема осетинским писателям стала так близка, может быть, говорит о том, что они по своей злобной судьбе поняли, все-таки, что спасет человечество от явной гибели.

Эти чувства помогли им за такой короткий срок создать почти целую прекрасную, особенно пейзажную, литературу, насыщенную гуманизмом, которая заслуживает серьезных научных трудов, защиты диссертаций. И чтобы поэты сами радовались творческим успехам своих товарищей по перу.

Так и должно быть. Однажды студенты Виргинского университета, где выступал Фолкнер, спросили писателя, думает ли он, что человек победит, несмотря на угрозу самоуничтожения. Фолкнер не только ответил утвердительно, но, по существу, высказался против модернистской концепции неверия в человека и его будущее. Тогда оппоненты задали ему иронический вопрос: «Сэр, полагаете ли вы, что человек с каждым днем становится лучше и лучше во всех отношениях?» С присущим ему спокойствием Фолкнер ответил: «Я думаю, что человек стремится быть лучше, чем он есть или может быть. Его бессмертие — в желании быть лучше, быть мужественнее, быть более честным, чем он может быть или иногда бывает. И неожиданно, к своему собственному удивлению, человек таким становится». Он всегда решительно заявлял, что «единственная школа, к которой он принадлежит и к которой хотел бы принадлежать — школа гуманизма».

И если мы внимательно проследим жизнь и творчество многих писателей или знаменитых людей, то очень легко убедимся в том, что великий Фолкнер был не единственным таким человеком. К тому же, без труда можно много примеров найти и в современной осетинской художественной литературе.

От «шестидесятников» не отстала и та плеяда осетинских писателей, которая в художественную литера-

туру пришла вслед за ними. Именно на рубеже последних столетий они добились больших творческих успехов. Среди них особо выделились — Таймураз Хаджеты, Алеш Гучмазты, Гастан Агънаты, Тотрадз Коккайты, Эльбрус Скодтати, Станислав Кадзаты, Батрадз Касаты, Альберт Кодоты и другие. Их творчеству свойственны не только патриотизм, гуманность, но эмоциональность и высокохудожественные романтические эффекты. В их произведениях просвечивается величие духа жизнерадостного, свободного человека, им удается высокохудожественно раскрыть лучшие стороны осетинского национального характера.

Так, рано ушедшие из жизни замечательные, талантливые писатели — поэт Т. Хаджеты и прозаик А. Гучмазты — оставили глубокий след в осетинской литературе.

О первом из них известный русский поэт и литературовед Лев Озеров не зря говорил: «...Для того, чтобы сказать: «от работы мои руки стали шершавы, как язык вола», нужно не только уметь лепить стих. Нужно ощущение реальности. Таймураз Хаджеты как бы плечом вталкивает образ в строфу. Строфа от перегрузки подчас трескается: «Я любил купаться в дождь при солнце. Пил молоко с луной прямо из шапки. И я совсем не знал, что обманывать Человек может только себя самого».

Поэтический голос Таймураза Хаджеты, его образный, сочный, романтический язык никого не оставляет равнодушным. Потому вновь и вновь приобретает все новых и новых читателей.

С Алешом Гучмазты они были близкими друзьями. Не потому ли и судьбы у них были схожими. Т. Хаджеты даже скончался в день рождения своего друга А. Гучмазты — 10 сентября. И талантом не уступали друг другу. Даже в Литературном институте им. М. Горького в Москве в 1972 году учились вместе. Хаджеты — на последнем курсе, Гучмазты — на первом.

То, что Хаджеты не выражал в поэзии, Гучмазты это мог нарисовать в прозе. То, что Гучмазты не удава-

лось в прозе, не ускользнуло бы от глаз Хаджеты в поэзии.

В произведениях Алеша Гучмазты, начиная с самых коротких рассказов и заканчивая его удивительно мастерски созданным романом «Матрона», все в них — и язык, и характеры, и сюжеты, даже маленькие детали — сотворено рукой настоящего мастера художественного слова.

Приведу слова известного писателя, переводчика Руслана Тотраты об Алеше Гучмазты и его романе: «... Алеша нет с нами. Он погиб во время грузино-осетинской войны, и мне не известно, великую ли пользу извлекла из этого убийства противная сторона, но Осетия потеряла не просто одного из лучших своих сыновей, а что-то неизмеримо большее, так же трудно поддающееся определению, как и священное слово **фарн**», — и еще дальше: — «Не хотелось бы впадать в патетику, но и нельзя не сказать об очевидном: роман «Дæ уды фарн» или «Матрона» (в нашем переводе на русский) — это выдающееся произведение, которое без всяких скидок или преувеличений можно отнести к контексту мировой литературы».

Кому-кому, а Руслану Тотраты я верю. Мы еще полностью не осознали, какой ущерб нанесла нам эта война, но то, что мы большую часть юго-осетинских писателей потеряли во время этой нечеловеческой войны, это очевидно каждому. Вот почему грузино-осетинская война оставила глубокие, незаживающие раны в сердцах осетинских писателей и нашла отражение в осетинской литературе.

В Осетии не только в начале войны, но и сейчас не найдется ни одного писателя, который бы не подписался под «Телеграммой отчаяния Богу» Ахсара Кодзати.

Прочтем только конец телеграммы: «...К кому же нам еще обратиться за помощью? Кто остановит кровопролитие?»

Не найдя ответа на эти вопросы, я решил написать телеграмму... Господу Богу. При этом не претен-

дую на роль первооткрывателя, а следую традиции давних предков, которые, согласно преданию, не желая больше терпеть свое бесправное положение, написали протест Богу. Письмо привязали к лапке ласточки и отправили в небо.

Копию своей телеграммы-сонета прилагаю.
С уважением

*Ахсар Кодзати, главный редактор журнала «Мах дуг»,
органа Союза писателей Северной Осетии.
Владикавказ, 02.03.1991.*

*Все крови нашей мало супостату.
Найди отвагу, родина, и силы:
кто чует нашу боль в огромном мире? —
Нет ни друзей у нас, ни кровных братьев.*

*Как ни взывай к любым земным сардарам —
Генсекам ли, Премьерам, Президентам,
кому еще?.. — на этом горьком свете
одни остались мы на дне кошмара.*

*Ты всемогущ, о Господи, и если
есть справедливость меж землей и небом,
то это — Ты, Господь. Да только есть ли?..*

*мрак ослепляет душу супостата.
Так озари же разум тех, кто слепы,
добром и светом, и лиши их яда.*

(Перевод С. Кабалоти)

Но что самое главное — осетинская литература не потеряла свое истинное лицо. По-прежнему, как ни странно, гуманизм, мир, дружба народов, любовь в широком ее понимании остаются первостепенными и неизменными темами в осетинской художественной литературе. Положа руку на сердце, могу твердо сказать: то, о чем мы рассуждаем, говорит о многом. И первым долгом говорит о широкой и чистой душе осетинского народа.

И в этом не только счастье осетинских писателей и

их творчества, но и счастье осетинской литературы и... Я бы сказал — счастье осетинского народа и Осетии. Потому что, народ до тех пор будет великим и всемогущим, пока будет возвращать таланты, способные создавать великие произведения, рисующие жизнь в ее художественном образе.

ЗЕРКАЛО ЖИЗНИ

В народе художественную литературу принято называть зеркалом жизни. И этому названию вполне отвечает осетинская поэзия. Слова известного осетинского писателя и литературоведа Нафи Джусойты о великом Коста Хетагаты: «...самое полное и самое блестящее проявление духовных сил, художественного гения осетинского народа», — можно отнести и к творчеству многих классиков осетинской литературы. Их произведения выигрывают своей жизненной правотой. По-другому не скажешь о стихотворении «Сонет» Хазби Дзаболаты:

*От газырей сегодня пользы нет:
Оружье предков украшеньем стало.
Твердят, что ты забыт, как блеск кинжала —
Но ты вошел в двадцатый век, сонет!*

*Ржавеют копы древние в музее,
Но кружатся ракеты над землей. —
Так будь готов! В тревожный век нужнее
Твой строгий слог, металл чеканный твой!*

*Неумолима жизнь! Пока неистов
С трибун чугунный звон фальшивых фраз,
Пока шаги слепцов и карьеристов
Поганят землю, и еще не раз
Честь с подлостью пойдут тропой одной —
Пусть кровь кипит и меч звенит стальной!*

(Перев. А. Пердреева)

Как человеческие жизни угасают, «словно искра, в этом мире мимолетном, унося с собой муку, горечь мира», «И кровавое, все будет колесо судьбы катиться И давить неумолимо — душ безгрешных хоровод». И этому не видно конца. И все это поэт Георгий Бестауты вспоминает, думая о Юлии Цезаре, который погиб в бою как герой, успев обогреть свой меч кровью врага. Но на этом не заканчивается человеческая жизнь:

*И, шипя, как змеи, слухи поползут, не уставая,
Из одних ушей — в другие, из столетья — в новый век,
И пускай вдвойне прекрасна будет жизнь твоя святая,
Все равно — исчадьем ада окрестит тебя навет;*

*Лучший друг — твой Брут бесценный —
на тебя свой меч поднимет,
И клинком честолюбивым — прямо в сердце угодит,
И любимая упьется волю муками твоими,
И тебе, как и Амрану,¹ печень коршун закогтит;*

*Зубы желтые расчета от восхода до заката
Кости черные планеты будут досыта глотать,
И, с ужимкой виноватой, будет правда трусовато
Пробираться на задворках у истории опять.*

(«Монолог Цезаря». Перев. Н. Орлова)

Современная осетинская поэзия является своеобразной поэтической летописью духовной жизни нации и отвечает всем требованиям высокого художественного слова. Творчество рано ушедших из жизни поэтов Хазби Дзаболаты, Георгия Бестауты, Скифирона, Шамиля Джиккайты, Таймураза Хаджеты оставило глубокий след в осетинской поэзии. Они «как бы плечом» вталкивали «образ в строфу», — как сказал Лев Озеров о Таймуразе Хаджеты. Для него, как многим осетинским поэтам, родиной была вселенная, но она начиналась от порога его родной Осетии: «У дуне маэ райгуырæн, фæлæ уæддæр Маэ Иры къæсæр у

¹ В осетинской мифологии — Прометей.

мæ райдиан!» («Мæ Иры къæсæр»), о чем говорит все его творчество:

*Мой предок с улыбкой так говорил:
— Весна не минует нас, дети!..
Свободу и честь он превыше ценил
Всех благ и достоинств на свете.
Расписок он людям вовек не давал,
Лишь волос из уса мог дать им,
А добрых друзей и соседей встречал
Крепчайшим рукопожатьем...
Достоинства все и пороки свои
Я принял от предка законно.
И так же, как он, не могу даже миг
Прожить я без Ирыстона!*

(«Иристон». Перев. А. Грекова)

Благодаря Нафи Джусойты, Хаджи-Мурату Дзущати, Ахсару Кодзати, Васо Малити, Камалу Ходы, Сергею Хугаты, Хаджи-Умару Алборты, Тотрадзу Кокайты и многим другим труженикам осетинская поэзия намного обогатилась как формой, так и поэтичностью. Своей многозвучной формой и таинственной поэтической силой она подкупает многих любителей поэзии.

Мы все являемся невольными свидетелями необыкновенных событий последних десятилетий, когда по воле агентов ЦРУ распалось основное ядро социализма и во всем мире, к сожалению, между государствами изо дня в день усиливается вражда. И на нашей земле многочисленные конфликты переходили к жестоким военным действиям, но сегодня наконец мы приобрели свободу и живем в независимом государстве — в Республике Южная Осетия. Но, несмотря на кровавые события, осетинская поэзия осталась чувственной, мужественной. Она учит своих читателей мудрости, мужеству, высокой интеллектуальности. Говоря словами Шамиля Джиккайты, осетинского читателя: «... волнуют жгучие вопросы времени: и судьбы мира и земли, и судьба современной цивилизации, в конечном счете, судьба человечества. Ему свойственно мудрое отноше-

ние к духовным ценностям своего народа, к истокам его нравственных и творческих сил». Мы это, как благодарные потомки, приняли от мудрых предков своих. По Шамилю Джиккайты это звучит так:

*Я – дикий тур. Извечная вражда
Охотников карает род наш горный.
Без стонов умираем мы всегда
На высоте, мы ценим жребий гордый.*

*Мы – дикари. Безумцы мы подчас,
Не приручить нас даже вкусом соли.
С вершины голой не заманишь нас
На тучную траву – мы любим волю.*

*Нас любит солнце, синий оком
Дает и вдохновение, и рёздых.
Хоть мало, да красиво мы живем,
С высот срываясь, гибнем мы, как звезды.*

(«Тур». Перев. Л. Озерова)

Грузино-осетинская война оставила глубокий след в осетинской поэзии. Об этом говорят книги: «Осетия, опаленная войной» («Хæстарыд Ирыстон», 1995) М. Казиты, «Кровавое рождество» («Тугæйдзаг цыппурс», 1997), «Боль в песне» («Риссаг зарæг», 1998), «Слезы солнца» («Хуры цæссыгтæ», 2000) коллектива авторов, «Меж двух веков» («Дыууæ дуджы астæу», 2000) Х.-М. Дзуццати, «Ворона каркала» («Халон уасыди», 2000) Ф. Плиева и др. Нельзя забыть те страшные дни, которые пережила осетинская земля. Вот как Ахсар Кодзати вспоминает писателя Алеша Гучмазты, убитого варварами:

*Открыт ему без глазоглядства каждый
наш нерв, он ведает, что мы за люди.
Сидеть на ангельском суде он будет,
а мы под ним – неправ ты, прав ли дважды.
...И тайно-явно – слез моих теченье...
И жжет меня, крушит меня СМУЩЕНЬЕ.*

(«Алеш». Перев. Ю. Музалькова)

Человечность и гуманность всегда были характерны осетинской поэзии. А в нынешней ситуации, если не осетинским поэтам, то кому еще знать, что спасет мир от ядерной катастрофы.

А это говорит о том, что если лучшие сыны народа стоят на правильном пути, то это значит, что не надо бояться и что нужно держать руль жизни крепкими руками. Это мы явно видим в зеркале жизни.

В любой ситуации не терять человечность — твердый завет наших мудрых предков. И этого нельзя забывать никогда.

ЯЗЫКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

Десятилетиями, столетиями любая литература находит свое лицо. Благодаря фольклору и русской литературе осетинская проза родилась на рубеже двух веков — XIX и XX. Осетинский читатель смог познакомиться с трагедийной и с этим героической прозой Коста Хетагаты и Сека Гадиаты. О Сека Александр Фадеев сказал: «Самобытнейший писатель-реалист, сумевший с большой силой передать правду о горькой доле простого горца».

В рассказах Арсена Коцойты мы видим классическую форму новеллы. Его герои — целая галерея сильных духом людей. Он во многих своих новеллах («Пасха Гиго», «Хлопоты Дадоловых», «Смерть Ханиффы...») как будто подтверждал слова Максима Горького: «Бог выдуман — и плохо выдуман! — для того, чтобы укрепить власть человека над людьми, и нужен он только человеку-хозяину, а рабочему народу он — явный враг».

Цомак Гадиаты, Чермен Беджызаты, Созруко Кулаты, Кудзаг Дзесты, Коста Фарнион, Дабе Мамсыраты и другие писатели смогли создать образ горца, ищущего равноправия и справедливости.

Осетинскую прозу до вершины художественной литературы подняли Максим Цагараты, Тотырбек Дзаттиаты, Гафез, Алексей Букулты, Нафи Джусойты, Ах-

сарбек Агузарты, Михаил Булкаты, Владимир Гаглойти и многие другие.

Этот успех осетинской литературы в свое время заметил писатель и литературный критик Сергей Марзойты: «С годами художественное исследование духовного бытия народа приобретает большую пластичность и густоту реалистического письма, сочетающего научный историзм с убедительностью писательского вымысла.

Панорама воссоздаваемой прозаиками жизни с ее трагедийными изломами в далеком прошлом, революционным динамизмом в первой четверти века (имеется в виду XX век — *М.К.*), пафосом возрождения и обновления после Октября впечатляет широтой и многокрасочностью».

А это говорит о том, что нынешняя осетинская проза чувствует под ногами крепкий фундамент. Вместе со старшим поколением — Нафи Джусойты, Гришем Бицоты, Русланом Тотраты, Музафером Дзасохты, Сергеем Хугаты, Васо Малити и другими бок о бок, засучив рукава, работают Гастан Агнаты, Борис Гусалты, Изатбек Цомартаты, Юрий Габараты..., чтобы творить настоящую литературу.

Это нам завет Коста: «В «Гæлæбу» (книга стихов Г. Байаты — *М.К.*) действительно много детского лепета... Печатать и распространять такую галиматью — это значит извращать смысл и цели изящной литературы и вкусы жаждущих ее иронов... По-моему, лучше еще 100 лет не печатать ничего, чем распространять такую дребедень...».

Творчество Нафи Джусойты, одного из лучших последователей Коста, давно перешагнуло границы Осетии. Его произведения изданы на русском, украинском, белорусском, польском, абхазском и других языках; новеллы, романы «Кровь предков», «Двенадцать ран как одна» и другие ему принесли большую известность. Но повести Нафи «Возвращение Урузмага», «Обида старого охотника», «Белый-белый снег», «Песнь в два голоса», роман-диалогия «Слезы Сырдона» не менее известны читателям. Рассказывая о своих героях,

писатель вместе с ними размышляет о месте человека на земле, о жизненных перипетиях времени, о прошлом, настоящем и будущем своего многострадального и мужественного народа.

Проза Нафи Джусойты — исторического и лирико-философского характера. В романе-дилогии автор нарисовал панораму жизни нартского общества, где герой эпоса становится опорой беднейших слоев населения и побеждает в борьбе со злыми силами.

Благодаря этому произведению осетинская литература обогатилась известными романами: «Седьмой поход Сослана Нарты» Михаила Булкаты, «Нарт Фарнаг» Сергея Хугаты и др. художественными произведениями. Когда открылась дорога к народному эпосу, то нашлись смельчаки, которые расширили эту дорогу, и осетинский читатель увидел, какие возможности есть у нас для расширения нашей художественной литературы. Писатель себя не представляет без этого братства. И волей-неволей вспоминаются поэтические слова известного осетинского поэта Хазби Дзаболаты:

*Здесь, как прежде, кружатся орлы,
Взмахи крыльев распластанных гулки, —
И становятся люди светлы,
Слыша детский галдеж в переулке...*

*Но кого-то, мне кажется, нет,
В босоногой резвящейся стае,
Нет кого-то! И горестно мне,
Будто это меня не хватает.*

*Да! Хотя переполнился весь
Переулок, и вовсе разбужен,
Все мне кажется, будто бы здесь
Нужен я! Обязательно нужен...*

(«В родном селе». Перев. с осет. Н. Рубцова)

Не только Нафи Джусойты, но все осетинские писатели от классика до начинающего, нужны, — ой как нужны, — нашей литературе, чтобы еще многогран-

нее, еще реалистичнее рисовать нашу, порой жестокую, но вместе с тем прекрасную жизнь.

К нашим видным писателям относится талантливый прозаик Гриш Бицоты. Он является автором многих замечательных произведений и о студенческой жизни, и о буднях осетинского села, и о кровавом времени Великой Отечественной войны. Эхо войны нашло отражение и в его романе «Зеркало неба». Но и в них, и в новом романе «Вечерняя звезда» писателя интересует человек с его многообразным внутренним миром, миром добра и зла, и тем интересен не только осетинскому, но и русскому читателю. Потому что, можно сказать, его творчество почти все переведено на русский и на другие языки многих народов.

Также не только осетинский, но и многие русские читатели знакомы с творчеством известного писателя Гастана Агнаты. В свое время о творчестве молодого писателя известный русский писатель Сергей Залыгин отозвался так: «...его молодые герои пытаются понять и принять мудрость старших, а старшие — мир современный, иной раз слишком сложный и непривычный для них. И тут, в этом не столько столкновении, сколько переплетении человеческих судеб, опять-таки возникают разные характеры, а кроме того, черты национальные, черты осетинского быта, уклада и, если так можно сказать, нрава». И мудрый писатель был прав. Гастан Агнаты смог увидеть внутренний мир своего современника.

Говоря словами известного ученого, писателя, доктора наук, академика АЕН России Ахурбека Махаматты: «Г. Агнаев — настоящий творец с большой буквы. Не случайно многие его коллеги по литературному цеху, исследователи, ученые, учителя и просто читатели при знакомстве с его творчеством, берутся за ручку, чтобы сказать объективное слово в художественно-литературных и научных журналах, в газетах, сборниках статей, по телевидению и радио. Пропагандистов, популяризаторов творчества Агнаева — предостаточно». Вот по-

чему его произведения популярны среди читателей осетинской художественной литературы.

В осетинской прозе особое место уделяется коротким, но насыщенными трепещущими фактами новеллам и имеющему большую художественную ценность роману «Матрона» Алеша Гучмазты, погибшего от рук грузинских неонацистов во время грузино-осетинской войны.

Алеш Гучмазты родился для служения художественному слову. Талант писателя проявился в нем в юношеские годы. Сочинительство с юных лет было прямым проявлением его творческой природы. В его произведениях несомненно чувствуется талант писателя, занимательность изложения, художественное видение, легкость стиля. И что самое главное — его образное видение и стиль нельзя спутать ни с чьим почерком: «Вот и ей пришла пора — внучек замуж выдавать, да нет у нее внучек. Зато саму то и дело пытаются сосватать, тянутся к ней, словно порог ее дома майским медом помазан...

Чудны дела твои, Господи! Время такое, что и девушки, даже самые красивые, боятся засидеться, остаться в старых девах, а у нее, чем старше она становится, тем женихов все больше и больше. Можно сказать — просто отбоя от них нет. Смешно, конечно, но и лестно: все же кому-то она еще нужна как женщина... А было и такое: как-то примчался один, стал сватать ее за своего вдового отца, даже похитить собирался. Старался-то он для отца, а в постель к ней залез сам» («Матрона»).

Роман не из «современных остросюжетных» произведений, но с первых слов захватывает читателя и тут же доводит его до мысли, что в его руках настоящая художественная ценность.

Алеш Гучмазты показал, говоря словами писателя, переводчика романа Руслана Тотраты: «...мир живых людей, созданный силой дарованного свыше вдохновения, мир добра и зла, мир не менее реальный и трагический, чем сама жизнь»; «...это выдающееся произ-

ведение, которое без всяких скидок или преувеличений можно отнести к контексту мировой литературы». Хотя, к сожалению, он известен далеко не всем осетинским читателям.

В современной жизни происходят существенные позитивные изменения. Они ведут нас к эволюции исторической судьбы и писатель должен нарисовать все это языком художественного слова, что мы и наблюдаем в осетинской художественной литературе.

БОЖИЙ ДАР

Часто вспоминается стихотворение в прозе великого русского писателя И.С. Тургенева о русском языке: «В дни сомнений, в дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» (*Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. в 28 т. Т. 13. — М. — Л., 1967. — С. 198*). Хочется заменить слово «русский» на «осетинский», ибо осетинский язык, как и русский, на самом деле является великим, правдивым и свободным языком, — не побоюсь этих слов, — великого и древнейшего народа.

В этом вполне уверен Нафи Джусойты:

*А может, в брызгах солнечного воска
Среди седой, но памятной поры
Аланского несказочного войска
Мне видятся походные шатры.*

*Туман столетий, словно бурку скомкав
И отшивынув в громокипящий ров,
Чтобы взглянуть на собственных потомков,
Выходят великаны из шатров.*

*И шепчут мне безмолвными устами
Затем, чтоб мог другим я передать*

*То слово, что звучало в их уставе
И в бой водило доблестную рать.*

*А может, песней было это слово
И клятвою на хлебе и крови,
И сквозь века оно сегодня снова
На кругу возвращается свои.*

(«Слово поэта» (из триптиха «Костры»)).
Перев. Якова Козловского)

Это не хвала, а историческая быль. Об этом свидетельствуют как труды отечественных филологов и историков, так и произведения многих ученых ближнего и дальнего зарубежья. Великий осетинский ученый Васо Абайты говорил с гордостью: «Историческое прошлое осетин богато, значительно и полно интереса. Предки осетин, входившие в состав скифских, сарматских и аланских племенных образований, в течение двух тысячелетий не сходили (и не сходят — М. К.) со страниц истории. Они внесли существенный вклад в культурное развитие юга России и Северного Кавказа в древний период.

В дальнейшем события приняли неблагоприятный оборот. Осетинский народ оказался замкнутым в нескольких горных ущельях Центрального Кавказа, и над ним нависла угроза полного вымирания и исчезновения. Но через все тягчайшие испытания он бережно пронес два сокровища своей национальной культуры: язык и фольклор» (Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. — М., — Л., 1949. — С. 4).

Вот почему осетинские писатели стараются создавать такие произведения, которые бы продлили хотя бы на один миг жизнь нашего языка. Потому что они являются хранителями богатства и многообразия родного языка, и без их творчества и энтузиазма сохранение жемчужины осетинского народа, — его яркого и самобытного языка, — было бы намного труднее.

Потому осетинский язык для Георгия Дзугаты — «жизнелюбья пример», и он жил и творил по его «уставу»:

*От века жизнелюбия пример —
Слова мои искомые скромны...
Как некие посланники при мне,
Слова мои — приметы старины.*

*Одни слова — что утренняя новь,
Другие — словно лезвия клинка.
Созвучья их волнуют в жилах кровь,
В созвучьях — сталь, упруга и легка.*

*Вы — птицы сизокрылые! Спеша
В грядущий день, вы связаны со мной
Одной мечтой. И, кажется, душа
Ничто моя без вас, почти ничто.*

(«Осетинские слова». Перевод И. Сидорова)

Любой уважающий себя народ делает все для того, чтобы его язык развивался. Известный аварский поэт Расул Гамзатов потому писал: «Кого-то исцеляет от болезней Другой язык, но мне на нем не петь, И если завтра мой язык исчезнет, То я готов сегодня умереть» (Расул Гамзатов. Стихи и поэмы. — М., 1974. — С. 82).

Наш язык — наша гордость, наше будущее и мы должны все время помнить об этом. Забывая родной язык, человек забывает о своих родителях, о самом себе, отнимает у родных детей самое ценное, что им дано от Бога и что никогда, ни в каких условиях нельзя вычеркивать из памяти. Поэтому слышен стон в словах Хаджи-Мурата Дзуццаты: «Я в могиле / буду счастливым, / если мой язык на моем памятнике / напишет успокоительные слова, / если звуками моего языка / будет зеленой моя страна. / Я в могиле буду вить, / буду стонать, / как родники Осетии, / буду рыдать из-под земли, / если я буду последним поэтом, / если в горах Осетии / будет идти черной кровью дождь, / и поэтов за мной не останется / и в стране мертвых не буду слышать / по-осетински / призыв к бою Коста, / рев Отелло» («Мой язык»).

Трудно найти такого осетинского поэта, который бы не воспел свой родной язык. У Камала Ходы и

«вечер прохладу ущелий принес», и «образы детства — из неги и слез», и «вспыхнуло зарево», и «светлое выплакать сердцу дано...» — все связано с осетинской песней:

*Сердце любовью уже не пленить...
Слышится песнь осетинская...
Все-таки счастье — родиться и быть...
Слышится песнь осетинская...*

*Вспыхнуло зарево. Ветер подул...
Слышится песнь осетинская...
Вслушался в сумерках старьей аул:
Слышится...
песнь...
осетинская...*

(«Слышится песнь осетинская». Перевод Вл. Еременко)

Ахсар Кодзати хорошо знает, что осетинское слово, «как клятву, не руками — своими стрелами когда-то, подковами коней на камне писали скифы и сарматы». Осетинское слово «заковывали в цепи», «закапывали в дюны завоеватели-пришельцы агуры и злодеи гунны», но оно обладает несокрушимой силой и столетья «нас хранило дыханье очага родного». И этим горд поэт:

*Ты мой обет, мое владенье, мой небосвод, моря и реки...
Дай мне свое благословенье, проникни в грудь мою навеки!*

*Ты боль и страсть в груди рождаешь,
чтоб в вольных песнях зазвучали.
И эти песни поднимаешь, неся их в солнечные дали.*

(«Осетинское слово». Перевод В. Хатюшина)

Всем известно — не будет языка, не будет и народа. Но это еще не все. Куда идет язык, туда и народы, и государство. Язык развивается, развивается и нация, развивается и государство.

Наши писатели все, начиная с Аксо Колыты, Коста Хетагаты, Сека Гадиаты, Арсена Коцоиты, Елбыздыко Брытиаты и все последующие — Александр Тыбыл-

ты, Созур Баграти, Илас Арнигон, Нигер, Алихан Токаты... и до наших дней — все писатели потому лелеяли и лелеют наш родной осетинский язык.

Поэт Александр Пухаты все хорошее в своей жизни потому связывает со своим родным осетинским языком:

*Жива душа тобою лишь, язык.
Ты — щит и вера дней моих земных.
В меня ты с детства с молоком проник —
я полон звуков сладостных твоих.*

*Ты — предков клад. И нет тебя ценней.
Свидетель славы золотых времен...
Тобой уставший путник ободрен,
ты — свет и ласка в сказках для детей.*

*Молю тебя, в горах, как меч, звени!
И душу горца грей огнем былым.
Не то бесцельно проживу я дни —
навек глухим
и навсегда немым...*

(«Осетинский язык». Перевод Ник. Горохова)

Будучи национальным достоянием народа, важнейшей особенностью его этнической индивидуальности, государственный язык охраняется и поддерживается государством. Мы, как перед собой, так и перед будущими поколениями, должны сохранить и развивать нашу национальную гордость — осетинский язык. Не дай Бог, но не будет нашего языка, исчезнем и мы с лица нашей земли.

Для этого в 1999 году, в мою бытность заместителем председателя Парламента РЮО, подготовили Закон о государственном языке и Программу развития осетинского языка. Проект был напечатан в газете. Для обсуждения Закон вынесли на сессию дважды, но, к сожалению, по вине некоторых «патриотов» тогда не был принят.

Это осуществилось только через 13 лет. И если бы меня спросили, что хорошего сделал пятый раз избран-

ный законодательный орган РЮО, я бы непременно ответил, что первым делом это — принятие данного закона и закона об утверждении Государственной программы РЮО по сохранению, изучению и развитию государственного — осетинского языка. Без такого закона, без такой программы наш язык не имеет будущего.

Только мы, осетины, можем и должны сохранить Богом данный нам дар — наш прекрасный, богатый, могучий и свободный осетинский язык.

Свое слово хочу завершить стихотворением об осетинском языке.

ОСЕТИНСКАЯ СВИРЕЛЬ

*Ах, этот нартский соловей,
чье пенье слаще жизни...
ужели радостью людей
явилась песнь Отчизне?*

*Что за любовь ей сердце жжет,
коль так цветет, мечтая
согреть дыханьем небосвод
и обогреть собой сирот
родимейшего края?*

*И что за воздух, за вода
ей силы прибавляют,
чтоб, как фандыр, звучать тогда —
когда молчит небес звезда,
и птицы умолкают?!*

(Перевод Ник. Горохова)

ПОГОВОРКАМ СЛЕДУЕТ ВЕРИТЬ

Осетинская поговорка гласит: «Выбор всегда один — свобода или смерть». А на самом деле у нас нет выбора, говоря опять поговоркой — «Лучше умереть, чем быть рабом». Коста Хетагаты потому писал в поэме «Плачущая скала»: «Что чем под ясным небосво-

дом Быть небом проклятым народом, — Так лучше умереть, не жить!» И когда наши враги — многотысячные войска гуннов и монгол — наших предков, обманутых своими соседями-мусульманами, оттеснили от своих союзников-славян, и им пришлось маленькими кучками скрыться в глубоких теснинах Кавказских гор, потомки алан столетиями пытались присоединиться к своему другу и союзнику — России. Осетинский историк М. Блиты не зря отмечал, что в истории русско-осетинских отношений XVIII века важное место занимает осетинское посольство 1749–1752 гг. в Петербурге: «Поставив перед собой решение исторической задачи, — присоединение Осетии к России, — посольство сыграло огромную роль в установлении прочных русско-осетинских отношений».

Стремясь к этому, и духовные лица обращались к императрице Елизавете Петровне, мол, места осетинские «изобилуют золотом, серебряными рудами и минералами, камениями преизрядными» и нашу дружбу с Россией считали весьма важной, сулившей большие выгоды не только для маленькой Осетии, но и для великой России. К. Хетагаты потому утверждал, что «осетины на Кавказе никогда не служили враждебным элементом для русских».

Генерал И. Тутолмин о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. писал с гордостью: «Осетины во главе Кавказской бригады первыми вступали в бой за Дунаем, и если им приходилось бывать последними, то только при отступлении». Т. Вардашева твердо знает о любви древнего осетинского народа к великому братскому русскому народу, о их сыновнем долге, потому утверждает поэтическим словом: «Осетии отважные сыны // Сыновний долг России отдавали. Осетии отважные сыны // Россию никогда не предавали!» Правдивость этих слов не подлежит сомнению. А природа, красота гор и долин Осетии, воспетые А. Пушкиным в его знаменитом стихотворении «Кавказ», россиян «сводят с ума». Подтверждением этому — стихотворение известного русского поэта Рюрика Ивнева «В Южной Осетии»:

*Эти горы и долины,
Где герои-исполины
Уничтожили врага,
Эти снежные вершины,
Древней крепости руины
И альпийские луга.*

*Этот блеск листвы зеленой,
Южным солнцем озаренной,
Этот свежий воздух гор –
Все вливает восхищенный,
Снова юный и влюбленный,
Мой неукротимый взор.*

*И под пенье волн Лиахвы,
Без волнения и страха,
Засытаю сладко я.
Будь великой и богатой,
Колыбель бессмертных нартов,
Осетинская земля.*

Мы, осетинский народ, всегда по-настоящему гордились и гордимся братской дружбой с Россией. И в горе и в радости всегда были вместе, как кровные братья. Только во время Великой Отечественной войны героями Советского Союза из малочисленного осетинского народа стали 34 человека. И разве не является предметом гордости то, что трое выходцев из одного села на полях битвы стали героями Советского Союза?! Жители села Новый Батакоюрт по праву гордятся своими героями. Подвиги только дважды Героя Советского Союза, Героя Монгольской Народной Республики Исса Александровича Плиты чего стоят! О стремительных рейдах его конно-механизированных войск в глубокий тыл врага до сих пор ходят легенды, а исследователи пишут монографии. Писатель Тотырбек Дзаттиаты написал о нем роман-хронику «Сабельный звон». Стихотворение же «Пепельница» Гриша Плиты давно и по праву стало хрестоматийным:

*И генерал командует: «В седло!» —
И путь победный будто снова начат,
И снова сердце боем обожгло,
И шашки свищут, и копыта скачут...*

*То не горы высокие
Камнепадами встретили —
В бой повел своих соколов
Генерал из Осетии.*

*Бурки — черными крыльями,
Враг могиле поклонится;
Лихо недруга били мы —
Осетинская конница;*

*И клинки, словно молнии,
Настигали и жгли его,
И легенды запомнили
Горных витязей Плиева.*

Трое из бывшего селения Дигора (ныне — город) тоже стали героями: Абайти Ахсарбек Магометович, Бицати Сергей Владимирович и Кесати Астан Николаевич.

Также из одного чисто осетинского села Коста Хетагурово (Лабæ) в Карачаево-Черкесии Ставропольского края героями Советского Союза стали тоже трое: Бутаты Георгий Данилович, Козаты Александр Борисович и Калоты Александр Александрович.

Осетия всегда славилась своими героями. И во время Великой Отечественной войны они защищали не только Осетию, но и Россию, и весь тогдашний Великий Советский Союз. Также бок о бок боролись за свободу граждан других стран.

Генеральный секретарь МНРП Юмжагийн Цеденбал вспоминал: «В его (И. А. Плиты — М. К.) лице мы встретили высококвалифицированного, исключительно требовательного и строгого военачальника, замечательного организатора боевых действий крупной вой-

сковой группировки, партийного и глубоко принципиального руководителя, человека большого сердца, нежной и благородной души».

Осетинские писатели в своих произведениях воспевали доброту и героизм российского народа. Известный осетинский писатель и общественный деятель, лауреат Государственной премии им. Коста Хетагаты Гафез отлично знал, что невелика его «земля родная – размером с бурки» его отца, а России не видать конца, но это им не мешает в дружбе («К России», в перев. Н. Горохова):

*Мой южный край лежит всегда в тепле,
а ты лежишь на севере равнинном.
Но мой народ, и гордый и ранимый,
тепло и ласку ищет лишь в тебе.*

*Россия, ширь бескрайняя земли,
ты боль мою и радость – все ты знаешь...
Ты всех крылом любви оберегаешь...
И видишь цель великую вдали.*

А поэт Михал Нартыхты клялся русской земле в любви. Он был уверен в ней и говорил ей с чистой душой: «Как не погаснет свет небесный над тобою, / так не устанешь ты всех согревать любовью». За эту любовь молился Богу, чтобы длились дни русской земли. И в этом осетинские поэты были не одни. А мы, осетинский народ, неоднократно были очевидцами того, что дала нам дружба с Россией. Когда, начиная с 1920 года, наш горе-сосед несколько раз совершил геноцид на юге Осетии – и при советской власти, и после распада Советского Союза – к кому мы только не обращались, чтобы нас, малочисленный народ, спасли от уничтожения со стороны неонацистской, многомиллионной и кровожадной Грузии, которая, пользуясь поддержкой Запада, хотела стереть с лица земли Южную Осетию, чтобы за счет нашей Родины расширить свое государство.

Я сам и как гражданин бывшего СССР, и гражда-

нин Российской Федерации, и гражданин Республики Южная Осетия, к кому только не обращался, чтобы поддержали нашу справедливую борьбу, спасли осетинский народ от геноцида. В 1989 году перед пленумом ЦК КПСС по межнациональным отношениям просил Председателя Верховного Совета СССР, разрушителя страны М. Горбачева, чтобы на пленуме не обошли жгучих вопросов народов юга Осетии и Абхазии. Но ему это было на́ руку, потому что такие кровавые конфликты быстрее приближали разруху и голод Советского Союза, и во всех невзгодах, по его мнению, был виновен социалистический строй. Позже (как не позорно главе государства) сам признался, что разрушение страны, вместе со своей женой (оказывается, государством правила она), было их целью. Узнав, что горе-председатель не на нашей стороне, от имени писателей Юго-Осетии дал телеграммы в Верховный Совет СССР, в редакцию газеты «Литературная газета» и в редакцию местной газеты «Советон Ирыстон» («Южная Осетия»): «Война на юге Осетии все более обостряется. Союз писателей Юго-Осетии возмущен, что во время переговоров органами МВД Грузии во главе с комендантом Згудерского кладбища генерал-майором Кванталиани был похищен председатель облисполкома Юго-Осетии Торез Кулумбегов. Многие осетинские деревни сожжены, число убитых изо дня в день увеличивается, исчисляется десятками, только из маленького селения Отрев убито пять человек, кроме одного, старики – женщина и мужчины; грузинская пресса, радио и телевидение перед лицом всего человечества обливают осетинский народ грязью. Президент и Верховный Совет бездействуют, что еще сильнее развязывает руки грузинским шовинистам и убийцам. Малочисленный осетинский народ подвергается геноциду, а президент и его власть не хотят защитить его. Такую политику мы расцениваем как уклонение президента от своей присяги и своих конституционных обязанностей».

От имени осетинских писателей требовал – свобо-

ду Торезу Кулумбегты; введения на всей территории Юго-Осетии президентского правления; осуждения действия националистического руководства Грузии по отношению к Южной Осетии; возмещения Республикой Грузия нанесенного ущерба; привлечения к уголовной ответственности всех организаторов и участников преступных акций против осетинского народа и чтобы мою телеграмму зачитали на Сессии Верховного Совета СССР. И после этого не раз направлял телеграммы в разные инстанции. Их за резкость часто не принимали даже на почте. «Литературная газета» в самом начале 1992 года на Горбачева собирала материал, чтобы отдать его под суд и туда тоже направил письмо, но все они «терялись»...

Я уверен, что наши тогдашние правители такие телеграммы и письма получали мешками, если не вагонами. Но наша беда, к сожалению, их только радовала. Многие меня предупреждали, что говорю слишком резко и за это могу поплатиться очень дорого. И к этому был готов, лишь бы мой народ спасти от уничтожения. Но мои тогдашние возмущения напоминали коммунистические страсти человека, выросшего при социализме, считающего, что в жизни все-таки есть справедливость, а на самом деле жизнь советских людей по вине горе-президента и его сообщников превращалась в ад и никто на мой рык не обращал никакого внимания.

Я понимал, это означало, что мы были обречены на смерть за то, что Южная Осетия на фальшивом горбачевском референдуме проголосовала за Советский Союз – за мощное государство, за социализм. Вот почему нас все бросили на произвол судьбы. Вот почему нас уничтожали десятками, сотнями. А мы не могли им противостоять, потому что наши возможности были не одинаковыми. За Грузией стояли все противники России, плюс – и сама Россия. Но такая война слишком затянулась. Не было видно конца этому кровопролитному противостоянию.

Ход кровожадных событий архитекторам-разруши-

телям Советского Союза был не по душе. Они жаждали большей крови. И в 08.08.08-ом году всю республику — Республику Южная Осетия — хотели потопить в кровавом море, превратить ее в чистое поле и с 07 по 12 августа тяжелой техникой Запада, градами, авиацией уничтожали всех, — несмотря на возраст и пол, — кто попал им под грязную руку. Но к этому времени и Россия поняла, что с потерей Южной Осетии сделает еще один шаг к самоуничтожению — на нашей земле бы уже, — не дай, Бог! — американцы и натовцы проводили военные учения против своего врага — русских.

Пролилось слишком много крови как жителей РЮО, так и русских солдат, особенно из миротворцев, но, благодаря трезвому уму Д.А. Медведева и В.В. Путина, и всей России наш народ не только смог избежать полного геноцида, но и приобрел свободу, независимость и признание. И все это, — повторяю еще раз не зря, — благодаря Дмитрию Анатольевичу Медведеву, Владимиру Владимировичу Путину и России. И те, которые кричат, что проживем и без России, они или невменяемые или прислуги нашего горе-соседа и Сороса. Не дай Бог, но если русские оставят нас, то наши враги в ту же секунду поспешат овладеть югом Осетии, и опять безжалостно будет литься кровь.

Вот почему во время президентских выборов Российской Федерации просил всех россиян проголосовать за кандидатуру В.В. Путина. А именно: «Я знаю, ни вы, ни кандидаты в президенты Российской Федерации не нуждаетесь в моей поддержке. Наоборот, мой осетинский народ и, я не побоюсь сказать этого, весь мир нуждается в поддержке Великой России.

Я — россиянин, гражданин Российской Федерации и мне стыдно, что мы — Иваны, не помнящие родства: когда Республика Чечня страдала от «забот» Запада, кто им пришел на помощь и кто поднял ее на ноги? — Российская Федерация; когда юг Осетии Грузия с помощью США, Запада и Украины хотела сравнять с землей, кто спас целый народ от геноцида? — Российская Федерация; когда оскорбленным всего мира бывает

трудно, кто хотя бы справедливым словом начинает защищать их? — Российская Федерация!

А кто стоял и стоит во главе мощной Российской Федерации в данный момент? Те, которые после чуть ли не катастрофы России под руководством продажных президентов Горбачева и Ельцина Великую страну вывели из униженного, оскорбленного, почти уничтоженного состояния снова в великую державу. Они — уважаемые Владимир Владимирович Путин и Дмитрий Анатольевич Медведев — со всей Россией! Но не надо забывать, что было двенадцать лет тому назад. Неужели, Запад опять будет смеяться над нами? Неужели, мы опять с протянутой рукой будем скитаться по земному шару, чтобы выжить? Неужели, мы опять на своей Родине окажемся изгоями?

Человек, уважающий себя и свой народ, как робот, не будет ежегодно головой ломать одни и те же двери, чтобы стать вождем. Если бы на тот свет не принимали без титула «Президент», мы бы все остались жить на этой благодатной земле. Мы должны видеть и знать, кто — на коне, а кто — на осле.

Дорогая моя Великая Россия! Нам уже нельзя ошибиться!»

Был рад, когда мое обращение распространили и на других сайтах — значит, не весь народ еще испорчен валютой и разными обещаниями. В этом вполне убедился, когда Великая Россия проголосовала за кандидатуру Владимира Владимировича Путина и признала его Президентом. Не мог в этот радостный день не поздравить его от имени осетинских писателей:

«Уважаемый Владимир Владимирович!

Писатели Республики Южная Осетия от всей души поздравляют Вас с уверенной победой на президентских выборах Российской Федерации.

Мы все — граждане России и желаем Вам здоровья, счастья и плодотворной работы во благо ношей большой Родины. Осетия никогда не забудет Вашу заботу о спасении нашего народа от геноцида.

С уважением от имени осетинских писателей» и т.д.

Дружеские, братские узы, которые связывают осетинский и русский народы, уже не развязать никому. А те, которые говорят, что юг Осетии они отняли силой у врага и что эта земля их, они заблуждаются и не понимают, к великому сожалению, миссию своего присутствия на этой благодатной земле. И, слава Богу, межнациональные и межгосударственные отношения Осетии и России зависят не от их мнения. Наши чисто братские связи вдохновляют осетинских и русских поэтов. Появляются новые и новые произведения о нашей крепкой дружбе. Нельзя не согласиться с известным современным русским писателем Владимиром Крупиным: «Наивные верят, что политика царизма на Кавказе была захватнической, вздор! Народы Кавказа понимали, что без защиты сильного они попадут в рабство хищного. Добровольно искали защиты у России, и Россия приходила на помощь своим подданным. Защищала свои народы. Другого объяснения пребывания русских, российских войск на Кавказе нет». Правда, Осетия к России присоединилась не в 1828 году, а в 1774 году, а Грузия — 1881 году. И тогда царская Россия решила отдать нас в рабство Грузии, но гордый осетинский народ не мог мириться с этим и мы постоянно несли потери в жестоких боях против царской армии, как сейчас — против многотысячной, фашистской и наемной армии нашего горе-соседа. И российские писатели не могли не поднять свой голос против такого геноцида.

Поэт Геннадий Попов был удивлен, когда во дворе школы № 5 города Цхинвала увидел большое кладбище молодых ребят — защитников Отечества, которых растерзали грузинские головорезы, и задрожало его сердце («На школьном кладбище»):

*Такой беды и потрясения
Еще не ведала душа.
Здесь школьный двор кипел когда-то:
Вовсю резвилась детвора...
Мальчишки — воины-солдаты
Здесь похоронены вчера.*

*Не властны грозы лихолетий
Затмить их искрометный взгляд:
Гранитною стеной, Осетия,
Твои защитники стоят!*

*И я стою на школьном кладбище,
Другого в мире не найти!
И мысленно молюсь за страждущих —
За всех, кто с нами по пути.*

*Земною славою увенчаны
Здесь спят герои вечным сном...
А рядышком седая женщина
Склонилась в горе неземном.*

Русским писателям хорошо известно, кто начал войну, и кто защищался от агрессора. Николай Иванов сам видел пылающую осетинскую землю и не может не говорить правду: «Режим Саакашвили начал войну по шакальи — глубокой ночью, поправ соблюдавшиеся даже фашистскими режимами принципы перемирия на время проведения Олимпийских игр. И в первые минуты 08.08.08 с грузинской стороны «Град» градом ударил по столице Южной Осетии, предвещая операцию «Чистое поле». Как потом показали пленные офицеры и захваченные документы, так оно и было запланировано — расчистить площадку, убрав осетин с их исконных земель... И бежали, ломая каблучки и теряя туфли, с разноцветных танцплощадок и кафе девочки, — да в темень, да в подвалы. И вынужденно бросали их одних в такую минуту парни, потому что им предстояло бежать в другую сторону — на пункты сбора. Получать оружие и становиться хоть и редкой, но преградой идущим на родной город, на спящих матерей и прячущихся невест рычащим, извергающим огонь и грохот бронированным танковым чудищам... Ох, как же мила и желанна ночь для шакалов, вытягивающихся клином к своей жертве...

Россия, защищая своих миротворцев, своих граждан в Южной Осетии, принудила агрессора к миру. Фор-

мулировка насколько точна, настолько и беспристрастна. Потому грузинский лидер мечется на телеэкранах, потому взывает к кумовьям в ближнем зарубежье и «добрым дядям» за океаном — спасите, поддержите, не оставьте одного. Ему есть чего опасаться...».

Счастливейшей нацией твердо можно назвать ту, у которой мнение народа совпадает с мнением его мудрецов. Мнение России вполне совпадает с мнением ее мастеров художественного слова. Этому яркий пример — творчество многих писателей. Один из них — поэт Евгений Шапорев из г. Гусь-Хрустального, лауреат Всероссийской литературной премии имени Дениса Давыдова написал стихотворение «Память России»:

*Запомнилось все и до боли
Прошло через сердце мое.
Хотели, чтоб в «Чистое поле»
Слеталось на корм воронье.
Слетались заморские птицы,
Под «натовским» флагом крича.
Истории горькой страницы
Верстаются взмахом меча.
И надо понять тем подонкам,
Которые галстук жуют, —
За кровь одного лишь ребенка
Подонка и в «НАТО» найдут!
Я верю — возмездие будет!
Фашист не жилец на земле.
...В Цхинвале рождаются люди!
В российском, домашнем тепле!*

А русскоязычный армянский поэт — друг Осетии Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН об осетинской трагедии создал даже целую книгу стихотворений. Кому-кому, а ему хорошо известно, что означает горькое слово «геноцид». Свою маму и ее сестер Аршак вспоминает: «Их, трех малышей, разлучат турецкие янычары в 1915 году в Шуше, где безжалостные палачи вырежут моих дорогих бабушку и дедушку. Слава Богу, детишек успели спрятать в сундуке, завалив тряпьем. Только через не-

сколько дней их найдут — полузадохнувшихся — сердобольные люди и разберут трех сироток».

Ему «судьба подарила», — как он говорит сам, — «замечательного человека, фронтовика, Героя Советского Союза, почетного гражданина города Лозовая (Украина) Сергея Алексеевича Кулаты, который семнадцатилетним юношей добровольно встал на защиту Родины и бесстрашно штурмовал европейские столицы Вену и Будапешт». Поэт во время грузино-осетинской войны гостил у своего друга в селе Суадаг. Ему больно было смотреть на осетинскую трагедию и одним из многих стихотворений, которые он написал об Осетии тогда, является «Лупит прицельно...»:

Лупит прицельно

безжалостный «Град».

Я говорю всем грузинам: «Не смейте!»

Мой город Цхинвал,

как Сталинград,

Прячет детишек в подвалах от смерти!..

Танки горят на углу переулка,

Сотни убитых — на мостовой...

Время вернулось.

Командуйте, Кулов,

Уже своим внукам: «Рота, за мной!»

Выстрелы глушат песни рассвета.

Залп орудийный.

Воздушный налет...

Братья, идите на помощь Осетии —

Там погибает бесстрашный народ!

В битве неравной придется сразиться,

Нашим солдатам неведом страх!..

Долг платежом крашен. В Осетии во всех селах и городах висят плакаты, на стенах домов и даже на склонах написано: «СПАСИБО, РОССИЯ!» Это благородное отношение осетин к добродушному русскому народу и России ярко выражено и в творчестве осетинских писателей.

Осетинский поэт, лауреат Государственной премии имени Коста Хетагаты Георгий Дзугаты как будто все,

что произошло в последние десятилетия, увидел своими глазами и стихотворение «Россия» написал сегодня (в переводе И. Сидорова):

*Когда б России не было и дум
О будущем, рассвет дарящем, —
Кто разделил бы радость иль беду
С землей моею в настоящем?*

*... ..
О Русь, бок о бок, обретя свободу,
Мы славим радость возрождения.
Не будь тебя, погибли бы народы,
Земля замедлила б вращение.*

В современной осетинской литературе, особенно, в поэзии, таких благодарных стихов русскому народу и России, Владимиру Путину и Дмитрию Медведеву за их мужественный поступок по спасению южных осетин, немало. К сожалению, они еще не нашли своих переводчиков и кроме осетинского читателя они никому не известны. Приведу одно такое стихотворение о том, как по всему миру прошла молва, подобно морской волне, будто Россия сломала зуб и стоит на коленях. Ее враги были готовы проглотить ее. Даже те, которых Россия, нуждаясь сама, кормила всю жизнь, свои кинжалы точили против нее. Лишь Осетия вслух говорила, что Россия еще покажет свой зуб. И когда нам, ее неизменному союзнику — Осетии было трудно, когда наш вероломный сосед напал на нас с завербованными войсками Украины и Запада, то Россия, как настоящая белая медведица, встала на ноги и на самом деле показала свой зуб. И горе тем, которые захотят ее обидеть:

ЗУБ РОССИИ

*Был момент — восторга зуд
Захлестнул врагов России:
«У Москвы-то сломан зуб!
Великан теперь бессилён!*

*Сброшен в водочный угар,
Безоружен и повержен!»
И на радость всем врагам
Стал зависим, слаб, отвержен.*

*Даже бывшие друзья
Вдруг противниками стали...
Но Осетия моя
Знала: светлый день настанет!*

*На полях духовных битв
И во всех земных сраженьях
Будет враг России бит,
Зло потерпит поражение!*

*Разъяренный, встал медведь,
Разогнал посланцев ада.
Было так – и будет впредь:
За Россию – Бог и Правда!*

Великий Л. Н. Толстой говорил: «Афоризмы – едва ли не лучшая форма для изложения философских суждений». Выражаясь афоризмом, поговорка гласит: «Брат братом силен». Поговоркам следует верить.

II

ИЗ ОКНА ХРАМА

Великие люди рождаются так же, как и обыкновенные — «Æз райгуырдагæн хохи... Нæ хъæдкъул ыскъæт, — Ныр дæр мæ нæу рохи, — æвгъæддон уыд уæд...» («В горах я родился; Тот хлев еще цел, Где друг твой впервые На свет поглядел» (Коста. «Кто ты?» Перев. А. Ахматова). Но с детских лет что-то необычное происходит в их жизни. Когда будущему великому поэту, художнику, общественному деятелю и основоположнику осетинской литературы, сыну офицера русской армии Коста Хетагаты исполнилось два года, умерла его мать в высокогорном селе Нар. Она умоляла, чтобы мальчика живым похоронили с ней. Мол, все равно за ним некому будет смотреть и страшной смертью умрет где-нибудь в одиночестве. Но его, как своего сына, вырастила их соседка, благородная женщина Чендзе: «Чужая младенца / В свой дом приняла, / И грудь кормила, / И доброй была».

Но он не мог забыть те дни, когда со слезами на глазах вспоминал свою мать:

*Но ты пойми, — я в пору малолетства
Жестoko был лишен капризною судьбой
Священной радости ликующего детства:
Играть под звуки песни матери родной...
Но что судьбы слепой безжалостный удар!*

(«Да, я уж стар...»)

Будущий знаменитый поэт в 1871—1881 годах учился в Ставропольской гимназии, писал стихи, занимался живописью. Когда познакомился с творчеством русских поэтов, то это ему дало толчок основательно заниматься художественной литературой. Но ему не суждено было окончить гимназию. По рекомендации своего учителя

рисования В. Смирнова он поступил в Петербургскую Академию художеств. Но вынужден был покинуть ее, так как не было средств платить за обучение и содержать себя. Эти годы в жизни Коста Хетагаты, как поэта, живописца и революционного демократа, сыграли большую роль.

Возвратившись в Осетию в 1885 году, Коста обосновался во Владикавказе. Занимается поэзией, живописью, публицистикой, общественной деятельностью. Его критические статьи печатаются как в кавказских газетах, так и в столичной прессе. Поэт призывает трудовой народ к борьбе за свободу против колонизаторов.

В том же году на осетинском языке он создал свое известное стихотворение «Взгляни!..», где открыл свою душевную боль не только за себя, но за родной народ и за родную Осетию:

*Сказал я: неси же домой —
В Осетию, в край наш родной,
Свое одинокое горе...
И хлынули слезы из глаз,
И радость в груди разлилась:
Увидел я снежные горы.*

*Но более бедным, чем я,
Вернувшись, нашел я тебя,
Народ, изнуренный заботой.
Нет места тебе ни в горах,
Ни в наших привольных полях:
Не стой, не ходи, не работай!*

*Достойных так мало у нас!
И что мы такое сейчас?
И чем мы со временем будем?
Ползешь ты вслепую, мой край.
Взгляни ж, Уастырджи, и не дай
Погибнуть измученным людям!*

(Перевел П. Панченко)

Коста Хетагаты активно работает в поэзии, в публицистике, работает в жанрах прозы и драматургии (писал свои произведения на осетинском и русском

языках). С помощью художественного слова выражает задушевные мысли народа, призывает его к борьбе за свою свободу. Свои произведения публикует не только на Кавказе, но в периодических изданиях столицы. За разоблачение царской политики поэт постоянно подвергался преследованиям Терской администрации. Два раза был в ссылках, но ничто не могло сломить его. Работал постоянно, неустанно и днем, и ночью. Занимался поэзией, прозой, драматургией, публицистикой, живописью.

В Ставрополе приобрел имя профессионального художника-портретиста. В ставропольском краевом архиве хранятся письма Хетагурова в Городскую Управу. В одном из них Коста Леванович дает ответ на предложение выполнить портрет Нестерова, известного благотворителя, почетного гражданина Ставрополя: «На предложение Городской Управы имею честь заявить, что я согласен изготовить портрет Нестерова с рамой за сто рублей. Портрет имеет быть поясной в натуральную величину, написанный масляными красками.

Января 9 дня 1897 года. К. Хетагуров».

(К р а в ч е н к о В и к т о р. Коста, сын
Леуана. — Ставрополь, 2008. — С. 69.)

Таким образом, материальный достаток великому человеку развязывал руки разоблачать колонизаторскую политику существующей власти.

Его первая поэтическая книга «Стихотворения» (написана на русском языке) увидела свет в декабре 1895 года в Ставрополе приложением к газете «Северный Кавказ». В 1894 году 25 декабря газета, чтобы привлечь больше внимания, извещала своих читателей: «По случаю исполнившегося 10-летия газеты «Северный Кавказ» всем годовым подписчикам в 1895 году будет выдан бесплатно... «СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ КОСТА».

А через четыре года во Владикавказе была издана жемчужина осетинской поэзии «Осетинская лира» («Ирон фæндыр», 1899), где во весь голос прозвучал его зов к народу:

*Цепью железной нам тело сковали,
Мертвым покоя в земле не дают.
Край наш поруган, и горы отняли.
Всех нас позорят и розгами бьют.*

*Мы разбрелись, покидая отчизну, —
Скот разгоняет так бешеный зверь.
Где же ты, вождь наш? Для радостной жизни
Нас собери своим словом теперь.*

*Враг наш ликующий в бездну нас гонит,
Славы желая, бесславно мы мрем.
Родина-мать и рыдает и стонет...
Вождь наш, спеши к нам — мы к смерти идем.*

(«Горе». Перевел А. Гулутти)

Это горе, к сожалению, и через полтора столетия по-прежнему эхом отзывается в горах Осетии и еще раз подтверждает гениальность поэта. Он знал, что наша сила и наше счастье в нашем братстве.

Если святейший человек, верующий он или нет, будет смотреть из окна храма, то непременно придет к святейшим мыслям: «Весь мир — мой храм, любовь — моя святиня, Вселенная — отечество мое...» («Я не пророк...»).

Основоположник осетинской литературы Коста Хетагаты был именно таким человеком.

СИМВОЛ ОСЕТИИ

Как все осетинские дети, многие стихотворения Коста Хетагаты я знал наизусть в дошкольном возрасте, прежде чем научился читать и писать. С ровесниками мы часто спорили, кто больше стихотворений Коста знает наизусть. Нас этому учили не только наши старшие братья и сестры, которые ходили в школу, но и наши родители, многие из которых, как и мы, не умели читать и писать.

А будучи учеником первого класса Отревской начальной школы Цхинвальского района, учительница купила нам (разумеется, на деньги наших родителей)

«Ирон фæндыр» («Осетинская лира») Коста, которую по сей день берегут как зеницу ока (Джеуджыхъæу, 1951 г.).

Конечно, в книге я, — и мои друзья тоже, — не все понимал. К сожалению, и в данное время не все этические переплетения понятны простому читателю, особенно в переводе. Вместо «Цыхт дзыхы дары» («Сыр во рту держала») читали и говорили бессмысленное выражение: «Цъых-цъыхы дары»; вместо «Фу-фуйæ сысы» («Впрок не послужит Добро чужое») — «Фуфуйæ сысы» (Непонятное выражение) и т.д.

Но это не смущало нас. Какие-то внутренние чувства меня притягивали и притягивают к этой книге. Мы со своими друзьями часто смеялись, читая стихотворение «Безумный пастух» («Æрра фыййау»), не понимая его трагического и философского значения. Многие и сейчас читают его как шуточное произведение:

*Как-то раз с горы глядел он —
Тот пастух чудной.
Облако под ним белело
Ватой шерстяной.*

*И у самого обрыва
На краю он встал.
«Эта вата — просто диво,
Я б на ней поспал!*

*И пускай на горном скате
Скот пасется мой!
Подремлю на белой вате
Я часок-другой!»*

*Широко взмахнул руками
Бедный человек
И исчез, как легкий камень,
В пропасти навек!*

(Перевел С. Олендер)

Если бы мы понимали, почему гений так часто говорит о пастухе («Æнæ фыййау» — «Без пастуха», «Æрра фыййау» — «Безумный пастух», «Фезмæл-ма, фезмæл,

на фыййау, на фæстæ» — «Где же ты, вождь наш?» и т. д.), то бы нам легче было понять трагедию безумного пастуха.

А что касается притягательной силы этой книги, то словами до конца нельзя ее выразить. Мы никогда не расстаемся с ней, даже во время кровопролитной войны. Говоря словами Хазби Дзаболаты:

*У адджын рухс хуры тæмæн,
Фæлæ кæд къаддæр вæййы риссаг,
Дæ хъæдгом сгаргæйæ, фæлмæн
«Ирон фæндыр»-ыл къух куы риза!*

*Мæлæт! Кæй дæм фæнды бæллын,
Æдзæрд цæхæр туджы мæцгæйæ?
Фæлæ æнцондæр у мæлын
Дæ Иры сæгъæстыл хæцгæйæ!*

(«Куы хæссай зардæйы æмбуар...»)

*Сладок блеск светлого солнца,
Но, наверно, бывает меньше боль,
Когда, проверяя рану, нежно
Рука будет дрожать на «Осетинской лире».*

*Смерть! Кому хочется мечтать о тебе,
Валяясь в молодой, кипучей крови?
Но легче бывает умереть,
Держа рукою думы Ира!*

(Подстрочный перевод)

Я не в силах расстаться с «Ирон фæндыр» даже на короткое время. Перечитывая ее, я в ней для себя открываю что-то новое, гениальное. Будто там скрытый код силы жизни. Как ни странно и удивительно, читая «Ирон фæндыр», каждый раз духовно становлюсь богаче.

Книга по объему небольшая. По мнению В. Абайты, написанные о ней книги — целые горы. Но в «Ирон фæндыр»-е помещается вся Осетия с ее народом, горами и долинами. В ней всеми ее гранями раскрывается осетинская душа.

Но Коста не только этим был велик. Ему были тесны национальные рамки. Он свое художественное слово обратил всему человечеству и имел полное право сказать с гордостью слова, которые, говоря, думая о Коста, мы не можем не вспомнить:

*Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня,
Вселенная — отечество мое...*

(«Я не пророк...»)

Когда мои знакомые, особенно кавказцы, часто спрашивают меня о том, не обижусь ли я на них, если они скажут, что Коста был и их поэтом, то этим они мне приносят радость. Я бываю горд, что они его ценят так высоко. Этим Коста нам становится ближе, понятнее.

Такая интернационалистическая проповедь помогала ему, да и нам помогает искренней любовью любить свой родной народ и свою Родину:

*Люблю я целый мир, люблю людей, бесспорно,
Люблю беспомощных, обиженных сирот,
Но больше всех люблю, чего скрывать позорно? —
Тебя, родной аул, и бедный наш народ.*

*За вас отдам я жизнь... все помыслы и силы, —
Всего себя лишь вам я посвятить готов...
Вы так мне дороги, так бесконечно милы,
Что сил нет выразить, что высказать нет слов!..*

(«Не верь, что я забыл родные наши горы...»)

Человеку, любящему «целый мир», «беспомощных, обиженных сирот» легче бывает любить свою Родину, свой народ. Поэт перед тяжелой операцией в Санкт-Петербурге, в Александровской больнице 24 ноября 1897 года, не зная, сможет ли он «еще рифмованные звуки беспечно окрылить волшебною мечтой» потому признавался в любви к Родине:

*О, если это так, то все мои страданья
Теперь, о родина, признаньем искуплю:
Все помыслы мои и все мои желанья
Одну имели цель — снискать любовь твою.*

(«Перед операцией»)

Основоположник осетинской драматургии Елбзыдыко Брытиаты высоко ценил Коста и верил в него. Потому что знал: «...есть основа нашей книге, нашему языку. Кем Пушкин является для русской книги, тем для нас является Коста...».

Нельзя обойти мнение Цомака Гадиаты о великом поэте: «Коста!.. Многочисленные и разнообразные мысли и чувства, воспоминания и надежды вызывает это имя в душе осетина. Тут и гнет, и произвол царского самодержавия и его местных агентов, тут и национальные мечты маленького, вконец забитого и угнетенного народа об освобождении, о собственной культуре, тут и призыв к борьбе и единению (чего нет до сих пор – М. К.), тут и тонкие, непревзойденные еще и доньне напевы-мотивы осетинской бандуры – ирон фэндыра, тут и страдальческий облик поэта-борца и общественника, тут и любовь к «бедному своему народу и к бедному своему аулу...»

Цомак прав, в Осетии не найдется ни «одного человека, кто не слышал о Коста, пропевшем свою призывную песнь с высот нарских гор, кто бы не слышал или сам не напевал, роняя слезы, песню о «Матери сирот»!

Каждый народ гордится теми людьми, в которых раскрылся их национальный гений. Нигер сказал: «Каждая нация имеет своего «Коста». Для России это – Пушкин, для Украины – Шевченко, для Грузии – Шота Руставели, для Греции – Гомер и т. д. А для осетинского народа своим «Пушкиным», своим «Руставели», своим «Шевченко», своим «Гомером» является Коста Хетагаты... «Каждый из них – Россия, Греция, Грузия, Украина, – свое историческое самоопределение, рождение часа своей национальной культуры, ее детские годы, весну своей жизни, – связывает с именем «своего мужчины». Россия с Пушкиным, Греция с Гомером, Грузия с Руставели, Украина с Шевченко, а осетинский народ – с Коста».

Чуть позднее эту же мысль Максим Горький высказал в своем заключительном слове на первом съезде

советских писателей: «Количество народа не влияет на качество талантов. Маленькая Норвегия создала огромные фигуры Гамсуна, Ибсена. У евреев недавно умер почти гениальный поэт Бялик и был исключительно талантливый сатирик и юморист Шолом Алейхем, латыши создали мощного поэта Райниса, Финляндия — Эйно-Лейно. Нет такой маленькой страны, которая не дала бы великих художников слова».

Эти мысли, как полагается великому деятелю слова, Васо Абайты отшлифовал и выразил намного поэтичнее: «Народы с гордостью произносят имена людей, в которых с наибольшей полнотой и блеском раскрылся их национальный гений. Англичанин говорит — Шекспир. Шотландец говорит — Бернс. Немец говорит — Гете. Итальянец говорит — Данте. Русский говорит — Пушкин.

Мы, осетины, говорим — Коста, и душа наша наполняется гордостью и трепетной любовью».

Но Коста для осетина больше, чем русскому — Пушкин, англичанину — Шекспир, шотландцу — Бернс, немцу — Гете, итальянцу — Данте. Они — гениальные писатели каждый для своего народа. Коста — государственный символ осетин — национальный флаг Осетии. Для каждого осетина Коста является визитной карточкой во всем мире. А любой народ, говоря словами Васо Абайты: «...чтобы стать с достоинством в ряду других народов, нуждается в том, чтобы иметь людей, которые могли бы быть его национальным символом. До Коста у осетин не было такого человека-символа». Вот почему осетинские поэты называют его ангелом или даже всемогущим и всезнающим богом. Для осетина Коста сравни Всевышнему. Слава ему:

*Сау цæстытæ, сау цæстытæ, сау!
Æхсæвау — сау, бæрзонд арвау — æнæбын.
Кæд искуы уыд зæххон лæгæй хуыцау,
Уæд арвмæ уый зæрин фæндаг фæрæгдыд
Æмæ æрцард нæ сау хæхтæн сæ рæбын!*

*Йæ зæрдæ – арт, цæхæр цæстытæ – сау,
Йæ зарджытæ – нæ бæллицтæ, нæ цинтæ,
Нæ ивгъуыд бон, нæ ныры цард, нæ фидæн!
Гъæ, ахæм уыд нæртон поэт – хуыцау, –
Лæгæй хуыздæр нæ уыд хуыцауттæй иу дæр!*

(«Поэты цæстытæ»)

*Черные очи, черные очи, черным-черны!..
Темны, как ночь, как небеса бездонны.
И если когда-то земной человек был богом,
То он на небо дорогу позабыл
И остался жить у подножья наших гор!*

*Сердце его – огонь, горящие глаза – черны,
А песни его – мечты наши, робкая отрада,
День прошлый, нынешний и грядущий.
Таков он был, нартовский поэт – сам бог, –
Ни один из богов не превзошел этого человека!*

(Нафи Джусойты. «Глаза поэта». Подстрочный перевод.)

И это мнение не только Нафи, но и всех осетинских поэтов, начиная с современников Коста и кончая нынешними. Коста живет в сердце каждого осетина и вдохновляет нас жить с поднятой головой, чтобы быть достойными его потомками.

С ЛЮБОВЬЮ К ИРЫСТОНУ

Душе любого человека что-то мило, что-то близко. А. С. Пушкин был однозначно прав, говоря: «Два чувства дивно близки нам, / В них обретает сердце пищу – / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к родительским гробам». Человек, лишенный патриотических чувств, беден душою.

Говоря о творчестве известного и мужественного осетинского писателя – поэта, прозаика, драматурга, литературного критика, публициста, переводчика и общественного деятеля Гафеза, его ровесник и не менее известный писатель Георгий Дзугаты с гордостью

сказал: «Гафез поэт мужества и доблести. Он воспевает родную землю, славит подвиги в борьбе и труде. Но о чем бы он ни писал, Осетия — главный герой его. Он стремится изобразить ее разностороннюю жизнь», — и это мы наблюдаем в творчестве Федора Захарьевича:

*Любовь к Осетии — в моем начале,
В напевах матери, в ее глазах,
В ее очах, исполненных печали,
В ее дыхании и в ее глазах.*

*Ее дороги и мои дороги, —
Как остриями ножницы, — сошлись.
Мои и материнские тревоги
В года войны соединила жизнь.*

*Как дерево без корня жить не может,
Так я без родины не проживу.
Моя любовь другому да поможет
Мечте его свершиться наяву.*

(«Да, я ирон...». Перев. Л. Озеров)

Осетинская литературная критика давно отметила, что для поэта Родина с ранних лет стала матерью. После того, как умерла родная мать, парню отчая земля заменила ее и «своим пристрастием к родному краю» соединял «все концы страны». И, как полагается настоящему поэту и гражданину, любящему несравненной любовью свою родную мать и Отечество, не мог поступать по-другому.

Гафез (Гаглойты Федор Захарьевич) родился 11 сентября 1913 года в городе Баку в семье рабочего нефтяных промыслов. Когда будущему писателю исполнилось 5 лет, жить в городе стало очень тревожно. Нефтяники начали бороться за свою свободу, за свои гражданские права. Революционное противостояние вспыхивало то — там, то — тут.

Никто не знал, что будет с ним в дальнейшем. Известно было одно — в случае несчастья на чужбине никого не будет рядом с ними. И родители его верну-

лись в родное селение Уанел в Южную Осетию. Шахро, — так называли главу семьи в народе, — хотел спасти свою семью от неприятностей трагического времени, но не повезло им. Как говорится, удирали от дыма и в огонь угодили. Беспощадная фашистская, меньшевистская Грузия в 1920 году начала скрытый геноцид против осетин и семье Гаглойты тоже пришлось оставить свой родной край и бежать в Северную Осетию.

В те трудные для осетин дни наши кровные враги радовались: «В результате почти трехнедельного истребления, убийств, разрушений и пожаров вся Осетия опустела...». Грузинские меньшевики поставили себе целью полное уничтожение Юго-Осетии и цели этой почти достигли. Юг Осетии был разрушен и сравнен с землей, и в 1920-ом году с большой радостью об этом сообщал известный убийца из грузинского народа Филипп Махарадзе.

Во время этой трагедии скончалась родная мать Федора. Похоронить ее в родимом краю не довелось. Будущий писатель с отцом на родную землю вернулись после революции в 1921 году. Но каким застали свою деревню и родной дом, об этом пусть поэт скажет сам, говоря о своем отце, который наставлял его на правильный путь:

*Но деревню нашу враг спалил.
Плоть и душу края искромсали...
Черный ворон плакал средь могил...
Это место звери обегали.*

*Мне наследства не оставил ты —
как у всех, наш дом лежал золою...
Но всю жизнь гордился я тобою —
рук твоих мозолистых красою
и надежным светом доброты.*

(«Завет отца». Перев. Ник. Горохов)

Но молодой парень, как подобает истинному поэту, не сломался. Он уверенно шел по пути предков, который саблей начертал его отец, и «ему не изменил ни разу». Этот путь ему озаряла фраза, что беречь всю

жизнь он завещал: «...умирая от обид и ран — говори одну лишь только правду». И этой правде никогда не изменял настоящий писатель и преданный патриот своего народа и своей Родины Гафез.

С малых лет, будучи пастухом, поэт обошел родной край, вызвавший в нем сыновнюю любовь, и она у него осталась до конца своей жизни. В детские годы Федор не имел никакой возможности учиться. Но жил этой единственной мечтой. С весны до осени был пастухом, а зимой учился в школе. Потом окончил так называемые «батрацкие» курсы в городе Цхинвал. Только в 1935 году окончил Цхинвальский педагогический техникум. В 1935—1937 гг. работал директором Орцосанской восьмилетней школы Ленингорского района. Потом его перевели в редакцию областной газеты «Коммунист», где проработал до 1941 года. Вначале был корреспондентом отдела сельского хозяйства, потом его назначили заведующим отделом культуры.

В самом начале Великой Отечественной войны его призвали в ряды Красной Армии и воевал он в рядах действующей армии. Был комиссаром, потом — командиром батальона. Его ранили несколько раз. Во время битвы за Керчь был тяжело ранен и его демобилизовали в 1943 году. За героизм был награжден орденом «Красной Звезды» и несколькими медалями.

О том, как представители всех народов и национальностей во время войны защищали Великую Родину, поэт говорит с гордостью:

*У каждого свой дом, своя семья,
И радость есть своя, свое и лихо,
Но враг, топтавший русские края,
Топтал и сердце родины великой.*

*И встали мы — меч Родины и щит.
Сердца смелы, отважны наши души.
Враг, посягнувший на Союз, разбит,
И будет бит любой из посягнувших.*

(«Я — о горах, стремящихся в зенит...». Перев. А. Парпара)

После демобилизации из рядов Красной Армии — Гафез снова сотрудник газеты «Коммунист», а с 1945 по 1950 год — ответственный секретарь журнала «Фидиуаг».

В то время КГБ Грузии с помощью своих агентов сфальсифицировал, будто при нашем отделении писателей организована молодежная националистическая организация, и они разгромили Юго-Осетинское отделение Союза писателей и редакцию журнала «Фидиуаг». Гафеза освободили от занимаемой должности. Позднее в своей автобиографии он отметит: «С 1950—1951 год работал зав. с/х отделом ред. газеты «Коммунист» и освобожден по состоянию здоровья». На самом деле свою работу оставил потому, что патриотично настроенному писателю не давали работать, стукачи преследовали его на каждом шагу.

О литературном наследии наших писателей тех времен Нафи позже скажет (*Хурзэрин, 2003. — 12 ноября*), что печатали декларативные, риторические произведения информационного характера. А Гафезу никогда не хотелось выступать перед читателями таким «искусством» художественного слова. Его душе приятнее было постигать тайны художественного мастерства.

В 1948—1951 гг. Гафез окончил заочное отделение факультета осетинского языка и литературы в Юго-Осетинском государственном педагогическом институте. В 1951—1953 гг. писатель занимался только творческим трудом. Его редко печатали, и жить ему материально было очень трудно. Но после смерти Сталина, после расстрела Берия жизнь в осетинской писательской среде урегулировалась и в 1954 году Гафеза назначили редактором журнала «Фидиуаг». В 1955 году был избран ответственным секретарем Юго-Осетинского отделения Союза писателей и в этой должности проработал по 1972 год. Был заведующим литературным отделом Юго-Осетинского государственного драматического театра. Но раны Великой Отечественной войны давали о себе знать, к тому же, у него

был сахарный диабет и ему пришлось оставить работу.

В последние годы своей жизни писатель тяжело болел. Хотя он и не вставал с постели, но свою творческую работу никогда не бросал. Его трудолюбие является ярким примером не только подрастающему поколению, но всем, кто взял в руки перо для того, чтоб творить:

*Что сделать успел я для родины?
Много ль
Сумел совершить для страны?
По жизни я шел справедливой дорогой?
Стихи мои людям нужны?*

*В дни зрелости тяжко услышать попреки:
Мол, жил и работал не так.
Стране посвящал я влюбленные строки, —
Пришлись они в пору, иль как?*

(«Ночь». Перев. Л. Озеров)

Истинный патриот своей Родины и знаменитый осетинский писатель Гафез не дожил ровно месяц до своего семидесятилетнего юбилея — скончался 12 августа 1983 года.

Творческой деятельностью Гафез начал заниматься в педтехникуме. Свои первые стихотворения начал публиковать с 1935 года. А первый сборник стихов «Звуки фандыра» («Фæндыры зæлтæ») увидел свет в 1940 году. Но Гафезу известность и симпатии широкого круга читателей принесла его третья поэтическая книга, книга о Великой Отечественной войне «Жизнь мила» («Аджын у цард»). В ней мы видим чистый свет поэзии. И этот свет еще ярче и чище светится в его дальнейших поэтических сборниках, которые приносили известность своему автору.

Он не мог точно определить, осетинская песня изначально где звучала: «В поле?»; пелась «в радости или печали»; пел ее «юноша или старик»; «Был пастухом? Кандалами звенел он?»; «Бился за родину воином смелым?» — для него лишь известно, что «тайна рожде-

ния песни — в былом», но самым главным является не это, и он говорит прямо:

*Канула в Лету, но дело не в этом:
Ты — моя жизнь и дыхание, боль
Мглы, отступающей перед рассветом,
Трубные звуки, зовущие в бой.
Будь, моя песня, как я, жизнелюбом —
В путь! — Над просторами гор и лугов —
Радостью жизни, дарящею людям
Мужество, веру, надежду, любовь!*

(«Осетинская песня». Перев. В. Краско)

После этого стихотворения об осетинской песне, о ее рождении, о ее значении по-своему скажут многие осетинские поэты и литературоведы, но стиль Гафеза хоть и не трафарет, но выдает широкую и любящую душу поэта. Его собственное видение жизни нельзя спутать со стилем других поэтов и он всегда остается оригинальным писателем. Известный русский поэт, переводчик и литературный критик Лев Озеров не зря сказал: «...стихи Гафеза, скажем так, «отдают бронзой классики...».

Самое главное достоинство классика новой осетинской литературы, по-моему, в том, чего явно нельзя заметить в характере художника прошлого — необъятная, открытая любовь к родному народу и Родине. В осетинской художественной литературе много сияющих вершин. Но светлая, чистая, сыновняя любовь Гафеза к Ирыстону — единственная и неповторимая:

*Горы мои, чем мне больше становится лет,
тем вы становитесь взору и сердцу милей.
Знаю, без вас не глядел бы на божий я свет —
пыткой была бы мне жизнь до скончания дней.*

*Будто бы скульптор-волшебник пришел на Кавказ
и долотом над землей вас искусно вознес,
чтобы земной и небесный ласкали вы глаз —
чтобы душа восторгалась и пела до слез!*

*Горд я и рад, и скрывать не жалею, что горд
тем, что земле Ирыстона я верен в любви...
Пусть же в потомках не меркнет величие гор,
ваше величие — гордые горы мои!*

(«Гордые горы мои...». Перев. Ник. Горохов)

Он видел влюбленными глазами, как горы над горами стоят, «как краса, как щит земли родной»; он знал, «как горец землю пашет иль скачет на коне среди каменных громад»; он чувствовал, как в глубоких ущельях «река всю жизнь ревет», «Швыряя валуны и, как тигрица, щерясь — она то весела, то горько слезы льет...» И учит нас, чтобы на веки веков запомнить эту красоту и никогда не забывать об этом:

*Ты видел где-нибудь, чтоб так цвели, пылая,
поляны из цветов — где горд любой цветок?
Где непролазен лес,
где, помощь призывая,
обильный виноград — сам лезет на порог?!
Все это — край отцов,
Осетия родная,
страна могучих гор,
волшебный уголок!*

(«Это моя Осетия»)

Многим в сегодняшних условиях, внутривосточной ситуации страны, наверно, покажется, что так и полагается — поэт должен быть патриотом, должен петь о любви к Отечеству. Но в то время, когда Гафез призывал свой народ любить Родину, это у нас, по указке наших горе-соседей, считалось национализмом, который, по их мнению, беспощадно и жестоко надо было прижигать каленым железом.

Так уничтожили классиков осетинской литературы Чермена Беджизаты, Созрико Кулаты, Георгия Малиоти, Иласа Арнигона, Коста Фарниона, Александра Тыбылты и многих других писателей.

Но, слава Богу, после смерти И. В. Сталина внутривосточная атмосфера во всем Советском Союзе потеплела и за подобный «национализм» людей уже

ческих повестей на осетинском языке — «Дочь гор» («Аминæт», позднее назвал ее «Хæхты чызг», 1949), «Дубовая роща» («Тулдзы къох», 1956), «Крылатые мечты» («Базырджын сагъæстæ», 1968).

Первый сборник рассказов писателя — «Свет Дзадже» («Дзаджейы рухс») был напечатан в 1961 году, а первый роман «Добрый день, люди!» («Уæ бонтæ хорз, адæм!») — в 1966 году. Его великолепная проза в осетинскую литературу внесла новое поэтическое дыхание. Язык его прозы легкий, поэтичный.

Гафез так же является автором ряда ярких драматических произведений и многих литературно-критических и публицистических статей. Спектакль по его пьесе «Фарн страны» («Бæсты фарн») великолепный осетинский поэт, переводчик и литературный критик Георгий Бестауты назвал красивым родником искусства; а не менее талантливый поэт Хазби Дзаболаты — самым лучшим произведением своего времени.

Писатель перевел и издал много произведений из литератур братских народов. В том числе «Сонеты» («Сонеттæ», 1984) Шекспира и многие произведения других авторов.

Заслуживая большего, многие произведения писателя были переведены на русский и некоторые языки соседних народов. На русском языке отдельными книгами были изданы повесть в стихах «Дочь гор» («Хæхты чызг»), стихи «За горами горы...», роман «Добрый день, люди!» («Уæ бонтæ хорз, адæм!») и другие. Но ярким примером тому, как они переложены, как был передан слог художника слова на другой язык, является перевод романа «Добрый день, люди!»

На осетинском языке роман начинается в приподнятом, лучезарно-радостном настроении: «Маæ цаъстытæ куы байгом кодтон, уæд маæм хæрзæггураггаг фæци хуры тын.

Æвæццагæн, маæ уатыл бирæ фæхъазыд: йæ рагъы нуæрттыл тылди, хъæццулы дыдагътыл фæрагæпп-ба-

гæпп кодта, сынтæджы иу æрдынаы иннæ æрдынмæ йæхи ивæзта. Бафæллад, бастад. Фæстаг хатт улæфынмæ стылд мæ цæстгомæ. Фыццаг мæ иу цæстмæ бакаст, стæй – иннæмæ æмæ мæм бадзырдта: «Дæ райсом хорз! Дæ райсом хорз! Уæлæмæ сыст!»

Æхсæрæг дæр ма афтæ кæны: бæласы цонгæй цонгмæ – гæпп, къалиуæй къалиумæ – сæррæтт. Стæй мæрамæ ныллæсы, йæ бын ын йæ чысыл ныхтæй рахафы: «Ницы дæм и? Иу æхсæр-ма мын авæр!»

Хуры тын та цы агуырдат? Цы йæ хъуыди? Ницы? Ома ракастайн, дуне федтайн?

Хур – царды фæдисон, дæ райсом хорз, дæ райсом хорз!

Гыцци мæм цал хатты хыл кодта: «Искæуыл куы фембæлыс, уæд-иу салам ратт! Худинаг у, æнæуи гæркъæраг куы дæ!»

– Салам! Салам!

– Æдзæстгом! Афтæ нæ, нæ! Дæ алфамбылай акæс. Рæстæджы афон-иу базон æмæ афтæмæй ратт салам. Кæд райсом уа – «Дæ райсом хорз!». Кæд бон уа – «Дæ бон хорз!» Æрра дæ! Никуы ницы базондзынæ!»

Эта цитата на русском языке звучит по-другому: «Меня разбудил солнечный луч. Он, видно, долго играл на моей постели, напрыгался, накувыркался. Так, бывает, белка носится, как угорелая, с ветки на ветку, вверх-вниз, вверх-вниз в поисках орешка. А что нужно сейчас беспокойному солнечному лучу? Вот он, словно устав, прилег на моем лице. Заглянул в один мой глаз, потом в другой и звонко воскликнул: «Доброе утро! Доброе утро! Пора вставать!»

Как часто мама учила меня: «Встретишь кого-нибудь, поздоровайся, скажи «салам!» «Салам! Салам!» – игриво повторяла я. «Не так, не так», – корила меня мама. – Прежде, чем сказать «салам», ты подумай, какое время. Если утро – говори: «Доброе утро!» Если день – «Добрый день!» Вечер – «Добрый вечер!» А если ночь – «Доброй ночи!» Иначе – что подумают о тебе люди?!»

Цитата не из самых коротких, но отлично передает

качество перевода. Во-первых, если даже не будем вникать в смысл слов и предложений, владеющий этими двумя языками сразу очень легко заметит, как с первых фраз переводчик не смог схватить ритм произведения. А данный роман ритмичный. И в таком случае совсем теряется поэтичность художественного прозаического слова, что в осетинской прозе является характерной для нашего писателя. А это уже большой минус.

Что упало, то пропало. А в художественном произведении это – ритмика, она имеет очень большое значение, как и художественные детали. Но и художественную деталь с белкой не смог переводчик реализовать. Зато с «саламом» все перепутал и переборщил. «Салам» – заимствованное слово. Мать потому предупреждает девочку, чтобы посмотрела вокруг, узнала, какое время, и здоровалась по-осетински. Но – не «Добрый вечер!» и «Доброй ночи!» Ведь нормальная осетинская девочка вечером и ночью должна быть дома. Ей не с кем придется здороваться. Но этот скрытый смысл в переводе романа теряется с начала до конца.

Начиная с творчества Коста Хетагаты, осетинской литературе не везет на переводчиков, но это долгий и не очень веселый разговор. Только хочу отметить, что Гафезу, хотя со дня его рождения уже исполнилось сто лет, точно не повезло в переводчиках.

Приведу один случай, который как анекдот остался о нем и о его переводчике:

Гафезу не понравился художественный перевод своего романа. Хотел его отвергнуть. Но его переводчик С. Трегуб попросил его: «У меня много недоброжелателей. Прошу не сделать так, чтобы они посмеялись надо мной».

Автор оригинала понял его. Но из Москвы вернулся хмурым.

– Сын собачий! Он думает, что в Осетии все мои благодетели.

Анекдот то анекдотом, но этот случай отображает светлый, доброжелательный образ писателя.

Гафезу была присуждена литературная премия им. К. Хетагаты за книгу рассказов и повестей «Милый мой» («Цард дын фестон», 1971), но такой славы достойно все его творчество.

ПЕСНЮ ОСТАВИТЬ ПОТОМКАМ

Народная мудрость гласит: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь». Но и народ состоит из живых людей. А человеку свойственно ошибаться. Поговоркам тоже не всегда можно верить.

К такому мнению можно прийти, думая о жизни и творчестве на сегодняшний день самого известного осетинского писателя, ученого и общественного деятеля Нафи Григорьевича Джусойты. В жизни Осетии, особенно в осетинской словесности, не проходит ни одно значимое мероприятие, где бы обошлись без ценных наставлений уважаемого Нафи Григорьевича. А это уже говорит о многом. Он за двумя зайцами не гонялся. Но много разных проблем Осетии своевольно легло на его плечи, и от имени наших предков он имеет полное право сказать с гордостью:

*О родина моя, как ты мила!
Любовь к тебе мне вновь диктует строки,
Что из груди летят не как сороки,
А словно из хлебов перепела.*

*Я был бы без тебя бескрылой птицей,
Молчаньем высохшего родника,
Я был бы без тебя пустой глазницей
И ножами, в которых нет клинка.*

(«Слово о Родине». Перев. Я. Козловский) [15, с. 71].

Слова, рожденные в его сердце и уме — всегда пронизаны любовью и мудростью. И это дает возможность исследователям его многогранного творчества говорить с пафосом. Для лауреата Государственной премии, талантливейшего писателя и ученого, профессора, бор-

ца за осетинские идеи Шамиля Джиккайты он — «борец» («тохгæнæг») [21, с. 5]. Лауреат Государственной премии СССР, народный писатель Кабардино-Балкарской Республики Кайсын Кулиев был восхищен его талантом и мужеством [27]. Писатель и профессор, доктор филологических наук Алим Теппеев гордится им. Он для него «один из вожаков крылатой стаи журавлей кавказской духовной культуры, аланский всадник, воплотивший в себе и мудрость веков, и отчаянный рывок горцев к постижению высот мировой культуры. Рядом с ним всегда хорошо и надежно» [32].

Такие цитаты из произведений многих знаменитых ученых и писателей можно приводить и приводить — и похвальных (сам Нафи Григорьевич их называет «похвальные слова Фомы Смыслова!») [26], и критических, но, думаю, в данное время в этом больше нет смысла. Но нельзя не отметить, что мужество и страсть в его душе рождаются от любви к народу, от любви к Родине. Перед ними, как и полагается настоящему мастеру художественного слова и патриоту, чувствует себя должником (не зря мечтал великий Коста: «...если б народу родному мне долг оплатить удалось...»), и это не дает ему покоя. Он постоянно думает о своем сыновнем долге перед ними:

*Сын хороший весть о добром сне
Матери подарит на рассвете.
Чем же, люди, одарить вас мне,
Пред горами отчими в ответе?*

*Вашу храбрость я ношу в груди,
И, кровавых судеб отпечатки,
Мне не чужды,*

*как их не суди,
Ваши нравы, думы и повадки.
Жизнь отлична от небытия
Битвами, движением и словом.
Вашу радость встречу песней я,
А печаль — молчанием суровым.*

(«Чем же, люди, одарить мне вас?») [11, с 5].

И то, что поэт радость народа встретит песней, «а печаль — молчанием суровым», и историю нашего народа видит в протяженности веков и знает, что «жизнь отлична от небытия битвами, движением и словом», помогает ему суть ее выносить на обозрение его многочисленных читателей. Мы все это видим наяву.

Нет ничего трудней, чем с честью нести имя человека и поэта. Ибо это означает — всегда быть начеку: адский труд. В этом смысле «Разговор с горой» многое проясняет:

— Скажи, в чем трусости примета? —
Я у горы спросил, и мне
Гора ответила на это,
Раздвинув тучи в вышине:

— Зерна не вырастит, кто робок,
Когда окрест сплошной гранит.
Кто, стоя с женщиной бок о бок,
Клинком в ножнах
врагу грозит.

Кто ослеплен, но к дому тропок
Во мраке дня не проторит.

— Скажи, в чем храбрости примета? —
Я у горы спросил, и мне
Гора ответила на это,
Раздвинув тучи в вышине:

— Кто храбр, клинок, а не угрозы
Обрушит грозно на врага,
Кто храбр, себе оставит слезы
И пир друзьям у очага.

Так поэт от имени горы — символа твердости и непреклонности — формулирует нравственные требования к современнику:

А если в поле косовица
Торопит истинных мужчин,
Ему в ауле не сидится,
Хоть пусть рукав его один.

*Я у горы спросил:
— А если
Иной поведасть правду в песне
Боится, хоть и пробил час? —
Гора ответила на это:
— Ужель подобного поэта
Смог обрести уже Кавказ?*

[11, с. 31–32].

Первые литературные пробы Нафи Джусойты относятся к тому времени, когда будущий писатель учился в средней школе. Но, как поэт, встал на ноги в годы Великой Отечественной войны. В этом ему помогла русская классическая и военная поэзия. Х.-М. Дзуща-ти справедливо отмечал, что молодой поэт, опираясь на них, искал свой индивидуальный поэтический голос [25, с. 189].

Первое стихотворение поэт опубликовал в журнале «Фидиуаг» (№ 4 в декабре 1945 года). Он относится к тому поколению осетинских писателей, которые боролись за освобождение Родины от фашистских захватчиков, а также — за развитие осетинской художественной литературы. Война принесла ему не только страдание, но и научила будущего писателя и ученого суровой и беспощадной правде, которая понадобилась ему в художественной литературе для высокого накала слова. Гафез о Нафи Григорьевиче говорил: «Война учит его суровой и беспощадной правде, высокому эмоциональному накалу стиха» [6, с. 159].

В его сознании Великая Отечественная война, а в сердце родной уголок — остались навсегда:

*Не на войну иду, покинув отчий край.
Когда я возвращусь к нему? В какую пору?
В горах шумит трава,
и слышен птичий гай,
И вестница пчела летит в родные горы.
О чем она поет — пчела моя? О чем?
О том, что ждет меня
в чужом пиру похмелье?*

*И не горит роса под утренним лучом?
И солнце поутру не вышло из ущелья?*

*А может, я для гор — чужак, изгой, Гарун?
Возможно ли? Душа моя — пустые ножны?
Пускаю корни я в чужой угрюмый грунт?
О Родина! Не верь! Все это — невозможно!*

*Под куполом небес вхожу, как в вечный храм,
В сиянье ранних рос, на отчие высоты.
Я не с войны пришел к родным своим горам,
Но радостью полна душа, как медом соты.*

(«Не на войну иду...». Перев. И. Фаликов) [11, с. 8].

Писатель хорошо усвоил завет Александра Твардовского: «Отвечать «за себя» — дело адски трудное, требующее наибольшей отдачи душевной и даже физической энергии, долгих лет выучки, главной и лучшей части твоего жизненного срока, полного бескорыстия даже в помыслах» [31, с. 330–331].

Нафи Джусойты себя целиком и полностью отдает литературе. Лучшие стихи, написанные им во время войны и после войны, вошли в его первый поэтический сборник «Сердце солдата» («Салдаты зæрдæ», 1949). В художественном мире поэта нет увлекательных сцен [12, с. 172–179]. Ему свойственна образная конкретность: «песня жизни — песня любви». В стихотворениях Нафи Джусойты «Осетинский солдат», «Когда, отступая, вернулись в Осетию», «Окопы», «Три раза писари меня хоронили» и других мы видим мужество и героизм советского солдата — борца против немецких оккупантов. Прав и автор предисловия книги Гафез [9, с. 7–8], и Х.-М. Дзуццати [25, с. 188], что стихи поэта составляют как бы одну целую поэму, где главным героем является красноармеец. Он — носитель мира. Хотя некоторые стихотворения в сборнике еще далеки от совершенства, но в них есть что-то неисповедимо привлекательное, как некоторые критики потом скажут — «простодушно-сердечное». Им мешает свободно, по-

своему дышать то, что в них читатель улавливает знакомые звуки, типичные настроения. У молодых авторов это бывает от схожего восприятия в конкретных ситуациях, от недостатка оригинальности поэтического мышления.

В центре внимания поэта — обыкновенный воин Красной Армии, которых на войне было миллионы, и весь сборник — это его чувства, переживания и мечты. Автор рисует мужество и чувствительное сердце солдата кровопролитной войны. Не зря он назвал свой первый поэтический сборник «Сердце солдата». Об этом единодушно скажут все литературные критики: и его редактор, известный осетинский писатель Гафез [9, с. 5–9], и другие поэты и литературоведы: Хаджи-Мурат Дзуццати [25, с. 188–190], Георгий Гаджиты [7, с. 200–209] и др.

Слово Нафи в осетинской поэзии, как и полагается, было своеобразно, не походило на ту «поэзию», которую «творили» по «плану партии», хотя и у него было немало таких стихотворений в сборниках «Зардаёны ныхас» («Душевный разговор», 1952), «Лирика» («Лирика», 1955), «Ирыстоны сагъæстæ» («Думы Осетии», 1958), «Æз райгуырдтæн хохы» («Я родился в горах», 1960).

Но это было временно. За оригинальность его произведений некоторые их называли «похожими на переводы». Иронизируя по поводу таких утверждений, Хаджи-Мурат Дзуццати писал: «Стихотворения Нафи стали новым явлением в нашей поэзии. Они носили с собой новшество, и когда некоторые не увидели в них свойства своих трафаретных, красивых, но пустых стихотворений, то им показалось, что они похожи на переводы» [24, с. 252].

Собственный голос талантливого поэта Нафи Джусойты окреп довольно скоро. В последующих книгах, особенно «В трудном возрасте» («Зын кары», 1962), поэт показал неординарную силу своего таланта. Его голос резко отличается от других. Тематика стихов быстро расширяется, его внимание охватывает разнообразные

стороны духовного мира современника. Многие его стихи философичны, он разрабатывает темы глубокой, чистой любви, эстетической позиции поэта в жизни. Поэт заслуженно становится запевалой в осетинской поэзии. И вскоре главными темами его творчества становятся Родина, история Ирыстона, гуманизм, истинная дружба народов... Ему, как старому воину, небезразлично тревожное состояние человечества:

*Всю ночь слова, как из старинной башни,
идут из сердца, а пробьет рассвет —
они погибнут в схватке рукопашной,
погибнут все! Победы нет как нет...*

*А бой — везде. Сражаются мужчины
какой уж век у бездны на краю.
Но если б отчий край и был с овчину,
он все же ратник, он всегда в бою.*

*Телами слов усеян мир вчерашний,
черны бойницы, и в крови ручей.
Сегодня ночью опустела башня?
Жди завтра ночью боевых огней.*

(«Ночные стихи». Перев. И. Фаликов) [11, с. 17].

К великому сожалению, это не только поэтический прием, но и чистая правда жизни. «Что мужество? Орел незрячий, // Когда в нем нету доброты» («Слова!») — вот чего нам не хватает больше всего.

Поэт справедливо недоумевает: «Ужели это мужество, ответь, // В стихах реветь израненным быком, // А в жизни блеять жертвенным бараном?» Он прав, когда кричит во весь голос: «Достойно ль мужа явно и тайком // Весь век блудить душой и языком, // Мотаясь меж аллахом и шайтаном?»

Настоящий мужчина в такой ситуации «с высоты призванья своего» должен бросить «в землю сердце, как зерно весной». Но, к великому сожалению, мы еще очень далеки от сознания этой истины. Наши амбиции чаще всего нас бросают в гущу кровопролития. И

поневоле вспоминаются строки великого Александра Блока: «И вечный бой! Покой нам только снится // Сквозь кровь и пыль...» [2, с. 85]. А что это означает — и к чему ведет этот «вечный бой» целые народы, очень хорошо известно аксакалу Нафи Григорьевичу из истории наших далеких предков — скифов, сарматов, алан:

*Осетинская степь,
Мне о предках всю правду поведав,
Как наследство вручи
Письмена их и нравы, и речь,
Чтобы мог представлять я
Воочью страдания дедов,
Мог их гордую вольность
И дикую лихость беречь.*

*Слышен конницы топот
И посвист плетеных арканов.
И нельзя забывать
Ради истины, славы, любви,
Сколько воинов храбрых —
Бритоголовых аланов —
Под неправыми саблями
Рухнуло в травы твои.*

(«Осетинская степь». Перев. Я. Козловский) [11, с. 10].

Каждый поэтический сборник Нафи Григорьевича — «В трудном возрасте» («Зын кары», 1962), «Безымянная книга» («Еженом чиныг», 1967), «Тихие слова» («Сабырныхесте», 1973), «Вечерний свет» («Ижеры рухс», 1988) и другие — в свое время были явлениями в осетинской художественной литературе. В них читатель находил что-то новое для себя, что, к сожалению, нечасто встречается в искусстве слова.

Нафи Джусойты был одним из первых осетинских поэтов, которые в осетинскую поэзию внесли об-разное видение нового качества. Стихотворение «Ночь в горах» в переводе его близкого друга Якова Козловского может служить иллюстрацией этого наблюде-ния:

*Как плакальщица, тьма в ауле горном,
Накрапывает дождик у окна.*

Тьма?

То не мать ли в одеянье черном?

Дождь?

То в слезах ли не моя жена? [11, с. 67].

Хаджи-Мурат Дзуццати стоял за ассоциативную образность в осетинской поэзии: «Фæлгонц цас фылдæр æмæ ногдæр ассоциатитæ æвзæрын кæна, уыйас йæ ахадзындзинад у бæрзонддæр» («Чем больше новых ассоциаций вызывает образ, тем его значимость выше»), — и утверждал, что они работают и живут по высшей логике искусства — «по поэтической логике» [24, с.147]. Оценивая художественные произведения такими критериями, невозможно не вспомнить великолепный, большой цикл стихов Нафи Джусойты «Стихи, не сказанные матери», переведенные на русский язык Н. Орловой и М. Синельниковым.

Когда не стало матери лирического героя, отцовский очаг осиротел, «да уж мать не позвать», ему «вовек не откликнуться ей...», тогда на ум ему приходит старинное, суровое проклятие — «пусть закроется дверь за тобою!». А все равно ждет ее возвращения.

*День пришел второпях,
Ты не вышла навстречу,
Сохнут кадки в сенях,
Приближается вечер.*

*И порог не мели,
И не верит он снова,
Что в такой ты дали,
Где не слышится зова.*

*Дом — как высохший рог,
Пусть очаг обветшалый.
Жизнь ушла за порог,
За тобой убежала.*

*Замер дом-сирота
И молчит бездыханно.
Настежь — дверь... Пустота —
Словно рваная рана [17, с. 162].*

Примеров тому, как вспоминают покойных матерей дети-поэты, немало. Евгений Осетров, говоря о Родине Сергея Есенина, вспоминает: «Русские женщины пестовали детство многих замечательных поэтов и музыкантов. Вспомним пушкинскую няню Арину Родионовну, вспомним бабушку Максима Горького... По всеобщей молве, такой же необыкновенной женщиной была мать Есенина — Татьяна Федоровна. Она надолго пережила своего знаменитого сына (умерла в 1955 году), и ее отлично помнит все село. Говорят, что не было народной песни, бытующей в Приокском крае, которую не знала бы Татьяна Федоровна. Крупные художники слова восхищались ее колоритной речью, и филологи, беседовавшие с ней, отмечают, что ее язык напоминал «золотую словесную грудку», встречавшуюся в речи персонажей Лескова, в пьесах Островского, в книгах Леонова и Шолохова» [28, с. 650].

Евгений Осетров вспоминает: «Душевная красота и светлый разум производили огромное впечатление на односельчан, на всех, с кем приходилось общаться Татьяне Федоровне. Поэт Александр Филатов посвятил ей свою поэму «В приокском селе, под Рязанью...». В произведении, между прочим, есть следующий эпизод. Заезжий иностранец говорит матери поэта, что ей надо бы жить в богатой вилле, а не в крестьянской избушке, что:

*«Россия о вас позабыла,
Есенинский стих — не в цене...»*

На эти слова героиня поэмы гневно отвечает:

*«Иди своей тропкой убогой
И там у себя куролесь,
А русскую землю не трогай
И в русскую душу не лезь.»*

*Горжусь, что такого поэта
На славной земле родила.
Она моим сыном воспета,
Она моим сердцем согрета
И мне теперь трижды мила!..»*

[28, с. 650–651].

Это – достойный ответ матери поэта. Мать Сергея Есенина только так могла ответить. И все, что говорит о матери Нафи Григорьевич, все подробности и детали ее жизни, которые он вспоминает и смакует, создают сходный образ и вызывают безусловное доверие читателя.

И хотя Нафи уверяет нас, что «Незаметная горская мать умерла – // И жила незаметно, и тихо уснула», все же «солнце рухнуло наземь». Народ знает, что «богу – богово, кесарю – кесарево». Потому «пришли попрощаться по свежим сугробам и оплакали горе, равно» ему, сыну, «близки и родной, и чужой»: «Так печально глядели аульские дети, // Словно мать хоронил здесь не я, а они».

Когда горе одного человека становится горем народа, то это равнодушным не оставляет уже никого. Тем более сына. А если сын еще и поэт, то невозможно, чтобы боль из его груди не вырвалась в виде поэтической скорби:

*Ее блаженством было жизни чудо –
Не человека только – дивным дивом
Козленок почитался и, коль худо,
То у нее защиту находил он.*

*Щенка слепого оставляли в чаще, –
Она о нем печалилась, бывало:
«Все ж он душа живая, не пропащий...».
Под печкою его отогревала.*

*Не мог птенец проклонуться, усталый, –
Она ломала дверь темницы белой,
Случайный колос у дороги вянул –
Из пригоршни полить его умела.*

*А слабых больше всех она любила —
Детей, телят и всходы, из-под спуда
Земли проросшие, — ко всем благоволила —
Ее блаженством было жизни чудо [17, с. 863].*

Или:

*Я знаю точно — солнце закатилось,
Как саваном, укрыто плотной тьмой,
Но кликнуть мать — и сразу — так помстилось —
Она в дверях возникнет предо мною.*

*Как будто вышла соли дать коровам
И возвратится — стоит подождать?
Да вдруг случится заблудиться снова?..
Боюсь окликнуть. Не могу позвать.*

(«Стихи, не сказанные матери».

Перев. Н. Орлова и М. Синельников) [17, с. 863].

Китайский философ-материалист Ван Чун утверждал: «Пытаясь познать небо, исходят из человека; источник подобного истолкования неба — человек» [5, с. 246]. Несмотря на то, что стихотворения нашего поэта растут из правды земной жизни и в этом смысле реалистичны, — все-таки они, как цветы и деревья, тянутся к небесной чистоте и бесконечности. В этой связи, как ни странно, мы не можем не вспомнить «Стихи об одиноком бизоне». Не только потому, что там тоже говорится о судьбе родителя. Оно содержит большой обобщающий смысл.

Лирический герой был «с детства обучен на скалах отвесных волю чужую ценить, собственной воли сродни», потому и ненавидит «остроги» для душ бессловесных.

Поэт согласен стрелять в виновного хищника, «но жестоко и дико невинного в клетке держать». И многие звери — и мудрый индийский слон, и в своей доброте ошалелый медведь, и словно культа слуга и начетчик попугай — как будто привыкли к своей судьбе. А дикий бизон — «поднебесного леса владыка скорбный рев издает». Его железные мышцы давно ослабе-

очень разумные люди теряли ориентиры, не ведали, что творили. И такие мудрецы-мыслители — поэты, философы, филологи, — как Нафи Григорьевич, были в этих условиях волей-неволей обречены на поражение. Я видел, как остро, сердцем, реагировал Нафи на глумление «демократов» над такими святыми понятиями, как дружба народов и дружба национальных литератур» [32].

Нафи и теперь остался таким. Никогда не изменял и не изменяет своим принципам. Отсюда и образ дикого, свободолюбивого и непокорного бизона:

*Гордый духом бизон,
не унизь своей скорби и боли,
Заклинаю тебя там,
где горная встала гряда:
Независимость духа
храни ты достойно в неволе
И покорным бараном
в зверинце не стань никогда!* [11, с. 80–83].

Я не ставлю под сомнение перевод Якова Абрамовича Козловского, но, как в свое время утверждал В. Брюсов, «создания искусства вечны» [3, с. 238]. Оригинал мне кажется намного сильнее:

*Афсымер, хъæддаг гал!
Иунæг нал дæ, æз — дыккаг.
Багъæц уал.
Лæгдзинад æвæстаг нæ вæййы,
лæгдзинад мах у.
Ныр та уал, æфсымер,
аскъуыйæд фæлтау дæ мыггаг,
Фæлæ макуы су,
фысау,
æрмахуыр!*

В подстрочном переводе данная строфа, — она является и финалом стихотворения, — будет выглядеть так:

*Брат мой, дикий бык!
Ты уже не одинокий, я – второй.
Потерпи.
Мужество не пропадает бесследно,
мужество на нашей стороне.
А пока, брат мой,
лучше останься без потомков,
Но никогда не становись,
как баран,
прирученным!*

Безусловно, стихотворение своим свободолобием, своей ритмикой покоряет сердца. Таких первоклассных, свежих стихотворений не только в осетинской, но и в советской поэзии трудно было отыскать.

Когда в середине прошлого столетия начали говорить: «В послевоенные годы лирика Джусойты, сохранив верность реалистической детализации, сильно разветвляется, развивается в направлении широкого охвата самых разнообразных сторон богатого внутреннего мира нового человека» [6, с. 159], – то такой разговор имел крепкую основу. Это свойство слова и ныне не оскудело в творчестве писателя. Его творчество – многожанровое и, как видим, многогранное. «Нафи Джусойты создал целый мир художественных творений, образов и картин, мир научных исследований, поразительных по своей глубине эстетических и этических мыслей» [8, с. 4], – отметила в своей монографии литературовед Аза Газдарова, характеризуя художественные и научные труды Нафи Джусойты.

Достигая все большего мастерства, художник неизбежно расширяет свою свободу. В таком аспекте видит Нафи долг настоящего мастера словесности. А.С. Пушкин говорил о поэте: «Ты сам свой высший суд» [29, с. 225]. Нафи Григорьевич Джусойты твердо идет этой дорогой и неудивительно, что он такой:

*Кинжал в ножнах и в сердце слово,
Но им обоим грош цена,
Когда безмолвствуют сурово,
А рядом честь оскорблена.*

*И стихотворцы, словно старцы,
Когда в трагические дни
Рожать способны только фарсы,
В бескрылой немощи они.*

*Тот над врагом кинжала властно
Не вознесет, в ком робок дух,
Кто проклинать привык безгласно
И чаять лучшего не вслух.*

*Не жди пророчеств от такого
И на подмогу не зови.
Кинжал в ножнах и в сердце слово,
Но нет ни гнева, ни любви.*

(«Поэт») [11, с. 15].

Нафи Джусойты не только в поэзии, но во всех жанрах является таким. В осетинской литературе по всем параметрам не зря заняла заслуженное место сочная и привлекательная проза Нафи Григорьевича. С первых произведений писателя, — в этот жанр он вошел с циклами новелл «Думы путника» («Балццоны сагъæстæ») и «Я снова пришел» («Æрцыдтæн та ногæй»), — можно было догадаться, что в жанре прозы появился писатель широкого и сильного размаха крыльев. Его рассказы, повести и романы не только тематикой, но и жанровой формой обогатили осетинскую художественную литературу. В них мы видим не только исторических («Кровь предков») и сказочных персонажей («Слезы Сырдона»), но и широкую жизненную панораму времени. Многие его произведения в прозе диалектически раскрывают сложные переплетения своеобразных людских судеб («Реки вспять не текут»). Потому они постоянно привлекают к себе многочисленных читателей.

Повести Нафи Джусойты принесли автору и — в его лице — осетинской литературе не меньшую известность, чем романы. «Обида старого охотника» («Зæронд цуаноны тæргай»), «Белый-белый снег» («Урс-ур-

сид мит»), «Песнь в два голоса» («Зарæг дыууæ хъæлæсæй») и особенно «Возвращение Урузмага» («Адæймаджы мæлæт») прозвучали громко и актуально, а в осетинской литературе обогатили жанр повестей лирико-философского характера.

Проза Нафи отличается не только своим лирико-философским характером, но и манерой ведения рассказа, композицией, образом хозяина жизни. Каждый его рассказ или повесть являются развернутым монологом его литературных героев. Но в то же время — раздумьями писателя о происходящем. Плюс к этому все его мысли связаны с Родиной. На весь мир и на вселенную вокруг нас он смотрит глазами своего Иристана. И когда совесть народа, — по-другому нельзя назвать гордость нации, коим является писатель, — на мир смотрит глазами своей нации, то в нем ее спасение. Для Нафи весь мир — Иристон, Иристон — весь мир. Оба для него так взаимосвязаны, что одно без другого не может существовать на этой благодатной земле:

*Народ мой мал,
но горд и правомочен
Не менее великого народа,
Чей однодневный труд кормить способен
Державу всю в течение недели.*

*Народ мой мал, но смел и уважаем
Не менее великого народа,
Чей вздох один способен вызвать бурю
На голубых широтах океана.*

*Я — сын немногочисленного рода,
Но входит мой народ в семью большую,
И в ней, как искони ведется в семьях,
Меньшого больше остальных лелеют.*

(«Я — сын немногочисленного рода...») [15, с. 28].

Это не что иное, как эхо и развитие знаменитого лирического построения Коста Хетаггаты, отражение света «редкой породы светил» [21, с. 99]:

*Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня,
Вселенная — отечество мое...*

(«Я не пророк...») [35, с. 214].

Предмет изображения Нафи — целое мироздание. За примерами далеко ходить не нужно — их достаточно в любом произведении Нафи Джусойты, на любой странице: «Небо высоко-высоко. Синее-синее и округлое. Выгнулось, что днище опрокинутого пивного котла. А под ним — горы. Маленькие, словно черно-белые камушки. А до дна неба и глазу не достать, и орлу не взлететь. А ниже плывут облака — белые, будто из козьего пуха. И плывут тихо, с лентой, как мальки форели в речной заводи. Еле плавничками шевелят...

А солнце выше неба! И катится аробное колесо по крыше неба. Мохнатые лучи козьим молоком пахнут. Льются на землю, что тугие струи из козьего вымени. И больно лупят по земле, по траве, по зеленым ладоням листвы, по жесткой шкуре камней...» [16, с. 3].

Автор все описывает так любовно, так конкретно, образно, что не хочется прерывать чтение: «Высоко небо, но солнце выше. А над солнцем никого нет. Правда, мать говорит — еще выше сидит бог Хуцау, но, сколько ни гляжу, никого не видать... Нет, солнце выше всех! А под ним синее-синее небо, и все горы, и всю землю обняло. За горами тоже небо, я видел, когда прошлым летом на перевале чернику собирали. Всюду небо, и нет ему ни конца, ни краю. А под ним облака и орлы. А под облаками горы и люди. И земля, а на земле мы все — деревья, трава, речка, я и мои козы. А самое большое дерево на земле — Пастушья чинара... На небе — солнце, на земле — Пастушья чинара! А под ней в тени — я и мои козы и козлята...» [16, с. 3] (*Перевод Нафи Джусойты*). Так красиво и интересно раскрывается большой мир перед маленьким героем писателя.

Герои рассказов и повестей Нафи Григорьевича — люди старшего поколения и молодые наши современники — мужественные, принципиальные и добрые.

Автор вместе с ними размышляет о месте человека на земле и о времени.

Известный литературовед Л.И. Тимофеев утверждает: «Говоря о том, что искусство образно отражает действительность, мы имеем в виду и содержание, и форму, и общественную функцию искусства» [33, с. 63]. Без сомнения, сюда относится и образ героя. А уважаемый Нафи всегда так рисует образы своих положительных героев, что, следя за их характерами, читатель, безусловно, становится чище душой, ярче характером, обширнее мыслями. Характеры его героев раскрываются в их речи, в их делах: «Это так считается — пять дворов, но людей в них на одну прежнюю семью не станет. В четырех домах — три старика и четыре старухи. Четвертая — это я, Дочь Бату, так меня зовут с тех пор, как здесь живу. И только в одном живут муж, жена да трое детишек.

Да и что за дворы, что за село!.. Так, с виду только... Но пока дымят сугробы, село так и будет называться прежним громким именем — Пристанище Орлов!.. Какие там орлы — одни старики и старухи!..» [16, с. 246].

О повестях Нафи можно говорить много — они глубоко своеобразны, — достаточно выслушать мнение А. Теппеева: «...повести, как «Возвращение Урузмага», «Обида старого охотника», «Белый, белый снег», «Песнь в два голоса» и другие, составляют одну из ярких страниц не только богатейшей осетинской, но и всей северокавказской прозы. Я считаю, что «Возвращение Урузмага» — это одно из самых выдающихся ее полотен, в котором глубоко и очень точно вылеплен осетинский национальный характер... это очень личная, по существу исповедальная-завещательная прозаическая вещь, написанная светлым и мудрым человеком, который всю жизнь честно и просто служит родному Слову» [32]. Успех произведения в самобытном видении жизни: «Без самобытного видения мира нет художника» [23, с. 20], — говорит Нафи. Об актуальности повести «Возвращение Урузмага» говорит и то, что она почти одновре-

менно была переведена еще и на украинский и польский языки.

Нафи Григорьевичу как мастеру прозаического слова все-таки первую всенародную известность принес его историко-героический роман «Кровь предков». В осетинской литературе этот роман — героическая песнь благодарного потомка в честь благородных предков («Безмолвная песня») — является первым настоящим историческим романом. Автор рассказывает о борьбе свободных горцев-осетин Чесельтского ущелья, Дзауского района в Южной Осетии против владельческих притязаний грузинских ненасытных доносчиков-алдаров (князей) в 1830 году.

Тогда карательная экспедиция России под предводительством генерала царской армии Ренненкампфа совершила свой кровавый поход в Южную Осетию. Грузинские алдары натравливали русских на свободолюбивый осетинский народ, всячески клеветца и обвиняя их в непокорности царю, в отказе от уплаты дани, в абречестве, в непризнании себя подданными царя и т.д.

Свободные, непокорные осетины-крестьяне встали против трехтысячного войска генерала Ренненкампфа, вооруженного пушками, сопровождаемого многочисленной грузинской милицией. Царская власть России поддержала грузинских захватчиков. Результатом таких провокаций грузинских феодалов стали неравные бои и жестокая расправа над лучшими сынами Осетии. И хотя в таком неравном поединке крестьяне потерпели поражение, но их свободолюбие не было сломлено. Борьба продолжалась, пока царь не признал горцев государственными свободными крестьянами: «В период первой половины XIX века в Юго-Осетии происходили массовые выступления. Особенно крупными были восстания 1804, 1810–1812, 1830, 1840 и 1850 годов. Крестьяне ущелья Большой Лиахвы отстаивали свою волю и личную свободу от притязаний помещиков. В феврале 1851 года правительственный сенат России признал незаконными притязания князей Мачабели на крепостное право над осетинами» [30, с. 353].

Но писатель остановился на 1830 г. и подробно, любя и осетинских, и русских (в лице Олега — Алага) тружеников, написал картину национально-освободительной борьбы своего народа.

В романе созданы живые образы положительных героев. Читатель не желает расставаться с ними. Ему близки настоящие мужчины, исторические личности Ака Кабысты и Бега Коцты; но не менее привлекательны образы Курмана Тотойты, Кандила, Темла, Солтана, Алага и других. Чем они привлекательнее, тем ненавистнее становятся отрицательные герои романа. Чего стоит один только поступок ненасытного алдара Бардзима Мачабели в Чесельтском ущелье! Когда они приехали в Чесельт с приставом Васильевым, чтобы собрать дань (не для русского царя, разумеется, а для своей выгоды), и из этой затеи у них ничего не получилось, то появилась у них другая идея, достойная только слабоумия и «чести» Мачабели — на пастбище у детей отнять телят и угнать их.

Каждый герой романа живет своей жизнью, у каждого свой характер, но в то же время каждый из них выполняет свои художественные функции в динамичном и сбалансированном сюжете. В том числе и не отраженный до того в художественной литературе образ первого осетинского просветителя Иуане Агузаты, кем в свое время восхищался блистательный осетинский поэт, переводчик и литературный критик, близкий друг Нафи Григорьевича Георгий Бестауты. У осетинского просветителя Иуане Агузаты не осталось даже ни одной фотографии, не то что воспоминаний, но Нафи Джусойты нарисовал его образ с такой достоверностью, что надобность в фотографическом портрете первого осетинского просветителя отпала сама собой [1]. Действительно, «Нафи Джусойты показывает национальные характеры; его герои — благородные, красивые, мужественные люди, которые дорожат своей честью» [8, с. 34], — читаем у Азы Газдаровой.

А в целом роман «Кровь предков» Нафи Джусойты, со всеми его переплетениями и головокружительными

пропастями жестокого времени, ярко и всесторонне показывает жизнь горной Осетии в середине XIX века. И, несмотря на разные мнения, не зря он стал хрестоматийным со дня его появления [18]. Но настоящие споры вызвала диалогия писателя «Слезы Сырдона» («Сырдоны цаэссыгтæ», 2005). В романе автором показана широкая панорама жизни нартского общества, о котором повествует осетинский народный эпос.

В произведении Сырдон становится спасителем беднейших слоев нарта от гибели, носителем доброго и светлого в жизни, хотя в эпосе он является порой губителем нартского народа. Поэтому роман вызвал много противоположных взглядов.

Аза Хадарцева говорила: «...в романе «зло нартов» — Сатана, а не Сырдон, как в эпосе. Это уже не просто изменение мотивов действий, это другой характер, в котором вместо гибкого ума и женственности (образ хотя и знаменует остатки матриархата, но не исключает подобных качеств в женщине) — грубость, отсутствие эпического начала. И это все о Сатане, которая спасла нартов в голод, к которой нарты шли за мудрым советом и помощью» [34, с. 11]. По Георгию Дзугаты, нарт Урузмаг в романе не является мудрейшим аксакалом [23]. А Георгий Дзадтиаты даже упрекал автора в том, что придуманные им новые имена героев по стилистике не совпадают с именами героев нартского эпоса [22]. Но автору удалось с начала до конца пронести главную идею произведения — не грубая сила, не жестокая борьба, а человеколюбие побеждает в жизни; только оно приносит счастье народу. Автор перед собой не ставил задачу подражания сюжету гениального эпоса. Потому права Аза Газдарова, в частности, констатировавшая: «Н. Джусойты показывает мир насилия, в котором подавляется воля личности, попираются права простого труженика. Трагична судьба Сырдона, мыслителя и создателя, в обществе суровых воителей, где закон и мораль диктуются силой оружия. Роман вызвал неоднозначную реакцию литературной общественности. Мифические образы в интерпретации

писателя преобразились и критически воспринимаются защитниками «чистоты» эпоса. Но задачей писателя было не точное переложение эпических сюжетов, а создание современного романа, исследование природы насилия, поведения человека в экстремальных условиях. События XX столетия подтверждают предвидение писателя-мыслителя. Многоцветная поэтика романа «Слезы Сырдона», эпическое повествование прерывается лирическими отступлениями, в которых раскрывается авторский взгляд на происходящее» [8, с. 135–136].

Факт то, что роман способствовал появлению разных широкоформатных произведений в осетинской литературе, в том числе известных романов «Седьмое путешествие нарта Сослана» Михаила Булкаты [4] и «Нарт Фарнаг» Сергея Хугаты [36]. Это тоже говорит об его успехе в жанре осетинского романа.

Никакой жанр в художественной литературе, литературной критике и литературоведении для Нафи Джусойты не чужд. Он одновременно активно работает во всех жанрах и везде, можно утверждать без сомнения, добивается больших успехов. В свое время его стихотворная трагедия «Азау и Таймураз» («Азау æмæ Таймураз»), написанная по мотивам новеллы Сека Гадияты «Азау», была с удовлетворением принята осетинским зрителем.

Произведение отражает жизнь дореволюционных крестьян Осетии, но во многих аспектах материал трагедии соотносится зрителем с современностью.

Помимо указанной трагедии на сцене Юго-Осетинского государственного драматического театра были поставлены спектакли по одноименным пьесам Нафи Джусойты: «Венера – утренняя звезда» («Бонвæррон – сæуон стъалы»), «Или – свобода, или – смерть» («Кæнæ – сæрибар, кæнæ – мæлæт»), «Забывтая песня» («Рох зарæг») и другие.

Нафи Джусойты является выдающимся литературоведом и литературным критиком. Его фундаментальные исследования по истории осетинской лите-

ратуры и литературоведческие труды хорошо известны не только в Осетии и на Кавказе, но и в ближнем зарубежье.

Автора серьезно занимают художественные завоевания многих классиков мировой литературы. Он особенно интересуется вопросами взаимодействия разных национальных литератур и их ведущих художников. Об этом свидетельствуют его работы – «Книга друзей» [14], посвященная творчеству известных северокавказских писателей, и «Книга друзей и наставников» [13], посвященная общим проблемам развития литератур народов бывшего Советского Союза. Он избран членом Международной ассоциации литературных критиков в Париже (МАЛК).

Нафи Джусойты переводит много произведений из братских литератур на осетинский язык. Благодаря ему на осетинском языке звучат многие произведения А. Пушкина (в том числе и «Евгений Онегин»), Н. Некрасова, Л. Толстого, А. Чехова, А. Блока, Т. Шевченко, О. Туманяна, Я. Коласа, Р. Гамзатова и многих других.

На осетинский язык Нафи перевел стихи Коста Хетагаты и поэму «Фатима», написанные на русском языке, и издал их отдельной книгой – «Вселенная – отечество мое» («Дун-дуне – фыдыбæстæ мæнæн», 2014).

Благодаря Нафи Григорьевичу на осетинском языке мы читаем основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулиа («Мой очаг» / «Мæ ардзæст». Стихи и поэма, 1988), балкарского поэта Кайсына Кулиева («Балкарская свирель» / «Асыяг уадындз», 2002), русского гения Михаила Лермонтова («Я люблю Кавказ» / «Æз уарзын Кавказ», 2014), украинского народного поэта Тараса Шевченко («Мои думы» / «Мæ сагъæстæ», 2014), целую «Библиотеку классической драматургии» («Классикон драматургийы библиотекæ») в 4-х томах...

«Такая многогранность дарования, – говорил Кайсын Кулиев, – вызывает со стороны его товарищей и собратьев большое уважение к нему. А еще необходи-

мо добавить к этому прекрасные человеческие качества Нафи — благородство, честность, совестливость, верность в товариществе и дружбе, пытливість и широту интересов» [27].

Нафи Григорьевич Джусойты перехитрил народную мудрость — побежал за двумя зайцами и преуспел как в художественной литературе, так и в науках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бестауты Гиуæрги. Уацмыстæ. 3 т. Т. 3. — Дзæуджыхъæу, 2004.
2. Блок А. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. — Л., 1980.
3. Брюсов В. Я. Сочинения в 2 т. Т. 2. — М., 1987.
4. Булкъаты Михал. Нарты Сосланы æвдæм балц. — Цхинвал, 1988.
5. Ван Чун. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1, ч. 1. — М., 1969.
6. Гаглоиты Ф. Нафи Джусойты // Гаглоев Ф. и Джусоев Н. Писатели Советской Осетии. — Сталинир, 1957.
7. Гаджиты Геор. Уацмыстæ. — Дзæуджыхъæу, 2012.
8. Газдарова Аза. История и современность в художественной интерпретации Нафи Джусойты. — Владикавказ, 2002.
9. Гафез. Раздырд / Джусойты Нафи. Салдаты зæрдæ. — Сталинир, 1949.
10. Джусойты Нафи // Къоста. Дун-дуне — фыдыбæстæ мæнæн. — Дзæуджыхъæу, 2014.
11. Джусойты Нафи. Доброта. — М., 1969.
12. Джусойты Нафи. Ирон аив дзырды сæрвалтау. — Цхинвал, 1966.
13. Джусойты Нафи. Книга друзей и наставников. — Владикавказ, 2011.
14. Джусойты Нафи. Книга друзей. — Нальчик, 2003.
15. Джусойты Нафи. Мой горный край. — М., 1963.
16. Джусойты Нафи. Реки вспять не текут. — М., 1981.
17. Джусойты Нафи. Стихи, не сказанные матери // Коллектив авторов. Антология литературы народов Северного Кавказа (поэзия). — Пятигорск, 2003.

18. Джусойты Нафи. Фыдæлты туг. – Цхинвал, 1965.
19. Джусойты Нафи. Царды æвидигæ сагъæс. – Цхинвал, 2009.
20. Джусойты Н. У порога зрелости // Дружба народов. – 1968. № 7.
21. Джыккайты Шамил. Нæ ваййы рухсæн сау талынг йæ ингæн // Фидиуæг. – 2000. № 1.
22. Дзадтиаты Гиуæрги. Сырдоны цæссыгтæ / Советон Ирыстон, 1982. – 11 июня.
23. Дзугаты Георги. Сырдоны цæссыгтæ / Советон Ирыстон, 1980. – 26 марта.
24. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Рæстæг æмæ литературæ. – Цхинвал, 1985.
25. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Хæст æмæ зæрдæ. – Цхинвал, 1966.
26. Из архива автора.
27. Кулиев К. Поздравляем юбиляра / Литературная газета. – 1975. – 8 января.
28. Осетров Евгений. На родине Есенина / Коллектив авторов. В мире Есенина. – М., 1986.
29. Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. – М., 1974.
30. СССР. Грузинская Советская энциклопедия. – Тб., 1981.
31. Твардовский А. Т. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. – М., 1980.
32. Теппеев Алим. Аланский всадник / НВ, 1912. – 20 март.
33. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. – М., 1976.
34. Хадарцева А. А. К проблеме фольклора и литературы: на примере романа «Слезы Сырдона» // Литературная Осетия, 1982. № 6.
35. Хетагуров Коста. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. – М., 1974.
36. Хуыгаты Сергей. Нарты Фарнæг. – Дзæуджыхъæу, 2005.

ПИСАТЕЛЬ С ТРЕПЕТНОЙ ДУШОЙ

Первые шаги в литературе писатель обычно делает в молодые годы. Завоевав себе имя, подобно Михаилу Шолохову, в дальнейшем пожинает плоды своей известности. Однако бывает и так, что писатель приходит в литературу в зрелом возрасте, уже сформировавшимся человеком, и успехи не кружат ему голову, — он просто делает свое дело.

Таким писателем был Михаил Булкаты.

Михаил Гаврилович Булкаты родился 14 ноября 1928 года в селе Чарекаул Ахметского района, что в Кахетии. Родители его были простыми крестьянами. В детстве бегал в подпасках, учился в школе и одновременно работал в колхозе. Но никогда не забывал об учебе. В 1933 году отца Михаила Габо «раскулачили». По решению «тройки» семья Габо Булкаты была сослана в Казахстан, станция Шортанды, поселок Три-Четыре, где от голода и болезней умерли глава семейства и двое его детей — Александр и Уара. Оставшихся в живых жену и четверых детей из ссылки тайно привезли домой младший брат Габо Иорам и дядя его Ила, который, в отличие от Иорама, немного говорил по-русски. Будучи семнадцатилетним юношей Иорам обошел окрестные села с шапкой в руках и собрал пожертвования на дорогу. Все эти события писатель Михаил Булкаты отобразил в повести «Вот я, Господи» и в романе «Красный снег». В 1948 году Михаил Булкаты окончил Дуисскую среднюю школу и сразу же поступил в Тбилисский институт инженеров железнодорожного транспорта. Получив диплом инженера-эксплуатационника в 1953 году, Михаил Булкаты был направлен на Донецкую железную дорогу, где три года проработал на разных должностях.

В 1956 году Михаил Булкаты вернулся в Грузию и до 1991 года работал в Самтредском отделении Закавказской железной дороги. Трудовую карьеру начал простым диспетчером, а закончил начальником отделения пассажирского транспорта. В городке Самтредиа,

где проживал Михаил Булкаты, все хорошо знали друг друга, не раз делились хлебом-солью, но после распада Советского Союза, при Звиаде Гамсахурдиа, вдруг все вспомнили, что Михаил Булкаты — осетин, и ему следует либо признать статус «гостя», либо покинуть пределы Грузии. До тех пор большой друг и брат грузин, известный осетинский писатель, в одночасье превратился во врага, хотя сам приложил немало усилий для укрепления дружбы между грузинами и осетинами — перевел на осетинский язык роман Константина Гамсахурдиа «Десница великого мастера», регулярно публиковался в грузинских журналах и газетах.

Михаилу Булкаты пришлось бросить все, чего он добился за всю свою шестидесятилетнюю жизнь. Чудом спасая от смерти и с трудом перебрался в Северную Осетию через Азербайджан. Но и там не нашлось места писателю. В 1993 году он скончался от разрыва сердца в чужом доме села Октябрьское Пригородного района и там же был похоронен.

Свою первую поэму, посвященную В.И. Ленину, Михаил Булкаты написал на грузинском языке еще в школьные годы. И в дальнейшем он неплохо писал по-грузински. Но, как говорил сам писатель, только родной язык может быть средством передачи самых сокровенных мыслей. Все, о чем он думал, вначале облекались в родные слова и фразы, которые он сызмальства слышал дома. Между тем, в осетинской литературе и письменности, можно твердо сказать, Михаил Булкаты был самоучкой, так как курс школы и высшего учебного заведения он прошел на грузинском языке. А на осетинском языке он общался только с родными, которые, впрочем, по ироничному замечанию самого Михаила Булкаты, разговаривали на некоем «эсперанто», приправленном словами из разных языков.

Это обстоятельство до невероятности растянуло перед ним дорогу, ведущую к языку нашего Коста Хетагаты, с бессмертными произведениями которого он впервые познакомился в декламациях неграмотных сельских сказителей, хранивших в памяти и передававших

из уст в уста, как национальное достояние, «Нартовский эпос» и «Осетинскую лиру» Коста.

Невозможно без сердечного трепета читать размышления романтика Михаила Булкаты о кормилице-земле и не только о ней. Он вспоминал: «Кроме образа великого Коста, пришедшего ко мне благодаря декламациям неграмотных сельских стариков и превратившегося в суть моей повседневной реальной и горькой жизни, мою мысль еще оплодотворяет неугасающая память о фантастической любви моего отца Габо и моей матери Досыр к родной земле, возделывание которой ими было возведено в ранг культового ритуала. Эта память о преклонении перед культом земли настраивает меня в унисон с требованиями нашей сложной эпохи, принуждает жить правдой своих близких, считающих высшим благом для человека честный труд. Эта память заставляет меня ходить по многострадальной земле осторожно. Напоминаю народу: любите матушку-землю, ласкайте ее, обращайтесь с ней как с равной. Не думайте, что ее возможности неиссякаемы! Я поклоняюсь ей в своих произведениях и считаю, что это есть и поклон перед памятью тех, кого жестокие и кровавые репрессии культа личности безвременно лишили высшего блага — жить на родной земле и общаться с ней, как с живой».

В этом своеобразном завещании писателя ярко видно, почему грузинскому языку не суждено было стать орудием его мышления. И это затянуло приход писателя к осетинской художественной литературе.

Его первые рассказы: «Одна слезинка» («Иу цæссыг»), «Песня трактора и плуга» («Трактор æмæ гутоны зарæг») и «Раненый фандыр» («Нæмыгдзæф фæндыр») в журнале «Фидиуæг» были напечатаны в 1961 году. Это был дебют уже немолодого писателя. Но с помощью всемогущего художественного слова он смог раскрыть сердца своих героев, которые боролись, умирали за свободу своего народа и своей Родины во время Великой Отечественной войны и в жизненных коллизиях суровой, беспощадной действительности.

Рассказы Михаила Булкаты не оставляют читателей равнодушными. В них и сюжет, и архитектоника, и логика, и психология выверены до микрона, — все на своих местах, и нельзя в них что-нибудь поменять. Когда в рассказе «Такая долгая война» Малыш, от лица которого ведется повествование, почтальон Илас и дедушка Кудзи не в силах больше «держат горе при себе», ведь «эта война такая долгая...», то в первую очередь они признаются тетушке Нанион не в гибели Бечыра, а в том, что прострелен фандыр. Ибо «много горя помог перенести воинам фандыр, но на этот раз подвел и себя, и своего хозяина». И никто не смог скрыть от матери смерть сына.

«Гыцци перевязала рану фандыра черной повязкой и повесила рядом с фотографией Бечыра.

...Война кончилась давно. Только не для нас с Иласом. По вечерам мы ждем Бечыра в конце аула. Фандыр тоже молча ждет своего хозяина.

Как-то к нам зашел дедушка Кудзи, сел, побряхтывая, на треножник и спросил гыцци:

— Невестка, не найдется ли у тебя рога араки?

Гыцци, встрепенувшись, кинулась в шкаф.

— Как же, ма хадзар!! Как не найдется?!

Дедушка Кудзи пожелал долголетия семье. Не забыл и почтенных родителей и, упоминая об усопших, посмотрел в угол.

— Пусть живут в царствии небесном молодые, ушедшие от нас безвременно. — Он запнулся и после долгой паузы, протянув руки к фотографии, закончил тост: — За здоровье Бечыра!

Гыцци плакала и вытирала слезы краем черного платка.

— Горе мне! Какое же здоровье может быть у мертвых?

— Не права ты, невестка. — Кудзи встал и, постукивая посохом, направился в угол. Застыл перед фото-

¹ Дом мой (осет.).

графией и что-то долго шептал, точно молясь. Потом снял с гвоздя фандыр и вернулся к своему треножнику.

— Ты не права, невестка. Ты не права, мать невернувшегося сына!

Ногтем большого скрюченного пальца Кудзи задел нижнюю струну. Раненый фандыр задрезбезжал, как треснувший колокол».

И старик передал музыкальный инструмент другому Бечыру, маленькому сынишке Малыша, который давно стал взрослым и завел семью. Это как будто не самый плохой конец душераздирающего рассказа. Но нет, Михаил Булкаты не был бы таким самобытным писателем, если бы своему великолепному произведению не придумал другой, более оригинальный конец (вопреки ожиданиям читателя), который поднял рассказ на целую голову выше:

«А тяжесть семи черных бумаг Малыш с Иласом хранят и по сей день, потому что нет Бечыра, а без него они не могут разнести их по адресам».

Даже из этого маленького отрывка, который переведен на русский язык не вполне удачно, видно, как писатель работал над словом, какой душевной энергией насыщал его. И читатель не мог не заметить этого литературного приема, что не раз служил Михаилу Булкаты средством для достижения художественных целей в других произведениях.

Когда в 1964 году издательством «Ир» была выпущена его первая книга — сборник рассказов «Живой обелиск» («Удæгас обелиск»), то никто уже не сомневался, что в осетинской литературе появился настоящий талантливый писатель. Тогда известный осетинский прозаик Елиоз Бекойты, автор первой осетинской трилогии «Фатима», отметил, что молодой автор Михаил Булкаты рисует образы своих героев кистью маститого художника.

В этом был свой резон. Героев молодого писателя нельзя было спутать с тогдашними шаблонными литературными героями, которые бродили по колхозным полям и заводским цехам в поисках некоего идеала,

которые были готовы к самопожертвованию, но внутренней, духовной динамики в них было гораздо меньше, нежели внешней, антуражной.

Михаил Булкаты горячо интересовался историей алан, вникал в жизнь осетинской молодежи, людей старшего поколения, фронтовиков, тружеников колхозных полей и рабочих. Он много писал о них, но показывал по-своему, сообразно богатой фантазии. Михаил Булкаты оригинально решал проблемы нравственности, доброты и порядочности. Душе его были близки и переживания одинокого путника Коста, и мечта аланского оружейника Тоха, и плач коня Дзерана...

Патриотизм, мужество, нравственная чистота и преданность своему народу привлекают внимание писателя в книге повестей «Меч и резец» («Сарт æмæ кард», 1974). Обращаясь к истории осетинского народа, писатель рисует образы борцов за счастье народа, непоколебимых воинов Отечества.

Произведения Михаила Булкаты драматичны, психологически выверены, ярко свидетельствуют о нерасторжимой связи поколений и преемственности духовных ценностей.

Вот почему осетинский читатель полюбил героев Михаила Булкаты. Это не могло не радовать писателя, не вдохновлять его на новые свершения. Через некоторое время увидела свет историческая диалогия «От Терка до Турции» («Теркаæй – Туркмаæ», 1970, 1979), которая принесла автору известность настоящего масштабного писателя. Мастер художественного слова описывает трагическую историю переселения части мусульман, в том числе и осетин Северного Кавказа в Турцию во второй половине девятнадцатого века. Тогда царские чиновники и местные авторитеты во главе с генералом российской армии Муссой Кундухаты спровоцировали внушительную часть правоверных на переселение в Турцию.

Опираясь на исторические документы, на произведения народного творчества осетин и других народов, автор создал широкое полотно трагических событий колонизации Северного Кавказа.

После присоединения Кавказа царская Россия карательными акциями пыталась не только приструнить кавказцев, но и навязать им свою веру. И как все это происходило, как со слезами на глазах аборигены покинули родные места и подались в незнакомые края ради своей веры, — об этом автор пишет весьма убедительно. Именно диалогией «От Терека до Турции» Михаил Булкаты заявил о себе как о мастере исторического романа, тонком знатоке психологии и колорита народов Северного Кавказа и Закавказья, а также мастере батальных сцен. Осетинская литература пополнилась еще одним высокохудожественным произведением.

В романе «От Терека до Турции» представлено несколько исторических личностей, но важнейшими из них являются фигуры российского генерал-майора, турецкого дивизионного генерала, пятого сына осетинского алдара-мусульманина Алхаста, главы переселенцев — Муссы Кундухаты, главы Терского округа, генерала от кавалерии — графа Михаила Лорис-Меликова и никому не известного тогда поэта, классика осетинской литературы, певца переселенцев-мухаджиров — Темырболата Мамсыраты.

Муссу Кундухаты как историческую личность знали все и раньше, а образ Темырболата Мамсыраты в осетинской литературе был представлен впервые именно в романе Михаила Булкаты «От Терека до Турции». Для осетин это имело громадное значение.

В свое время блистательный осетинский поэт и литературный критик Георгий Бестауты, говоря о персонаже романа Нафи Джусойты «Кровь предков» поэте Иване Агузаты, заметил, что после Ивана не осталось даже фотографий, но Нафи нарисовал его образ с такой достоверностью, что надобность в фотографическом портрете первого осетинского поэта отпала сама собой. То же самое можно сказать и об историческом романе Михаила Булкаты «От Терека до Турции» и о его персонаже Темырболате Мамсыраты, отважном воине и поэте:

«Внезапно над головой Темырболата молнией сверкнула петля аркана, выгнулась, как Колесо Балсага, и закрутилась, посвистывая. Того и гляди сдавит горло, и он повиснет над пропастью в предсмертной дрожи. Но, слава Богу, обошлось. Темырболат выхватил пистолет и выстрелом перерезал веревку пополам. Однако петля успела обхватить его горло, и он увидел синие глаза смерти, в руках коей только что ослабла петля».

Или же:

«Темырболат врезал тому, что сидел перед ним в седле, и сбросил на землю. Тот закувыркался по склону, но быстро, как кошка, вскочил на ноги и наставил пистолет на упавшего с неба джигита. Темырболат перегнулся с лошади и попытался вырвать из рук врага оружие, но тот все же успел выстрелить, и пуля угодила в голову следующего за ним по пятам коня, на котором сидел всадник с саблей наголо».

Эти и многие другие пассажи романа дают живое и яркое представление о герое. Разумеется, у искусства своя правда, но если эта правда пополняет весьма скудные данные о личности поэта Темырболата Мамсыраты, то ей нет цены.

В романе «От Терека до Турции» автор, пользуясь различными художественными приемами, наглядно продемонстрировал, как царская армия не только уничтожала противостоящих ей аборигенов, пытаясь сломить их волю, но и вынуждала покидать родные места и бежать в Турцию. Многие из беженцев, в том числе и Темырболат Мамсыраты, отлично понимали унижительность этой акции, но ничего не могли предпринять. В народных песнях той эпохи бросается в глаза поразительная самоирония:

*Стамбулма лиддзыстем,
Харегей дзы хуым каендзыстем,
Сыстей мыггаг таудзыстем,
Лыскъей хардга каендзыстем.*

(«Стамбулдауты зарæг»)

*В Стамбул ли сбежим,
Вспашем ли землю ослами,¹
Вошью будем ее сеять,
Гнидой будет наша одежда.*

(«Песня идущих в Стамбул». Подстрочный перевод.)

Писатель обнажил перед читателем скрытые страницы трагедии кавказского народа. Благодаря Михаилу Булкаты осетинский читатель получил долгожданное историческое произведение о мухаджирах.

Нынче дилогия пользуется большой популярностью среди осетинского населения. В 2011 году в издательстве «Ир» Северной Осетии вышло второе издание романа «От Терека до Турции». Впрочем, произведение давно стало хрестоматийным, что лишней раз подтверждает неординарность личности писателя.

Для Михаила Булкаты история осетин всегда была актуальной. Но, что самое удивительное, он не искал своих героев, они сами приходили к нему, словно бы за советом — как поступить в той или иной ситуации. В соответствии со своим личным моральным кодексом он предлагал героям несколько вариантов поведения, и те поступали единственно верным образом, вовлекая читателя в круговорот Добра и Зла, вынуждая его задуматься о судьбах предков и о месте их в современной жизни.

Спустя три года после издания второй книги вышел в свет второй исторический роман Михаила Булкаты «Чечь предкам твоим» («Дæ фыдæлтæ рухсаг», 1982). В новом произведении писателя с большой исторической достоверностью воссоздана борьба алан против татаро-монгольских захватчиков, не жалевших даже грудных детей. Историк Захар Ванеты писал: «После разгрома Грузии, монголы под начальством Джеба и Судудая в 1221 г. двинулись через Дербент на Северный Кавказ. Об этом походе Ибн-Эль-Асир рассказывает так: «Перебравшись через Ширванское уще-

¹ Неприличное, оскорбительное занятие человека у осетин: «*Хæрæгæй хуым кæны*».

лье, татары двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе аланы, лезгины и (разные) тюркские племена. Они ограбили и перебили много лезгин, которые (отчасти) мусульмане и (отчасти) неверные. Нападая на жителей той страны, мимо которой проходили, они прибыли к аланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Они (аланы) употребили все свои старания, собрали у себя толпу кипчаков и сразились с ними (татарами). Ни одна из обеих сторон не одержала верха над другой. Тогда татары послали к кипчакам сказать: «Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесем вам денег и одежды, сколько хотите: оставьте нас с ними». Удалось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и проч. Они (татары) действительно принесли им то, что было выговорено, и кипчаки оставили их (алан). Тогда татары напали на алан, произвели между ними избиения, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на кипчаков».

Эти события из истории предков осетин не могли не взволновать Михаила Булкаты. Роман «Честь предкам твоим» насыщен яркими образами, язык — сочный, сюжет и архитектоника продуманы до мелочей. Такое произведение не может не радовать думающего читателя, патриота своей страны.

Тема третьего романа Михаила Булкаты «Седьмой поход Нарт Сослана» («Нарты Сосланы æвдæм балц», 1988) как будто осталась прежней. Но это ошибочное предположение. Автор отправляет героя осетинского эпоса Нарт Сослана и реального исторического персонажа Чермена Тлаттаты в неведомый, Третий мир, в котором, по воле правителей этого мира, людей купают в молочном озере, дарующем человеку вечное блаженство в иллюзиях, но отнимающем память о прошлом. И больше его ничего не тревожит, потому что он позабыл чувство любви и сострадания к ближнему.

«Блаженство человека-муравья углублялось от созна-

ния того, что он стоит на страже родины и защищает интересы великого Третьего мира! Он возводил стену, укрепляющую его бытие, но, видя заходящее солнце, чувствовал, как в нем оживает черный призрак мысли, и улыбка застывала на его губах... Он принимал хлеб-соль великодушного Дзаха, но что-то тревожило его, а что — он никак не мог вспомнить, и лишь душа, похожая на белое полотно, рвалась на две половинки: одна часть уже принадлежала тьме, а другим завладело солнце. Счастливцев отходил ко сну, но он уже не был таким счастливым, его светлая участь походила на лебедя с подбитым крылом, потому что за каждой встречей с Хурзарин следовало душераздирающее карканье недобитых мыслей. Время, втиснутое в прошлое, настоящее и будущее, снова напоминало счастливицу о кроваво-красных заревах, о темных ночах и светлых днях», — это краткое описание автором Третьего мира. Нартскому герою Сослану приходится, как в эпосе, прибегать к силе и хитрости, чтобы образумить несчастных, обманутых людей.

В романе Михаила Булкаты Третий мир представлен как тоталитарная система чудовищного подавления личности. Полный крах такой искусственной системы неизбежен, и автор мастерски описывает этот процесс.

К сожалению, читатель, по милости осетинских издателей, пока не знаком с четвертым романом Михаила Булкаты «Красный потоп» («Сырх хъаймæт»), с многими эссе и литературными портретами.

Михаил Булкаты активно и плодотворно работал и в области художественного перевода. Одинаково хорошо переводил как с грузинского языка на осетинский, так и наоборот — с осетинского на грузинский.

ПРЕРВАННЫЙ ПУТЬ

Чтобы после первой публикации оказаться в гуще литературной жизни и в литературе — явление весьма редкое. Но случается. И к таким счастливым литераторам относится поэт и переводчик незаурядного талан-

та, так рано ушедший из жизни (в возрасте 46 лет), Георгий Бестауты или, как мы все ласково называли его в литературных кругах — Бестау. С появлением в осетинской поэзии — в журнале «Фидиуæг» в 1954 году было напечатано его первое стихотворение «Гроза» («Тæрккъæвда») — его имя неразрывно связано с осетинской художественной литературой. Он в осетинскую поэзию внес чистое, свежее, чудотворное дыхание, окрыляющее человека своим романтическим голосом.

Вне всякого сомнения, удивительным человеком был Георгий Бестауты. Он был необыкновенным не только как человек, но и как поэт, и как литературный критик, и как публицист, и как переводчик.

Как ни странно, но он жил в созданном им самим мире. И никто и ничто, даже смерть, не в силах отнять у него это чудо. Поэзия и поэтическая жизнь для него были превыше всего. Только поэт может сказать с гордостью:

*Не целую глаз ничьих
После глаз твоих, о Муза,
Дверцы неба — настезь вмиг,
Твоего молю союза.*

*Ах, как много говорят,
Что за тайны открывают!
Пусть печален Музы взгляд —
Сердца скорбь приметно тает.*

(«К Музе». Все перев. Н. Орловой)

Георгий Бестауты на самом деле лелея молился «той душе, где спознался» с очами Музы «За рассвет большой души В мире ангелов — словами». И мы верим поэту: «Дверцу тихо затворю, чтоб не выдать сердца горесть, Сон, нетленную зарю, Потаеннейшую повесть».

Нетрудно себе представить, как бы Бестау жил на этой земле, если бы не было поэзии; я же не могу даже подумать, какой бы бедной была осетинская поэзия без его романтического, мужественного творчества. Он непременно был рожден для служения лите-

ратуре. И невольно думаешь — если бы не было чуть заметной оттепели в конце пятидесятих годов прошлого столетия, как бы расцвел такой удивительный талант и какой бы урожай поэта увидели в зимней стуже того времени. Ведь жизнь всех осетинских писателей, живших и творивших до него, была трагичной. В 37 году в Осетии, как на юге, так и на севере, чудом остались только два писателя, — старик Арсен Коцоиты и Нигер, — других, только за то, что были осетинскими писателями, уничтожили за вольнодумство. Только за стихотворение «Барс в зоопарке» Георгия Бестауты бы «бдительные суперцензоры» повесили на первом же сучке на первом попавшемся дереве. Потому что поэт высоким художественным словом романтично нарисовал, как когда-то горящими глазами, чье появление камыш превращал в переполох, священный для осетин зверь в клетке, на неволе, лежит на полу, как тряпка; городской, трусливый парень вонзает в нос ей палку. А кому-то нужна была не поэзия, а голые, сухие лозунги.

Но Бог, слава ему, всемогущему — дал поэта, дал и оттепель его времени. И поэт в стихотворении «К Терреку» жизнь превращал в поэзию: «По Кубани, по моей далекой Удадь пронеслась, Там печали гнет меня не трогал, Песня не рвалась. Тут-то с неба пал и огорошил Черный столб огня! Скиф я, эдакий и нехороший, Выручай меня! Враг мой — узкоглазой тьмы песчинка, Кровь пролить был рад, — Только вышла у него заминка — Побежал назад!»

Он был немногословным. Но каждая его строка невиданной, художественной стрелой вонзалась в сердце читателя. Ему близки были победоносные ратные победы его предков — «Под твоею верною защитой, Друг мой боевой, Плыл я с трубкой тростниковой, скрытый Вместе с головой». Радовался их давнишним победам. Твердо знал — осетинская нация сохранилась благодаря их самоотверженной борьбе. И не мог не гордиться этим, представляя себе, как он сам воевал с ними:

*Враг, победу празднуя до срока,
По ущелью мчал,
Меж лопаток — «ж-ж-ж!» ему глубоко
Я стрелу вогнал.*

*.....
И пускай скрывается дыхание,
В вечный непокой
Искры «Симда», «Нартов» полыханье
Я пронес с собой.*

Не только история своих предков, его тревожила и судьба Цезаря, и национально-освободительная борьба греческой поэтессы Яннакопулу Фотулы, смерть Патриса Лумумбы, Гримау Хулиана, Гулиа Дмитрия и многих других.

А тому, как Георгий Бестауты работал над словом, можно посвятить монографию. Поэт с ювелирной точностью подходил к созданию художественного образа в своих произведениях. И это ему удавалось всегда.

*Лучший друг — твой Брут бесценный —
на тебя свой меч поднимет
И клинком честолубивым прямо в сердце угодит,
И любимая ухнетя вволю муками твоими,
И тебе, как и Амрану,¹ печень коршун закогтит...*

(«Монолог Цезаря»)

То, что читателю не хочется прервать чтение стихотворения, говорит о том, что поэт, как виноградная гроздь, собирает вместе не только избранные слова, звенящие рифмы, но и звуки, образы, разные поэтические средства. И все это вместе помогало ему создать маленькие шедевры, к которым относится стихотворение «Каменное дитя», написанное, используя слова известного русского поэта И. Сельвинского: «Мне стыдно, когда умирают Люди моложе меня»:

¹ В осетинской мифологии — Прометей.

*Двухлетний ребенок изваян из камня седого,
Двухлетний ребенок в ответ не промолвит ни слова.
Он в вечный гранит, словно в склеп, забежал ненароком,
И вот остывает улыбка на камне убогом.*

*Чужое дитя, ты, как солнце, угасло зловеще,
В застывших глазах я читаю упрек виновато.
Чужое дитя, седина моя, видишь, трепещет,
Каким-то бессильным стыдом пред тобою объята.*

Жаль, что в переводе целиком и полностью не удалось сохранить, по словам римского оратора Марка Туллия Цицерона, не только «в общей совокупности смысл и силу отдельных слов», но и смысл целых предложений. Хотя работа хорошая.

Чем талантливее мастер слова, тем труднее достичь глубины его мыслей. А Бестау непременно относится к таким поэтам.

Георгий Георгиевич Бестауты родился 5 мая 1932 года в селе Годжитыкау Цхинвальского района Южной Осетии в бедной крестьянской семье. Маленькая родина будущего поэта была красивой. Но ни родителям его, ни односельчанам для нормальной жизни не хватало ни земли, ни средств для содержания скота. И односельчане по-одному уходили в поисках новой, лучшей жизни.

Будущий поэт начальную школу окончил в родном селе, но в 1945 году его родители переехали жить в Мамисатыкау близ Цхинвала. Парень в начальных классах учился в осетинской школе и не владел ни русским, ни грузинским языками. Поэтому его не приняли ни в одну городскую школу, так как они функционировали только на этих языках. Тогда его временно приняли в первую грузинскую школу: овладеет грузинским языком — оставят учиться, не овладеет — отправят домой. Но за короткое время талантливый парень овладел грузинским языком так, что стал одним из лучших учеников. Среднюю школу окончил с отличием и в 1952 году поступил на грузинское отделение факультета журналистики Тбилисского государственного уни-

верситета. И университет тоже окончил с отличием. Его однокурсники-писатели не раз говорили, что Георгий Георгиевич их родным языком владел лучше, чем они сами.

Первые литературные пробы Георгий Бестауты делал в годы учебы в средней школе, а, будучи студентом, показал себя талантливым поэтом. По окончании университета его приняли на работу в редакцию журнала «Фидиуæг» заведующим отделом поэзии. Стал ответственным секретарем, а с февраля 1972 года по ноябрь 1973-го работал главным редактором журнала. Потом его перевели главным редактором книжного издательства «Ирыстон».

Это для такого талантливого поэта было понижением в должности. Но нужно было кормить семью и приходилось терпеть все.

Талант же — Божий дар, который невозможно скрыть. Он никогда не отпускал голову. Твердо знал, что он справедливый человек и великолепный поэт, и всегда был горд этим. Иронически смеялся над теми, которые желали ему зла: «Прошлой ночью на меня напала свора, Задиралась, провожая вдоль забора. И такая злость владела псами, Я смотрел и улыбался под усами: Знал, что значат этот ор и эта драка — Невтерпеж им то, что я, вишь, не собака» («Прошлой ночью на меня напала свора»).

Но человеческий организм не всегда выдерживает то, что дано выносить разуму. И Георгий Бестауты, до конца своей жизни остававшийся на службе, тяжело заболел. Большой поэт, удивительно широкой души человек, скончался 31 июля 1978 года.

Начало литературной деятельности Георгия Бестауты относится к 1952 году — тогда его стихотворения на грузинском языке были опубликованы в газете «Сапчота Осети». В них сквозит тонкость поэтических чувств трепетной души молодого человека. Но поэт, будучи студентом, уже начал творить на родном осетинском языке. Когда в 1954 году в журнале «Фидиуæг» опубликовали его стихотворение «Гроза» («Тæрккъæвда») на

родном языке, стало понятно, что в осетинской поэзии появился яркий талант. И хотя так бывает не часто, чтобы с первой публикации писатель привлек внимание читателей, но Георгий Бестауты стал таковым. И это непременно говорит о большом таланте большого художника слова. Он старался в каждом своем произведении быть оригинальным. И ему удавалось творить так, чтобы не обманывать ни себя, ни читателей:

*Как в молитвенном восторге, к небесам воздели руки
Ясень, граб, орех сторогий, не спуская с неба глаз,
И на лес мой обнаженный льется лунный свет упругий,
И – в изломах – то мрачнеет, то – вовсю сияет наст.*

*И серебряной водою лес безлиственный заполнен,
Плещут кованые струи, отбегая в полный мрак.
... Вот каким я лес увидел, как любимую запомнил,
И его заснял мгновенно в резкой памяти вот так.*

(«Фото зимней ночи»)

То, что он мастер осетинской словесности и окружающий мир видит образно, подтвердил вскоре его первый поэтический сборник «Буря» («Уадтымыгъ», 1978). Он действительно ворвался в осетинскую поэзию, как буря. Поэт свои произведения в основном творил в духе романтизма и это не было связано с какой-то там школой романтизма. Романтика к нему пришла через народное творчество, которое лелеял всю свою жизнь. Не зря поэт писал в предисловии к книге Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (1975), переведенной им: «Витязь в тигровой шкуре» главным образом привязал меня к себе не только своими большими идейно-художественными свойствами и не общекавказской душой, нет, я в нем обнаружил признаки осетинской культуры, которые когда-то были родственны гремевшей истории осетин». Об этом говорит и выдающийся иранист Васо Абайты в своей научной работе «Вокруг поэмы «Витязь в барсовой шкуре». Да и в 9-й строфе пролога поэмы прямо говорится: «Это – персидская повесть, переведенная на грузинский язык; как ред-

кую жемчужину, ее хочется лелеять, перекатывая с руки на руку; она попалась мне, и я переложу ее в стихи, совершу подвиг, будет чем гордиться» (Абаев В.И. Избранные труды. Т. 1. — Владикавказ, 1990. — С. 496.).

Давно известно, что осетинский и персидский языки являются родственными. Георгий Бестауты отлично знал это, как и осетинский народный эпос «Нартские сказания», и то, что романтические походы его героев всплывали в его мыслях, видно и из цитаты предисловия. Это тесно взаимосвязано с его романтикой:

*Тише, сердце, звуки, прочь,
Сердце бьется с придыханьем.
До краев налита ночь
Скрытым, сдержанным пыланьем,
И, надеждою полна,
Дарит счастье или слезы?..
Черной пеною волна
Носит спутанные косы.*

(«Тише, сердце...»)

В годы советской власти приоритетным был и процветал соцреализм. Социскусство якобы не противостояло предшествовавшему искусству. Но это на бумаге. А на самом деле другие направления художественной литературы были не в цене. Но это не смущало Георгия Бестауты. Его эстетические взгляды были ярким выражением романтической концепции поэзии и прекрасного. И тому, что поэт был прав, свидетельствует его творчество. Его романтизм не был прогрессивно-романтическим и не смешивался ни с какими философско-эстетическими и социально-политическими влияниями.

Скорее всего, романтизм Бестауты и многих осетинских и советских писателей можно назвать новым термином — соцромантизмом, — хотя многие литераторы это связывают с модернизмом, — где Георгий Георгиевич чувствовал себя, как рыба в воде.

Его романтическая фразеология и ритмика, образ-

ное видение и символика, архитектоника и поэтика тесно связаны с реальной жизнью. Его стихи очень лиричны. Созданный им образ автобиографического лирического героя весьма обаятелен и потому очень притягивает читателя.

Георгий Бестауты никогда не торопился печатать новые произведения. Но после первой книги увидели свет и вторая, и третья: «Радость жизни» («Царды цин», 1962) и «Ночь и день» («Æхсæв æмæ бон», 1966). Перед осетинским читателем раскрылся художественный мир поэта. Его великолепными стихами восхищались лучшие литераторы и писатели Осетии. Тогда еще молодой, талантливый поэт и литературный критик, редактор его первой книги Хаджи-Мурат Дзуццати восхищался тем, что поэт Георгий Бестауты мир рисует образами, не мертвыми, статическими, а живыми, динамичными образами (*Дзуццаты Х.-М. Фæндаджы райдайæн / Бестауты Гухæрги. Уадтымыгъ. — Сталинир, 1958*).

Ответственный секретарь Юго-Осетинского отделения Союза писателей Гафез назвал его обнаженной саблей (*Гафез. Æлвæст кард / Фидиуæг, 1959. — № 3*). Высоко его ценили и известные осетинские писатели Грис Плиты, Георгий Дзугаты, Нафи Джусойты, Михаил Булкаты, Хаджи-Умар Алборты и многие другие.

Четвертая — последняя книга поэта увидела свет с тринадцатилетним перерывом. На это были свои причины. Одна только работа над переводом поэмы «Витязь в тигровой шкуре» отняла у него целых десять лет. Целых десять лучших лет для творческой работы. Но то, что он сотворил, это воистину бесценно.

Ни один любитель поэзии не сможет равнодушно пролистать такие стихи как «Буря» («Уадтымыгъ»), «К Музе» («Музæмæ»), «Каменное дитя» («Дур саби»), «Монолог Цезаря» («Цезары монолог»), «Барс в зоопарке» («Стай зоопарчы») и многие, многие другие. И это потому, что они все ярко отображают душещипательные

проблемы нашей жестокой, несправедливой и суровой жизни.

Георгий Бестауты отлично знал, что волнует сердце читателя. И решал эти проблемы по-своему. По-человечески. С помощью настоящего художественного слова. Всевышний в этом не обидел нашего поэта — дал ему и ум, и талант, и смелость. Дал ему и такое образное видение, чтобы он замечал всю красоту на созданной им земле. Читаешь его пейзажную лирику и не можешь оторваться. И это только потому, что человек не хочет расстаться с красотой, созданной Г. Бестауты, потому что лучше поэта никто это не выразит:

*Как передо мною — в небо дверь открылась,
Или это сказка, рай неугасимый?!
Что за наважденье в Дзауе, что за милость,
И закат дурманит, как заклятье, сильный.*

*Будто льется ливень золотого гула,
Горы отвечают небу синим звоном,
Что меня за сила к небу притянула,
И свирель проснулась в сердце обновленном.*

И поэт по-своему романтически описывает их в стихотворении «Вечер в Дзауе», как — «В небо подлетают кустики ли, птахи, В облака садятся, в синеву ныряют?!» Он удивлен, как «Луносвет гуляет в серебристой чаще, Ледоходом лунным режет мглу ущелья. Запах хвои полон света, ликования, Дзауское ущелье поднялось высоко».

Но опять лучше послушать самого поэта:

*Босиком березы тянутся по скалам,
Словно альпинистки из России росной,
И, ползком взбираясь над глухим обвалом,
Ангелоподобны, изогнулись сосны.*

*Чьи эти ягнята по реке несутся,
Или это волны — пены, кучерявы?
Или я от ронга не могу очнуться,
Или то — весенней признаки отравы?*

*Небо — лик любимой в грезам надо мною,
Накрепко привязан я к бровям летучим,
А луна — алмазной пламенной сергою
Брызжет ярким смехом в черных прядях тучи.*

Поэт не скрывает свою радость, что его край обетованный Ир живет и дышит под крылом у Бога. Да и невозможно скрыть такие чистые и большие чувства — настоящую поэзию.

Пейзажные стихотворения Георгия Бестауты «Радость ранней весны» («Рагуалдзæджы цин»), «Осень» («Фæззæг»), «Раннее утро» («Сæурайсом»), «Радость жизни» («Царды цин»), «Фото зимней ночи» («Зымæгон æхсæвы ныв») и многие другие, словно драгоценные камни, украсят пейзажную лирику любой художественной литературы любого народа.

Талант поэта ярко проявился в интимной лирике. Его лирический герой сияет, как солнце. Любящее сердце его не знает покоя. Постоянно стучал, искал, летел над землей и в небесах... Но никогда не стоял на одном месте... Потому что — любил. Любил так, как никто не мог любить до него. И вспоминаются слова К. Симонова: «Как я выжил, будем знать Только мы с тобой, — Просто ты умела ждать, Как никто другой» (Симонов К. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. — М., 1979. — С 159.). Любовь у нашего поэта кристально-чистая и несравнимая. И благодаря этой любви Георгий Бестауты стал первым поэтом в осетинской поэзии, чье творчество не дает покоя любящим сердцам. В стихотворении «Белая тревога» говорит:

*Ты, гордый ангел мой, ушла на самом деле,
И пропасть подо мной разверзлась в тишине,
Ледовая зима, суровые метели
На белых скакунах — вломились в сердце мне.*

*И белая печаль, сковав надежду, длится,
Во мраке глаз моих — тумана белый прах,
На мертвый белый снег рябины кровь сочится,
И соловей молчит на скованных ветвях.*

Иногда человеку кажется, что первые поэтические строки родились именно в любящем сердце. Где любовь, там и поэзия — чистая, высокая, прекрасная. Люди восхищаются любовной лирикой великих поэтов от Петрарки до Ади. Никому не дают покоя великие, чудесные, любовные творения Торквато Тассо, Уильяма Шекспира, Иоганна Вольфганга Гете, Джорджа Гордона Байрона, Генриха Гейне, Александра Пушкина, Коста Хетагаты и многих, многих других. Окрыляют миллионы, миллиарды людей. Римский государственный деятель и философ в конце 5 — начале 6 веков Боэций потому утверждал, что любовь «правит землею, и морем, и даже небом высоким». Такая мысль привела и немецкого поэта 18-го века Шиллера сказать, что «любовь и голод правят миром». Но мы зачастую забываем посмотреть вокруг себя. Не зря ведь говорят, что большое видится на расстоянии.

В осетинской интимной лирике поэзия Георгия Бестауты, не побоюсь этого слова, занимает первое место. Большой душе — большой любви. От красоты чувственной он восходил к красоте духа и восхищенно страдал от любви, так как их судьбы скрестились, как сабли. Но его лирический герой знал твердо: «Сидит с тобою рядом — кто жить умел всерьез, Но над душой твоею лишь я умею власть» («За праздничным застольем перед тобой сейчас...»). Но от этого ему становилось не легче. Потому молится:

*Я под дождем бреду своей дорогой,
Мне щеки студит ледяной крупой.
Плачь, небо, приласкай хоть ты немного,
Я истомился в этой тьме слепой.*

*Иду, и льется звездами в посуду
Серебряного проливня добро...
Напрасно сумасшедший мой рассудок
Звездopodobным звал их серебро.*

*И в мутной луже звездчатые капли —
Что твой змеиный вспыхнувший зрачок.
В молеельнях свечи не горят, не так ли?
Сердца связует ледяной зарок.*

*А в высоте, куда ты так стремилась,
Толются души у бумажных роз.
Летающим каплям небо отоснилось —
И в грязных лужах пляшут, где пришлось.*

Поэт молился о любви, молился Создателю, чтобы его любовь осталась чистой. Не надо забывать высказывание Фридриха Ницше: «Одухотворение чувственности называется любовью». Поэт, окрыленный любовью, старается образно нарисовать портрет любимой, лаконично передать свои душевные переживания и с помощью большого поэтического мастерства это ему удавалось всегда. В этом ему очень помогали яркие, легко запоминающиеся детали.

То, что он боготворил любимую, был готов увести ее куда-нибудь подальше от чужих глаз, перед ней стоять на коленях и молиться ей как ангелу — это говорит о чистой любви поэта. Но в жизни и любовь не бывает всемогущей. Лирический герой поэта потому задыхается в любовных муках:

*Нет, небо, не ласкай, душа не хочет,
Покамест синь сияет высоко,
Здесь — над молящимся — святой до слез хохочет,
И свечи гаснут быстро и легко.*

(«Я под дождем бреду своей дорогой»)

На этом завидном поприще творца тонких лирических строк даже сравнить с ним никого невозможно. Хотя осетинская интимная лирика занимает достойное место, стоит на высоком уровне.

Такое важное место занимает и в области художественного перевода. Вообще по опыту осетинского художественного перевода можно открыть целую школу. И в этой школе наследие Георгия Бестауты займет особое место. Если бы он на родной осетинский язык перевел только поэмы «Алгузиани» («Алгъуызы кадæг») и «Витязь в тигровой шкуре» («Стайы цармдарæг»), то все равно остался бы в осетинской филологии как великий переводчик.

За перевод Руставели прекрасный осетинский писатель и переводчик Михаил Булкаты и его супруга из города Самтредиа поздравляли его: «Перевод Руставели — это успех всей осетинской литературы и праздник осетинского художественного слова. Мы благодарим тебя, мы любим тебя за это безмерно».

В области перевода его перу принадлежат десятки шедевров художественной литературы, но вершиной его литературных достижений как профессионала-переводчика является перевод на родной язык «Витязя в тигровой шкуре» Шота. До Георгия Бестауты многие попытались перевести гениальное произведение мирового значения. Харитон Плиты и Яков Хозиты из поэмы перевели и издали отдельные главы. Мухтар Саулохты перевел произведение с помощью подстрочника и оно было издано на осетинском языке в 1943 и в 1960 годах. Но Бестау осуществил перевод с оригинала. Ему на этом поприще помог его яркий поэтический талант, что в итоге привело к блистательному результату.

Георгий Бестауты также являлся опытным литературным критиком и публицистом. В его литературно-критических статьях слог — четкий, мысли — ясны, а суждения — правильны. А это говорит о его высоком, литературном потенциале. Но ему, к сожалению, не суждено было своим литературным и жизненным опытом воспользоваться в полной мере. Рано прервался его жизненный путь. Но литературный след, который оставил поэт и переводчик, всегда будет сиять во дворце осетинской литературы. А мне мой рассказ хочется закончить стихотворением Георгия Бестауты, написанным им перед смертью и говорящим о смысле его жизни:

*Прощайте, сны весны моей певучей,
Беда и радость, тающая боль!..
В последний раз от них звездой падуцей
Восходит в полночь — солнце надо мной.*

*И молниями — сердце озарилось,
Душа громами полнится, живет,
И радуги вселенской многокрылость
Над ангельской улыбкой восстает.*

*И мой зародыш — стал звезде товарищ,
Забыв объятья черные земли,
И солнца луч — был знак моих пожарщи,
Что в синеву высокую вели.*

*Чтобы, сгорая, сердце трепетало
Огромным солнцем истинной любви,
Земле родимой вечно отдавало
Свет животворный, проливни свои.*

*И то был сон, покуда дремлет разум,
И лишь во сне ты к небу шел, поверь, —
Ужасный гвалт ударил в уши разом —
И сон вспорхнул — лови его теперь!..*

*Померкла радость,
Полдень сгас и сгинул,
Но все равно, я — будущего гость,
И о небесном сне земного сына
Я первый рассказал, когда пришлось.*

ИСПОВЕДЬ ПОЭТА

Поэзия, как и сами поэты, разнообразна. Одни витают в небесах, любят высокопарные слова и высокопарную поэзию о небесной лазури, а другие предпочитают рисовать реальную жизнь миллионов и миллионов людей. Ко второй категории относится осетинский поэт, участник Великой Отечественной войны Коста Маргиты.

Прав был известный осетинский поэт и литературный критик Хаджи-Мурат Дзуццати, говоря о творчестве Коста Маргиты: его взгляд привлекают непривлекательные предметы, повседневные явления, происшествия, рисунки и детали, в них простым человечес-

ким взглядом нельзя увидеть ничего поэтического, но без них для поэта нет ни жизни, ни поэзии. И ему не приходится клясть «судьбу, хоть ноша нелегка». И в жизни, и в поэзии Коста Иосифович не склонен к хитростям, как два быка из его одноименного стихотворения. Благодаря усердной работе его жизненная философия с помощью поэзии доходит до читателя:

*Пускай скалистая гряда,
пускай погонщик груб,
вдвоем и горе не беда.
Лишь был бы рядом друг.*

*Над ними солнце целый день
качается в рогах.
И не для них трава и тень...
И грусть стоит в глазах.*

*Быки нисколько не хитрят
и не щадят себя.
Но иногда они хотят,
чтоб сжалилась судьба...*

*Гуляет палка по бокам,
и ноша нелегка.
Но делят участь пополам
два друга — два быка.¹*

(«Два быка»)

Я не зря вспомнил это стихотворение. Поэт отлично знает, что работа стихотворца символически схожа с работой кормильца семьи — быка. Его спасение — в его работе. И если он просит «времени ветер, паломника веков», чтоб тот пронесся по аулу его земляков, игрою с детьми огласил каждый дом и уважением к старикам, то просьба эта — не ради собственной выгоды, а ради счастья трудового, миролюбивого народа.

Нельзя забывать слова великого Карла Маркса: «Если

¹ Все стихотворения переведены Ник. Гороховым.

человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком». Коста Маргиты имеет полное право говорить с гордостью:

*Умножь на земле наших дел красоту —
пусть песни поются про нашу мечту.*

*Пусть лад будет в доме, а хлеб — на столе.
Пусть горе не ходит по светлой земле.*

*Пусть радость природы и разум людей
пребудут в союзе всех будущих дней...*

*О времени ветер, паломник веков,
уважь эту просьбу моих земляков!*

(«Ветер времени»)

Несмотря на просьбу к ветру времени, поэт живет в такое тяжелое время, что во имя своей свободы, во имя свободы своего народа и своей Родины ему пришлось воевать против фашизма в годы Великой Отечественной войны, а на склоне лет пришлось пережить ужас двадцатилетней грузино-осетинской войны.

Коста Иосифович Маргиты родился в тяжелое для осетинского народа время — 15 июля 1922 года в селе Мимилоткау Знаурского района Южной Осетии в бедной крестьянской семье. Детские годы будущего поэта прошли в нужде. Но советская власть дала мальчику возможность учиться грамоте. После Принеуской семилетней школы Коста поступил в осетинскую среднюю школу села Аунеу и получил в 1941 году аттестат зрелости.

Сразу после этого началась Великая Отечественная война, и Коста Маргиты призвали в ряды Красной Армии. С декабря 1942 года по май 1945 года он был в действующей армии и внес посильную лепту в разгром фашизма. Только в декабре 1946 года он был демобилизован. Не зря поэт спрашивает своих ровесников,

друзей: «Была ли молодость у нас?..» в те годы, когда редел их строй, «и каждый был на смерть готов».

У молодых людей его поколения не было иного выбора — «Был прост Отечества приказ: «В смертельном выстоять бою и раздавить врага-змею!» У них не было даже времени задавать подобные вопросы. Они, такие душераздирающие мысли, — «Была ли молодость у нас?..», — приходят после войны, когда молодые годы, словно журавли в тревоге, пролетели мимо:

*«Была ли молодость у нас?..»
Был залит кровью снежный наст —
на сотни верст по всей земле,
лежащей в дыме и золе.*

*«Была ли молодость у нас?..»
Иссяк в бою боезапас,
без сухарей и табака —
с ножами шли мы на врага...*

*«Была ли молодость у нас?..»
Закат над милым краем гас.
И наши девушки вдали —
скорее вяли, чем цвели.*

Каждый вопрос, если встанет ребром, требует своего ответа. На этот раз — поэтического ответа. Повторяя слова известного режиссера, актера, педагога, академика Константина Станиславского — «подлинность вещей должна смениться подлинностью чувств», и эти чувства не дают покоя Коста Иосифовичу.

Поэт хорошо знает, что свои молодые годы, свою жизнь, всю радость души миллионы молодых отдали «стране — на самой горестной войне». Он видел, как «поседали в том бою — в том, самом первом, что потом всю жизнь» их «жег своим огнем...». И хотя своих друзей, павших на поле брани, поэт вспоминает со слезами на глазах, он не падает духом. Как полагается настоящему воину, защитнику Отечества, Коста находит мужественный ответ на свой, на первый взгляд, риторический вопрос, и его голос твердый и сильный:

*Я вспомню молодость мою!
И, встав, седой, из-за стола,
вдохну и выдохну: — Была!*

(«Ровесникам»)

И мы верим ему, солдату, победившему фашизм. Потому что в его словах нет лицемерия. Он не способен говорить неправду. Мы уверены, что «За родительский светлый порог / юность, верная долгу, шагнула. / И тревога военных дорог / увела далеко от аула». Ради этого ему пришлось пройти путь нелегкий, «пил из чаши и горечь, и радость...», чтобы было людям в жизни радостно, светло. И он горд этим:

*Это я говорю, чья любовь
исцеляла военные беды, —
если надо, осилю все вновь
и пройду от беды до победы.*

*Больно сердцу порою от ран...
Но жить в мире спасенному свету, —
Это я говорю —
ветеран,
целовавший в уста Победу!*

(«Майский ветер по зелени дня...»)

Коста Иосифович — преданный сын своей Родины. Он, где бы ни был, что бы ни делал, знает предел мирозерцанию: «...этот свет небес, что смотрится в родник», «...этот синий день, что снова» видит ныне, «на всех ветрах судьбы хранил в душе святыней — священнейших могил не осквернил язык». И все это дает ему право любить сыновней любовью свой народ и свое Отечество. Если говорит — «в скитаниях моих не видел краше мест!» — то ему нельзя не верить. Он прав — «Их просто, видно, нет — коль я отсюда родом... / Здесь корни дней моих, впоенные народом, / я — капелька его талантливых примет...»

Лирический герой поэта не может не радоваться, увидев родину отцов, но стихотворение и с ним автор,

выигрывают тогда, когда с ним радуется и читатель. А произведение не оставляет его равнодушным:

*Вернулся я к тебе, о родина отцов,
родимый мой аул, земля моя родная,
стою я пред тобой, от радости рыдая...
Нагнусь и припаду я к роднику лицом —*

*увидю облака, соринки от травы,
а рядышком пчела пьет воду и бормочет...
О милая моя!.. Что мне поведать хочешь
в разливе золотом июльской синевы?*

(«Вернулся я к тебе...»)

После войны будущий поэт один год поработал в колхозе родного села, потом его приняли на должность редактора осетинской передачи Юго-Осетинского радиовещания. В 1950 году Коста Иосифович перешел на работу в редакцию журнала «Фидиуæг» литературным работником. Литературный журнал, орган Юго-Осетинского отделения Союза писателей — хорошая работа для молодого поэта, но в редакции «Фидиуæг» он не задержался. В октябре 1952 года перешел в редакцию газеты «Коммунист», где был назначен заведующим отделом газеты — печатного органа Юго-Осетинского обкома Коммунистической партии и областного исполнительного комитета. Но и там он работал недолго. Занимал ответственные должности: с января по сентябрь 1955 года он — уполномоченный республиканского радиокomiteта по Южной Осетии; в 1955—1957 гг. — ответственный секретарь журнала «Фидиуæг»; в 1959—1975 гг. — сотрудник газеты «Советон Ирыстон»; в 1975—1985 гг. — ответственный секретарь Юго-Осетинского отделения Союза писателей. С 1986-го по 2009 год работал литературным консультантом в Союзе писателей Республики Южная Осетия.

Несмотря на занятость, Коста Иосифович постоянно старался повышать свои знания. В 1957—1959 гг. был слушателем Высших литературных курсов при Союзе писателей СССР. С 1961 по 1965 год учился на заочном

отделении Литературного института имени Максима Горького в Москве.

Коста Иосифович относится к поколению осетинских писателей, которые в литературу пришли в предвоенные годы. Но поэтом он стал в годы Великой Отечественной войны. Молодой поэт в своих стихотворениях, написанных во время войны, создал образ советского воина, защищавшего свое Отечество от фашистских захватчиков. Начинающий поэт смог показать любовь защитника Родины к Отечеству, способного на героический подвиг во благо родной земли. Смог художественно нарисовать образ патриота Отечества. Его солдат озабочен судьбой своего народа и Родины, и это дает ему силы бороться за справедливость и за мир во всем мире.

Когда поэт говорит, что мальчишкой за стадом ходил, старался делать все лучше; прошел всю войну — стоптал не одну пару сапог, то понимал, что платил отчизне сыновний долг. Но успех его был в том, что все время чувствовал себя перед Родиной и народом вечным должником. Это ведет его от одного успеха к другому. Но лучше послушать его самого:

*Вернулся с войны... Поле предков пахал.
И вроде бы был от забот моих толк.
О милой отчизне стихи написал...
И все же за мною остался мой долг.*

*Тревожусь: не вечна дорога моя...
Но как бы ни краток был жизненный срок,
святая святых моего бытия — долг!*

(«Долг»)

Произведения Коста Иосифовича отличаются доходчивостью, простым построением сюжета, ясностью языка, поэтикой.

Стихотворения, написанные во время войны, вошли в первый сборник поэта «Мои песни» («Маэ зарджытæ», 1952). Впоследствии поэт издал десятки книг: «Зæрдæйæ-зæрдæмæ» («От сердца к сердцу», 1956), «Суа-

дон» («Родник», 1960), «Царды фæндагыл» («На дорогах жизни», 1964), «Уæзæг» («Очаг», 1968), «Æвзæрст уацмыстæ» («Избранные произведения», 1972), «Агурын ме ‘взонгад» («Ищу свою молодость», 1975), «Фондз чызджы зарæг» («Песня о пяти девушках», 1978), «Цард æмæ мæлæт» («Жизнь и смерть», 1986), «Фыццаг уарзт» («Первая любовь» 1989), «Зæрдæйы хъуырдухæнтæ» («Мучения сердца», 2003) и многие другие. И всегда главной темой в его творчестве был патриотизм. Лирический герой Коста — искренний, чувствительный, заботливый и всегда готов помочь тем, кто нуждается в помощи.

Другими важными темами в творчестве поэта являются созидательный труд, отношение любящих сердец, природа родного края, человеческая забота о братьях наших меньших...

Творчеству Коста Иосифовича присуща гуманность. В этом отношении нельзя не сказать о стихотворении «Уæрцц» («Перепелка»), где несчастную перепелку лирический герой «на базаре, среди шума и гама, / где надуть тебя всякий готов», «увидел в руках мальчугана» «певунью лугов».

Когда лирический герой покупает перепелку, кажется, что пришел конец певунье, и сопереживаем несчастной птице, которую ожидает незавидная судьба. Но успех произведения в другом — лирический герой сообщает нам с радостью:

*То ль моя незажившая рана
вдруг заныла среди ясного дня...
Я отдал ему деньги... И странно
птица билась в руках у меня —*

*словно волю душа ощутила!
Как бы жизнь ни была солона,
в птице пели и радость, и сила...
И расправила крылья она.*

*Улетела!.. Спаслась от неволи.
(Я купил ее — чтоб отпустить.)
Только что же все стыдно до боли?
И кого в этой боли стыдить?!*

А стыдить кого и из-за чего, всегда было и есть, только бы думать о жизни, о нашем существовании на этой земле. И об этом, хоть дидактично, но поэт не забывает в своем прекрасном стихотворении в конце произведения:

*Люди, люди...
Во храме зеленом
пусть поет перепелка всегда,
пусть над птичьим единственным домом —
как над нашим! —
не грянет беда...*

Произведения Коста всегда конкретны, отличаются своей идейностью и ясностью мысли. Поэт для своих стихотворений находит задушевную ритмику, и это ему помогает поэтическим языком говорить образно.

Коста Иосифович — поэт-лирик, и о жизненных проблемах говорит душевно и лирично. Старается непременно решить их средствами душевной, чувствительной и многогранной лирики. Он «сомневается», — это тоже одно из средств поэтики, — все песни, что он «пел родной земле, / достойны ль быть такой высокой чести, / как хлеб земли на праздничном столе, / когда сидим мы за столом все вместе», «иль в этой жизни песнь моя слаба — негромок голос и слова невзрачны»? И в таких «сомнениях» рождается настоящая поэзия, которая находит дорогу к читателю:

*Ах, сколько лет душа, как ворожке,
внимала пенью, что в самом звучало!..
Не в розах путь мой...
Но в моей судьбе —
я поклонюсь, все повторив сначала.*

*Пройду огонь, что нес земле беду,
осилю боль, испью все слезы боли,
вернусь домой, благословлю звезду,
что в час вечерний упадет над полем.*

Когда поэт утверждает, что «свет, что душу озарит, / упав и став частицей нашей жизни, / пребудет выше всех моих обид — / то свет звезды полей моей отчизны», — мы верим ему. А когда народ верит творцу прекрасного, то для него это наивысшее счастье. Поэт потому непреклонен:

*И я опять доверюсь маете —
искать слова, что полные отваги,
должны служить работе и мечте,
а не лежать сонливо на бумаге.*

*Найду ль такие?! Бог мне пусть судья.
Но я не грешен пред землей отчизны —
я сын ее
и лира ей моя
поет о высшем смысле нашей жизни.*

(«Моя лира»)

Высший смысл нашей жизни — только любовь, ради нее человек вершит чудо красоты. Но прав Виктор Гюго: «Никакая внешняя прелесть не может быть полной, если она не оживлена внутренней красотой». А внутренняя красота приходит с любовью. Только любовь к Родине, к ближнему, к окружающему способна сподвигнуть человека на дела, угодные Богу.

И когда Коста Маргиты пишет о любви, особенно о любви мужчины к женщине, читатель уверен, что его лирический герой ни в одном слове не лукавит — все идет от любящего сердца поэта. Поэтому его интимная лирика так близко к сердцу принимается читателями таланта нашего юбиляра.

Поэт уверен — нельзя ошибиться в любви: «Один лишь шаг — и меркнет свет», но и к счастью надо сделать только один шаг.

*Шагнешь и — счастлив на века.
Шагнешь — навеки в горе...
Всего лишь шаг!
И как горька
порой мольба во взоре...*

*Но мы идем земным путем
до устья, до заката,
где наш последний вечный дом —
откуда нет возврата.*

*Да, каждый шаг — и боль, и свет...
Да, нет назад возврата...
Но этим терням дней и лет —
мы благодарны свято!*

(«Шаг»)

Коста Иосифович является еще и хорошим переводчиком. Перевел на осетинский язык много произведений писателей братских народов. Но для родного народа он первым долгом является поэтом, автором многих поэтических сборников. Для осетинской поэзии он сделал немало, но еще больше он желает родной Осетии: то, что есть в ней, пусть «свято сохранится, умножится в веках, хранимое десницей прекраснейшей из всех, чье имя мудро: Мать!»; чтобы жила «в мире и любви», хранила «своих птенцов, но пусть не возгордится никто из них, когда придет пора летать»; «тучнеют пусть стада, трава лугов лоснится, ласкает нивы дождь — пусть грома колесница развозит над» ней живую благодать; пусть вечно с гор ее «полет орлиный длится, пусть мирный свод небес бедой не омрачится, звезда» ее «ночей не устает сиять»... И все это во имя безграничной любви к своей Родине:

*Осетия моя, что мог бы пожелать
тебе, когда бы знал — желание свершится?
Пусть путник в дверь твою доверчиво стучится —
есть хлеб, и есть вино, беседа пусть струится
у доброго огня — беседе той под стать.*

*Осетия моя, что мог бы пожелать
тебе, когда бы знал — желание свершится?
Пусть солнца луч живой над зеленью искрится,
пусть в каждом лепестке твой образ повторится —
Отчизне и Любви забвения не знать.*

*Осетия моя, что мог бы пожелать
тебе, когда бы знал — желание свершится?
Храни тебя любовь. Пусть в людях колосится
удача дней твоих... В веках, как говорится, —
мир дому твоему, что осенен десницей
прекраснейшей из всех, чье имя вечно: Мать!*

(«Осетии»)

Это — самая священная молитва, поэтическая исповедь благодарного сына благородной, любимой и священной Родине. В произведениях поэта нашли отражение как ратные подвиги бойцов Советской Армии, так и защитников Осетии в течение двадцатилетней грузино-осетинской войны. Осетию поэт уподобляет прекрасной девушке, ставшей защитником Отечества в тяжелое время испытаний. И это его поэзию делает привлекательнее.

За заслуги перед Родиной Коста Иосифович Маргиты награжден многими правительственными наградами: орденом Отечественной войны второй степени, медалями — «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За Победу над Германией» и другими юбилейными медалями. К 80-летнему юбилею ему вручен орден Почета Республики Южная Осетия. Он является заслуженным работником культуры республики, лауреатом премии Совета Министров СССР «Летопись пятилетки».

Все творчество Коста Иосифовича: стихотворения и поэмы, рассказы, которыми поэт нас редко балует, литературно-критические статьи — со всеми его удачами и неудачами, можно охарактеризовать коротко — исповедь поэта.

СЛОВО О КАМАЛЕ ХОДОВЕ

Исследование идейно-художественных особенностей творчества одного из ведущих поэтов Осетии Камала Ходы диктуется потребностями развития современной осетинской поэзии. Творчество этого яркого

поэта является своеобразным зеркалом осетинской поэзии конца XX — начала XXI вв.

Знакомясь с поэзией Камала Хазбиевича, мы вновь убеждаемся в истине В.А. Жуковского: «Жизнь и поэзия — одно». Не зря в основе его элегической лирики «лежат конкретные биографические факты...».¹

Изучение художественного мира Камала Ходы является средством познания его поэтической индивидуальности и определения места поэта в осетинской поэзии. Он не только поэт и мыслитель, который, по мнению одного из ведущих поэтов и литературоведов Осетии Шамиля Джиккайты, стремится с помощью художественного слова защитить землю от огня страдания и все это видно в его творчестве.²

Несмотря на то, что о произведениях Камала Ходы не раз высказывались известные осетинские писатели и литературные критики, в том числе Нафи Джусойты, Шамиль Джиккайты, Михаил Булкаты, Ахсар Кодзати, Борис Хозиты и другие, однако его идейно-художественный мир до сих пор не становился объектом самостоятельного исследования. А без этого, как нам кажется, нельзя определить эстетическое значение творчества поэта и его место в истории национальной литературы.

Поэт создал прекрасные образцы поэтических произведений как в осетинской классической традиции, так и в свободной форме поэзии — верлибре. Он является одним из ведущих поэтов Осетии, но в то же время он и отличный переводчик, и драматург, чуткий критик, публицист и общественный деятель и все это определяет его роль в истории современной осетинской литературы и общественной жизни.

Творчество Камала Хазбиевича, как мы уже отметили, привлекает многих литературоведов и литера-

¹ Пигарев К. В. В. А. Жуковский // Жуковский В. А. Баллады, поэмы и сказки. — М., 1982. — С. 6.

² Джиккайты Шамиль. Цæхх æмæ кæрдзын // Мах дуг, 1967. — №6. — С. 100.

турных критиков, но вопросам художественности его поэзии до сих пор не уделялось достаточного внимания, анализировалось, в основном, идейное содержание его произведений.

В данных статьях ваш покорный слуга попытался прояснить, как с помощью поэтических средств субъективные представления о повседневности превращаются в художественный мир поэта. Большое внимание уделено также раскрытию психологического склада и нравственной сущности лирического героя. Потому что, книги «поэта-патриота, поэта-лирика и поэта-философа, размышляющего о ценностях непреходящих, но с позиций нынешних»,¹ — как говорит Ирина Гурджибекты, всегда нужны читателю.

СМЕЛОСТЬ ПОЭТА

В творчестве известного осетинского поэта Камала Ходы внимание читателя привлекает и содержание, и форма, и поэтика. Основные черты его поэтического искусства — оригинальность образов, эмоциональность, своеобразие формы...

Камал Ходы в осетинской поэзии появился в нужное время и со своим назначением — открыть настежь поэтическую душу человека второй половины двадцатого века.

И хотя год его рождения совпал с началом Великой Отечественной войны и отец его не успел «дожить до седин» («Не успел отец...»), он никогда не делал из жизни трагедию, наоборот, он осмеливается из трагичной сути жизни творить художественный образ. Это — смелость поэта.

Анахарсис, скифский царевич, не зря «высказывал удивление тому, что у греков выходят на состязание художники, а суд о них произносят нехудожники».²

¹ Гурджибекова И. Г. На расстоянии слова / Социалистическая Осетия, 1989. — 18 августа.

² Козаев А. И. Анахарсис. — Цхинвал, 1982. — С. 122.

Камал Ходы никому не оставляет шансов судить о жизни вопреки его опыту.

И это не потому, что до его прихода в осетинской поэзии не было талантливых художников. Гриш Плиты, Гафез, Александр Царукаты, Нафи Джусойты, Георгий Бестауты... были живыми классиками осетинской поэзии. Но осетинская литература нуждалась в открытом, вольном дыхании Камала Ходы. И в трудные военные годы «где-то детский смех канул навсегда», но уже тогда он бредил другим:

*Эхо водопадов¹
Слышал я в зной,
Сердцем уходил
На свет впереди...
Словно песня гор рождалась со мной,
Набирая силу в моей груди.²*

(«Не успел отец...»)

И, несмотря на то, что его поколение дало осетинской поэзии таких ярких поэтов, как Ахсар Кодзати, Васо Малити, Шамиль Джиккайты, у Камала — свой яркий путь и в жизни, и в поэзии.

Вряд ли кто-нибудь будет доказывать, что у большого русского поэта Николая Рубцова и у Камала Ходы есть что-то общее. Говоря словами Владимира Бондаренко, который, цитируя слова другого яркого русского поэта Юрия Кузнецова, пришел к мысли о том, что «...искра славянскому уму» была высечена поэзией Николая Рубцова».³

Бондаренко тонко отметил значение поэзии Рубцова. Он не был похож на поколение шестидесятников своего времени. Сам понимал это и был горд своей оригинальностью:

¹ Все стихотворения, в которых не обозначены переводчики, переведены Владимиром Еременко.

² Ходов Камал. Своим чередом. — М., 1988. — С. 5.

³ Бондаренко Владимир. Неожиданное чудо Рубцова / Литературная Россия, 2004. — 21 мая.

*Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком.
Пойду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!*

(«Экспромт»)

И Камал Ходы проторил свою жизненную и творческую дорогу, чтобы «жить в своем народе». Не зря сказал известный осетинский писатель и литературовед Нафи Джусойты: «Из стихотворений Камала Ходова меня особенно трогают, словно прикосновенье голубинового оперения к сердечной сути, те, которые порождены его личными биографическими впечатлениями». — И далее он упоминает стихотворение «Вспоминаю деда...», в котором поэт говорит о папaxe, ноговицах, о доспехах, но с горестью замечает: «...не могу припомнить твою улыбку...».²

Таким образом, с помощью одного поэтического образа читатель понимает, в каких условиях приходилось деду воспитывать своего внука — лирического героя Камала Ходы.

Одна, казалось бы, маленькая деталь — лирический герой в облике своего деда запомнил все, только не его улыбку. Но сколько в этом человеческого горя!..

Поэзия Ходы многоголосая. С первого взгляда сразу и не заметишь, чего в его стихотворениях больше — внутренних переживаний, любви или раздумий. И все это удивительно сочетается с помощью зримых образов, разнообразных деталей, четкого ритма и звенящих рифм. И что самое главное — Камал не делает это искусственно. Потому сказал о нем Лев Озеров: «Лирика Камала Ходова впечатляет своей естественностью и доверительностью».³

¹ Рубцов Николай. Избранное. — М., 1982. — С. 167.

² Джусойты Нафи. Чувство — пламя песни / Хурзэрин», 2001. — 20 июня.

³ Озеров Лев. Без пяти минут / Литературная Россия, 1972. — 25 августа.

Его творчеству доступны, как мы уже говорили, все формы поэзии. Глубоким лиризмом отличается его стихотворение, написанное верлибром «Разговор с матерью»:

*Ты прости мне,
Если случится так,
Что забуду, как вслед
Бежал по пятам...
И любовь, что когда-то
Прятал, чудак,
От тебя,
В дороге людям раздам.*

*Ты прости мне...
Ты не можешь знать,
Но впервые в жизни
Шепчу: прости...
От колен твоих —
Начало пути,
И конец его
Рядом с тобою, мать.*

(«Разговор с матерью»)

Юрий Кузнецов, которого нередко называют последним классиком русской поэзии, о другом осетинском поэте сказал: «А. Кодзати в совершенстве владеет такой трудной формой поэтического мышления, как верлибр».¹ Эти слова прямо можно отнести и к творчеству Камала.

Владение формами поэзии помогает поэту переворачивать местные проблемы в болевые точки общества в целом. И не случайно: мечта орла — летать выше туч.

Творчество Камала Хазбиевича выигрывает и тем, что поэт отлично знает то, о чем и о ком говорит, и все это с любовью и с оригинальным видением предмета изображения. И мы тоже переживаем вместе с ним. «Когда не возвращается корабль», над ним рыдают одинокие волны; «овдовевшие жены на заре одева-

¹ Кодзати Ахсар. Яблоко нартов. — М., 1974. — С. 66.

ют траур»; воротилы и клерки «начинают дрожать в страхе за место»...

Но, к сожалению, это еще не все. Самое трагичное, как бывает обычно, находит поэтическое звучание в самом финале произведения:

*А далеко, на земле,
Под ветром
Вздыхает лес на родине корабля.
И по щекам потемневших пней
Ползут
Солоноватые
Капли.*

(«Когда не возвращается корабль...»)

Поэзия Камала Хазбиевича ценна тем, что автор не утомляет читателей рассуждениями, не пытается воспитывать их нравственными проповедями. Он закручивает в узел разные ситуации, а читателя заставляет распутывать их. А чаще всего «заставляет» сопереживать.

Мать, у которой погиб сын, даже плакать уже не могла, «долго глядела на дверь. Только слезы лились». Утешали ее, говорили, что «Жизнь беспощадна. Поверь. Осознай и смирись». Но смертельно раненное сердце не принимает утешения:

*Поднималась, как прежде, ни свет ни заря.
Озирала жильё...
«Все, что падает с неба,
Выносит земля», —
Утешили ее.*

*И до срока пришла ее осень, пыля
Вдоль опавшей листвы...
Все, что падает с неба,
Выносит земля,
Но не сердце, увы!..*

(«Все, что падает с неба, выносит земля...»)

Камал постоянно в поисках чего-то нового, не сказанного до него другими мастерами художественного слова. А, как мы знаем, тот, кто ищет, всегда находит.

В стихотворении «Ночь в Стыркومه» небо загромыхало. Даже мир к земле приник. А село «свернулось вмиг калачиком, как мокрая дворняга». Но это только начало. Если бы все закончилось на этом, то Камал бы не был самим собой. Великий философ-энциклопедист Лейбниц не зря сказал: «Известен случай, когда человеку показалось, что он сочинил новое стихотворение; в действительности же оказалось, что он задолго до того дословно прочитал его у одного древнего поэта. Часто нам необычайно легко понять некоторые вещи благодаря тому, что мы их поняли уже раньше, хотя и не помним этого».¹

Таких примеров в любой литературе можно найти немало. Но наш поэт всегда старается, чтобы его произведения всегда отличались своей оригинальностью. Добиться этого бывает очень трудно. Но и на этот раз — в стихотворении «Ночь в Стыркومه» — Камал нашел нужные краски, чтобы показать суровую красоту одной из деревень Осетии:

*Издадека — натужный волчий зов...
Сквозь ярый ливень молния сверкнула.
Вновь силуэт разгневанного тура
Там, на скале... И свет в глуши лесов.*

*Ночных небес тяжелая рука
Скрывается, дрожа от нетерпенья,
И рушит свет. Оглушены растенья.
И на груди земли — ни огонька.*

*С волками и водой в единый дых
Громадный ветер подвывает грому...
Пусть путники найдут дорогу к дому,
Где домочадцы молятся за них...*

Знакомясь с поэзией поэта, восхищаешься точной топографией его творчества. И что самое главное — чувствуешь «знакомого леса прохладу» у края его род-

¹ Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 2. — М., 1983. — С. 107.

ного села Батако и видишь, как «затихло в объятиях ночи», и слышишь, как «Хриплый лай Сытых собак Умолк» («Затихло в объятиях ночи...»); для нас тоже «...целый мир — Ущелье Бида» («Не успел отец...»); чувствуем «На турбазе «Зарамаг», что хмурые дни скоро растворятся в мерном дожде, «С рокотом темным уносится к морю Адай. Словно старуха, в тропу упираясь клюкой, Черная ива стоит над ревушей рекой...»

Все это говорит о таланте поэта. О его многогранных возможностях в создании поэтического слова. Он умеет простые жизненные ситуации и пейзажи превращать в поэзию. В настоящую, прекрасную поэзию.

А это, слава Богу, он, как поэт от Бога, умеет делать по-своему на высшем уровне. Благодаря поэту мы влюбляемся в его «маленькую», прекраснейшую родину. Александр Твардовский будто о нем сказал: «Для всякого художника, в особенности художника слова, писателя, наличие этой малой, отдельной и личной родины имеет огромное значение. Есть писатели, читая которых не удастся почувствовать, распознать, откуда они, есть ли у них своя река или речка, было ли у них когда-нибудь детство».¹

Ходов, безусловно, относится к первой группе писателей. И это в настоящий момент, когда молодежь оставляет свои родные деревни в погоне за длинным рублем, имеет большое значение.

Камал Хазбиевич настоящий интернационалист («У памятника Пушкину», «Сердце поэта», «Я вижу...»). Человек учится у породившего его народа и «малой, личной родины». «Трудно представить себе и такого интернационалиста, который бы желал, чтобы его родной народ покидал отчизну, веками насиженные места, и расходился по всему белому свету»,² — не зря

¹ Твардовский А. Т. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. — М., 1980. — С. 26.

² Джусойты Нафи. Елбасдуко Бритаев. — Цхинвал, 1963. — С. 27.

отметил Нафи Джусойты, говоря о жизни и творчестве классика осетинской литературы Елбыздыко Брытиаты. И Камал станет устами основоположника осетинской литературы Коста Хетагаты утверждать:

*«Пусть свечюю сгорю во тьме,
Лишь бы песней земной
Ложь и льстивых продажный дух
Начисто истребить...
Может, разум наш и душа
Отринут фальшь и корысть,
Даже надежда наша и та
Изолгалась насквозь.*

*Словно горох, рассыпан народ...
Или нить порвалась?..
К фарну¹ предков дороги нет,
Уастырджи,
Наставь!»*

(«Молитва поэта»)

Мельничное колесо без воды не вертится. Поэт хорошо знает, что так говорить его заставляет горькая судьба народа: «От долгой песни в сердце след горяч. В ней прошлое — Как черная дорога...». Он видит в образе «черной дороги» эту судьбу. И потому задает родине вопрос, навеянный горестным прошлым: «Скажи мне, чем Ты прогневила бога, Осетия?» Последовал ответ почти безысходного трагизма: «И песнь твоя — Как плач» («Слушая народную песню»).

Повседневные жизненные ситуации, преображенные в памятливом воображении поэта в художественные произведения, ярко свидетельствуют о подлинном таланте и мастерстве Камала Хазбиевича.

¹ Фарн — достоинство, слава.

ГОСУДАРИТЬ В СВОЕМ МИРЕ

Всем памятно наставление Николая Некрасова — каждый человек «гражданином быть обязан».¹ А это достоинство приобретается любовью к родной земле и преданностью интересам родного народа. Не заметить эти черты в творчестве Камала Ходы невозможно. Воспеть Родину он считает своим долгом:

*Если к бедам твоим я не буду причастен душой
И, с твоим помирившись врагом, протяну ему руку,
Если в битве решающей стать не сумею стрелой
На тугой тетиве твоего беспощадного лука,*

*Если сердце свое не оставляю в горах,
Если пренебрегу я родным языком хоть однажды,
То святая земля твоя примет ли грешный мой прах,
Родники твои мне принесут ли спасенье от жажды!*

*Сыном Хода и сыном Осетии с этого дня
Мне не быть —
Покарают презрением оба меня!*²

(«Осетия». Перевод С. Вольского)

Благодаря признанию поэта в любви к Родине, она и нам становится ближе, невыразимо дороже. И мы уверены, что лирический герой поэта к бедам своей Родины всегда будет причастен душой. Мы верим, что он в решающей битве за Родину всегда сумеет стать стрелой «на тугой тетиве» ее «беспощадного лука». Для подлинного сына Родины и голые камни родного края являются бриллиантами. Великий балкарский поэт Кайсын Кулиев в своем прекрасном стихотворении «Раненый камень» обращается к камням, которых также «война бедой не обошла»: «О камни родины! В огне и гуле Мы вместе закалялись в грозный час, Пронзали

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. в 15 т. Т. 2. — Л., 1981. — С. 10.

² Авторский коллектив. Антология осетинской поэзии. — Владикавказ, 1984 — С. 582.

нас одни и те же пули, И жгло одно и то же пламя нас».¹

Поэт отлично знает, что пуля всего лишь кусочек свинца, «Когда ружье без курка, Не стало рыбы — Что за река? Пустыня — Без орла небеса» («Одному стихотворцу») и слово поэта не стоит ни медного гроша, если он «оды пел, как солому жевал...». Для Камала Хазбиевича поэзия — «словно матери предсмертное слово», «как преданность Родине тяжела и легка».

Камал знает свой долг перед народом. О том же, как выполняет этот долг, лучше самого поэта не скажешь: «Люди! Я готов претерпеть И вынести все! Кроме вашего равнодушия. Изо дня в день Заря отражается в моих окнах. Изо дня в день В ваших глазах отражается моя надежда. Люди! Я неразличим среди вас. Но — плоть от плоти вас, И моя надежда Высока, как горы Осетии» («Слово к людям»).

Не обязательно, чтобы поэт пел в прямом смысле о Родине. Для его лирического героя Родина воплощается и в образе родной матери. Она для него все — и свет в глазах, и опора в жизни:

*Свет на мгновенье
Вспыхнет из темноты:
Вот и опора душе
На дороге дней...
Нет у меня никого
Дороже, чем ты.
Ты моя мать,
И ты навсегда сильнее.*

*Благослови же меня,
Благослови!
Не предпочту я в мире
Путей других!
Голос горит в груди,
И борьба в крови...
Как перед богом,
Перед тобой затих.*

(«Разговор с матерью»)

¹ Кулиев Кайсын. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. — М., 1987. — С. 142.

По Максиму Горькому «дети — живые цветы земли»,¹ и мать своему цветку естественно внушает любовь ко всей земле и к самим людям. Поэтому лирическому герою Камала не безразличны судьбы человека и мира. Потому молится фарну Осетии:

*Фарн Вселенной!
Да падут от тебя
Продажный, и тот, кто купил имя,
И те, кто хулит свой народ,
И те, кто презирает другие.*

*Если ничтожный сел на Трон Славы,
Отринь его,
Дабы не был погребен на своем одре,
О Родина!*

(«Тост»)

Родина всегда прекрасна, но особенное очарование ее образу придает видение поэта. Его лирический герой обостренно чуток к малейшим изменениям в природе. «Неподдельная близость к природе помогла автору еще в начале 50-х годов разглядеть контуры проблемы, которая стала одной из центральных для нашей поэзии последующего десятилетия, — писал Л. Лавлинский о творчестве русского поэта Сергея Орлова. — Речь идет о сложности взаимоотношений между одушевленным существом и машиной, о некоторых сторонах технического прогресса, представляющих опасность для всего живого».²

У Камала Хазбиевича природа — самостоятельный мир, живой и близкий человеку, способный «красою вечною сиять». И в этом мире «Тайный снег оставляет на сердце след. В океане тумана на свет» держит свой путь поэт («Давняя любовь»).

¹ Горький М. Собр. соч. в 16 т. Т. 1. — М., 1979. — С. 304.

² Лавлинский Л. Поэзия мужества и доброты // Орлов Сергей. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. — М., 1979. — С. 8.

Нашему поэту глубоко понятна и близка мысль Жан Жака Руссо: «Одна только книга открыта всем очам, это книга природы... Она говорит всем людям и языком, понятным для всех умов».¹ И эту книгу Камал читает по-своему.

*Снег — белый-белый — с пепельного неба...
Река томится в шубе ледяной.
Неясный желтый свет в окошках. Слева
Береза. Приглушенный хруст порой.*

*Вот лошадь ржет. Вот скрип саней по снегу.
И — выстрел. И внезапный лай собак.
Борзая. И озябший заяц с нею
Из леса. Воль: — Держи! — Пали же! — Ах!*

*— Из-за тебя ушла добыча наша!
— Полегче ты! Оглоблю не сломай!
...И снова мир молчанье опояшет,
Замрет в застывших проводах зима.*

*И снова — сонные снежинки с неба.
Их вкось уносит ветра вялый бег.
И кто-то все глядит темно и слепо
Из темной комнаты на белый снег.*

(«Ритмы равнины». Перевод Ю. Музалькова)

Поэтический мир Камала в осетинской поэзии выделяется своей образностью, и динамичным ритмом близок любящей душе. В его пейзажной лирике природа и человек — единое целое. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть в одном ряду «Затихло в объятиях ночи...», «После зимы», «Ранняя весна», «Дождь», «Три верлибра о зиме», «Осень» и др. его стихотворения о прекрасном пейзаже Осетии.

Опыт жизни учит поэта видеть в природе как гармонию, так и дисгармонию. Его пейзажи в ряде случаев полны драматизма жизни. Он умеет приблизить природу

¹ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. — М., 1981. — С. 369.

ду в живом обличье к человеку. В стихотворении «Перед чистой страницей» видим, как «Издали с невнятным громыханьем Ползет свинцовой полосой Гроза...». И мы чувствуем, что «С далеких гор несет она с собой Дыхание потоков и покосов» и верим поэту — гроза над выжженной равниной вдруг «расхохочется светлоголосо»:

*Вдруг сразу ворох зерен
Разлетится, взвихрив пыль на всем степном просторе!
И вот разбойный дождь
По улицам села
Пойдет резвиться,
Пойдет со стуком пересчитывать
На нашей крыше
Черепицу...*

(Перевод Ю. Музалькова)

И мы в свете образных представлений поэта видим, как «Светлый Дождь Государить будет в мире». А такая образность, по мнению известного ученого Л. И. Тимофеева — «это центральное понятие теории литературы, оно отвечает на самый основной ее вопрос: в чем сущность литературного творчества»?¹

Камал Хазбиевич в своем творчестве не только в пейзажной, но и в интимной лирике «Государит», и очень любопытно и уверенно. Так себя ведут только любящие юноши и уверенные в себе люди. Он в одном интервью вспоминает о своей личной жизни: «У осетин не принято говорить о собственной жене, но, тем не менее, позволю себе такую нескромность и скажу, что я женился по любви, другого интереса, в плане имущественного или карьеры, или еще чего-то, не было. Она из скромнейшей семьи, родители были обыкновенными крестьянами, честными, в довольно стесненных условиях жили в одном из сел Южной Осетии, там я случайно ее и встретил, и эта встреча предрешила все. Да, я думаю, сама семейная жизнь у меня сло-

¹ Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. — М., 1976. — С. 22–23.

жила, и тыл у меня всегда был надежный. Я знаю, многие жены привередливы, любят дорогие вещи, требуют от мужей, есть возможность или нет, покупать то или иное. Вот у нее от природы этого нет, а это очень редкое качество для женщины».¹

Так скажет только бесконечно любящий и в себе уверенный кавказец. В его творчестве, в его несравнимо прекрасном поэтическом мире с юношеских времен видим удивительную чистоту чувства. И без волнения, без душевного трепета нельзя читать эти строки:

*Брожу счастливый.
И такой
Себе завидую вдвойне.
Подумать — я любим тобой!
И ты сама сказала мне!*

(«Я завидую себе»)

Лирический герой не зря завидует самому себе — он любит, и любим, а это — состояние счастья и душевной гармонии. «Жизнь без любви, — сказал великий Ван Гог, — я считаю греховным и безнравственным состоянием».²

Говорить, рассуждать о светлой поэзии Камала можно много, можно делать разные выводы, но несомненно одно — настоящее художественное слово всегда привлекало, привлекает и будет привлекать внимание настоящих любителей красоты. Поэзия сама — Бог красоты. И вспомнил об этом не зря.

Общеизвестны слова великого русского поэта Николая Некрасова о книге стихов другого гения русской поэзии Федора Тютчева, о том, что ее «каждый любитель отечественной литературы поставит в своей библиотеке рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения».³

Так может сказать только настоящий великий поэт

¹ Северная Осетия, 2001. — 02 июня.

² Ван Гог. Письма. — М., 1966. — С. 76.

³ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. IX. — М., 1950. — С. 221.

о настоящем великом поэте, какими, безусловно, были Николай Некрасов и Федор Тютчев.

То же самое можно повторить, имея в виду значение поэзии Камала Хазбиевича в осетинской литературе.

РАДУЖНЫЕ ЦВЕТА ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА

Судить о творчестве писателя и не замечать радужные цвета его поэтики невозможно. Поэтика — душа художника, а не проявить особенности своей души в искусстве слова — немислимо. Основоположник осетинской литературы Коста Хетагаты в письме к А.А. Цалыккаты отметил: «Из всех писателей мира, может быть, из 100000 один ухитрился не проявить в своих произведениях особенностей своей натуры».¹ Великий писатель Коста безусловно прав.

Камал Хазбиевич большинство своих произведений написал в 60–70-е годы. В то время в осетинской поэзии весьма усилилось образное видение. Тогда осетинский поэт и критик Х.-М. Дзуццати указывал, что «ясность образа и эстетическое содержание произведения должны шагать нога в ногу».²

Камал Ходы неизменно следовал этой максиме, зная силу слова:

*Мир его как честь людскую чтит.
Ты и слово данное — одно.
Ты изменишь слову, и оно,
Помни, не простит тебе обид.*

*Сила слов бессмертие таит.
Если правду высказать дано —
Слово правды, так заведено,
За себя на свете постойт.*

(«Слово»)

¹ Хетагуров Коста. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. — М., 1974. — С. 306.

² Дзуццаты Хадзы-Мурат. Бæрндзинад. — Цхинвал, 1976. — С. 146.

Он не только знает, что правду надо говорить, но и умеет ее выразить. Выразить своеобразно, по модели своего видения окружающего мира. Потому что твердо знает — «В мире двуедины мрак и свет. Но не сам собою полдень бел — Без борьбы со мглою света нет». И настоящий поэт должен своим творчеством делать жизнь краше:

*Упала чаша-ночь,
И звякнула звезда,
В селе зажгли огонь,
В кошарах спят стада,
В могучей тишине
Весь мир прогрет, как дом,
И небо рвет костер,
И тьма густеет в нем.*

(«У чабанов»)

Такая образность характерна для Камала, для его пейзажной лирики. Но и пейзаж, как мы уже увидели, у поэта чаще всего приобретает философский смысл.

*Кто-то вонзил пылающий меч
В логово туч...
Меч надломился и зазвенел.
В небе — зигзаг!
Небу смешон владелец меча:
Катится гром.
Дети бросаются на крыльцо
Ливень ловить!
Мчатся по лужам!
И жизнь идет
Своим чередом.*

(«Дождь»)

Поэт не старается создать образ ради образа. Оригинальное мировидение поэта каждый раз дает нам почувствовать и ясно представить себе, «что же интересует художника в действительности, на чем он останавливает свое внимание среди жизненных явлений».¹

¹ Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. — М., 1976. — С. 24.

В таких стихотворениях Камал выступает, как правило, и вдумчивым философом, и тонким лириком.

У Камала Хазбиевича встречаются целые стихотворения, сотканые из одних недоуменных вопросов. Это своеобразный художественный прием, коим нередко пользовался знаменитый Пабло Неруда. Одна из его книг так и называется — «Книга вопросов».¹

У чилийского гения было уйма сложнейших вопросов к жизни. И книга его всегда будет притягивать к себе вдумчивого читателя.

Двадцатилетний Камал еще до «Книги вопросов» Пабло Неруды, размышляя о мучивших его проблемах быта и бытия, написал стихотворение «Вопросы».

Когда в мире постоянно происходит насилие, льется кровь невинных людей, то сложнейшие вопросы бытия остаются порой без ответа. Правда, они бывают разными, и Камал стремится в своих произведениях разрешать их по-разному. Часто стихотворение кончается риторическим, юмористическим вопросом, но читатель, сам себе отвечая на вопрос, как бы становится соавтором произведения. Так поэт перед нами ставит «цепь вождедений: Волк, Козел, Капуста», — и сразу задумываемся над вопросом, который напрашивается ежеминутно, но тут же забывается в обыденной суете:

*Как волк всегда
Несчастье для козла,
Козел всегда
Несчастье для капусты.
Капуста же —
Природный пацифист.
И не страшна
Ни для кого на свете.
Зато сама —
В опасности всегда.*

Что скажете? А? Каково вам это?

(«Сказочка»)

¹ Неруда Пабло. Местоительство — Земля. — М., 1977. — С. 24.

Такие юмористические или иронические вопросы заставляют нас думать по-философски. С первого взгляда кажется, будто поэт с нами разговаривает с улыбкой, но за этим скрываются трагические слезы Сырдона.¹

Сколько безответных вопросов в одном только «Позднем телефонном звонке знакомого»: «Когда за окном шуршат Одинокие шаги одиноких людей И каждый — Сам по себе, О чем ты думаешь, а?»; «Когда бессонной ночью Ты лежишь навзничь, Глядя во тьму, Не таишь ли ты в памяти нечто, Чего бы не раскрыл Никому на земле?»; «Тебе никогда не хотелось вдруг Встать и неведомо где Разбудить кого-то?..» или «Всю эту землю любить — Разве вина?» («Сердце умеет любить»); «О, чаша страстей! Почему Тебя не испить, Не расплескав? И если в наслаждении — Истина, / Почему / Воет / Море?..» («Перед штормом»).

Поэт заставляет читателя думать и отвечать. И не потому, что вопросы слишком сложны и трудно найти правдивые ответы. И даже не потому, что по Эразму Роттердамскому, «Лишь одним дуракам даровано умение говорить правду, никого не оскорбляя».² Скорее потому, что «правду говорить тяжело», если даже знаешь ее. Это своеобразный подвиг и свершить его дано лишь тем, кто располагает редким человеческим достоинством говорить правду. И потому верно заключение поэта: не надо лезть «в седло, Если сам по брюхо коню» («Рядом с Пегасом»).

Отрадно отметить, что Камал-поэт сам всегда на коне, но тем не менее справедливо отводит претенциозность в поэтическом характере.

Поэтике Ходова характерно одно качество — он умеет заключить стихотворение так, чтобы многие ему позавидовали, и это делает его поэзию ярче, привлекательнее. Как не позавидовать такому стихотворению:

¹ Сырдон — трагический герой осетинского «Нартского эпоса».

² Роттердамский Эразм. Философские произведения. — М., 1986. — С. 136.

*Продавец рыбы:
— Эй, бери.
— С башкой — не в цене,
Без башки —
Дороже вдвойне.*

(«Отголосок базарного шума»)

Только несколько слов, но сколько в них жизненной правды и юмора!

Как уже говорилось, Камал-поэт искусно владеет свободным стихом, верлибром. Но и рифма не ограничивает свободу его творчества.

Многие творцы не придавали и не придают большого значения рифме. Коста Хетагаты говорил: «Я не говорю о рифме — она имеет второстепенное значение, хотя и является главным техническим затруднением для поэтов при разработке серьезной темы...»¹. Виктор Шкловский вспоминал, что барон Розен, согласовав с А.С. Пушкиным, о рифме написал специальную статью и напечатал ее в пушкинском журнале «Современник», где утверждал: «Последним убежищем рифмы будет застольная песня или, наверное, дамский альбом!»² Но Владимир Маяковский был другого мнения и говорил о строке: «Может быть, можно оставить не зарифмованной? Нельзя. Почему? Потому что без рифмы (понимая рифму широко) стих рассыплется.

Рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить ее, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе».³

В творчестве Камала Хазбиевича преобладают рифмованные стихи. Рифмы его всегда интересны и классически безупречны.

¹ Хетагуров Коста. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. — М., 1974. — С. 272.

² Шкловский Виктор. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. — М., 1974. — С. 90.

³ Маяковский Владимир. Собр. соч. в 12 т. Т. 11. — М., 1978. — С. 259.

Я не буду подробно останавливаться на этом, как и на его метафорах, эпитетах, сравнениях и других поэтических средствах, но отмечу еще одну особенность в его поэтическом мышлении.

В 1939 году Нигер, изучая поэтику Коста Хетагаты, обратил внимание на заглавия его произведений: «Горе», «Солдат», «Кубады», «Раздумье», «Надежда», «Завещание» и т. д. Заметил — большая часть названий составлены одним словом.¹ То же самое можно сказать о названиях книг, и о многих произведениях Камала Хазбиевича: «Бонварнон» (осетинская имя звезды Венера), «Возраст», «Имя», «Настроение», «Звуки»... Я не утверждаю, что если названия книг будут состоять из двух или более слов, то это плохо, но пристрастие поэта очевидно.

Возможности таланта безграничны.

СИЛА СЛОВА

Осетинский читатель в основном знает Камала Ходы как известного осетинского поэта. Но его талант ярко проявляется и в других жанрах художественной литературы. Особенно это видно в жанрах драматургии и в переводческой деятельности, где писатель работает последовательно.

Он является талантливым драматургом и переводчиком. И драматургия его привлекает не случайно. Поэт в молодые годы работал в осетинском государственном театре Северной Осетии, а позднее был его директором. Сцену он чувствует отлично. И невозможно, чтобы это ему не помогало в работе.

Театру и любителям драматургии он подарил пока три пьесы: «Æнахуыр хæйрæг» («Причудливый черт» в соавторстве с Тотрадзом Кокайты), «Райсом кустæ бон нæу?» («Завтра не рабочий день?») в соавторстве с Гри-

¹ Н и г е р. Собр.соч. в 3 т. Т. 3. — Владикавказ, 1968. — С. 313.

шей Бицоты) и «Рухсанæ» («Рухсана»), а также много интересных переводов из мировой поэзии и драматургии на осетинский язык.

Как поэт, драматург, переводчик, он считает это своим долгом и подходит к нему с ответственностью. Когда поэт воспевает «крутые ветры», может «о розах гнать красивую строку» и мимо ушей пропускает, как «во Вьетнаме ткань для невесты идет на белый саван жениху»; если ему «плевать на все и дуть спокойно в ус», то он уже не поэт.

Перо художника слова священное. И если взял его в руки, ты должен видеть и слышать все, что происходит вокруг нас. Это твой долг перед вселенной, тем более, перед своим народом. И Камал прав, когда ответственно заявляет:

*Я тоже мог всем безмятежно верить
И петь души и тела торжество,
Но вижу, как людей пытаются звери
Цивилизованные
Века моего.*

*Я тоже мог
Воспеть звенящий колос,
Как от грозы страдает горный лес,
Но сердца моего тревожный голос
Звучит сильнее голоса небес!*

(«Поэту». Перев. А. Парпара)

В драматургии Камала есть такая особенность — в речи персонажа, в его действиях отражается не только его внутренний мир, но и поэтический мир автора.

Сюжеты, конфликтные ситуации, образы, язык драматических произведений, а так же поэтика языка перевода расширяют художественный мир поэта.

Главным драматическим произведением Камала Ходы является трагедия «Рухсана». Произведение построено на любовном треугольнике: Рухсана, жена аланского царя Арц-Алана, безумно любит Фарнага, сына своего мужа от его первой жены. А Фарнаг без ума от

любви к Агунде, хотя им по осетинским законам не полагается быть влюбленными.

Сразу видно — произведение о рыцарской чести. А великий осетинский ученый Васо Абайты сказал, что в этике народа высоко ценились сила и храбрость, которые, однако, «становятся предметом воспевания лишь тогда, когда они служат правому делу».¹

Сюжет не новый. Камал его взял у французского драматурга Жана Расина, который жил и творил в XVII-ом веке (1639—1699) и создал всемирно известные трагедии. Его внимание особенно привлекали такие трагические ситуации, в которых нравственные устои и бешеные соблазны вступали в душе человека в непримиримый конфликт.

В свое время французский писатель Жан де Лабрюер метко подметил: «Корнель нас подчиняет своим характерам, своим идеям. Расин роднит их с нашими. Тот рисует людей такими, какими они должны быть, этот — такими, какие они есть... Один возвышает, давит, господствует, учит; другой нравится, волнует, трогает. Все, что есть в разуме наиболее прекрасного, наиболее благородного, наиболее возвышенного — это область первого; все, что есть в страсти наиболее нежного, наиболее тонкого — область второго. У того — изречения, правила, наставления; у этого — чувства. Корнель наиболее занят мыслью, пьесы Расина волнуют. Корнель поучителен, Расин человечен, один подражал Софоклу, второй более обязан Еврипиду».²

Известно, что «Федра» Жана Расина написана по «Ипполиту» Еврипида, но пьеса Расина намного человечней. Из нее и родилась «Рухсана». Правда, о трагедии Камала Хазбиевича мы можем сказать, перефразируя Пушкина: там аланский дух, там Аланией пахнет.³

¹ Абаев В. И. Избр. труды. — Владикавказ, 1990. — С. 399.

² Зарубежная литература XVII—XVIII вв. — М., 1982. — С. 96.

³ Пушкин Александр. Собр.соч. в 10 т. Т. 3. — М., 1975. — С. 8.

А язык — образный, великолепный, сочный, чеканный, где «словам... тесно, мыслям — просторно».¹

Благодаря Камалу на осетинском языке звучат многие поэтические и драматические произведения Джованни Боккаччо, Лопе де Вега, Генриха Гейне, Эндре Ади, А. Плещеева, Шиллера, Бернарда Шоу, А. Островского, Франка Леонхарда и других классиков мировой литературы.

Камал никогда не обращается к темам, которые не волнуют его до глубины души. Этому принципа он придерживается и в своей переводческой деятельности. К переводческой практике Камала Хазбиевича вполне подходят слова Александра Тыбылты о Цоцко Амбалты: «...отлично знает литературные сокровища других народов; умеет отделять хорошую книгу от плохой; чувствует вкус прекрасной книги.

Он из других языков переводит такие книги, откуда наш осетинский народ будет брать высокие и красивые мысли».²

Камал, как тонкий лирик, старается, чтобы все, к чему он притронется, сверкало не только мастерством художника, но чтобы и тема была близка, как душе осетина, так и всем поклонникам его творчества. Это относится и к его переводам. И он умеет выбирать высокохудожественные произведения для перевода.

Кто будет утверждать, что, переводя «Сонет об Италии» Джованни Боккаччо, переводчик не думал о судьбе своей Родины? Любовь к Родине помогла ему перевести сонет на свой родной язык так, как будто он был создан на нашем осетинском языке:

*Уыдтæ, Итали, бæстæтæн сæ паддзах.
Цы фесты ныр дæ нæргæ кад, дæ цыт?
Æвæццæгæн, дунейы сæфт æрцыд —
бæрзонд аивад къæхты бынмæ 'рхаудта.*

¹ Некрасов Николай. Собр.соч. в 15 т. Т. 3. — Л., 1982. — С. 214.

² Тыбылты Алыксандр. Уацмысты æмбырдгонд. — Цхинвал, 1988. — С. 123.

*Куыдзы 'мгад систы хорзæхтæ. Нымад та
куыд уой лæгмæ, кæд сау дуджы фæрцы
нæ удты намыс бакодта мæрдцъынд, —
æрмæст æхца, кæй ма æндавы кад та?!*

*Уæндон ныхас нын баззади фæткæн.
Уæууæй, нæ уу дæр нал кæны йæ мæт.
Ды дæр нын нал дæ ацы ран ныфсдæттæг.*

*Уæдæ мæнимæ судзгæ марой кæн —
йæ базыры бын бакодта хъысмæт
дзырды фарнæн йæ цыфыддæр ызнæгты.*

Не надо быть большим знатоком осетинского языка, чтобы сразу почувствовать красоту сонета. А если название «Италия» заменить «Осетией», то никто и не подумает, что Боккаччо свой сонет не написал об Осетии.

Кто будет утверждать, что Боккаччо, когда писал свой сонет «Италия», то думал только о судьбе своей родины?

Это — во многом благодаря мастерству и таланта переводчика.

А разве великий Шекспир, когда создал свой бессмертный 66-й сонет, этот стон души —

*Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,*

*И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,*

*И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.*

*Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!» —*

то только о своем времени, о себе и о своем лирическом герое думал?

Творческая работа, настоящая творческая работа создается для вечности, потому и требует адского труда. И, берясь за перевод этого прекрасного сонета, Камал-переводчик тоже не думал только о себе и о своем времени. Потому работа его удалась, и ею будет пользоваться не одно поколение.

Нелишне будет обратить внимание на язык произведений писателя. Особенности языка поэта способствуют художественной интерпретации характеров персонажей. Красота родного языка особо ярко проявляется в динамичных диалогах и в страстных монологах в трагедии «Рухсана».

То же самое свойственно переводам Камала Хазбиевича. Известный осетинский поэт Ахсар Кодзати о его переводах писал: «В книгу «Трехгранная стрела» Камал внес ряд стихотворений поэтов разных народов, переведенных им в разные времена. Это намного богаче, многостороннее показывает его творчество. Боккаччо, Гейне, Плещеев, Светла Узунова, Шукри Тахиров и другие поэты как будто свои произведения писали на осетинском языке, читая переводы, подумает человек».¹

Это не случайно. Другой известный осетинский писатель и переводчик Михаил Булкаты утверждал, что переводчик не только текст, написанный на другом языке, должен перевести, но и обязан перенести талант автора произведения.² Это — чрезвычайно трудно осуществить на практике. Но Камал обладает таким редкостным даром, талантом настоящего переводчика.

¹ Коллектив авторов. Критические статьи. — Владикавказ, 1992. — С. 284.

² Фидиуаг, 1986. — №11. — С. 76.

Творчество прекрасного осетинского поэта Камала Ходы — глубоко национально. Одна из главных целей работников искусства — возвышать дух народа. И Камал Хазбиевич обладает этим искусством в высокой степени. Об этом говорят и факты общественного признания его поэтического творчества. Он — автор первого и пока единственного Гимна Республики Северная Осетия-Алания. Он — лауреат Государственной премии им. Коста Хетагаты. Он — народный поэт Северной Осетии.

Эти факты говорят о том, что творчество Камала Ходы стало поэтическим достоянием осетинского народа.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Избр. труды. — Владикавказ, 1990;
2. Авторский коллектив. Антология осетинской поэзии. — Владикавказ, 1984;
3. Бондаренко Владимир. Неожиданное чудо Рубцова / Литературная Россия, 2004. — 21 мая;
4. Ван Гог. Письма. — М., 1966;
5. Горький М. Собр. соч. в 16 т. Т. 1. — М., 1979;
6. Гурджибекова И. Г. На расстоянии слова... / Социалистическая Осетия, 1989. — 18 августа;
7. Джусойты Нафи. Елбасдуко Бритаев. — Цхинвал, 1963;
8. Джусойты Нафи. Чувство — пламя песни / Хурзæрин», 2001. — 20 июня;
9. Джыккайты Шамил. Цæхх æмæ кæрдзын // Мах дуг, 1967. — №6;
10. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Бæрндзинад. — Цхинвал, 1976;
11. Зарубежная литература XVII—XVIII вв. — М., 1982;
12. Кодзати Ахсар. Яблоко нартов. — М., 1974;
13. Козаев А. И. Анахарсис. — Цхинвал, 1982;
14. Коллектив авторов. Критические статьи. — Владикавказ, 1992;
15. Кулиев Кайсын. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. — М., 1987;

16. Лавлинский Л. Поэзия мужества и доброты // Орлов Сергей. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. — М., 1979;
17. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 2. — М., 1983;
18. Маяковский Владимир. Собр. соч. в 12 т. Т.11. — М., 1978;
19. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. в 15 т. Т. 2. — Л., 1981;
20. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. IX. — М., 1950;
21. Некрасов Николай. Собр. соч. в 15 т. Т. 3. — Л., 1982;
22. Неруда Пабло. Местожительство — Земля. — М., 1977;
23. Нигер. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. — Владикавказ, 1968;
24. Озеров Лев. Без пяти минут / Литературная Россия, 1972. — 25 августа;
25. Пигарев К. В. В. А. Жуковский // Жуковский В. А. Баллады, поэмы и сказки. — М., 1982;
26. Пушкин Александр. Собр. соч. в 10 т. Т. 3. — М., 1975;
27. Роттердамский Эразм. Философские произведения. — М., 1986;
28. Рубцов Николай. Избранное. — М., 1982;
29. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. — М., 1981;
30. Сырдон — трагический герой осетинского «Нартского эпоса»;
31. Северная Осетия, 2001. — 02 июня;
32. Твардовский А. Т. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. — М., 1980;
33. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. — М., 1976;
34. Тыбылты Алыксандр. Уацмысты æмбырдгонд. — Цхинвал, 1988;
35. Фидиуæг, 1986. — №11;
36. Хетагуров Коста. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. — М., 1974;
37. Ходов Камал. Белые искры. — М., 1976;
38. Ходов Камал. Своим чередом. — М., 1988;
39. Шкловский Виктор. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. — М., 1974.

РАДУЖНЫЕ ЦВЕТА ЮБИЛЯРА

Когда о поэте говорят задушевно и серьезно, сердечно и убедительно, то критическое слово сближает читателя с творчеством писателя. И хотя Некрасов обращался к снисходительности читателя — «Я трудом смягчаю мой недуг: Ты не будешь строг, читатель-друг?» — однако «читатель-друг», как правило, строг и требователен — желает знать о любимом писателе все и точно, без прикрас и без хулы.

Несправедливо было бы утверждать, что сближение читателя и писателя влечет за собой критические суждения о творчестве писателя. Поэт сердца читателей завоевывает прежде всего достоинством своих произведений. Но наш век тороплив в суждениях, податлив на эмоциональное смятение. Порой разум охвачен ленью и удовлетворяется газетной информацией, внушением телевидения. К чтению серьезных книг снисходят лишь верные литературе люди, а их, к сожалению, немного.

Камал Ходы — поэт самобытный, своеобразный. Порой он мягок, снисходителен в своих лирических размышлениях. Умеет, правда, не только ласково улыбнуться, но и резко осудить словом ироническим, переходящим в язвительный сарказм. Иногда заставляет глубоко задуматься над коренными проблемами бытия.

*Правду говорить тяжело,
Все же, помолчав, оброну:
Что ж ты, милый, лезешь в седло,
Если сам по брюхо коню?*

(«Рядом с Пегасом». Переводы В. Еременко)

Как известно, одно из назначений деятелей искусства — по мере сил способствовать возвышению духовной культуры народа с тем, чтобы эта культура глубже входила в душу и разум новых поколений, служила их нравственному возвышению, развивала их мысли и иде-

алы. Именно с реализацией этой возможности духовной культуры связано пробуждение в сердце читателя чувств и мыслей, вопрошающих время и общество с точки зрения высокого идеала.

Чувство и сознание непомерной ответственности перед высоким назначением искусства слова заставляют Камала быть скупым на публикацию всего написанного и переведенного им. Основной своей задачей он считает создание и издание таких произведений, которые смогут оказать благотворное влияние на развитие жизни общества, на национальное самосознание. Именно из таких произведений Камал Хазбиевич, словно искусный каменщик, возводит свой поэтический мир — разноцветный, яркий, живой и совершенный. И в этом прекрасном мире видим гармонию жизни. «Пред тяжестью слова золото — пух, И, может, тяжелей земли самой Глаголящие сердца» и поэт не зря задает риторический вопрос:

*Звезд с небес не хватает никто,
Но люди есть на Земле,
Что званьё людское не напоказ
Носят, а в глубине.
Скажи, не они ли катят сквозь ночь
В зарю колесо миров?*

(«Звезд с неба...»)

Камал Хазбиевич сам относится к ним. И этим объясняется его всенародное признание. Народная любовь выразилась в присвоении ему народного поэта Осетии, звания, достойного Камала Ходы. К этому нужно добавить и тот факт, что именно он стал автором текста государственного Гимна Республики Северная Осетия—Алания.

К творцу текста песни, особенно же государственного Гимна, предъявляются особые требования. И не только чисто содержательного, идеологического характера, но и требования ритмико-интонационного, музыкального, т. е. мелодического ряда. Камалу удалось удовлетворить все эти сложные требования жанра. Он

внес в стиль своего Гимна дыхание осетинской народно-героической песни. Лексику гимна насытил чертами народно-величальной фразеологии и тем приблизил Гимн к народной музыке по мелодии и к народной песне по лексической выразительности.

Камал Хазбиевич относится к тем, кого Всемогущий дал на благо народа. Родился в Правобережном районе в селении Старый Батако Северной Осетии перед началом Великой Отечественной войны, 26 января 1941 года. После окончания 8-летней школы работал на Бесланском маисовом комбинате и одновременно учился в школе рабочей молодежи. Окончил школу в 1959 году.

Поработал в Северо-Осетинском государственном национальном театре рабочим и актером. Активное участие принимал в работе редакций республиканских газет. Был редактором на телевидении. Но поэзия все сильнее увлекала его, и он поступил в Московский Литературный институт имени Горького и окончил его в 1970 году.

Камал Хазбиевич прекрасно справлялся со своими обязанностями заведующего отделом критики и публицистики в журнале «Мах дуг», а затем редактора, позже — главного редактора в издательстве «Ир». Был и на руководящих должностях: с 1985 года — директор Северо-Осетинского государственного драматического театра, одновременно — ответственный редактор альманаха «Литературная Осетия»; с 1989 г. по 1990 г. — председатель Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Северо-Осетинской АССР, а с 1990 года — председатель Союза писателей Республики Северная Осетия—Алания. С 2013 г. является сопредседателем Союза писателей Осетии. Одновременно является секретарем Союза писателей РФ. Наряду с должностями чиновника он безупречно исполнял и исполняет и гражданский долг — искреннее служение народу.

Творчество Камала Ходы отмечено многими замечательными достоинствами. Однако, на наш взгляд,

особенно следует отметить некоторые отличительные черты его поэтического дарования и идейно-эстетической позиции.

Среди этих характерных черт творчества Камала, на наш взгляд, следует выделить следующие: во-первых, если он считает произведение в чем-то неудовлетворительным, то никогда его не печатает, считает это ниже своего достоинства. Во-вторых, самой привлекательной чертой поэтического дарования и идейно-эстетической позиции Камала Хазбиевича следует признать такое его качество, как неумение быть хотя бы чем-то дурным человеком. И еще — неумение писать и переводить плохо. Не случайно он думает о великом Пушкине: «У ног твоих Течет людской родник... Колеса судеб катит не спеша. Неистовый, Ты головой поник, Но мечется великая душа» («У памятника Пушкину»). Такова судьба поэта.

Камал Хазбиевич родился таким. Таким он был и в далекие юношеские годы. Таким он пришел в литературу. И потому сказал о нем известный русский поэт Владимир Цыбин еще более тридцати пяти лет тому назад: «Настоящая поэзия всегда создает свой микромир. И здесь важно не замкнуться в найденных образах и темах, важно, чтобы в сердце поэта постоянно обновлялись лирические силы.

Читая стихи осетинского поэта Камала Ходова, удивляешься целостности лирической вселенной...» (*Цыбин В. Д. Родник и тропа // Камал Ходов. Белые искры. — М., 1976. — С. 3).*

Все особенности лирики Камала, замеченные Цыбиным, присутствуют и функционируют в поэтическом мире поэта, строгом, но привлекательном мире, в коем учащенно трепещет его сердце, заставляя волноваться и наши сердца. Вот как об этом повествует сам поэт:

*Снежинки падают с неба,
И белеет земля,
А мне слышится песня —
Диво дивное в том.*

*В ножнах расписных
Сабля, словно в оковах, —
Как в этом безмолвье
Мне песне внимать!*

(«Звуки». В подстрочном переводе.)

Как видим, поэт слышит каждый звук в тишине, видит каждый окрас на земле и радуется ими наше зрение, наши сердца с тем, чтобы быстрее возвысились наши души, а сами стали ратоборцами справедливости, одержимыми надеждой на победу.

Осетинский поэт и литературовед Хаджи-Мурат Дзуццати считал, что у нас «изобилие стихотворений невысокого качества связано с безответственностью» (*Дзуццаты Х. Рæстæг æмæ литературæ. — Цхинвал, 1985. — С. 133*). К этому, пожалуй, можно добавить, что это явление связано также с неразвитостью эстетического сознания создателей стихотворного балласта. Тот же Х.-М. Дзуццати верно отмечал, что в искусстве «эмоция должна быть насыщена мыслью, ровно как и мысль — эмоцией».

И такими особенностями отмечены стихотворения Камала Хазбиевича даже в юношескую пору его становления поэтом.

С этой максимой трудно не согласиться. Но упрекнуть в чем-то можно кого угодно, если даже существо в ранге божества. И все же в литературе серьезно говорить следует лишь о том, что удалось сотворить поэту по законам правды и красоты.

Само собой разумеется, что в произведении художественного слова бесспорно важна тема, но основным в достоинствах произведения все же является решение поставленной автором проблемы. Насколько сумел поэт затронуть наши сердца, обогатить наши представления о времени и о жизни своим решением.

О том, что происходило в осетинском литературном процессе в самом конце 50-ых и в 60-е годы прошлого века, верно заключение Шамиля Джиккайты: «Искусство слова обогащалось содержанием и идеями,

новые формы изобразительности вступили в свои права» (*Джыккайты Ш.* Ирон литератураёйы истори. — Дзауджыхъæу, 2002. — С. 460). И в этом процессе значительна роль творчества Камала Хазбиевича. Он правдивым изображением жизни обогащал и обогащает мир нашего искусства.

Многие литераторы порой особенно заботятся о композиционной стройности произведения. Камал, напротив, художественное решение проблемы считает более трудным и более важным деянием писателя.

Говоря о жизни и творчестве писателя, в короткой статье невозможно охватить все достоинства поэзии и личности Камала Хазбиевича.

Когда-то наш известный писатель Барон Боциты высказал мудрое изречение: чтобы ясно видеть чужие достоинства и добродетели, надо иметь неохватную, как небо, грудь и широкое, как солнце, сердце. Порой сияние такого солнца я вижу в поэтическом мире нашего писателя.

Творчество прекрасного осетинского поэта Камала Ходы — глубоко национально. Одна из главных целей работников искусства — возвышать дух народа. И Камал Хазбиевич обладает этим искусством в высокой степени. Об этом говорят и факты общественного признания его поэтического творчества. Он — лауреат Государственной премии им. Коста Хетагаты и премии «Яблоко нартов» им. З. Хуадонти.

Настоящая поэзия там, где дерзание, безумие, где последний предел. И в этом мы верим поэту:

*Верьте,
К солнцу запрокинув лицо,
Глаз испепелить не боюсь,
И планета в моей груди,
Как земля —
Теплая и наполовину светла...
Камни вулкан изрыгнет:
Снова падут на землю,
Сколько бы небо ни жгли.*

*Люди!
Я готов претерпеть
И вынести все!
Кроме вашего равнодушия.*

(«Слово к людям»)

Мы верим поэту. Все это он нам доказал своими произведениями. И эти факты говорят о том, что творчество Камала Ходы стало поэтическим достоянием его родного осетинского народа.

ВО ИМЯ ПРАВДЫ

В 60-е годы в осетинскую поэзию уверенно вошло новое поколение поэтов – «шестидесятников». «Их было много, – отмечает известный писатель и литературовед Нафи Джусойты, – но среди них, подобно четырём мушкетерам Дюма, особенной творческой сплочённостью и мужской дружбой выделялись Ахсар Кодзати, Васо Малиев, Шамиль Джикаев и Камал Ходов. Своими первыми шагами они стали надеждой для лучших представителей осетинских писателей старшего поколения – Гриша Плиева, Гафеза, Георгия Дзугаева, Александра Царукаева, Дабе Мамсурова, Тотырбека Джатиева и др. И надежды эти оправдались, все они стали опорой осетинской литературы» [4]. В этой статье дается краткий очерк жизни и творчества самого младшего из «четырёх мушкетеров» – Камала Ходы, относящегося к числу тех редких мастеров слова, «без творчества которых, – по мнению Руслана Бабочити, – современную осетинскую художественную литературу представить во всей ее полноте невозможно» [2, с. 204]. При этом мы не будем систематизировать его многогранное творчество, а отметим самые, на наш взгляд, характерные мотивы его поэзии.

В творчестве Камала Ходы внимание читателя привлекает и содержание, и форма, и поэтика. Оно представлено самыми разными жанрами (от баллады до

эпиграммы и пародии) и направлениями (от гражданской поэзии до пейзажной лирики). Основные черты его поэтического искусства — оригинальность образов, эмоциональность, отточенность формы. Известный русский поэт В. Цыбин писал о нем: «...удивляешься целостности лирической вселенной, которая начинается у него с вершинной осетинской земли, с гортанной переключки ручьев, с верных троп, которым так привык доверяться горец» [24, с. 3]. Камал Хазбиевич в осетинской поэзии решает важную задачу — открыть настежь поэтическую душу человека второй половины XX—XXI веков. Но, поскольку Камал — осетинский поэт, речь идет не только о душе человека вообще, но и о душе современного осетина. В этом контексте важно подчеркнуть его нравственный принцип: «Без взаимного уважения, доверия мы ничего не сделаем» [17].

Камал Хазбиевич Ходы родился в Правобережном районе, в селении Старый Батако Северной Осетии, 26 января 1941 года. После окончания 8-летней школы работал на Бесланском маисовом комбинате и одновременно учился в школе рабочей молодежи. Окончив школу в 1959 году, он некоторое время работал в Северо-Осетинском государственном академическом театре, активное участие принимал в работе редакции газет, был редактором на телевидении. Но, как сказал Борис Хозиты, «волшебный луч поэзии, если только он настоящий, рано или поздно найдет свою дорогу» [21]. Поэзия все сильнее увлекала его, и он поступил в Московский Литературный институт имени Горького и окончил его в 1970 году.

Поэт прекрасно справлялся со своими обязанностями заведующего отделом критики и публицистики в журнале «Мах дуг», а затем редактора, позже — главного редактора в издательстве «Ир». Был и на руководящих должностях: с 1985 года — директор Северо-Осетинского государственного драматического театра, одновременно — ответственный редактор альманаха «Литературная Осетия»; с 1989 г. по 1990 г. — председатель Государственного комитета по делам издательств, по-

лиграфии и книжной торговли Северо-Осетинской АССР, а с 1990 года — председатель Союза писателей Республики Северная Осетия—Алания [9, с. 476]. В 2013 году был избран сопредседателем Союза писателей Осетии. Наряду с обязанностями государственного чиновника он безупречно исполнял и исполняет и гражданский долг — искреннее служение народу.

Так, на первый взгляд, в нескольких предложениях можно изложить целую биографию. Но в действительности все не так просто. Каждый день приносил поэту свои переживания, от которых не спрятаться и не убежать. Не иначе, как шли они с ним в ногу по жизни... И, наверное, судьбой предначертано было ему стать сиротой, едва родившись. Семья Ходы была из тех, кого война коснулась первой — на фронте погиб отец Камала. Об этой незажившей ране поэт сказал горькими стихами «Вспоминая отца»:

*Мне не было еще и года,
Как сделал первый свой я шаг,
Ты же деревом подрезанным
В тот миг на землю опаленную упал...*

(Подстрочные переводы.)

Нетрудно представить послевоенное детство Камала, которому знаком с малых лет труд, иногда и непосильный. Но он не из тех, для кого трудности представляются трагедией. Скорее, он из трагедии научился создавать художественный образ. Это, так или иначе, удел всех художников, но Камал здесь преуспел больше многих других. Если жизнь вставляет палки в колеса, а иногда даже перекрывает дорогу к творчеству, то, может, и стоит на нее сетовать, но никак не ради собственного благополучия. Хула на жизнь и на современников с таким эгоистическим умыслом противопоказана поэзии. Искусство само по себе — высокая мечта. И не позволяет ни себе, ни своим служителям ничего низменного. «Поистине высокое искусство рождается истинными творцами» [9, с. 29], — писал

Х.-М. Дзущати. Думы Камала Хазбиевича выше повседневных забот, они возвышенны и прекрасны.

В Осетии было много ярких талантливых художников и до Камала. Но осетинская литература нуждалась в открытом, вольном дыхании Камала Ходы. В трудные военные годы «где-то детский смех канул навсегда», и уже тогда он бредил не по-детски. Эхо водопадов слышал в зной и сердцем уходил на свет вперед: «Словно песня гор рождалась со мной, Набирая силу в моей груди» («Не успел отец...»). Шамиль Джиккайты потому и утверждал, что осетинская лира появилась не для того, чтобы пела только от радости. Она родилась от жгучих страданий человеческой души [8, с. 101–102].

Со времен античности бытовало мнение, что «жизнь — борьба». Так думали и Еврипид, и Сенека, и Вольтер, и Коста... Жизнь всегда была и будет борьбой. Камал твердо знает, что «мир тем интересен, что многообразен» [18]. В этом и заключается радость жизни: пока существуют свет и тьма — а без них картина жизни не похожа на действительность — человек будет находить отраду в борьбе за справедливость. В связи с этим легко и просто сами по себе на ум приходят строки А. Блока: «И вечный бой! Покой нам только снится // Сквозь кровь и пыль...» («На поле Куликовом») [4, с.85]. Только через эту борьбу осуществляется необходимая связь поколений, столь остро необходимая и для больших, и для малых народов. Существует мнение, что мы повторяемся в своих детях — так и должно быть. Очевидно, потому и Камал представил отца в такой ситуации, то есть видел отца себе подобным.

Камал Ходы проторил свою жизненную и творческую дорогу, чтобы «жить в своем народе». Сказалось, конечно, то, что не было рядом отца, но был дед, глядя на которого он постигал азы мужского достоинства. Он помнит и его винтовку, и кинжал, и патрон-таш. Помнит все. И как в лес ездил, запрягая в арбу молодого бычка (не было возможности щадить его — сирот нужно было поднимать). Помнит, как дед приносил ему в кармане чудесный сочный кизил. Помнит

ласковый взгляд его... Кто бы как ни горевал о своем обездоленном детстве, о ранах, нанесенных войной, о боли отца, потерявшего сына, но мне кажется, что сильнее Камала никто уже не выразит горести той эпохи: «Как сейчас я вижу Твои ноговицы, твою шапку, Твое оружие... Но твою улыбку Никак не могу вспомнить» («Вспоминая деда») [19, с. 11]. Некогда деду было улыбаться, и разучился улыбаться дед...

Камал умеет стихом выразить все: и матери признаться в любви безыскусно и изящно. Эта откровенность в поэтическом слого делает его поэзию правдивой. В нее веришь. А это — великая сила, ибо «вера горами двигает» [12]. Особое место в изображении той правдивой и святой жизни отведено стихотворению «Разговор с матерью». В послевоенное лихолетье сложно было и семьям с кормильцами — каково же было ей одной поднимать сирот? Но не согнулась она. Не дала споткнуться и детям, вырастила их настоящими людьми. Потому младший из них, став поэтом, сподобился выразить самое трудное и сокровенное — любовь к матери: «Свет на мгновение вспыхнет из темноты: Вот и опора душе на дороге дней... Нет у меня никого Дороже, чем ты. Ты моя мать, И ты навсегда сильней» (*Перевел с осетинского Владимир Еременко*). Видел будущий поэт, что мать боится за него, прислушивается к его дыханию, измеряет каждый его шаг. Но здоровому парню сидение возле матери не делает чести. Нужно идти в ногу с жизнью, смотреть вперед, питать надежды: «Оптимизм — это не просто слово, это видение жизни» [7, с. 36], — говорил Х.-М. Дзуццати. И знал поэт: придет время его исканий, будут переживания матери. Потому говорит ей в своем стихотворении, словно прося прощения и обнадеживая ее: «Наступит время, образумлюсь я...».

Характер Камала раскрывается в умении радоваться чужой радости, сочувствовать чужому горю, что в наш суровый век становится редкостью. Камал имел и не потерял этот дар. Еще в сборнике стихов трех авторов — Шамиля Джиккайты, Сергея Хугаты и Камала

Ходы – «Утренняя звезда» [8] проявился яркий талант молодых, начинающих поэтов, обозначились впечатляющие горизонты их поэтической мысли. Однако поэтический дар нашего поэта особенно ярко выразился в первом его сборнике стихов «Хлеб и соль» [20]. О начале творческого пути Камала Хазбиевича искренне и справедливо высказал свои мысли тогда еще и сам молодой поэт Шамиль Джиккайты в журнале «Мах дуг». Про сборник своего собрата по перу и друга «Хлеб и соль» он говорит: «Не найти слово, способное дойти до души читателя, – самое горькое мучение для поэта. Если люди не услышали крика его души, не увидели света его мыслей, то даром пропал его труд. А это самое горестное наказание для поэта. И никто острее поэта не почувствует это. И не испытает он радость творческого успеха, если не уверен в правде своих мыслей, в их силе, в их своевременности, если не чувствует свое собственное «Я», не различает особенностей своего времени, где ему суждено творить. Камалу Хазбиевичу, можно с уверенностью сказать, это все свойственно. И в этом заключается его поэтический талант и постижение искусства» [8, с. 100].

Молодой критик дал всесторонний анализ тому, что поэт вынес на суд читателя. И отметил: «Сила в том, что он заставляет своим творчеством задуматься читателя над созданной картиной. И читателю в стремлении разгадать тайну увиденного близкими становятся мысли и чувства, радости и горести поэта». Действительно, живая связь с читателем-современником была и остается главной в поэзии Камала Хазбиевича. Она прослеживается во всех его книгах. В широком смысле это – непрестанная беседа с любимой родиной. Разумный человек самую большую ответственность чувствует перед своим Отечеством, перед своим народом, отчим домом. Ответственность же исходит из любви. Не имеет границ любовь к Отечеству, силу этого чувства ничем не измерить. Прежде всего, она дает силу самому человеку, делает его бесстрашным, всемогущим. Кому же в первую очередь, как не поэту, быть «достойным сыном Отечества»? Камал остро восприни-

мает это, потому и чувствует себя в долгу перед своим народом. Сознание долга становится лейтмотивом его творчества; достаточно вспомнить стихотворения «Ранняя весна», «К Осетии», «Хлеб и соль», «Лес моего детства» и др. Это чувство гражданского и сыновнего долга, восходящее к поэтической традиции Коста Хетагаты, не имеет «срока давности» и интерпретируется лирическим героем как своего рода гарантия бессмертия: «Если я когда-нибудь умру, Мои горящие глаза, Подобно звездам, Будут светить Над Ирыстоном» («Если я когда-нибудь умру»).

Человек, подобно растению, силы набирает через корни. А корни всегда врастают и остаются в родной земле — в отчем доме. И она, эта земля, дает им силы, которые никому не покорить. Для Камала животворящим уголком является родное село Старый Батако, несмотря на то, что он там провел не самые безмятежные годы своей жизни. П. Антокольский, говоря о поэзии Михаила Луконина, отметил: «Вечный и непрестанный зов совести: «Помни», — в каждом откликается по-своему... Такая верность прошлому равносильна служению самой поэзии. Она не только этична, но и поэтична по-своему» [2, с 10]. Будучи еще совсем молодым поэтом, Камал прочувствовал и тяжесть труда, и весомость художественного слова, и непреложность долга перед Отечеством. Так же рано он осознал и ответственность перед страной и народом. А со способностью мыслить большими категориями приходит ранняя мудрость. Поэтому уже двадцатилетний поэт говорил:

*Отечество!
Не завожу я речи о тебе,
Не называю я тебя
«Безбрежным океаном»,
«Огнем пылающим»...
Но знай: какое бы в стихах
Ни определил тебе я место,
Самое огромное твоё место —
В сердце у меня.*

(«Отечество»)

То огромное место, которое поэт определил в сердце своем для Родины, подвигает его мысли и мечты к стремлению найти путь к сердцу каждого читателя. Потому и становится его главной песней и в жизни, и в творчестве песня о Родине, об Ирыстоне. Мы относимся к числу малых народов: у многомиллионных народов даже количество одних только ученых может превзойти нас по численности. Но величие народа определяется не его количеством. На всех этапах своего развития осетинский народ никогда не опускал голову перед врагом, не прятался от него. И наша задача оставить потомкам наказ — быть начеку, извлекать уроки из истории, быть бдительными. Эти уроки мы должны постичь и из творчества наших классиков. В современной литературе нашли достойное отражение и события нашего ближайшего прошлого. Как уже не раз отмечали, человек самоотверженно защищает то, что самозабвенно любит (и при этом не ищет награды, потому что «Наша награда — любовь!» [15, с. 168]). Учить этому молодых — святой долг каждого, у кого есть жизненный опыт. И много таких благородных уроков мы находим в творчестве Камала Хазбиевича:

*Заснежены высокие вершины даже летом,
Но точно так же и на склонах все цветет...
Счастливым будет тот, кто за добро оплатит
И песнь сумеет кровью написать.*

(«Песня об Осетии»)

Отечество и фальшь — понятия диаметрально противоположные. О Родине, о родном языке можно говорить только искренним поэтическим слогом. Жюльен де Ламетри писал: «Человек создан не из какой-то более драгоценной глины, чем животные. Природа употребила одно и то же тесто как для него, так и для других, разнообразя только дрожжи» [11, с. 218]. Мне кажется, что дрожжи эти — дух любви, связующий человека с Отечеством. «Поэт должен говорить открыто о горе времени» [8, с. 101], — говорил Шамиль Джик-

кайты. А главный вызов времени для осетин — это опасность, нависшая над осетинским языком. Поэтому Камал формулирует свое отношение к этому вопросу жестко и бескомпромиссно:

*Если язык твой мне станет чужим,
Если из него не буду получать радость,
Если гор твоих не буду любить больше всех —
То земля твоя не примет меня.*

*И не буду я ни сыном Иристона,
Ни сыном фамилии Ходовых —
Я стану изгоем.*

(«Иристон»)

Смысл поэзии в том, что это голос не только отдельного поэта или его лирического героя, а голос народа, история которого уходит в глубь веков (в поэтике Камала лирический герой, поэт и народ образуют как бы нерасторжимое единство). Через Камала, как через всякого большого поэта, говорит национальный дух и выражается народное представление о правде и красоте. Вот почему еще В. И. Федоров, наставник поэта в Литературном институте им. М. Горького, заметил о его дипломной работе: «В стихах Камала Ходова мотивы народной поэзии связаны с современными мотивами. И сплав получился органичный. Это видно даже по подстрочникам, где много самобытных афоризмов» [14, с. 193].

Ахсар Кодзати утверждает, что литературу нельзя творить произвольно [23, с. 20]. Самые блестящие с технической стороны стихотворения — холостые выстрелы; они за душу не берут. Система образов, если она не одухотворена чувством правды, любовью и мукой, говорит только сама за себя и больше ни о чем.

Выше мы сказали, что творчество Камала Хазбиевича превращает страдание в поэзию, что осетинская поэзия вообще, по Шамилю Джиккайты, родилась из трагедии. У Камала эта мысль находит простое и емкое поэтическое выражение:

*Я с некоторыми поэтами
Не спорю:
Меня не трогают образы,
Которые не говорят о ранах сердца.*

(«Монолог полуночи»)

Стихотворение написано верлибром. В 60-х годах в Северной Осетии больше всех увлекались верлибром Ахсар Кодзати и Камал Ходы, из-за чего их творчество подвергалось критике, так как некоторым литераторам эта форма показалась не соответствующей ритмо-мелодике осетинской речи. Однако сегодня вполне обоснованно можно утверждать, что верлибр не чужд нашей поэзии. Опосредованно этот факт подтверждается словами Юрия Кузнецова, которого называют последним классиком русской поэзии, в послесловии к книге Ахсара Кодзати «Яблоко нартов»: «А. Кодзати в совершенстве владеет такой трудной формой поэтического мышления, как верлибр» [10]. Эти слова, без сомнения, с полным правом можно отнести и к Камалу Ходы. Творческая сила Камала Хазбиевича — «харизматичного трибуна, поэта напряженного гражданского бдения» [22] удивляет: это философская романтика, светоносная и огнедышащая:

*Я говорю открыто.
Прямо на Солнце глядя,
Я не боюсь за свои глаза.
Бьется шар земной в моей груди,
И радость ее — моя,
И горе.*

(«О люди!»)

И при такой-то мощи он никогда не бывает доволен собой: «Даже на одну четвертую не использую свои творческие возможности» [16]. Тем самым, конечно, поэт признает, что он мал в сравнении со своим великим малым народом. Зато он приобретает моральное право на великую надежду: «Моя надежда — величава, подобно горам моей Осетии».

Горы Осетии — крепость, которую не возьмет ни один враг: таково представление Камала о его Родине. Георгий Тедеты, говоря о трагедии Камала Хазбиевича «Рухсана», заметил: «Тот, кто внимательно вглядывается в сегодняшнее общество, наверняка может выделить среди его характернейших черт одну, мощно подавившую все прочие, в том числе — будем надеяться, не навсегда — и главное чувство, которым должно обладать каждое общество. Это — чувство национального самосохранения, обязательное в буйном финале XX века, когда возможность исчезнуть с лица земли является при нынешнем всеобщем озлоблении всего лишь проблемой технической. Черта, о которой мы говорим, является чисто греховной, числящейся среди семи смертных грехов под названием «сребролюбие» или, более понятно, «корыстолюбие», превратившееся у нас в ослепляющую страсть» [13]. И в этой греховной жизни творчество и мужество Камала помогает нам жить.

Оптимистическое мировосприятие Камала Хазбиевича очевидно. Когда утром восходит солнце, его лучи отражаются в окнах домов, а счастье улыбается ему из глаз человеческих. И он не удивляется тому, что те гении, которые боролись за счастье народа, живут в народном сердце. Приятно ему и то, что новые гении спят в колыбели. Потому поэт взывает к человеку, чтобы он не разводил огонь войны, не глумился над землей, которая подарила ему жизнь, не творил насилия. Чтобы потом не приходилось утешать матерей, как в замечательном стихотворении Камала: «Все, что падает с неба, выносит земля...»: «В тяжелом бою погиб единственный сын матери...»; «Ее утешали: «Жизнь жестока, Прекрати свой траур!..»; «Все, что падает с неба, Выносит земля!» — утешали мать. «До срока пришла ее осень. В рот не брала даже маковую росинку. ...Все, что падает с неба, Выносит земля, Но не переносит сердце!..»

Сердце Камала — огромное, как земной шар, — и в то же время чувствительное и нежное. Вероятно, поэтому наш поэт так категоричен. Для него нет боль-

ших и малых грехов. Смертным грехом он считает и лукавство и двуличие. В стихотворении «Два лица» поэт говорит: «До сих пор не знал я тебя хорошо. Не следовало говорить с тобой откровенно. Твое лицо не настоящее – как маска, Ты каждому свой, пока рядом... Охотно я оставил бы тебя в покое, Но освободи меня от сомнений: Когда ты пишешь свои статьи, Какое из двух твоих лиц бывает на тебе?»

Ошибкой было бы думать, что речь идет, скажем, о литературном критике (хотя и о нем тоже). Опосредованно поэт напоминает нам, что слово – всему начало, и со лжи и лицемерия, как показывает и современная история, начинаются большие беды. Камал Хазбиевич обладает своим неповторимым поэтическим тоном. Его стихам, разнообразным в жанровом отношении, присуща убедительная энергия, глубокое чувство, техническая изощренность. Его поэтический образ многогранен; читатель не всегда успевает дать себе отчет в смыслах того или иного стихотворения, а оно уже – посредством многочисленных чувственных ассоциаций – проникло в душу и согрело ее. Добротой и правдивостью мудрого человека дышат произведения Камала Хазбиевича. Автор Государственного гимна РСО–Алания Камал во имя правды зовет нас к светлому будущему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антокольский П. Г. Путь поэта // Луконин М. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. – М., 1978;
2. Бабочити Р. «Я земли и неба простоту постичь хотел бы...» // Коллектив авторов. Камал. – Дзæуджыхъæу, 2014;
3. Блок А. А. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. – М., 1980;
4. Джусойты Н а ф и. Ёнкъарæн – зарæджы æндзарæн // Хурзæрин, 2001. – 20 июнь;
5. Джыккайтты Ш а м и л. Цæхх æмæ кæрдзын // Мах дуг, 1967. – № 6;

6. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Рæстæг æмæ литературæ. – Цхинвал, 1985;
7. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Хæст æмæ зæрдæ. – Цхинвал, 1966;
8. Хуыгаты Сергей, Ходы Камал, Джыккайты Шамил. – Бонварнон. – Дзæуджыхъæу, 1962;
9. Писатели Осетии. – Владикавказ, 2015;
10. Кузнецов Ю. Послесловие // Кодзати Ахсар. Яблоко нартов. – М., 74;
11. Ламетри Ж. Сочинения. – М., 1976;
12. М а т ф., 17, 20;
13. Тедеев Г. Авторское вдохновение и зрительская симпатия // Северная Осетия, 1996. – 11 января;
14. Федоров В. О дипломной работе Камала Ходова // Авторты коллектив. Камал. – Дзæуджыхъæу, 2014;
15. Хетагуров К. Л. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. – М., 1974;
16. Ходов Камал. Возраст мужания // Северная Осетия, 1992. – 24 апреля;
17. Х о д о в К а м а л. Пора обновления // Социалистическая Осетия, 1990. – 10 ноября;
18. Ходов Камал. Традиции – как река, которая сама себя очищает // Северная Осетия, 2006. – 13 мая;
19. Ходы Камал. Уацмыстæ 3 т. Т. 1. – Дзæуджыхъæу, 2009;
20. Ходы Камал. Цæхх æмæ кæрдзын. – Дзæуджыхъæу, 1966;
21. Хозиев Б. И в камне прорезаются глаза // Литературная Россия, 2001. – 18 мая;
22. Хугаев Ирлан. Осетинская поэзия: Сергей Хугаев, Камал Ходов, Шамиль Джикаев (Кавказский литературный круг) // Литературная газета. Вып. № 37 (6384) (19 сент. 2012 г.);
23. Хъодзаты Ахсар. Афæдзы фæллоу // Авторты коллектив. Критикон уацтæ. – Дзæуджыхъæу, 1990;
24. Цыбин В. Д. Родник и тропа // Ходов Камал. Белые искры. – М., 1976.

ВСТРЕЧАЯ УТРО БОДРОЙ ПЕСНЕЙ

Бывает, и очень часто, что Бог кого-то щедро награждает талантом. Но бывает и так, что человек всю свою жизнь посвящает такой профессии, о которой и думать никогда не думал, но, благодаря усердному труду, добивается в этом успехов. К категории последних относится человек жизнерадостный, но с железным характером, известный осетинский писатель, автор первой осетинской тетралогии «Непобедимая сила» («Æнæбасæтгæ тых») Давид Джиоты.

Давид Антонович Джиоты родился 15 мая 1913 года в селе Сихиат Знаурского района Юго-Осетии в бедной крестьянской семье. После окончания неполной средней школы в 1929 году начал работать счетоводом в Большом Сихиатском колхозе. В 1932 году, после окончания Корнисской школы крестьянской молодежи, свою учебу продолжил в Сталинирском рабфаке, но не окончил его – был рекомендован областным комитетом Коммунистической партии Юго-Осетии председателем колхоза Большой Сихиат. Через два года его направили на учебу в Закавказскую Высшую Коммунистическую школу, по окончании которой в конце 1936 года был назначен заместителем руководителя Дзауского райземотдела.

В 1937 году поступил в Северо-Осетинский государственный пединститут им. Коста Хетагаты и, перейдя на 4-й курс, был командирован дирекцией указанного института в Южную Осетию по набору абитуриентов в учебное заведение. По дороге Цхинвал – Корнис попал в автомобильную катастрофу, в результате которой потерял способность двигаться и до конца своей жизни остался инвалидом. Первые пятнадцать лет он был прикован к постели и только после долгих лет лечения стал передвигаться при помощи коляски.

Но Давид Антонович был мужественным человеком и, несмотря ни на что, всегда принимал активное участие в общественной жизни. Около тридцати лет он был членом правления Юго-Осетинского отделения Союза писателей.

Давид Джиоты литературным трудом начал заниматься в 1941 году в тисках коварной болезни. Трудно, очень трудно ему было заниматься творческой работой без специального литературного образования, опыта, признания, но не уступал ни болезни, ни неудачам в творческом поиске. Результатом упорного труда начинающего писателя стали короткие стихи и рассказы. Творческий труд облегчил его страдания, поскольку каждый его день был занят увлекательной работой, вследствие чего он смог создать много художественных произведений. Отдельными книгами были изданы сборник стихотворений и поэм, сборники рассказов и повестей, романы «Непобедимая сила» («Енабасæтгæ тых»), «Рассвет» («Сæуæхсид») и «Илико» («Иликъ»).

Главной темой творчества Давида Антоновича была сельская жизнь, но в ряде произведений писателя отражена борьба народа против немецких оккупантов. О легендарном герое осетинского народа Илико Пухаты написал не только роман, но и одноименную пьесу. Она была поставлена на сцене Юго-Осетинского драматического театра.

Но писателю самую большую известность принесла его мужественная тетралогия «Непобедимая сила». Роман был переведен на русский и грузинский языки.

Давид Джиоты в образе главного героя Сослана показал типичного представителя осетинской молодежи своего времени. «Значение его значительно шире и глубже, — отмечали Ф. Гаглойты и Н. Джусойты в 1958 г. — В романе показаны почти все значительные события в жизни осетинского крестьянства за сорокалетний период, начиная с дореволюционного времени до 1949 г.», — но в новом, доработанном варианте писатель перешагнул это время.

Автор, развивая конфликт произведения, смог нарисовать ожесточенные картины строительства сельского коллективного хозяйства в Южной Осетии. Также он смог показать, как при социализме развивались в деревне школы, клубы, дома культуры.

Во время Великой Отечественной войны почти все мужчины Стыр-Масыга ушли защищать тогдашнюю Великую Родину от фашистских захватчиков. В Стыр-Масыге остались только дети, женщины и старики. Но писатель постарался правильно осмыслить философию жизни, и ему удалось нарисовать неразрывную связь тыловиков и фронтовиков.

На создание романа «Непобедимая сила» Давида Джиоты оказал влияние знаменитый роман русского писателя Николая Островского «Как закалялась сталь». Все его рецензенты отмечали, что есть много общего между трагическими судьбами осетинского писателя Давида Джиоты и классика русской литературы Николая Островского. Их романы, несомненно, носят автобиографический характер, но по описанию событий жизни и по строению художественного слога являются, безусловно, разными художественными произведениями.

Давиду Джиоты, как мы знаем, еще удалось создать роман «Рассвет» («Сæуæхсид», 1963) о крестьянской жизни, исторический роман «Илико» («Иликъ», 1966) о героической борьбе революционера, героя гражданской войны Илико Пухаты, много поэтических, прозаических и драматических произведений. К некоторым стихотворениям писателя написана музыка. Песни на его слова легкодоступны, понятны и звучат красиво. Их исполняют как с профессиональной сцены, так и в народе, что первым делом говорит о популярности и успехе писателя.

Давид Антонович Джиоты был награжден орденом Трудового Красного знамени за развитие советской литературы и орденом Знак почета в связи с пятидесятилетием со дня его рождения.

Давид Антонович Джиоты скончался 1 ноября 1968 года.

Еще при жизни писателя его близкие друзья Ф. Гаглойты и Н. Джусойты отмечали, «что произведения

Давида Джиоты не всегда отмечены художественной завершенностью. Это осознает и автор, поэтому упорно работает над усовершенствованием художественной ткани основного своего произведения «Непобедимая сила», хотя оно и снискало автору признание массового читателя» («Писатели Советской Осетии». — Цхинвал, 1958. — С. 152).

И как бы неустанно ни работал писатель, все-таки ему не удалось устранить недочеты, имеющиеся в его произведениях. Образы героев часто рисует своими словами, а не красками. Язык произведений не всегда достигал до художественного.

В этом его часто упрекала литературная критика. Но это не сломало жизнелюбивого писателя. Давид Джиоты твердо верил, что должен жить и своей жизнью приносить пользу своему родному народу, друзьям, своей Родине. В творческой работе он черпал нектар жизни, несмотря на то, что лучшие свои годы был прикован к постели. Его жизнелюбие, его крепкий характер ярко проявились в стихотворении «Другу»:

*Мой милый друг, я должен жить,
Встречая утро бодрой песней,
Свою болезнь борьбой убить
И петь о Родине чудесной.*

*Не верю я, что есть судьба,
Что есть какой-то рок...
Мое лечение — борьба,
Груды над сталью строк.*

*Мне Маяковский указал,
Что труженик — поэт,
Я у Островского узнал,
Что смерти в жизни нет!*

*Мой милый друг, я должен жить,
Встречая утро доброй песней.
Свою болезнь борьбой убить
И петь о Родине чудесной.*

Эти слова для него были лозунгом в жизни. Его мечта и дела никогда не расходились. Не зря говорил автор о своем главном герое Сослане Тогойты в романе «Непобедимая сила», прототипом которого являлся он сам: «Да, теперь он завоевал свое место в строю тех, кто строит новую жизнь» (1953. — С. 285). Это ему снова и снова давало непобедимую силу, «встречая утро доброй песней».

ПУТЬ ПИСАТЕЛЯ

Почти все писатели в начале своей литературной деятельности пробуют творить в жанре поэзии. Первые литературные пробы осетинского писателя Мелитона Габулты тоже относятся к этому жанру — к поэзии. И имел он неплохие успехи. Издал поэтический сборник «В водовороте жизни» («Царды гуылфэнты», 1954), который одобрили и литературная критика, и любители поэзии. Но молодой писатель неожиданно для всех выбрал жанр прозы. И в этом жанре целиком и полностью раскрылся талант писателя.

Мелитон Александрович Габулты родился 11 сентября 1928 г. в селе Мугут Знаурского района Южной Осетии в семье крестьянина и с малых лет был приучен к труду.

Будущий писатель начальную школу окончил в родном селе в 1941 г. Свою учебу продолжил в соседнем селе Аунеу. После школы в послевоенные голодные, трудные годы начал учиться в Цхинвальском педагогическом училище и окончил его успешно.

Начиная с четвертого класса молодой, жизнерадостный парень свои силы пробовал в области художественной литературы. Его начали печатать, когда учился в педтехникуме, но ему хотелось получить полное литературное образование, и это ему удалось. С 1948-го по 1952 год он учился на факультете осетинского языка и литературы в Юго-Осетинском государственном педагогическом институте и окончил его с отличием.

Во время учебы в институте работал диктором в редакции областного радио. Активно печатал свои первые литературные пробы на страницах областной газеты «Коммунист» и литературного журнала «Фидиуæг». Его имя было знакомо юго-осетинской литературной и научной интеллигенции и после получения им высшего образования, сразу начал работать младшим научным работником в отделе осетинского языка и литературы Юго-Осетинского научно-исследовательского института.

Вскоре исполнилось его сокровенное желание — он стал членом Союза писателей и членом Союза журналистов СССР, а это нужно было заслужить талантом и неустанным трудом.

Но живой душе свойственно стремление пробовать себя в разных сферах. Молодого писателя, как это и полагалось, больше привлекала периодическая печать, чем сухая, скучная научная литература. В периодической печати наряду с поэзией одновременно появлялась и его остросюжетная, сочная проза, и вскоре он перешел в редакцию областной газеты «Советон Ирыстон». Занимал должность заведующего отделом культуры редакции, но через какое-то время перешел в другой отдел. Был переводчиком газеты. Потом его перевели в редакцию Юго-Осетинского радио.

Мелитон Александрович долгое время работал главным редактором редакции областного радио. Он себя проявил как хороший редакционный работник и организатор. В процессе работы формируются политические и эстетические взгляды писателя. Он развивался не только как журналист, но и как мастер художественного слова и свою работу всегда выполнял добросовестно. В 1982 г. его назначают директором государственного книжного издательства «Ирыстон».

С этой работой он, разумеется, как писатель и журналист, был хорошо знаком и в качестве главы творческой организации показал себя принципиальным и знающим свое дело руководителем.

Мелитон Александрович Габулты директором из-

дательства проработал до конца своей жизни. Талантливый писатель и журналист в самом разгаре своей творческой деятельности скончался от сердечного приступа 13 мая 1992 года во время сильного, беспощадного артиллерийского обстрела города Цхинвал в печальные дни второго геноцида грузинского народа над южными осетинами.

Будущий писатель стихи начал писать с четвертого класса, но его творческий путь начался со скамьи студента педучилища. Его первые стихотворения, научные пробы в органах средств массовой информации, в редакции журнала «Фидиуæг» были востребованы и достойно оценены. Это вдохновляло молодого писателя к литературному и научному творчеству, а работать он мог целыми сутками в любых условиях. Он мечтал нарисовать жизнь со всеми ее иллюзиями, во всей ее красоте, что порой не по зубам и маститым мастерам художественного слова. Но это не смущало молодого человека. Он верил в то, что труд его не пропадет.

В своем поэтическом сборнике «В водовороте жизни» молодой поэт создает яркие картины осетинского села с его радостями и невзгодами, с его прекрасными пейзажами. Воспевает труд крестьянина, его заботу о хлебе насущном.

Среди разнообразных поэтических методов в его творчестве ярко высвечивается афористическое стремление поэта к слогу. В его книге самый популярный афоризм, несмотря на то, что оказался длинноватым, нашел место в стихотворении «Мой радостный день, надежда моей жизни, Иристон...» («Маæ райгæ бон, маæ царды ныфс, Ирыстон»):

*Æнæ Къоста нæ уыдаид Ирыстон,
Æнæ Ир та нæ уыдаид Къоста.*

*Без Коста не было бы Ирыстона,
Без Ира не было бы Коста.*

(Подстрочный перевод.)

Коста многие называли и называют ангелом, Всемогущим, Богом осетин, светочем народа... Васо Абайты тонко и метко заметил: «Любой народ, чтобы стать с достоинством в ряду других народов, нуждается в том, чтобы иметь людей, которые могли бы быть его национальным символом. До Коста у осетин не было такого человека-символа». И до Васо эту мысль, как видим, поэтичным афоризмом выразил Мелитон Габулты. Вот почему до сих пор многие публицисты, литературные критики и даже поэты, завидуя ему, этот афоризм повторяют даже слово в слово, но, увы, это, к сожалению, чести им не делает. Настоящую славу, как мы все знаем, приобретают только «первопроходчики».

Все это мы только вспоминаем потому, что у нашего писателя в жанре поэзии дела, можно сказать, шли неплохо. Но неожиданно для всех свой выбор он остановил на жанре прозы. И не зря. Он стал замечательным, своеобразным прозаиком в современной осетинской литературе. И известность он приобрел не своими поэтическими, а прозаическими произведениями — рассказами, повестями, романами. Первой его книгой в этом жанре был сборник рассказов «Любовь и ненависть» («Уарзт æмæ фыдæх», 1957). В периодической печати книга литературной критикой была встречена тепло. Рецензенты одобрили ее положительные стороны, ее успехи и все это еще раз дало толчок молодому, жизнерадостному человеку к творческой работе. Он открыто говорил о возможных путях освобождения советского человека от негативных привычек, унижающих его достоинство, о его аморальных качествах. Но высоко поднимал духовные качества, несомненно, хорошие черты своих положительных героев.

За свою сравнительно недолгую жизнь Мелитон Александрович сумел создать десятки ярких произведений, сотни образов, особенно в жанре прозы.

Его произведения полюбил осетинский читатель. И писатель, работая неустанно, внес свою лепту в развитие осетинской художественной литературы.

В осетинскую литературу детективный жанр впервые внес Мелитон Александрович. Его повести «Две встречи» («Дыууæ фембæлды», 1960) и «Быстрая речка до моря не дошла» («Тагъд дон фурды не 'ййафы», 1963) являются первыми детективными произведениями в осетинской литературе. Они открыли путь многим другим произведениям некоторых осетинских авторов.

В первой повести автор постарался раскрыть аморальное лицо таких негодяев, которые мешают жить простому, честному труженику. С помощью художественного слова он смог нарисовать жизнь, общество, где должны жить честные люди, поддерживая друг друга.

Композиция второй повести «Быстрая вода до моря не дошла» построена на основе острых ситуаций. Автор, раскрывая убийство молодой девушки Тамары, смог показать трудную, но непременно достойную работу правоохранительных органов.

К этому жанру в тогдашнем социалистическом обществе предъявлялись довольно высокие требования – используя специфику жанра, надо было способствовать формированию социалистического образа жизни и мышления, воспитывать художественный вкус строителя нового общества, строителя коммунизма, как мы тогда полагали. Да и ценить живую, насыщенную любовью жизнь, во все времена считалось главной ценностью во всем мире. И Мелитон Габулты всегда стремился к этому, не боясь никаких трудностей.

На этом поприще он работал успешно. Ему удалось обогатить осетинскую прозу своими первыми остро сюжетными, детективными повестями. Даже и в современной осетинской прозе, отличающейся богатством тематического разнообразия, детективный жанр занимает очень скромное место, а тогда в этом направлении Мелитон Александрович был первым.

Он издал немало книг и в других жанрах. Является автором многих рассказов, повестей, также создал романы – «У лжи ноги коротки» («Гæдыы къах цыбыр у»), «Написанное твоей кровью» («Дæ тугæй фыст»), «Отшельник» («Цардиппæрд»). Его герои, как и сюже-

ты, конфликты, ситуации в его произведениях — земные. Писатель их видел в повседневной жизни. Ежедневно встречался с прототипами своих героев. Это ему помогало создавать образы тружеников его эпохи. Но успех писателя все-таки определяется тем, когда очередная его книга и по проблематике, и по сюжету, и по архитектонике поднимается выше предыдущих работ.

Таким писателем являлся Мелитон Александрович. Среди читателей самым популярным его произведением является роман «Написанное твоей кровью». Один из главных героев романа Будзи рассказывает историю своих предков, и с помощью этого остросюжетного, удивительного рассказа читатели узнают о жизни Осетии последних столетий.

По мнению известного осетинского поэта, переводчика и литературного критика Георгия Бестауты, этот роман от других произведений данного писателя отличается широким охватом жизни, объемом и манерой описания повествования.

А другой известный поэт и литературовед Хаджи-Умар Алборты считает, что роман «Написанное твоей кровью» нельзя спутать с другими произведениями осетинской литературы, что писатель Мелитон Александрович поднялся на вершину литературного творчества и осетинская литература, и осетинский читатель ждут от него много других высокохудожественных произведений.

Несомненно, это так. Ко времени создания данного произведения, писатель уже приобрел определенный опыт. Его рационалистический характер мышления проявился в создании сюжетной линии и образов произведения. Писатель создает целый мир из воспринятой им истории. Этот мир интересен не только ему, но и современному читателю, что, несомненно, говорит о творческих возможностях писателя.

Мелитон Габулты был полон сил; у него было уйма творческих планов; осетинский читатель ждал от него еще много других, разнообразных, талантливых произведений, когда вероломное, наглое нападение Грузии на юг Осетии прервало его жизнь.

В своих произведениях писатель основное внимание уделял морально-этическим вопросам, воспитанию подрастающего поколения. Некоторые из них по праву стали хрестоматийными.

Многие произведения писателя были переведены на русский, абхазский, белорусский, армянский и некоторые другие языки народов прежнего Советского Союза.

В истории осетинской литературы Мелитон Габулты известен и как талантливый переводчик произведений писателей братских народов на осетинский язык.

У Мелитона Александровича Габулты в истории осетинской художественной литературы был и есть своеобразный творческий путь и над ним всегда будет светить его звезда.

ЗАПАХ ТЕПЛОГО ХЛЕБА

Шумным, неординарным, талантливым писателем и литератором вошел в осетинскую литературу Скифирон (Рюрик Константинович Тедеты). Его внутренний поэтический мир своеобразен и интересен. Он постоянно стремился передать тревоги сегодняшнего мира сквозь призму своего поэтического видения, и это ему удавалось.

Скифирон был поэтом, чья сыновья любовь к Ирыстону, Кавказу и всему миру органически слилась с внутренним миром его поколения. И это еще сильнее привлекает современного читателя. Он не мог представить себе, как можно «вдруг забыть Кавказ родной и старинных башен облик строгий, в горы уводящие дороги – и найти для жизни край иной...»

В таком случае, несмотря на то, что это делалось во вред себе, его проклятия были суровы, но он был непоколебим:

*Если навсегда покинуть дом,
чтобы синей дымкой горы смыло,
все забыть, что с детства сердцу мило, –
коротать свой век в краю ином...*

*Ели так, то пусть лишусь я глаз,
пусть оглохну, пусть ничто на свете —
ни случайный зов, ни блеклый цветок —
не напоминают мне Кавказ!*

*Пусть ни крошки хлеба с этих пор,
ни воды, ни почвы под ногами,
чтоб ни обоняньем, ни шагами
вспомнить я не мог далеких гор!..*

*Пусть твердят, что я легко схожусь
со степями и морской лазурью, —
где б я ни был, лишь глаза зажмурю,
и — Кавказ, Кавказ, и в сердце грусть...*

(«Если вдруг забыть Кавказ родной...» *Перев. П. Грушко*)

Но у каждого человека есть своя Родина, край, клочок земли, где он родился, встал на ноги, и эта сторона бывает ближе к его сердцу. У Скифирона это — Ирыстон. Поэт прав — в грудь себя кулаками «не бил, не восклицал: я осетин, аланы — наши предки! Но там, где надо было, не скрывал, откуда» он, «с какой древнейшей ветки», потому что гордился своим народом, его историей.

Когда лирический герой поэта первый раз покинул Ирыстон, «чужую соль и хлеб чужой отведав», он впервые по-настоящему осознал, кто он такой, «услушав самым сердцем голос дедов». В этом голосе он уловил себя и как будто бы увидел жизнь заново. Это дало ему силу идти вперед, делать все возможное ради Родины, ради народа. И это ему удавалось:

*Тогда во мне проснулся осетин,
я понял: все, что мне добыть случится, —
из рук судьбы возьму не я один,
а весь мой край — ведь я его частица.*

*И в том, как я хожу, грущу, смеюсь, —
отчизна проступает как живая.
Священным грузом мне на плечи грусть
ее легла и мудрость вековая.*

*Ни разу не решился я сказать:
«Осетия прекрасней всех на свете!»
Но разве я могу морскую гладь
любить, как снежные вершины эти!*

(«Осетию покинув в первый раз...»)

Поэту с помощью своего лирического героя удалось оттенить черты родного народа. Он не верит «мнению беглому о том, что все народы схожи меж собою» и старается, чтобы не опозорить свой народ. Потому что «имя предков через жизнь несем», и хочет «славу честную свою прибавить к их деяниям былинным». Это его поэтическое кредо.

Рюрик Константинович Тедеты родился 16 июля 1938 года в селе Кулуктикау Дзауского района в Южной Осетии, в доме семьи своей матери. Детские годы провел в родном селе Вахтана Знаурского района.

Родители будущего писателя были учителями начальной школы. Поэтому с детских лет имел доступ к книгам. Это сыграло большую роль в его дальнейшей жизни.

Рюрик Тедеты среднюю школу окончил в селе Корнис в 1956 году. Через год поступил на филологический факультет Юго-Осетинского государственного педагогического института в городе Цхинвал. Со строительной бригадой студентов участвовал в освоении целины и те времена оставили свой отпечаток на творчестве поэта:

*Степи казахстанские — под ноги гостям.
«Здравствуйте! Здравствуйте!» —
мы кричим степям.
В этот год пшеница — желтою стеной,
ветер катится по ней ленивою волной.*

*Красно-желтую муку высытал закат.
Каждый колосок застыл, как лихой солдат,
весело покачивается, тянется ввысь,
ты попробуй к нему только подступись!*

*Тут же ополчатся солдаты-колоски,
угрожая, выставляют усики-штыки.
Уж не эта ль армия внушает страх врагам,
весть о ней уносится к дальним берегам...*

*Телеграфные столбы кружатся окрест,
как в Осетии моей — хоровод невест.
И уже луна восходит в синей тишине
над землей казахов в целинной стороне.*

(«На целине»)

Деревенские ребята в детстве узнают цену соленого пота. А Скифирон на целине еще сильнее почувствовал запах теплого хлеба. Возвратившись на Родину, он со второго семестра третьего курса в 1960-ом году перевелся в Кабардино-Балкарский государственный университет на отделение русского языка и литературы.

Молодой писатель университет окончил в 1962 году. Учителем в Нижне-Черекской средней школе в Кабардино-Балкарской АССР, Вахтанговской средней школе в Юго-Осетинской автономной области, был сотрудником газет «Знамя Ленина» и «Молодой коммунист», работал в театре кукол «Саби» в СО АССР, но нигде не задерживался надолго. Постоянно думал, как и где продолжить свою учебу. И остановился на Московском государственном университете — в аспирантуре филологического факультета продолжил свою учебу в 1966 году. После учебы в том же Университете успешно защитил диссертацию по теме: «Осетинская советская поэзия (20-е годы)», и в свой город Цхинвал вернулся ученым человеком — кандидатом филологических наук.

Рюрик Константинович читал лекции в Юго-Осетинском государственном педагогическом институте по зарубежной литературе, работал редактором, потом — старшим редактором книжного издательства «Ирыстон», но мечтал о другом — муки творчества не давали ему покоя.

Ему хотелось все время заниматься художественной литературой и наукой. И его мечта сбылась только в

последнее десятилетие его жизни — стал научным сотрудником Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Не жалея себя, всю свою энергию отдавал любимой работе, создавал новые по форме и описанию произведения. Но чувствительное сердце поэта не выдержало трагических испытаний, выпавших на долю осетинского народа во время грузино-осетинской войны.

Ему еще не давала покоя панорама той, Великой Отечественной войны:

*Охваченные войной книги, спектакли, фильмы:
автоматные очереди, ружейная пальба,
взрывы бомб и снарядов,
яростные атаки, отчаянные контратаки,
концлагеря, печи, убийства без счета,
блокады (когда человек становится человечиной),
сирена, оплакивающая сирот;
девушки одна красивее другой —
а не за кого идти замуж;
бравые парни —
да не в женихи, а в смертники;
и пяди земли не осталось,
чтобы посеять хоть горстку зерна,
а поэты топят буржуйки не дровами, а рукописями,
а леса сведены на пожары, гробы и кресты,
а похоронки — как хлопья черного пепла на голову,
и поля войны, моря войны, горы и небо войны
все не могут насытиться металлом
(лишь самую малость удается спасти на медали);
и простой парень становится Матросовым, Плиевым,
а от нехитрых названий
веет ужасом истории: Освенцим, Бабий Яр...*

*С первых дней детства
мое сердце застлала война,
не дает мне покоя...*

(«Панорама войны»)

И мы верим ему. Верим ему потому, что вновь и вновь возвращается к этой теме: «Над братской могилой», «К полуночи я забылся во сне...», «Дверь распах-

нулась...». Война на самом деле застлала его сердце и не дает ему покоя. Потому был всю жизнь сторонником мира между народами: «Глобусы», «Снег падает...», «К полуночи я забылся во сне...», «У гостиницы «Националь» и т. д.

Они — своеобразны, оригинальны и лиричны. Поэте события и их последствия не только ощущал разумом, но переживал сердцем. Потому в этих произведениях поэта, как и в основном в его поэзии, господствует лирический антураж. И это их делает привлекательнее:

*Дверь распахнулась,
и я увидел лицо твоего отца —
морщины, морщины, морщины
на лбу, на щеках...
И я подумал,
какой беспощадный пахарь —
война!
И если бы отцы
не подставили ей своих лиц, —
она вспахала бы
всю отчую землю!*

(«Дверь распахнулась...»)

А страшный, кровавый след грузино-осетинской войны видел своими глазами. Даже попал в плен к грузинским фашистам. Чудом спасся. Но видел — «идет война. Одна сторона защищает свои дома, свою власть, отстаивает свои убеждения, другая — прибыла, чтобы огнем и мечом насаждать свою «демократию». По данным Цхинвальского УВД, с 6 января зарегистрировано 37 убийств граждан осетинской национальности, 148 — раненых, десятки пропавших без вести. Число беженцев в Северной Осетии превысило 12 тысяч человек. Что творится в селах — неизвестно, там свои трагедии, а связи нет... Любопытно, попавший к ним в руки, подвергается избиениям, оскорблениям, а то и пыткам...», — сообщала газета «Советская культура» 16 марта 1991 года.

Поговорка гласит: пришла беда — отворяй ворота. Когда на тебя с оружием в руках идет народ, которого ты считал другом, с кем ты делил свой последний кусок хлеба, а он взял тебя и твой народ на мушку, обагрив свой нож твоей кровью, то во имя Родины складывают головы не только те, кто взял в руки ружье, но и стоящие за ними более слабые и чувствительные. Они, не зная покоя, бьют тревогу, у них открываются старые раны, а трагедия родного народа становится для них убийственной.

Скифирон был эмоциональным, талантливым человеком и глубокомыслящим научным работником. Он не мог равнодушно взирать на жизнь, останавливаться на достигнутом и довольствоваться малым. Какое бы высокохудожественное произведение он ни создал, какую бы объемную, глубоко научную работу ни провел, он никогда не зазнавался, не дожидался «плодов своего труда», всегда с головой уходил в новую работу.

Работы, забот у него всегда хватало. Но ему не довелось жить долго — Рюрик Константинович Тедеты (Скифирон) умер от невидимых глазу сердечных ран в расцвете творческой жизни — 1 мая 1991 года.

Талантливый писатель литературным трудом занимался с 1953 года. Его первые стихотворения и рассказы появлялись не только на страницах областной газеты «Советон Ирыстон» и журнала «Фидиуаг». Вскоре стали появляться его произведения и в периодической печати СО АССР. Это был успех, и успех окрылял его.

Ему было чему радоваться. Молодой творческий работник рос от произведения к произведению. Когда в 1958 году в сборнике начинающих писателей «Дни молодости» («Æвзонджы бонтæ») был опубликован цикл его стихов, талант поэта был признан всеми.

Молодой поэт в 1961 году издал свою первую книгу, поэтический сборник «Свирель» («Уадындз»). И у деятелей литературы, и у читателей не осталось сомнения в том, что в лице Рюрика Тедеты в осетинскую литературу шагнул уже сложившийся художник слова. Тем более, молодой, талантливый творческий работник успеш-

но и плодотворно трудился в различных жанрах литературы. Его произведения в переводе печатались и за пределами Осетии.

В журнале «Фидиуæг», затем — отдельной книгой вышла в свет его повесть «Спеши вперед» («Размæ тындз»).

Повесть, как и многие его стихотворения, написана оригинально как по композиции, так и по устройству образов. Язык — отшлифованный, свежий, и дает произведению новое, современное дыхание.

Поэт позднее издал два весомых сборника стихотворений — «Лирика» и «Лирика-2». После выхода второй книги вульгарная критика обрушилась на поэта. Называли его антикоммунистом, антисоветчиком, обливающим грязью советскую действительность. Призывали выгнать его из Союза писателей, из рядов Коммунистической партии. Многие мечтали, чтобы его арестовали, уничтожили не только как писателя, но и как человека.

Как будто он всегда все знал заранее и был готов к любым испытаниям:

*Прикрытые громом, в развернутом конном строю
в долину врываются ветры лавиной страшной.
Деревья шумят, защищают в неравном бою
последние листья, как пяди земли в рукопашной.*

*Гремит поднебесье от гула воздушных армад,
готовящих белый десант на притихшие цели.
И зайцы зароятся в снег на холмах, где стоят,
как древние нарты, в шеломах серебряных ели.*

*Наутро все в мире зима усмирит белизной.
Мороз переплавит осенние лужи на льдины,
и загнаны будут надолго в полон ледяной
речушки, озера и мельница возле плотины.*

(«Предвестницей снега гроза ледяная пришла...»)

На писателя «имели зуб», потому что характер у него был тяжелый — не прощал никому обид. Ради справедливости и голову свою был готов отдать.

Многие произведения из упомянутых сборников не только в творчестве поэта, но и по своей форме, по тематике, по передаче материала, по поэтике были прорывом в осетинской поэзии.

Любитель художественного слова несомненно заметит, что в творчестве поэта органически переплелись внутренний мир человека и тревоги сегодняшнего неспокойного мира. Многие его стихотворения, — «Запах теплого хлеба» («Хъарм дзулы тæф мыл æвиппайдæ сæмбæлд...»), «Я пахарь, охотник, тревожный, путник...» («Æз хуымгæнæг, цуанон, фæдисон, бæлццон...»), «Молодого парня...» («Сонт лæппуйы ратон-батон систой...») и многие другие, — не оставят равнодушным никого.

О чем бы он ни писал — о Родине, о дружбе, о человечности или о лирических переживаниях, во всем всегда присутствует внутренний мир поэта. Он охотно делится с читателями своими размышлениями, наблюдениями пейзажной панорамы, личными переживаниями. Своеобразна его душевная лирика. И это говорит о таланте поэта.

При запахе свежеепеченного хлеба он вспоминал трудную судьбу рано умершей матери. И это никогда не давала ему покоя. Но лучше послушать самого поэта:

*Запах теплого хлеба меня внезапно настиг,
и тут же я вспомнил руки матери в тесте.
Плач свой услышал на ее могиле в предместье.
И тоска заклевала радость мою в тот же миг.*

*Сердце разбухло от боли, и была эта боль остра!
И я ступил тяжело на слепую тропинку печали,
и мрак окутал меня, и чувства мои одичали...
а запах теплого хлеба терзал меня до утра.*

(«Запах теплого хлеба»)

Наряду с судьбой матери, судьбой нашего бедного, угнетенного, но гордого осетинского народа его волновали судьбы и других народов, что говорит о его широкой душе и большом таланте. Вместе с тем он

никогда не пользовался своим талантом для достижения очевидных материальных благ. Главным в жизни он считал труд. Отлично знал цену труду и запаху теплого хлеба. Скифирон не терпел и не прощал несправедливости. И это, как в зеркале, видно в его творчестве.

Ему одинаково удавались как классическая форма стиха, так и верлибр, свободный сонет, лирические и эпические стихосложения... Творил стихи словами-предложениями. Он виртуозно создавал разные формы стихосложения. Брал и разные формы из литератур братских народов и таким образом тоже обогащал нашу литературу.

Приведем некоторые из них:

*1. Бушует ветер. Покраснели руки,
и тают на щеках пушинки снега.
Спешу, в сугробах тропку пробиваю*

по кладбищу.

(«Бушует ветер»)

*2. ... из темноты
как песня, — солнце в дымке ранней.
Но горе — громом с высоты:
дом содрогнулся от рыданий.*

(«... из темноты...»)

*3. Попробуй хоть раз,
когда захочется говорить,
набрать в рот воды —
просто это или не просто?*

(«Попробуй хоть раз...»)

*4. Вьюга...
Скрылась вся округа,
Ветер кубарем с горы!
Сосны
сыплют пух морозный,
вместо ям взвились бугры.*

(«След человека»)

5. Знаешь, дорогая, когда я смотрю в твои глаза,
мне кажется, будто я вижу свои глаза,
и когда твои веки вздрагивают и ты их
опускаешь, — словно орел садится на поляну
сердца, и я уже совсем другой человек, и душа
моя словно сын человеческий, вернувшийся к своим
апостолам, и я забываю все печали, как мальчик,
забывающий со временем могилу матери...

(«Свободный сонет»)

О стихосложении поэта можно написать объемистую научную работу. И научный труд получился бы интересным и полезным.

Как поэзия, так и проза Рюрика Тедеты — лаконична, остросюжетна. Писателя привлекала нравственно-этическая тема, взаимоотношения людей в семье и обществе, раздумья о мире и войне, жажда жизни человека, его мужество, готовность к самопожертвованию во имя высоких идеалов. Его книги в прозе: «Спешь вперед» («Размæ тындз» (уацау). — Сталинир, 1965); «Осколки вечной свирели» («Æнусон уадындзы схьистæ (новеллæтæ). — Цхинвал, 1970); «Хлеб-соль» («Цæхх æмæ кæрдзын» (уацау, радзырдтæ, миниатюрæтæ. — Цхинвал, 1988) и другие по своей архитектонике являются заметным вкладом в развитие осетинской прозы.

В творческой деятельности Рюрика Константиновича красной нитью проходят литературная критика и литературоведение. Его литературно-критическое наследие бесценно в области изучения истории осетинской литературы. Результатом кропотливого труда ученого в этой области являются монографии «Осетинская советская поэзия», «Жизнь Коста Хетагаты» и многие другие работы.

В своей колоссальной двухтомной работе «Коста в жизни» литературовед собрал обширный материал о жизни основоположника осетинской литературы и литературного языка, который требует дальнейшей научной обработки.

Многие произведения Скифирона переведены на русский язык и языки народов ближнего зарубежья.

Он и сам переводил произведения писателей других народов, особенно русских классиков.

Писатель пробовал себя и в жанре драматургии. И, благодаря труду, добился бы успехов, потому что был в расцвете творческих сил и осетинский читатель ждал от него еще много других произведений. Но не зря в народе говорят: не прощающему и Бог не прощает. А Скифирон, как мы уже отметили, никому не прощал ни плохих произведений, ни несправедливости... Хотя он на вид казался самым здоровым из наших писателей, почему-то не осилил переживания той страшной войны; почему-то его жизнь так неожиданно и так рано оборвалась...

Из-за постоянных обстрелов города Цхинвала мы, соотечественники, не смогли воздать ему должных почестей — не проводили его в последний путь из очага нашей культуры, из здания нашего театра.

Хотя, может, он про себя усмехается, думая, что он никогда не требовал славы и почета, — была бы возможность работать, — что судьба сама дала ему то, чего он желал — талант! А на смерть смотрел иронически:

*Льет сильный дождь.
Кого-то провожают
в последний путь.
Я взглядываюсь в лица...*

Так сильно плачут?

*Или обильные дождевики
стекают по щекам родных,
бредущих за умершим
в осенний этот день?..*

(«Льет сильный дождь»)

Однако, от талантливого человека и спроса больше. Чем быстрее и ярче горит свеча, тем быстрее она сгорит, и тем глубже проникают ее лучи в темноту. И это закон жизни, который никому не дано изменить.

Произведения Скифирона, словно светлые лучи, пропитанные особым запахом теплого хлеба, и как ветер времени все сильнее разносит этот запах, точно так же и его произведения будут освещать царство тьмы и вместе с ними будет жить с нами память об их авторе, который останется навечно в сердцах нашего народа. А это самая высокая, самая желанная награда для писателя.

ОН СТРЕМИЛСЯ В НЕБЕСА

Осетию, опаленную войной, невозможно удивить ни горем, ни слезами. Но тот день, когда вся Южная Осетия, я не оговорился, когда вся Южная Осетия простиалась со своим чистосердечным, ярким, глубоко любимым патриотом, одним из активистов тогдашнего Народного фронта «Адамон Ныхас» Владимиром Икаты, на широкой, просторной улице Мамсыраты города Цхинвала, где жил поэт, и камню негде было упасть. Потому что вся Осетия знала своего героя и в жизни, и в поэзии. Он был непоколебимым в борьбе за свободу своего народа, и всем был известен его девиз:

*С песней в бой мы ходили не раз —
мы, как знамя, ее поднимали.
С песней братья мои умирали,
но родных рубежей не сдавали...
в песне — мужества, воли запас.*

(«Песня». Стихотворения в переводе Ник. Горохова)

Владимир Антонович Икаты родился 1 августа 1936 года в высокогорном селе Южной Осетии — Соци в Гудиском ущелье в многодетной семье горца.

Будущий осетинский поэт начальную школу окончил в родном селе, а дальнейшую учебу продолжил в Верхнем Черере, — оттуда родом его мама. После окончания восьмилетней школы с отличием, его без экзаменов принимают в Сталининский (Цхинвальский) педагогический техникум.

Успешно заканчивает педагогический техникум и

поступает на факультета Юго-Осетинского педагогического института. Эволюция взглядов Икаты тесно связана с движением осетинской литературной мысли того времени.

Свои статьи и стихотворения на страницах областной газеты «Советон Ирыстон» начал печатать уже будучи студентом педагогического техникума. Когда Владимир получил высшее образование, он был уже известным и принципиальным журналистом.

По окончании института его приняли на работу в редакцию «Советон Ирыстон». Он был корректором, переводчиком, корреспондентом, заведующим отделом культуры. Чтобы повысить свой профессиональный уровень, заочно окончил факультет журналистики Казахстанского государственного университета в городе Алма-Ате. В разные годы работал корреспондентом радиокомитета Южной Осетии, редактором государственного книжного издательства «Ирыстон». Активное участие принимал в деятельности Народного фронта. Но зловещая роковая судьба не обошла стороной поэта — он тяжело болел астмой, в результате чего скончался 27 января 1990 года в городе Цхинвал.

Владимир Антонович был членом Союза журналистов и членом Союза писателей СССР. Его первые поэтические произведения в печати появились, как мы уже сказали, когда он еще был студентом. Для своих стихотворений Владимир выбирает героико-патриотические темы. Изначально он сформировался как талантливый детский поэт, но не переставал писать и для взрослого читателя.

Первый сборник его стихов «Уалдзæг» («Весна») увидел свет в издательстве «Ирыстон» в 1974 году. После него издал: «Кæсæджы фын» («Сон рыбы», 1977), «Булæмаргъы зарæг» («Песня соловья», 1982), «Хуры тынтæ» («Лучи солнца», 1989) и др.

Каждая новая книга стихов Владимира Антоновича свидетельствует о его творческом росте и развитии, о том, с какой требовательностью он относился к творческому труду.

Стихотворения, написанные Владимиром для детей, глубоко психологичны, имеют большое воспитательное значение. Каждая его книга открывала новые, актуальные темы для детей разных поколений. Многие его произведения заняли достойное место в школьных программах.

Поэт для взрослого читателя издал несколько интересных поэтических сборников. Самым удачным из них оказался сборник «Зәххы рис» («Боль земли», 1997). Стихотворения, вошедшие в него, высоко гражданственны и тонко лиричны.

Владимир Икаты, как поэт, рожденный в горах, стремился к вершинам поэзии, и это не могло не отразиться на его творчестве. Он отлично знал, что чем выше поднимаешься, тем труднее идти. Но трудности его не пугали. И он говорил с гордостью:

*Судьба горы высокой нелегка.
И если повнимательней взглянуть —
колотят днем и ночью облака,
ревут ветра — пытаются столкнуть.*

*И бьют ее и молния, и град.
Жара и стужа, словно ломом бьют —
и скалы, отрываясь, вниз летят.
Потоки почву как скребком скребут...*

Но настоящего поэта никакие силы не остановят в его стремлении вперед и вверх, ибо в этом и есть смысл жизни, смысл жизни поэта. И в этом Владимир Икаты никому бы не позавидовал. И хотя утверждал, что «судьба горы высокой нелегка», но это не останавливало его. Он сохранил уверенность в мужестве, духовной стойкости и нравственной, незаменимой красоте горца.

Владимир Икаты никогда не терял веру в будущее. И это давало ему силы стремиться вверх. Интерес к масштабному, высокому ощущается в его поэзии:

*И все равно — прекрасная судьба!
Пускай там буря вокруг нее ревет,
Но облака смахнув, как тень, со лба —
гора глядит за горизонт вперед.*

*К ней раньше всех рассветный луч летит,
закатный луч задержится на ней.
Несметный клад она в себе таит...
На ней и песня радостней звучит –
ведь на вершине сердцу веселей.*

*Чисты, как слезы, в скалах родники.
А уж какие здесь цветут цветы!
И наши мысли на горе легки,
и так светло-возвышенны мечты...*

Эти «светло-возвышенные мечты» манили поэта за собой. Они преобразовывали его в большого патриота своего народа и своей Родины. Он был чистосердечным, дружелюбным человеком с большим любящим сердцем.

Возможно, что мои субъективные суждения о поэте преувеличены, но именно этой чистотой и человечностью выигрывает творчество поэта. И это он сам знал лучше всех. И, как полагается мужчине, говорил уверенно с гордостью:

*Ее вершина – только для орлов.
Косулям, турам вольно там скакать...
Когда б судьбу мне дали выбирать,
желал бы я горе той подражать –
чей гордый лик горит среди облаков!*

(«Я выбрал бы судьбу горы высокой»)

В последние годы своей жизни, как мы уже говорили, он принимал активное участие в общественном движении Южной Осетии, защищая ее от националистических сил, и это ярко высветило и обогатило его патриотические чувства.

Володя не признавал никаких компромиссов с недоброжелателями своего Отечества и осетинского народа. Это нашло отражение в его поэзии, созданной в последние годы своей недолгой, бурной и свободной жизни. Герои его произведений стали более мужественными, патриотичными.

В предисловии его книги «Фыдыбæстæ – маæ рис»

не зря читаем: «Его стихотворение «Уайдзæф Ирыстонæн» является и публицистическим шедевром, и навсегда останется гневным упреком тем, кто в судьбоносные для народа времена предаёт национальные идеалы. Что его подвигло на столь гневное поэтическое обличение? Человек необычайного чувства Правды, он раньше всех увидел косность и никчемность национальной культурно-политической элиты и чиновничества, сложившейся в советские времена. Неспособная по сей день ни возглавить движение национального возрождения, ни сформировать его цели и задачи, она и тогда или угрюмо молчала, или робко ворчала на угнетателей. А чаще всего устраивала громкие протесты против собственных патриотов, и даже позорные судилища... Устами поэта сама Мать-Осетия обличает и осуждает всех тех, кто на протяжении стольких лет содержит эту священную землю и его многострадальный народ в условиях кабалы и унижения», — и думаем: когда лучшие сыны Осетии делают все для процветания нашей Родины, почему наши горе-начальники начинают им вставлять палки в колеса?

Нельзя было не видеть и не чувствовать страдания, тревоги, мечты поэта, которые мужественно и открыто выражал в своем творчестве. Почему он оказался таким стойким, это каждый любитель поэзии почувствует в его стихотворении «Могучий дуб»:

*На высокой скале дуб могучий растет —
корни крепко вцепились в родимый гранит.
Хоть порою над кроною буря ревет,
и каленой стрелой гроза его бьет,
аж вокруг воронье с перепугу орет...
Но спокойствие дуб величавый хранит.*

*Колотил ураган его, ветви ломал —
оторвать он пытался от кровных корней.
Дуб лишь глухо стонал,
но, как прежде, стоял —
над врагами смеялся с вершины своей.*

Его поэтическое кредо — стремиться в небеса. И это ему часто удавалось. Мечта орла — взлететь выше туч. Поэтому сердце ему всегда подсказывало брать планку повыше, а это ох как нелегко.

*Удивленье и только!.. Но жив и сейчас
этот гордый красавец, стоящий средь скал —
его мощная крона — отрада для глаз,
своим видом любовь он пробудит у вас...
Он высоким примером в судьбе моей стал!*

*Он порою о многом душе говорит.
Высоко на скале он маячит один.
Он вцепился корнями в родимый гранит.
Он бесстрашен и тверд — как в бою осетин!*

Подобно дубу, бесстрашным и твердым был и сам поэт, хотя из-за своего мужественного характера нередко подвергался нападкам со стороны злых людей. Только он сам мог чувствовать, почему «так печально очам»? Он всегда был готов плакать, видя как «мертв деревенский очаг — древний родительский кров». Володя не мог с равнодушием смотреть, как один за другим умирают осетинские деревни.

*Что же я вижу сейчас?
Слава села умерла.
Древний очаг наш погас —
ветром несется зола...*

*Город ли в том виноват?
Сами ль повинны мы в том?
Горестно птицы кричат
в небе пустом, нежилом.*

*Кто ж виноват в этом зле,
что я сейчас здесь стою,
словно босой на золе —
в мертвом родимом краю?!*

(«Горькие думы...»)

Владимир Икаты писал и рецензии, и критические статьи. Всегда выносил на суд читателей то, что ему подсказывало его чистое сердце. Был дружелюбным и никогда не лукавил ради своей выгоды. Дружил с осетинскими композиторами. Многие из его стихотворений переложены на музыку.

Поэт переводил на родной язык лучшие произведения поэтов многих братских народов. Но всегда и во всем прежде всего оставался Человеком и Поэтом.

О ЧЕМ ТРЕВОЖИТСЯ СЕРДЦЕ

Бытует мнение, что истинному поэту свойственна склонность к спиртным напиткам и к бродячей жизни, плевое отношение к деньгам, готовность прийти на помощь любому страждущему и, несмотря на скромное существование, быть при этом гордым.

Но тот, о котором в дальнейшем пойдет речь — поэт Феликс Плиты — никогда не чувствовал и не чувствует склонность к напиткам и к бродячей жизни; из-за денег никогда себя не опозорит и всегда, в силу своих возможностей, придет любому пострадавшему на помощь. И в любое время может сказать с гордостью и высоко поднятой головой:

*Неужто, жить честно — так плохо?
Жизнь эта — клад для людей.
Но что вытворяет эпоха —
в мясо кромсает детей.*

*Тревога за сердце хватает:
так распланировал кто —
для жизни земли не хватает,
много для смерти зато...*

*Но борются честные делом.
Путь мой — не только средь гор —
сочувствовать честным и смелым,
фальши давая отпор!*

Такой поэт, кем бы ни был по профессии, имеет полное право, «вторя рабочему гуду наших решительных дней, к добру» призывать повсюду в нашей древней Осетии. И это должно радовать любого честного человека.

Феликс Ясонович Плиты родился 7 ноября 1936 года в с. Рустау Цхинвальского района на юге Осетии в семье бедного колхозника. Детские годы провел в родном селе. Учился в сельской школе, но, по окончании 5 класса сильно заболел, и ему пришлось оставить учебу.

Потом последовал больничный режим, затем — годы лечения. И только в 1964 году окончил среднюю школу. Работал в редакции областной газеты «Советон Ирыстон». Был редактором издательства «Ирыстон». В настоящее время работает литконсультантом в Союзе писателей Республики Южная Осетия.

Феликс Плиты литературной деятельностью занимается с 1955 года. Свои первые стихи начал печатать на страницах газеты «Советон Ирыстон» и журнала «Фидиуаг». Его стихи также были включены в сборники молодых писателей «Æвзонджы бонтæ» («Дни молодости») и «Æвзæнгты хъæлæс» («Голос молодых»).

Молодой поэт свою первую книгу «Æрдзы зарæг» («Песня природы») издал только в 1965 году. И это название вполне отвечает содержанию книги. У Феликса Плиты очень развито художественное видение. Поэтическое видение молодого поэта литературная критика сравнивала с поэтическим видением таких ярких, известных осетинских поэтов, как Хазби Калоты и Александра Царукаты. И это было не случайно. В стихах молодого, талантливого поэта как в зеркале отражаются краски прекрасной Осетии.

Ему, как патриоту своего народа и Родины, никогда не дают покоя боль и тревога за настоящее и будущее нашей Отчизны:

*От крови, наполненной силой,
сердце стучит тяжелей.
Ношу я в Осетии милой
ношу земную людей.*

*Порою людские пороки
в душах кипят — как во мгле...
Чтоб не было лишней мороки —
будь проклято зло на земле!*

*Неважно: в глуши иль в столице —
дом твой под небом стоит.
Не сможешь ты сладко забыться,
коль мира душа заболит...*

(«Ноша человеческая». Перев. Ник. Горохов)

Поэт привлекает читателя непосредственной свежестью творческого видения, манерой владения художественным словом. Его лирические герои — созидатели, влюбленные в свою родную землю. Поэт поднимает проблемы нравственности и чистоты человеческих отношений своих современников.

Для поэта мать, — своя ли, чужая ли, — всегда — святая. И слово матери для него — завет Божий, через него нельзя перешагнуть. И когда мать, споткнувшись о подкову, опять упала у порога и сын «клещи в руки взял, чтобы сорвать подкову, властно сказала мать: «Оставь, нельзя!» — по ее меркам в подкове — счастье, и никто не смеет препятствовать ей.

Мать ради своего сына верит народным приметам, не думая о своей жизни:

*Хранит очаг дуга-подкова,
С рожденья моего на свет
От зыбки гнала духа злого
И берегла меня от бед.*

*И злая сила отступила,
Живой, под солнцем я стою.
Подкову мать благодарила
За радость светлую свою.*

Н. Добролюбов, думая о стихотворениях Юлии Жадовской, о характере ее таланта говорил: «Он не отличается ни особенным разнообразием, ни могуществом, ни роскошью; но он силен своей задушевностью и ре-

шительным отсутствием всякой аффектации. Это — находка в нашей современной поэзии, так приучившей нас к благозвучному пустозвонству, к изумительной скачке друг через друга пышных образов и мировых идей...» — и все это можно отнести и к характеру таланта Ф. Плиты.

Данные строчки из его стихотворения трогают душу, но настоящая поэзия не в самой подкове. Это всегoнавегo — факт, а поэзию нам поэт раскрывает в деталях, которые нас вдохновляют, дарят нам глоток свежести, что ли:

*И вот, гляди, споткнулась снова,
Нет больше сил и негде взять.
Боюсь: «счастливая подкова»
В могилу может мать загнать.*

*Лишь одного она боится,
Что я подкову уберу
И сгину сам, как в бурю птица,
И в дом закрою путь добру.*

(«Подкова». Перев. А. Греков)

Материнскую любовь к ребенку Феликс Плиты смог нарисовать во время страшного уличного боя. «Смерть огульно расправу вершит». И средь разора мать, прижавши ребенка к груди, бежит. Но куда, как спасти его, она и сама не знает. И побелела от ужаса. «Слепнет солнце от слез в небесах...» «Небо в трещинах...» «Рушится свет...» Но мать не себя жаждет спасти — «душу близкого прячет она». Потому что, если убьют его, то любящей матери уже не стоит жить. И после трагического описания события, хотя говорить об этом уже трудно, но в стихотворении видим настоящую поэзию:

*Мать бежит!.. Дышит смерть за спиной.
И в пролом, что зияет в стене,
прячет деточку мать и собой
закрывает — бьет смерть по спине...*

*Что спина — для металла с огнем?
Стены рушатся...
Небо дрожит...
И, мальчонку прикрыв, как крылом —
мать взмахнула рукой...
И лежит.*

(«Страшная картина». Перев. Ник. Горохов)

Творчество Феликса Плиты является жизнеутверждающим, заставляет глубже задуматься о происходящем вокруг нас в нашей тревожной жизни, вызывает к моральной и гражданской ответственности.

С каждым новым сборником стихов растет поэтическое мастерство поэта. Его творчество видимыми и невидимыми нитями тесно связано с осетинским фольклором. С помощью народного творчества Феликс Плиты заостряет внимание на своих произведениях, пользуется поэтикой фольклора, и в таком виде читатель их принимает с интересом.

Любовь к Осетии красной нитью проходит по его творчеству. Это сверхчеловеческое ощущение к Родине заставляет поэта любить все то, чем гордится его родная Осетия. Но все-таки, как благодарный потомок, как каждый уважающий себя и свой народ настоящий жизнелюбивый осетин, особой любовью любит выдающегося, незаменимого осетинского поэта и борца за свободу всего человечества Коста Хетагаты.

Поэт уверен, что в этот мир земной он пришел как гость и покинет мир однажды — еще никому не суждено было родиться дважды, но его удивлению нет конца, когда думает о судьбе Коста — гордости осетинского народа. Не зря сравнивает его с той, которая, как мы увидели, для него — самая дорогая на этой непонятой, но все-таки благодатной земле:

*Все так и есть:
тебя я здесь застал —
моей земли напев наипечальный.
Вопрос тебе не раз я задавал:*

*«Ты — кто за край свой в жизни так страдал,
любил народ,
несправедливость клял —
скажи, кто ты для этих гор вначале:
ты сын их
или матерью им стал?..»*

*Все так и есть:
кто горы так любил,
кто так о них печалился в округе?
Так мать могла снести любые муки —
чтоб милый сын,
не зная горя —
жил!..*

(«Страшусь...». В его же переводе)

У него всегда в почете те, которые живут ради народа. Зато, перо поэта беспощадно косит тех, которые норовят жить за счет трудового народа. Ему ненавистны паразиты, болтуны, коррупционеры и он с помощью художественного слова борется против них.

В последние десятилетия в творчестве поэта значительное место занимает тема грузино-осетинской войны. Кровавые, нечеловеческие действия грузинских фашистов и после войны не дают покоя поэту и, как умеет, рисует нечеловеческое лицо убийц, захватчиков и поет о мужестве и смелости защитников Отечества. О тех, которые свою жизнь отдали за свободу Отечества — о Инале Тасойты, Ибрагиме Арсойты, Владике Джоиты, Вадиме Газзаты, Геннадии Дзабиты, Саше Михайленко, Грише Санакоты, Эльберте Карчиты и многих других — создал целую книгу стихотворений «Халон уасыди...» («Ворона каркала...»), где, задыхаясь горькими слезами, поет о мужестве безвременно погибших героев.

Феликс Плиты является автором поэтических сборников: «Æрдзы зарæг» («Песня природы», 1965), «Хурхæтæн» («Солнцестояние», 1986), «Халон уасыди...» («Ворона каркала...», 2000), «Царды хъулаæттæ» («Пестрая жизнь», 2007)...

По творчеству Феликсу Плиты близки великие рус-

ские поэты Сергей Есенин, Алексей Кольцов, Иван Никитин, Иван Суриков и др. Их стихи он успешно переводит на родной язык. На осетинском языке отдельной книгой издал поэтический сборник С. Есенина «Æмдзæвгæтæ æмæ поэмæтæ» («Стихи и поэмы», 1985), а в 2010 году издал книгу «Цыппар булæмæргы» («Четыре соловья»), куда вошли лучшие поэтические творения, как их назвал переводчик, четырех соловьев русской поэзии.

Феликс Плиты, как полагается настоящему поэту, воспевает то, о чем тревожится его сердце. Потому его песня и вызывает у нас ответные чувства.

ЛИЦО ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Творчество известного талантливого, оригинального писателя Алеша Гучмазты стало своеобразным экстрактом нашей повседневной жизни. Мы через его творчество видим пережитое нами в прошлом и в настоящем, оно помогает нам жить и радоваться жизни. Ему принадлежат яркие и сильные произведения, которые волнуют читателей и навсегда остаются жемчужинами осетинской художественной литературы. А сам писатель является лицом осетинской словесности.

Алеш Алексеевич Гучмазты родился 10 сентября 1951 года в селе Гучмазтыкау Цхинвальского района Юго-Осетинской автономной области в семье служащего. Его отец Алексей Гучмазты работал на разных должностях в сельском совете, а мать была домохозяйкой и, как все женщины того времени, работала в колхозе.

Будущий писатель провел детство в родном селе, рос свободолюбивым ребенком. Начальную школу окончил там же, в своем родном селе. Читать художественную литературу он уже начал в первом классе и читал чрезвычайно много. Можно сказать, читал все, что попадалось под руку. С возрастом страсть к чтению становилась все сильнее. Это ему очень помогало в учебе, и, после окончания Ортевской восьмилетней школы в

соседнем селе, Алеш Гучмазты свою учебу продолжил и успешно закончил Ванатскую среднюю школу в 1968 году. Литературной деятельностью он начал заниматься в те же годы.

Молодой писатель к этому времени свои стихи уже печатает на страницах областной газеты «Советон Ирыстон». Хотел продолжить свою учебу на филологическом факультете Юго-Осетинского государственного педагогического института, но два раза «не прошел» конкурс, что и сегодня меня удивляет. Ведь он и в то время многим из тех, которые конкурс «прошли» свободно, годился в педагоги. Но у деревенского парня не было никакой поддержки, и невольно вспоминаешь строки из поэмы «Æфхæрдты Хæсанæ» классика осетинской литературы Александра Кубалты:

*Ацы маенг дунейы æфсымаер кæмаен нæй,
Хъомыл фырт кæмаен нæй, æрвад чи нæ зоны, —
Цæвиттон, лæппутæ, фæхæцæг кæуыл нæй,
Уыцы лæг иунæг у, уыцы лæг мæгуыр у,
Хъæды халæттæм дæр нæй уымæй иунæгдæр,
Нæй уымæй мæгуыр дæр ацы маенг дунейы.*

*(В этом мнимом мире кто не имеет брата,
Кто не имеет взрослого сына, кто не знает однофамильца,
Словом, парни, кто не знает поддержки,
Тот человек одинокий, тот человек бедный,
Даже среди ворон не найти такого одинокого,
Нет беднее его в этом мнимом мире.)*

(Подстрочный перевод)

У начинающего писателя и родители были, и братья, и сестры, и родственники, но перед устоявшимися порядками, где, переделав слова Шиллера из стихотворения «Мировая мудрость» на свой лад, насилие и коррупция «правят миром», к сожалению, они оказались бессильны.

Талантливый молодой писатель остался в городе Цхинвал. Работал рабочим-станочником на одном из заводов города, разнорабочим мебельного магазина. В

свободное от работы время занимался творческой деятельностью.

Но ни черная работа, ни промах в институте ему не помешали успешно пройти творческий конкурс и сдать экзамены в Литературный институт им. Максима Горького в Москве в 1972 году.

Исполнилась заветная мечта молодого писателя — он в столице тогдашней нашей огромной Родины, в литературном центре народов СССР. Учись, работай. Радуйся студенческой жизни. Все в твоих руках. Но по объективным и субъективным причинам не суждено было талантливому студенту окончить это престижное учебное заведение.

Через полтора года вернулся обратно в Цхинвал. Долгое время не мог найти работу. Потом устроился методистом в научно-методическом центре отдела культуры области. Талант, дарованный Богом, он, к сожалению, растрачивал «на повышение культуры верстки стенных газет» и на подшивку газет в библиотеках.

Ночью бродил со своими героями, а днем проверял «работу культурных центров» по всей Южной Осетии.

Только с 1988 года начал работать редактором отдела прозы литературного журнала «Фидиуаг». Потом стал его ответственным секретарем. Но во время грузино-осетинской войны 1991–1992 годов мечтал только об одном — о победе Южной Осетии в этой нечеловеческой войне, о том времени, когда она приобретет независимость и наконец-то вздохнет свободно. Не было у него уже ни свободных, счастливых дней и ночей. Каждую минуту был готов отдать свою жизнь за свою Родину.

Но увидеть этот радостный день, увы, ему не суждено было. 25 мая 1992 года, когда из крыши пятиэтажного дома защитники города тайком наблюдали за маневрами вражеских танков за городом, фашисты ухитрились попасть в него снарядом.

И убили честного, справедливого человека с широкой душой. Осетия потеряла одного из лучших своих сыновей, одного из лучших своих писателей.

Казалось, весь осетинский народ в последний путь его провожал со слезами на глазах. Мало кто из осетинских писателей не оплакивал его смерть. К примеру, достаточно будет привести стихотворение Ахсара Кодзати «Алеш»:

*Вот и Алеш ушел... Оцепенело
стоим, обрывки чувств собрав едва.
Что смерть ему теперь, бывшее тело,
друзья и дети, скорбная вдова,
очаг, где пламя темное горело,
правдивые и лживые слова...
Из тьмы небес он, зоркая сова,
глядит, как мы пыхтим тут неумело.*

*Открыт ему без глазоглядства каждый
наш нерв, он ведает, что мы за люди.
Сидеть на ангельском суде он будет,
а мы под ним — неправ ты, прав ли дважды.
... И тайно-явно — слез моих течение...
И жжет меня, крушит меня СМУЩЕНЬЕ.*

(Перевод Ю. Музалькова)

Алеша Гучмазты, хоть давно уже нет с нами, но, тем не менее, утешает одно — его творчество, сопоставимое с лучшими литературными образцами, живет и будет жить долго.

Он поэзией стал увлекаться со школьной скамьи. Сочинял талантливые стихи, ухитрялся рисовать жизнь, весьма реальную жизнь, где мы старались и сейчас стараемся жить, но не могли и не можем раскрыть свои крылья, как следует. И эти стихи он начал публиковать, как мы уже подчеркнули, с 1968 года. Но впоследствии сила его таланта по-настоящему проявилась в прозе.

Когда в 1971 году в журнале «Фидиуæг» Алеш Гучмазты напечатал свое первое прозаическое произведение «Земной ад» («Уæлзæххон саудзыдыда» — хотя, «саудзыдыда» в буквальном переводе на русский язык означает «черная слепота»), то по композиционной

архитектонике рассказа, по размаху его образов и сочности языка читатели почувствовали, что в осетинскую литературу пришел будущий мастер слова. И он их не подвел. Блеск настоящего таланта, чувство извилины жизни, хорошее усвоение народной речи, создание психологических образов отводят ему видное место не только среди молодых писателей, но и в семье мастеров художественного слова.

Молодой писатель не оставил им другого выбора — соприкоснуться с его творчеством и не принять его — невозможно. В этом мы все убедились, когда в книге «Полуночник» («Æхсæвидар») прочли первые лучшие рассказы Алеша Гучмазты. Книга свидетельствует о его серьезной творческой работе и большой требовательности к труду мастера художественного слова, а также о совершенствовании мастерства уже состоявшегося писателя.

А после выхода в свет его известной повести «Белые сны» о вымирающей горной деревне, о суровых иногда даже друг к другу, но благородных, последних «из могикиан» с холма Есеты, стариков Места и Матэ, ни у кого не осталось даже мизерного шанса, чтобы сомневаться в его таланте.

Его герои Места и Матэ живут в одной деревне, но Места живет в верхнем конце села, а Матэ — в нижнем. «В летние дни соседи живут в мире и согласии, зимой же Места затаивает обиду на Матэ. А как же иначе?» Новости доходят до них, когда они уже перестают быть новостями. Их приносят путники — гости. «Со стороны Чреба и зимой навевываются гости. Ну, может, и не так часто, как летом, но все-таки навевываются. А Матэ, будь он неладен, поставил дом у самой дороги и как будто все время ее в бинокль обзоревает. Вот поди и минуи его дом, он непременно затащит тебя в гости. И пусть ты всей душой хочешь попасть сначала к Места, — как бы не так! — нечестивый Матэ ни за что не отпустит. Скажем, гость направляется напрямиком к Места, а Матэ, значит, тут как тут, разом поворачивает его к себе домой. А есть еще у него

собака окаянная, волкодав, величиной с теленка, и если даже гость будет ползком красться по снегу, тот все равно приметит его и ну-у давиться лаем. Матэ, конечно, выбегает на улицу, рот до ушей, и снова его щедрости не бывает конца, как будто он действительно такой человек. Несколько лет назад, перед великим постом, он зарезал жертвенную свинью и сварил ее голову. Пришли к нему гости, а он не вынес лопатку с головой на стол, — запомятовал, мол, о ней совсем. Как же так, что значит запомятовал, дурак! Почему же Места вот уже восемьдесят лет не забывает». И так из одного предложения к другому, из одной детали к другой растут образы его героев, а с ними и целое произведение.

Все, что увидело свет с его именем, все, что вышло из-под его пера, — стихотворения, рассказы, повести, — свидетельствуют о таланте художника слова, о его широком, глубоком и всестороннем видении жизни.

Около четверти века он жил настоящей жизнью настоящего художника слова, творил настоящие высокохудожественные произведения словесности, но всегда талантливо ухитрялся не повторять себя. Каждое его новое произведение, если не в осетинской художественной литературе, то все же в его творчестве становилось явлением. Это под силу только большим творцам. Образы его произведений отличаются богатством души и глубоким психологизмом, непримиримы к недостаткам и к негативным поступкам. И что самое главное — глубоко патриотичны. Они рождаются и покидают эту жизнь с чувством глубокого и незаменимого чувства любви к родной земле, как и их создатель — автор произведений.

Все это — мастерство, талант и умение искать и находить нужные, волнующие читателей темы, помогло Алешу Гучмазты создать свое ключевое произведение — роман «Матрона» («Дæ уды фарн»). Произведение мощное, прекрасное и по охвату жизни, и по композиции, и по описанию, и по характеру образов, и по языку. Он смог показать настоящую душу любящей осе-

тинки-матери Матроны и создал целую плеяду прекраснейших, друг на друга не похожих жизненных литературных образов. Вот что пишет известный осетинский русскоязычный писатель и переводчик Руслан Тотров в предисловии романа (книга в его переводе на русский язык сперва была напечатана в журнале «Дарьял», потом в 2010 году была издана во Владикавказе в издательстве «Ир»): «Не хотелось бы впадать в патетику, но и нельзя не сказать об очевидном: роман «Дæуды фарн» или «Матрона» (в нашем переводе на русский) — это выдающееся произведение, которое без всяких скидок или преувеличений можно отнести к контексту мировой литературы. Говоря об этом, я не имею в виду всемирную известность, констатируя с грустью, что во времена делячества, раскруток и суетной телевизионной славы, роман, написанный на языке **малого** народа, не имеет ни малейшего шанса на **большой** успех. Тем более, если самого автора нет в живых».

Многое: и хорошее и плохое, и правдивое и лживое можно было услышать об этом романе. Некоторые считали и считают, что Матрона, главная героиня, слишком развязная и ее характер не совпадает с характером настоящей горянки-осетинки; что ее образ не типичный.

Были и такие, и даже немало среди литераторов, которые утверждают, что писатель показал жизнь горской деревни во время Великой Отечественной войны и после нее, но и она не типична для тогдашней осетинской среды.

Когда читатель знакомится с мастерски описанными картинами послевоенного сурового времени, когда, видя деградацию человеческих нравов, убеждается, что нищета толкает людей в пропасть, то поверить таким анализам нетрудно. Но на самом деле роман — о духовном богатстве человека, о любви матери к ребенку. Об этом и говорит название произведения — «Дæуды фарн». То есть — произведение о фарне матери — о широкой, прекрасной, счастливой, любящей душе матери.

Роман и в журнальном варианте назывался «Матрона», но автору не понадобилось много времени, чтобы понять, какое заглавие больше передает смысл произведения.

И еще. Алеш Гучмазты не вмещается в рамки одной Осетии. Он — писатель большого размаха, и его произведения насильно нельзя аккумулировать в одном месте, они — достояние всего человечества. Об этом говорит его творчество. Он смог создать художественные произведения, которые славят не только осетин и Осетию, но и все человечество, и не надо сомневаться в том, что они сопоставимы с лучшими литературными образцами мировой литературы.

Писатель плодотворно работал и в жанре детской литературы как в поэзии, так и в прозе. Для детей дошкольного возраста и младших классов писал прекрасные стихи, рассказы и сказки.

При жизни он смог издать только один сборник рассказов «Как Чибид продавал свою корову» («Чибид йæ хъуг куыд уæй кодта»). И книга в свое время имела большой успех среди маленьких читателей.

После его смерти в Северной Осетии в издательстве «Ир» были изданы еще две его детские книги «Рохсана» («Рохсанæ») и «Дочь Узунага Уруза» («Уызынджы чызг Уырызæ»).

Талантливый писатель в последние годы своей жизни начал заниматься художественным переводом, но грузино-осетинская война, как на этом, так и в целом на литературном поприще не дала ему раскрыться, а ведь он был рожден для того, чтобы воспевать, благоговаять слово.

О творчестве Алеша Гучмазты народ должен говорить во веки веков. Но чтобы понять его творчество, надо хотя бы один раз войти в прекрасный, цветущий, многосторонний мир писателя с распахнутой душой, как влюбленный человек входит в сердце любимого или любимой. Почему же не всем это дано?!..

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ МЕЧТЫ

«Бог дает, в окно подает» — говорит пословица. Но к осетинскому поэту, переводчику, журналисту Валерию Гобозты Создатель почему-то не был столь благосклонен — ему ничего не давалось просто. Днем и ночью работал, трудился, но светлых, радостных дней в его жизни было мало. Он был в постоянном поиске, ставил перед собой задачи и стремился к их осуществлению; что-то искал, чего-то хотел добиться, но не все получалось, и эта неудовлетворенность сказывалась на всем. Да и, сколько ни старался, боль своей души не мог скрыть в своих произведениях:

*Не ссардзынае ды а царды амонд,
О мае ризгае уд, фæлæ уæддæр
Зарæг хъæлдзæгæй риуыдзаг самон,
Фехъуса дын уадз дуне дæ хъæр.
Не ссардзынае ды а царды амонд.*

*Не найдешь ты в этой жизни счастья,
Дрожащая душа моя, но все же
Веселей спой от всей души песню
Так, чтобы весь мир услышал твой крик.
Не найдешь ты в этой жизни счастья.*

(«Грустная песня». Перевод подстрочный)

Прав был великий Коста, говоря: «Из всех писателей мира, может быть, из 100 000 один ухитрился не проявить в своих произведениях особенностей своей натуры». Валерий Гобозты не очень-то и старался скрыть свою натуру. Он душой болел за родную Осетию, глубоко страдал из-за грузино-осетинской войны, из-за смерти родителей, из-за несчастной любви... Изданная им в то трудное время в 2007 году книга так и называется — «Думы об Осетии». Поэт даже во время самого светлого праздника — Нового года, когда все радуются, не мог быть спокойным. Все радуются, а он не находит себе места:

*Фæлæ мæнæн нæу цинсæйдзаг мæ зæрдæ,
Фæззыгон мигбау ыл æртыхст æрхуым,
Æрымысын фæдиссæйдзаг изæртæ,
Ысты нæ сахары цыраггæтæ хуыст.*

*Кæныныц ызнаджы сармадзантæ боггæтæ,
Нæ къуылдымтæ 'мæ быдыртæ хъæрзыны,
Нæ сахъ лæппутæ та æнæмсер тохты
Сæ Райгуыраены сæрвæлтау мæлыны,*

*(Но в моем сердце нет радости,
Как в осенних тучах, окутано в горечи.
Вспоминаю тревожные вечера,
Городские свечи потушены.*

*Ревут пушки наших врагов,
Стонут наши возвышенности и поля,
А наши могучие парни в неравных битвах
Умирают за Родину.)*

(«Осетия»)

Гобозты Валерий Лентоевич родился 16 мая 1948 года в селе Гобозтикау Знаурского района в интеллигентной семье. Его родители были учителями в сельской школе. После получения среднего образования в Зиулетской средней школе, будущий писатель учился в медицинском техникуме города Цхинвал. Но с детства он был слишком жалостливым, и ему не суждено было стать медицинским работником. Пришлось выбрать другую профессию.

В 1966 году Валерий Гобозты поступил на историко-филологический факультет Юго-Осетинского государственного педагогического института и в 1971 году успешно окончил его, после чего молодого парня призвали в армию, и он отдал Родине свой воинский долг. Когда вернулся из армии, то началась его трудовая деятельность. Занимался педагогической работой. Одновременно был тренером подрастающего поколения по шахматам. В свое время несколько раз по этому виду спорта защищал честь области на республиканских со-

ревнованиях и занимал призовые места — являлся мастером спорта.

Будучи талантливым журналистом, Валерий Гобозты продолжительное время сотрудничал с редакциями республиканских газет «Хурзæрин» и «Южная Осетия». Несколько лет был главным редактором газеты «Южная Осетия». Долгое время работал в редакции журнала «Фидиуæг».

Валерий Лентоевич с 1998 года до конца своей жизни работал преподавателем осетинской литературы в государственном университете Республики Южная Осетия. В 2005 году был избран заведующим кафедрой журналистики.

Валерий Гобозты успешно сдал кандидатский минимум в Юго-Осетинском государственном университете по осетинской литературе. В 2008 году защитил кандидатскую диссертацию в Северо-Осетинском государственном университете, и ему была присуждена степень кандидата филологических наук. Был доцентом ЮОГУ. По совместительству работал старшим научным сотрудником Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З. Ванеты.

Будущий поэт в осетинскую поэзию вошел в 80-е годы прошлого столетия. Его небольшой сборник стихов был издан в 1985 году в издательстве «Ирыстон» и открыл своему автору дорогу в осетинскую литературу.

Основной мотив стихов, вошедших в сборник — труд во славу Отечества, во имя общего блага трудового народа. Воспеваются необыкновенная красота природы родной Осетии, человек созидательного труда.

Стихи молодого поэта отличались гражданственным пафосом. Лирический герой поэта был готов к подвигу во имя Отечества и родного народа, к которым испытывал сыновнюю любовь.

Валерий Гобозты позднее стал автором еще нескольких поэтических сборников, и было заметно, как поэт рос от одной книги к другой. Расширялась тематика его произведений. Ярче и глубже начал видеть жизненные проблемы. Его слог становился яснее:

*Над грустным кладбищем опять склонилась тьма,
Как ласковая мать, к нему припала,
Но ветер, тишины срывая покрывало,
Тревожит так, что впрямь сойти с ума.*

*О странник-ветер, как похожи мы с тобой!
Я чувствую, что братья мы по сути:
Ты счастьем обделен, ты бесприютен.
И я, ты знаешь, в точности такой.*

*Ведь одиночества невыносимый гнет
Обоим нам так хорошо известен.
Так поклянемся же, что вечно будем вместе*

*Делиться горестями... Но сомненье жжет:
Ты примешь ли подобный оборот?
Ты побратаешься со мной? — скажи по чести.*

(«Я и ветер». Переводы Ю. Баранова)

Поэт также одновременно вел научно-исследовательскую работу. Он являлся автором ряда научных работ и литературно-публицистических произведений. Отдельной книгой издал свою диссертационную работу о поэтике классика осетинской литературы – «Художественное мастерство Сека Гадиева-поэта».

На свой родной осетинский язык В. Гобозты много переводил из произведений классиков русской и зарубежной литературы, особенно из поэтического творчества А. Пушкина.

Талант Валерия Гобозты особенно проявился в последние годы его жизни. Свидетельством этого стала его последняя книга – сборник стихов, поэм и переводов «Слезы сердца» («Зæрдæйы цæссыгтæ»). Ему не давала покоя грузино-осетинская война в конце XX – начале XXI веков.

*Тревога закрыла над городом небо,
Солнце уже не согреет людей.
От пулеметных очередей
Все превращается в жуткую небыль.*

*Снова кошмары двадцатого года?
Ей-богу, почудилось мне:
Опять осетинские горы в огне,
Угроза нависла над нашим народом...*

*Но нет, не двадцатый. Шофер в камуфляже
Любезен: «Садись побыстрее в джип!
На север! Бежим! Кто застрял — тот погиб...»*

*Кровь мне ударила в голову даже.
Кричу: «Я не тот, кого ветром смело.
Я — с Родиной, если ей тяжело!»*

(«Тревога закрыла над городом небо...»)

Мы все хорошо помним осетинскую поговорку: «Кто в предков своих стреляет из пистолета, в того потомки свои будут стрелять из пушки». Удивительно, как поэт, будто ребенок, безутешно страдал о смерти своих родителей. В память о них он то стихотворения сочинял, то — циклы сонетов, то — поэмы. Никак не мог смириться с такой потерей. Вспоминая своего отца Ленто, поэт, как будто предвидев свою смерть, писал с грустью:

*Отец, ты помнишь ли, как вьюга бушевала,
Как будто бы в нее вселился бес,
И, как медведь, ломилась через лес;
Стволы тряслись, страшась лесоповала.*

*Мне, маленькому, тоже страшно было.
Усытым белым чудищем в окне
Казалась вьюга. Но шептал ты мне:
«Не бойся, сын. Не бойся, мальчик милый».*

*Я вырос. Я привычен к непогоде,
Но без отца, признаюсь я, досель
Она не страх, она печаль наводит.*

*Когда в окно ко мне стучится ель,
Мне чудится, что там, куда уходим,
Отец мне греет снежную постель.*

(«Отец, ты помнишь ли...»)

Он был не только поэтом, но и публицистом. Публицистическое дарование поэта вылилось в набат о судьбе родного народа во время двадцатилетней грузино-осетинской войны. На страницах газет он правдиво рассказывал о зверствах фашиствующих грузинских бандитских формирований. Мечтал увидеть объединенную, мощную, свободную Осетию; справедливый мир и равноправный, счастливый народ.

Валерий Гобозты ушел от нас в расцвете своей творческой деятельности. Ему, к сожалению, не суждено было осуществить в жизни все свои мечты.

ХУДОЖНИК КОЛА

Бывает, что по внешнему виду человека иногда можно безошибочно угадать его характер, склад ума, душевное и физическое состояние... Но член Союза художников СССР, заслуженный художник Республики Николай Кабысты (или Кола, как его ласково называют друзья) к этой категории людей не относится. На первый взгляд он производит впечатление спокойного, даже чуть-чуть флегматичного человека, однако впечатление это обманчиво: Николай очень живой, эмоциональный, неутомимый, находящийся постоянно в движении человек; такой, про которого обычно говорят, что ему неведома лень. А глядя на его поюношески стройную фигуру и легкость движений, ни за что не угадаешь его возраст, годы почти не оставили на нем своего отпечатка и даже украшают его. Ну, а уж если он возьмется за работу — любую, будь то творческая или административная, — то проявляет такие профессиональные навыки, словно он только для этого и создан, словно с детства по велению сердца к этому и стремился.

Только так и можно судить о нем. По его сердцу.

Этот эмоциональный и очень общительный человек говорит таким строгим, убедительным тоном о своей работе, что невольно производит впечатление суро-

вого человека. Но как только разговор заходит о его фронтовых друзьях или же он вдруг вспомнит что-либо радостное, а то и грустное из своей нелегкой жизни, и он преображается на глазах: становится таким мягким и добрым, так может расчувствоваться, что крупные слезы покатятся по его лицу. Крупные, неподдельные слезы, льющиеся из сердца. И не только слезы, — все, что связано с ним, — его приход, уход, его работа и, что самое главное, его искусство, — все идет у Кола от сердца.

Когда я смотрел его работы (впрочем, на многих выставках его картин и в его мастерской я не раз и не два застывал, потрясенный увиденным), то невольно искал в них сердце, сердце Кола. Потому что в искусстве любого художника всегда, вольно или невольно, проявляется его интеллект, духовный уровень, темперамент, натура, его «я». И ты не замечаешь, как они, эти образы, такие разные по характеру, по мастерству, мировоззрению и такие родственные по человечности, искренности и добрые, несущие тяжелую ношу сегодняшнего дня, уверенные в светлом завтрашнем дне, влекут тебя за собой... Одна... две... десять... двенадцать... «Портрет классика осетинской литературы Сека Гадияты», «Портрет поэта Сослана Газзаты», «Портрет художника Махарбека Туганты», — учителя и наставника Кола, «Портрет шахтера Алихана Хугаты», «Портрет профессора Вассо Абайты», «Салимка», «Портрет дочери», автопортреты, портреты участников Великой Отечественной войны...

Рассматривая картины Кола, убеждаешься в том, что он опытный портретист. Творческое кредо его заключается в том, что он мастерски, создавая образы, передает душевные качества человека, его натуру, мировоззрение, все то, что его отличает и роднит с окружающей средой, — по облику, взгляду и внешности создаваемых им образов.

И Кола еще, как портретист наделен одной удивительной способностью: умением создавать образы дея-

телей осетинской науки и литературы, чьих портретов не осталось ни на фотографиях, ни на художественных полотнах.

Сохранилась фотография Сека Гадияты, переснятая множество раз, на которой проступает лишь профиль писателя, по ней Кола удалось написать портрет классика осетинской художественной литературы, мудрого и уникального человека.

Так же удачно был написан и портрет поэта Сослана Газзаты.

Портреты молодых писателей, погибших во время Великой Отечественной войны, если не сохранились их фотографии, Николай писал со слов их родных и близких. Это ему удавалось так мастерски, что родственники изумлялись: они не могли поверить в то, как он, не зная их в лицо и не имея фотографии, мог так умело написать их портреты.

Но из всех портретов Кола наиболее удачен, на мой взгляд, его автопортрет, написанный им в 1975 году, на котором он, используя яркую палитру цветов, очень точно передает свое настроение, отношение к жизни в философском понимании слова. Автопортрет сделан такими реалистическими средствами, благодаря которым нетрудно определить, что это человек с неиссякаемой энергией, волевой, решительный, который всегда доведет начатое дело до конца. Это Кола.

В этом как раз и заключается весь секрет того, что Кола всю свою сознательную жизнь гармонично совмещает общественную работу с творчеством. Одинаково удачно творит в графике, гуашью и маслом.

Его картины «Первый поезд в Чреба», «Богатый урожай», «Первый трактор в Юго-Осетии», «1942 год», «Возрождение моего ущелья» и многие другие по своей тематике, композиционному и художественному построению всегда радовали глаз и ласкали сердца многих и многих любителей искусства. Работы Кола выставлялись на многих представительных выставках бывшего Советского Союза, много и с восхищением о них

писали и в прессе. И сегодня их ждет зритель с неиссякаемым интересом... И это объясняется тем, что в искусстве, как и в любом деле, Кола работает самозабвенно, с полной отдачей сил, вкладывая в искусство всю свою жизнь, душу.

Его учениками были народный художник Осетии Заурбек Абойты, заслуженные художники Российской Федерации Юрий Дзантиаты и Феликс Кцойты, художники Лев Джиоты, Георгий Беруаты и многие другие.

Однажды мне показали список лиц, оказавших помощь на поминках одного человека. Количество людей переваливало за тысячу. В списке были указаны фамилия и имя каждого, дабы не спутать их с носящими такую же фамилию и имя, а в одном месте только значилось: «Художник Кола».

И я подумал: да, Николай Кабысты когда-то успешно занимался земледелием, но не стал крестьянином, в Великую Отечественную войну воевал с врагом, но не стал профессиональным военным, еще с молодости постоянно пребывал на руководящих должностях, но не стал чиновником. Этого не позволил ему его яркий талант. И если даже все это мешало ему в его творческой работе, если в истинной профессии художника все это было помехой, люди его знали и знают только по одному имени — художник Кола.

ХУДОЖНИК ПО ПРИЗВАНИЮ

Говорить о творчестве настоящего деятеля всегда трудно. Еще труднее давать оценку творчеству 80-летнего художника. Не из-за возраста, — человек, о котором пойдет речь, Николай Григорьевич Кабысты, на вид еще энергичный, — а потому, что в своей жизни он повидал многое. А если человек творческий, то это «многое» всегда оставляет след как на самом человеке, так и на его творчестве.

А Николай Григорьевич (или, как его ласково по-

дружески называют друзья – Кола) имеет право сказать твердо: «Я – художник».

Николай Григорьевич Кабысты родился в 1922 году 28 апреля в городе Цхинвал. Начальную школу окончил в с. Дампалет, неполную среднюю школу в с. Зар, а в 1942 году успешно закончил Цхинвальское художественное училище. Его учителем был известный осетинский художник Махарбек Туганты.

Когда Николаю Григорьевичу исполнилось 20 лет, он ушел на фронт защищать Отечество от фашизма и защищал тогдашний Великий Советский Союз. В 1944 году был тяжело ранен и попал в госпиталь.

После войны в 1947 году успешно сдал вступительные экзамены на факультет скульптуры Киевского института искусств. Через год перевелся на факультет живописи Тбилисской Академии художеств и успешно закончил ее в 1951 году.

Его дипломной работой была картина «Первый поезд в Чреба».

После Великой Отечественной войны все люди Страны Советов радовались своим подвигам и победам. Одной из таких побед в Южной Осетии было строительство железной дороги от Гори до Цхинвала.

Во время открытия железной дороги был теплый, солнечный день. Люди, празднично одетые, вдоль железнодорожного полотна смотрят на первый поезд в Чреба и радуются.

Эта многофигурная композиция разработана обстоятельно и профессионально. Благодаря мастерству Н.Кабысты мы видим множество восторженных лиц, которые радуются первому поезду. Он с помощью кисти показал нам нашу историю.

Экзаменационная комиссия Академии художеств высоко оценила эту интересную, многофигурную композицию. Картина понравилась известным художникам. Все признали талант Николая Кабысты.

Николай Григорьевич занимал много руководящих должностей, был директором колхоза родного села,

председателем Союза художников Южной Осетии, директором Цхинвальских художественных мастерских.

С юношеских лет писал и печатал неплохие стихи. Но этот эмоциональный, общительный и добрый человек первым долгом был и есть художник, хотя и был хорошим администратором и педагогом.

В его работах — сердце художника. В них проявляется его интеллект, духовный уровень, темперамент, а также история, характер и быт нашего народа. Его образы — разные по характеру, мировоззрению, по профессии, но их объединяет человечность, любовь к жизни, к созиданию.

Один за другим появляются картины, посвященные событиям 20-х годов, военных лет и героическому прошлому и настоящему осетинского народа: «Переход 11-й Армии через Мамисонский перевал под руководством С. М. Кирова», «На рассвете», «Животноводство в Юго-Осетии», «Первый трактор в Юго-Осетии», «К субботнику», «1942 год», «Коста после ссылки» и др. И по своей тематике, и по композиционному и художественному построению они всегда радовали глаз и ласкали сердца многих и многих любителей искусства.

В картине «Переход 11-й Армии через Мамисонский перевал под руководством С. М. Кирова» художник осмыслил историческое значение героического перехода частей 11-й Армии из России через Северную Осетию в Южную Осетию, потом — в Грузию в марте 1921 года, совершив свой победоносный, исторический поход.

И образ Кирова, и образы солдат полнее и глубже раскрывают исторический смысл и значение победоносного похода.

О мастерстве художника говорит картина «1942 год». Он доказал всем, что он один из тех осетинских художников, которые прививают нам потребность в настоящем красивом, национальном, героическом.

Николай Григорьевич сам пережил страшные, невыносимые годы Отечественной войны и на фронте, и в тылу, и то, что на этой картине изображено, им не искусственно придумано.

И фигура пожилого человека и двух женщин, и фон картины — горский пейзаж со стогами сена, маленький домик, деревья — вся эта композиция увлекательна, говорит о драматизме военного времени.

Николай Григорьевич является одним из лучших портретистов Республики Южная Осетия. Жанр портрета привлекает его на протяжении всей творческой деятельности. Его кисти принадлежат «Портрет классика осетинской литературы Сека Гадиаты», «Портрет художника Махарбека Туганты», «Портрет Васо Абайты», автопортреты, портреты молодых писателей, погибших во время Великой Отечественной войны. Рассматривая их, убеждаешься, что он опытный портретист. Он, мастерски создавая образы, передает душевные качества человека, его натуру, мировоззрение, все то, что его отличает и роднит с окружающей средой, — по облику, взгляду и внешности создаваемых им образов.

Художник охватывает одно мгновение из жизни своего героя и с помощью точных энергичных мазков показывает его душевное состояние. В этом ему помогает подробное описание рук и лиц портретируемых.

Как портретист, он наделен одной удивительной способностью: умением создавать образы деятелей осетинской литературы, чьих портретов не осталось ни на фотографиях, ни на художественных полотнах.

Имея темперамент художника, он добился несомненных результатов и в пейзаже, и в натюрморте. Благодаря своим творческим успехам, он — участник многих коллективных и авторских выставок как в Осетии, так и за рубежом.

Николай Григорьевич своему мастерству учил не одно поколение художников. Его учениками в Цхинвальском художественном училище были: народный художник Осетии Заурбек Абойты, народный художник России Юрий Дзантиаты, заслуженный художник России Феликс Кцойты и многие другие. Но самым любимым его учеником был его сын, несомненно талантливый художник Ацамаз Кабысты, трагически погибший несколько лет назад.

Николай Григорьевич в своей жизни испытал много трудностей, но горе не сломило его. Он полон сил. С трудом верится, что этому живому человеку 80 лет. У него несколько месяцев тому назад родилась дочь. Будем надеяться, что он порадует нас еще многими замечательными полотнами.

СЕРДЦЕ, ОТДАННОЕ ИСКУССТВУ

О таланте творческого работника можно судить только лишь тогда, когда ощутишь, увидишь воочию слагаемые его творческого мастерства.

Речь пойдет о персональной выставке заслуженного художника республики Михаила Кокойты, организованной в честь его 60-летия Юго-Осетинским правлением Союза художников.

О творческих достижениях Михаила Кокойты до сих пор знали лишь его самые близкие друзья, родные, те, на чьих глазах создавал он свои привлекательные полотна. Он никогда не рвался вперед, чтобы показать себя, свое искусство.

Между тем, принимая участие в областных, республиканских и всесоюзных выставках, его произведения имели успех у зрителей. Но сам никогда не думал о рекламе. Вдумчивый, взыскательный художник не довольствовался достигнутым успехом. Он тщательно отшлифовывал свое художественное мастерство.

Незаурядный талант осетинского художника проявился еще в годы учебы в Московском институте прикладного и декоративного искусства.

Руководители университета имени Ломоносова решили поднять значимость учебного заведения и захотели создать серию блистательных портретов видных ученых российского или мирового значения, работавших когда-либо в университете со дня его основания. Из студентов отобрали самых одаренных и нашему земляку Михаилу Кокойты доверили выполнить портрет поэта, всемирно известного русского ученого Михаила

Васильевича Ломоносова, имя которого с честью носит университет.

Молодой талантливый юноша в меру приобретенного умения и мастерства постарался передать кистью художника личность поэта и гениального ученого.

Руководству университета, а также преподавателям Михаила понравился портрет Ломоносова. Это был большой успех. Стало ясно, что молодой художник способен создавать талантливые произведения искусства. Михаилу вновь доверили выполнение портретов ряда ученых. Юный художник оправдал доверие, приобрел при этом истинное мастерство художника-портретиста, и это ему очень пригодилось в своей дальнейшей творческой работе.

Ярким доказательством тому служит и нынешняя выставка талантливого художника. Обозревая произведения в выставочном зале и удивляешься разным жанрам, привлекающим мастера кисти — сменяют друг друга полотна, выполненные маслом, эскизы, мозаика.

Каждое из этих произведений доставляет человеку огромное наслаждение, обогащает мыслями и чувствами. Смотря на них, человек чувствует, как очищается его внутренний мир. И для творческого работника это является очень большим успехом.

Зрителю передается мажорное, радостное настроение картины «Доброе утро, Мурик!» На полотне — мальчик, безмятежно резвящийся в первых лучах утреннего животворного солнца. Рядом с ним его верный пес. Кажется, что и он радуется вместе с хозяином. И не только радуется — привлекает, ох как привлекает взгляд любителей искусства.

Видно, что тема близка автору. Художник не пожалел ни таланта, ни мастерства, ни времени, чтобы создать образ юного жизнелюба. Автору удалось создать образ юного современника, который доволен сегодняшней жизнью и уверен в будущем.

Глядя же на картину «Черное горе матери» сердце сжимается от сострадания к чужому горю. Вспоминается известная в народе «Баллада о тигре и богатыре».

Схватка тигра и юноши закончилась гибелью обоих. Плачет, убивается от горя мать погибшего юноши. Но в то же время она не забыла о горе другой матери, тигрицы.

И захотелось матери богатыря выразить свое сочувствие матери убийцы сына. Это — мудрость народа. Знай себя, но не надо забывать и тех, которые тебя окружают.

На картине художника («Черное горе матери») мать рыдает над телом убитого на войне сына, но она прикрыла и тело такого же юного, как ее сын, немца. Обе молодые жизни оборвались проклятой войной, потому так неутешно горе матери.

Трудно переоценить идейно эстетическое и политическое значение подобных произведений ныне, когда во всем мире развернулось мощное движение в защиту мира, против империалистических поджигателей войны. Поэтому так сильно воздействие картины на зрителя.

Художник отдал дань уважения и памяти тем, кто погиб за наше мирное и счастливое сегодня. В произведениях этого цикла созданы образы людей, на которых надо равняться в жизни. Это картины: «Киров среди горцев», «Ленин», «Коста», «Мичурин», «Гагарин».

Следует указать на особенность таланта Михаила Кокойты-портретиста — умение во внешних деталях выразить то характерное, что присуще человеку. Что отличает его от других людей.

Михаил Кокойты, как уже заметили, давно обнаружил в себе пристрастие к созданию портрета, умение найти свои особые краски для передачи характерных черт личности, но с каждым годом он все более совершенствовал свое мастерство живописца-портретиста. И ныне перед нами предстают герои, портреты которых мастерски выполнены опытной рукой художника.

Зритель надолго запомнит образ Ильича в картине «Ленин» (мозаика). Художник с таким мастерством и любовью передал образ Ленина, вождя мирового пролетариата, что кажется, будто вот-вот заговорит с тобой о будущем этот гениальный человек.

Высокий лоб, полные мысли и энергией глаза, каждой черточкой художник подчеркивает гениальность и простоту «самого человеческого человека», вождя трудящихся всего мира.

Нет сомнения в том, что мастер живописи не одну и не две недели провел, работая над портретом. Это произведение займет достойное место в осетинской художественной лениниане.

Удался художнику и образ Коста, основоположника осетинской литературы. Автор сумел показать Коста-демократа, борца за интересы горской бедноты и великого мастера искусства художественного слова.

Конечно, творчество Михаила Кокойты не ограничивается перечисленными произведениями. Хочется отметить добрым словом картины «Мать», «Портрет отца», «Портрет горца» и другие. Образы героев художника Михаила Кокойты очень впечатляющие.

Нельзя не обратить внимания, что ни один художник не представил еще столько работ на одной выставке, выполненных мозаикой, сколько представил на сегодняшнюю выставку наш юбиляр.

Хотя художник вынес на суд зрителя немного произведений, но высокое искусство определяется не количеством, а качеством художественных произведений. Совершенное искусство, выдающееся мастерство отличают произведения осетинского художника Михаила Кокойты. И тот, кто найдет время посетить его юбилейную выставку, вполне убедится в этом.

НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

Путь человека в искусство аналогичен жизненному пути: чей-то талант раскрывается неожиданно, чье-то имя с первого появления становится известным, а кому-то всю жизнь суждено тяжело трудиться

Путь своеобразного осетинского художника Ушанга Козаты к искусству тоже не был усыпан розами. И физический, и духовно сильный молодой парень по-

стоянно был в движении — много ездил по горам, рисовал постоянно, искал свое творческое «я». Рисовал воображаемые образы с уверенностью; как будто его фантазия всегда опиралась на действительность. Но все-таки ему казалось, что у него не все получается. Что-то не нравилось ему в своем творчестве и это его беспокоило постоянно. Это «что-то» он искал и в своих снах. Но никогда не забывал наставление отца: «Борешься, борись как нарт¹ — до заката солнца».

Когда у его отца — сельского учителя Алексея Козаты, раньше жившего в селе Мугут Дзауского района, потом переселившегося в село Думагурт Ахметского района, после войны родились два сына, он, не переставая, тосковал по очагу предков, по родной Осетии...

Человеку с верой в себя жить легче, намного интереснее. Так было, так есть и будет на веки веков. Алексея радовала и вдохновляла жизнь: он думал о своем продолжении — о будущем своих сыновей. В Осетии с давних времен человеческое счастье заключалось в мужской силе, продолжателе рода. Он твердо знал, его будущее — его дети. И он верил, что заложенная с куском пшеничного хлеба, молоком матери любовь к земле предков не может не прорасти. И она не может когда-то не расцвести, не дать урожая...

Хотя Алексей Козаты и сам не был равнодушен к живописи, но разве он мог поверить, что оба его сына, словно упряжка волов, пойдут по одному пути? Между тем, сыновняя любовь к родной Осетии, очагу предков настолько загорится в их сердцах, ее притягательная сила настолько будет сильна, что заставит их заговорить возвышенными чувствами чудесным языком искусства живописи.

И еще как!

Речь пойдет о младшем из братьев Ушанге Козаты. И при этом нельзя не сказать, что на отношение парня и к Родине, и жизни, и особенно к искусству, живописи очень повлиял его старший брат и в то же время

¹ Н а р т ы — герои осетинских эпических сказаний.

самый близкий товарищ — художник Заур Козаты. Поэтому после окончания средней школы в родном селе он поступил в Цхинвальское художественное училище имени патриарха осетинской живописи, народного художника Осетии Махарбега Туганты.

Молодой талантливый парень все свои силы и знания направил на овладение секретами профессионального живописца. Для этого, не жалея ни времени, ни сил, приходилось работать постоянно. И постепенно раскрывался его талант. Тогда, после долгих испытаний и исканий, стало известно, что молодой художник для раскрытия своих чувств, движений души, каких-то тревожных мыслей склоняется не к реалистической живописи, куда его направляли его учителя. Его манило другое течение искусства — экспрессионизм. И он сделал окончательно свой выбор. Там ему лучше удавалось раскрывать свои скрытые творческие мечты. С помощью языка красок он смог разговаривать с внешним миром, потому что так он раскрывал и свой внутренний, скрытый мир художника.

Точнее говоря, во время учебы в училище Ушанг Козаты чувствовал, что не сможет выйти из-под влияния творчества некоторых своих преподавателей. На него также сильное воздействие оказывало и мастерство старшего брата. А освободиться от их влияния было необходимо. К тому же любовь к суровой природе Осетии была у него в крови. Она, прекрасная природа Осетии, звала его. Поэтому сразу же после окончания училища он поехал работать учителем рисования в один из самых прекрасных краев Южной Осетии — в Рукскую среднюю школу Дзауского района.

Молодому талантливому парню к тому времени надоело делать «копии» чужих картин. У него разбежались глаза при виде красивейших ущелий и гор Осетии, особенно Дзомаг, Сыба, Брытата. Они будили в его сердце и мыслях какую-то тайную, невидимую силу. Красота толкала его к героизму. Хотел сделать то, что до него не было сделано. Дальше эту силу невозможно было сдерживать, она рвала поводья... А их нужно было

удержать, потому что знал твердо — поспешишь, людей насмешишь. Но как, каким образом сдержать ту силу, которая из груди рвалась наружу? Как показать ее, чтобы не рассмешить народ?

Молодой художник понял, что здесь не надо ждать чужой помощи. Здесь ему никто не поможет. Здесь надо было предоставить свободу таланту и кисти. Туда же манили его широкая и доверчивая душа горца, внутренний мир знакомых и незнакомых, их радости и печали...

Перед ним стояла задача отображения и самих гор, и жилищ в горах, единения сурового облика и удивительной красоты горцев, их терпеливости и доброты.

Он был в поисках различных художественных средств. Он искал свой собственный путь в творчестве. Рукгом, а точнее — соседнее село Згубир, родина классика осетинской литературы Созрыко Кулаты, стала второй родиной Ушанга Козаты, а еще точнее говоря — Згубир стало началом его творческого пути.

Работая целыми днями и ночами, он нашел в избранном им направлении себя как художника. Он глубоко убежден, что в авангардном направлении можно взрастить оригинальную индивидуальность. И то, что он прав, художник доказал всем в жанре экспрессионизма, где себя чувствует, как рыба в воде.

Благодаря воплощенной в труд любви к родине работы Ушанга Козаты стали выставляться как на выставках областного значения, так и за пределами области. На художественной выставке в Тбилиси среди других талантливых работ известных, заслуженных и народных художников республики были представлены и работы никому неизвестного молодого художника Ушанга Козаты. И они имели успех. Как посетители, так и хозяева выставки отметили их.

Позже на Ташкентскую всесоюзную выставку «Молодость страны» с работами двух художников из всей республики была представлена и работа Ушанга Козаты «На зимние пастбища».

Эта работа привлекает всех своим художественным

видением темы, композицией фигур и богатством красок. Наряду с живыми людьми на полотне полной жизнью живет все то, что видим на холсте — старинные башни, дома, земля благодатная...

Этот успех и в дальнейшем сопутствовал каждому новому полотну молодого художника. С каждым годом его творчество все больше обогащалось. В 1978 году его приняли в Союз художников СССР. С тех пор его ежегодно приглашают в Подмосковьё, в Сенеж, где работает группа молодых художников.

Но пока не будет лишним вспомнить о его приверженности экспрессионизму и о нескольких годах, в течение которых он жизнь отображал и отображает только посредством красок.

Как известно, жизнь можно отобразить и отображается словами — это средство работников словесности; звуками — творцами музыки; фигурами — работой скульпторов...

А если это так, почему же ее не отобразить красками?

И Ушанг отображает ее. В его картинах краски переливаются, он умеет находить нужное, трогающее человеческую душу. Своей свободной и сильной кистью художник показывает нашу суровую природу, романтические и драматические свойства осетинской души, незаметные глазу простого человека.

Но сердце подсказывает мне, что так же, как невозможно писать оперу на одной ноте, невозможно и отображать жизнь во всем ее многообразии одними только красками.

Может, поэтому и появились вновь на картинах Ушанга фигуры?

Сразу друг за другом появились картины с ежедневными радостями и печальями, безмятежностью и тревогой: триптих «Череп», «Раненый тигр», «Ворона на падали», а также «Земля плачет», «После дождя», «До каких пор жить одному в горах», «Ущелье дождей», «Мой сосед Павлик», «Мой брат сообщил мне, что к нам провели свет», «Лавина»...

Большое видится на расстоянии, поэтому на талант Ушанга Козаты в первую очередь обратили внимание не окружающие его люди, а посторонние. На проводившуюся в 1986 году в Риге выставку работ молодых художников под названием «Второе событие» были представлены его работы «Туша», «Песня гор», «Молодые руки», «Северное село», «Дзомаг».

Через год в Москве его работы одновременно демонстрировались на двух всесоюзных выставках — в «Манеже» и в Центральном доме художника, объединенных названием «Молодость страны».

Об успехе работ Ушанга на этих выставках — свидетельствуют его последующие удачи. Работы нашего земляка, молодого талантливого художника Ушанга Козаты демонстрировались в Федеративной Республике Германии, на выставках в городских музеях Гамбурга и Мюнхена, также на проходивших у нас выставках работ советских художников и художников Федеративной Республики Германии «Страх и надежда» в Государственной картинной галерее в Москве и Эрмитаже в Ленинграде.

Не менее радостная весть пришла и из далекой Японии. В 1987 году на посвященной 70-летию Великого Октября выставке советских и японских художников «Советское искусство» были представлены две работы Ушанга — «Мой брат сообщил мне, что к нам провели свет» и «Мой сосед Павлик». Автору работ была прислана памятная медаль.

Но все эти факты говорят пока о первых победах молодого талантливого художника, а рост его мастерства и трудолюбие свидетельствуют о том, что эти успехи являются началом большого пути в искусство.

III

БЛИЖЕ К БОГУ

С русскоязычным армянским писателем Аршаком Тер-Маркарьяном я познакомился 31 сентября 2009 года, когда в Южной и Северной Осетии состоялись Соборная встреча Всемирного Народного Русского Собора и выездной пленум правления Союза писателей России (совместно с Пограничной службой ФСБ России) на тему: «Высокое слово правды. К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне».

Но до этого я знал его по его сочинениям в жанрах поэзии, прозы, публицистики, по публикациям в периодической печати, особенно в «Литературной газете», где он, как я позже узнал, шестнадцать лет заведовал отделом литературы. И они меня привлекали и по тематике, и по архитектуре, и по манере письма. Видение объекта, о котором он говорит, почти всегда отличается оригинальностью, свежестью и повседневностью, если так можно выразиться о художественных произведениях.

Но по прочитанным мною его сочинениям, к сожалению, я не догадался, какие нити связывают его с Осетией; есть ли у него об осетинах и Осетии какие-нибудь художественные произведения. И вообще, был ли он когда-нибудь в Ирыстоне или не имеет о нас даже приблизительного представления?

Хотя, начиная с М.В. Ломоносова, В.А. Жуковского, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, многие писатели XVIII–XIX веков посещали нашу Родину и она оставила в их сердцах добрый след. Да и писатели XX века – А.М. Горький, А.С. Серафимович, И.Г. Эренбург, В.В. Маяковский, Н.С. Тихонов, А.А. Фадеев, Л.А. Озеров и многие, многие другие были друзьями Осетии.

Но то, что Аршак Тер-Маркарьян для нас больше,

чем друг, к моему стыду, я не знал. Потому что после распада Советского Союза печатное слово мало кого интересует, тем более, художественное слово. Даже некоторые средства массовой информации по вине маленьких, злобно настроенных чиновников стараются обойти таких деятелей литературы и культуры, которые сеют между народами семена дружбы.

Писатель Тер-Маркарян является автором более 30 книг, вышедших в Москве, Ереване, Ростове-на-Дону, Саратове и в ближнем зарубежье. Его произведения публиковались и публикуются на русском, армянском, осетинском, болгарском, венгерском, польском, немецком, вьетнамском, китайском, испанском, калмыцком, украинском и других языках. И до появления этой статьи, может быть, его сочинения переведут еще и на другие языки братских народов.

Яркое и многогранное творчество талантливого писателя не осталось незамеченным — он стал лауреатом премии Ленинского комсомола, Международной премии «Дружба» (Болгария), также награжден почетными золотыми медалями Михаила Шолохова, Константина Симонова и Михаила Лермонтова. Как будто ему помогло напутствие великого русского писателя, лауреата Нобелевской премии Михаила Александровича Шолохова: «Аршаку Тер-Маркарян — желаю в поэзии быть удачливым, как (по созвучию) был д' Артаньян! И таким же лихим!»

Аршак Тер-Маркарян и до нашего знакомства, то есть, до 31 сентября 2009 года, был хорошо осведомлен о трагических событиях Осетии, о нашей двадцатилетней освободительной борьбе с нашими недругами. Только в 2008 году он Осетию посетил несколько раз и геноцид народа, совершенный горе-соседом, очень близко принял к сердцу. Потому что и ему «не раз судьба рогатки ставила», но он «шел вперед сквозь ураган дождя» и ему был не чужд героизм нашего народа. И в стихотворении «Я — осетин» без колебания встал на нашу сторону:

*Когда в домах детей и мирных жителей
Расстреливал*

безжалостно грузин...

Будь прокляты навек

убийцы лживые!

Я заявляю всем: я — осетин!

Пусть ширится в полях

земная музыка,

Быть может, уцелел лишь я один...

Дай силу мне, терпение и мужество,

О Уастырджи!

Я — сын твой — осетин!

Быть настоящим патриотом своей Родины — подвиг, но так близко принимать боль не родственного лично тебе народа — подвиг безмерный. И наш гость Аршак Тер-Маркарьян вполне справедливо заслужил, чтобы мы его называли братом. Хотя он опередил нас и во время страшной войны назвал себя сыном Осетии — осетином и нашим братом, потому открыто разговаривает с буйным Терекком: «Взяв разбег с вершин Кавказа гордых, Все преграды руша на пути, Ты похож характером на горцев — Моих кровных братьев осетин!» («Терек»).

Тер-Маркарьян первым делом — поэт. А настоящий поэт должен быть справедливее Бога. Поэтому, как некоторые историки наших горе-соседей, не скрывает, что границей между Аланией и Арменией служила река Кура. Грузин в начале нашей эры аланы привели сюда. Потом те раскрыли свои крылья, по численности населения их стало больше, и разделили нас с Арменией. Но поэт, несмотря на это, с гордостью говорит: «Алания! — Армении сестра...» («Алания!..») Для него между нашими государствами нет никаких преград. Аланы и армяне — братья и сестры. И если А.Тер-Маркарьяну найдется еще много последователей, в чем я вполне уверен, нам и в будущем ничто не помешает оставаться такими же близкими, братскими народами.

Поэт отлично знает, чего хотят гордый Цхинвал,

Богом» («Первый бой»); «стали ближе к Богу!» («Суадаг»); «Кто рожден в горах, тот ближе к Богу» («Долгожителем»); «Письма, адресованные Богу» («Горные вершины»); «У Бога брат вечный урок» («Вершины предутренней ранью») и т. д.

Хотя поэт, как любой нормальный, мечтающий о светлом будущем человек, думая о своей жизненной и творческой дороге, знает твердо, как это вынес поэт на суд читателя в стихотворении «Скоро годы подведут итог...»: «Скоро годы подведут итог — // И земная кончится дорога...// Горы — // это каменный порог, / / Чтобы сделать // шаг // навстречу Богу!» — но он, как говорит Сергей Кулаты в предисловии к книге «Бунтарь в поэзии»: «Даже при беглом знакомстве с произведениями поэта, прозаика и журналиста Тер-Маркарьяна стало понятно, что он не сглаживает острые углы, он их оттачивает своим неординарным мышлением, и они начинают будоражить, становясь колкими, заставляя думать даже ленивый ум. Тер-Маркарьян, как и Лермонтов, Маяковский — бунтарь в поэзии. Он суров и беспощаден к вялым, бесцветным строкам. Он жаждет остроты и содержательности, завидует беспощадной борьбе Терека «в глубокой теснине Дарьяла» с горами, которые он, Аршак, так нежно любит».

В этом мы не сомневаемся, читая его книгу стихов «Ближе к Богу» (Москва. КСАНТИ.). Также мы уверены в том, что после встречи в 2009 году с опаленной войной Республикой Южная Осетия, у него, наверное, появились задумки новых, мужественных художественных произведений, но, к сожалению, неизвестно, когда нам удастся познакомиться с ними. Будем надеяться, что его творчество нас, живых и здоровых, с чистой душой будет приближать к нашему Великому Создателю — к Богу.

ЕСЛИ И... ИНФОРМАТОР НЕКОМПЕТЕНТЕН

В последнее время об Осетии и осетинах чего только не встретишь в средствах массовой информации. Об интернете и речи нет. Там такую дезинформацию, такую чушь прочтешь даже о себе, что может удар хватить.

Так в газете «Комсомольская правда» (24 февраля 2012, стр. 6), так много хорошего сделавшей и делающей для юга Осетии, из статьи Анны Егоровой «В республике создали антологию осетинской литературы» узнаем, что, оказывается, у нас в Республике Южная Осетия...

Но все сначала.

По корреспонденции газеты узнаем «сенсационные» новости, что «с начала 1990-х годов в Южной Осетии денежные средства на издание национальной литературы практически не выделялись». Даже в «советское время в республике издавалось не более 10 книг в год».

А статистика — вещь упрямая. И данные говорят совсем о другом. В том, 1990 году, в тематический план книжного издательства «Ирыстон», существовавшего с 1930 года и закрывшегося в 2007 году, были внесены 49 названий плюс резерв разной литературы в объеме 53 учетно-издательских листов. Даже столько — 53 учетно-издательских листа художественной литературы — мы и сейчас не издаем. А тогда, во время войны, почти все наименования издали.

Я не говорю об общественно-политической, научной, учебной и учебно-методической литературе. Хотя только в 1990 году таких наименований было 13. А по художественной литературе, по детской и юношеской литературе получили 36 книг. В том числе из серии «Сокровища осетинского художественного слова» были изданы «Избранные произведения» классиков осетинской литературы Чермена Беджызаты и Созруко Кулаты — 13-й том серии, который начался с осетинского народного эпоса «Нартские сказания» (поэтический вариант).

«Для сравнения», как в газете говорится: в издательстве «Ирыстон» в 1985 году было издано 47 книг (с резервом 14,5 учетно-издательских листов); в 1986 году — 63 книги (с резервом 37,5 учетно-издательских листов); в 1988 году — 47 наименований (с резервом 61 учетно-издательский лист) и т. д. И этот резерв, — я не случайно вспоминаю об этом, — зря не расходовали.

Ну как, слабо?

Из этой маленькой корреспонденции газеты можно узнать о невиданном, неслыханном чуде. Оказывается, «на этот год было запланировано много интересных проектов. Но, пожалуй, самым значимым из них является многотомная антология осетинской литературы... Если с финансированием в будущем так же, как и сейчас, проблем не будет, то в течение пяти лет мы выпустим около 40 томов антологии». Я не оговорился — газета так и пишет. Ни меньше, ни больше: «40 томов антологии!»

По томам нашей «антологии» мы опередили даже наших кандидатов в президенты 2011 года! Число людей, осмелившихся стать президентом, было всего-навсего, скажем так, около 30 человек. А наша антология поднимется до 40 томов!

Вот это да! Кто мог подумать о таком прогрессе?!

Представляю, что будет через пять лет, «если с финансированием... проблем не будет». Пусть Запад не признает нашу Республику, нам уже не нужно их признание — наши недруги лопнут от зависти, когда узнают, что у нас выходит «40 томов антологии».

Они, подумаешь, еле-еле по-одному, по два тома собирают антологии. У нас раньше антологии осетинской поэзии и прозы тоже так выходили. И не только на осетинском языке. Но сейчас!..

Но все-таки что за птица эта антология? Об этом термине в «Словаре литературоведческих терминов» редакторов-составителей Л. Тимофеева и С. Тураева говорится: «Антология (*от греч. anthologia* — собрание цветов, цветник) — сборник отдельных произведений

нескольких поэтов или писателей. Первоначально — сборник небольших стихотворений, в основном эпиграмм, принадлежащих различным авторам». Но это, наверно, по старому стилю. Мы сейчас опередим всех. У нас — целых 40 томов! Увидев такое, не только Запад, но и Азия вряд ли на ногах удержится.

Опять «для сравнения»: в семидесятых — восьмидесятых годах прошлого века в Москве в издательстве «Художественная литература» была издана мировая литература в серии «Библиотека классики» в 200 томах. И после еще повторили это издание. Но, к моему стыду, не помню, чтобы кто-нибудь когда-нибудь эту серию назвал антологией мировой литературы.

Но самое страшное еще впереди. В данной корреспонденции имя классика осетинской литературы, основоположника осетинской художественной прозы Сека Гадияты склоняют и называют его каким-то «Секи»; в «Справке «КП» его отчество пишут Куцриевич (вместо Куцуревич).

Если бы на этом все кончилось... Но, как в народе говорят — от удара не упал, кинжалом пронзи! Оказывается, по данным газеты, Сека Гадияты «родился в маленьком...» Сил нет сказать... «родился в маленьком грузинском селе Ганис». И опять: «Детство Секи было тяжелым».

Что это такое? Издевательство, что ли? Или незнание «азов» истории и то, что Коста, Сека, Елбаздуко и многие осетинские имена, как в этой реплике Созруко, не склоняются?

Сын Сека Гадияты — классик осетинской литературы, писатель и ученый Цомак Гадияты, наверно, лучше нас знал, где родился его отец и он сам, и в своей статье «Сека Гадияты — осетинский поэт-самоучка» о жизни и творчестве своего отца пишет: «Сека родился в Южной Осетии... Это селение Нижний Ганис». Потом в своей статье еще и еще раз повторяет: «В то время в Южной Осетии, в некоторых местах и в Северной Осетии...»; «Рифма, стих и размеры Сека брал

из богатых кладов народной поэзии Южной Осетии...» («Известия Горского педагогического института», вып. VII. Владикавказ, 1929). И подробно описывает, где находится Нижний Ганис. Как будто знал, что когда-нибудь родина его отца и его самого станет для кого-то издевательским названием.

Доктор филологических наук, профессор Нафи Джусойты то же самое говорит в своей докторской диссертации («История осетинской литературы». Книга 2. Тбилиси, 1985). Да и во всех учебниках черным по белому написано: классик осетинской литературы, основоположник осетинской художественной прозы Сека Гадиаты родился в селе Ганис в Южной Осетии. Но нет, по Анне Егоровой и ее информатору Сека Гадиаты «родился в маленьком... (Честное слово, и язык не поворачивается повторить такую неуместную шутку). Это издевательство над святым именем классика нашей литературы и над осетинским народом. Осетинские территории от Пасанаур до Ларса были оккупированы Грузией при Советской власти до того, когда почти весь Северный Кавказ был отдан нашим горе-соседям, в бытность тогдашних членов Политбюро ЦК КПСС: Сталина, Орджоникидзе, Махарадзе, потом — Берия. И в данное время и Гудское ущелье (где родились Сека и Цомак Гадиаты), и Трусовское ущелье (колыбель многих осетинских поэтов), и Кобийская котловина (родина великого ираниста Васо Абайты) являются оккупированными Грузией территориями. Но это не означает, что Сека Гадиаты родился не в Южной Осетии, а в каком-то маленьком... не осетинском селе-нии.

И такое случается всегда — умышленно или невзначай автор и информатор оскорбляют целый народ, когда в одном или в другом вопросе бывают некомпетентными.

В таком случае попросить у народа извинения никогда не поздно.

КАМАЛ. И О КАМАЛЕ

Книги бывают разными. Одни говорят о себе, другие — о народе, третьи — о космосе... Точнее: одни бывают оригинальными, другие — бездарными, третьи карабкаются по пройденным тропам... Но та книга, о которой пойдет речь, — («КАМАЛ». Издательство «Ир», 2014 г. Напечатана на двух, осетинском и русском, языках), — оригинальная и по материалам, представленным в сборнике, и по композиции издания. Особенно, в рамках Осетии. Главный автор и главный герой этого коллективного издания — сопредседатель Союза писателей Осетии, народный поэт Республики Северная Осетия — Алания, лауреат Государственной премии им. Коста Хетагаты Камал Ходы в одном своем стихотворении сказал:

*Правду говорить тяжело.
Все же, помолчав, оброну:
Что ж ты, милый, лезешь в седло,
Если сам по брюхо коню?*

(«Рядом с Пегасом»)

Поэту самому звать Пегаса и лезть в седло не надо. Он всегда в седле. Потому так гордо ведет речь. На это он имеет полное право. Его мечта высока: «Я, может, только миг под небом шел. И в эту землю пот ронял, как вол. Но пусть и мною будет свет зажжен На звездном небе будущих времен» («Что ж, будь человек или росток...»). Но на данный момент мы речь ведем о его книге и о книге о нем — «КАМАЛ».

Книга делится на шесть глав, но в основном ее можно было разделить на две части. В первую часть входят тосты, написанные им в 1970 году из уст Цоциты Сергея Сикоевича, уроженца Ортеви (Стыр ком) Цхинвальского района; рассказ-фельетон «Головастики» и «Безголовые» («Сæрджынта» æмæ «Æнæсæртæ»); критические статьи и библиографические материалы, написанные поэтом в разные времена его творческой деятельности; доклады, выступления на больших фо-

румах, публицистика; интервью. Они все в свое время были напечатаны на страницах периодической печати, но доселе не были доступны читателю. Сейчас, несмотря на небольшой тираж книги (300 экз.), можно будет ознакомиться с ними.

Во вторую часть вошли различные статьи и рецензии о жизни и творчестве известного поэта и общественного деятеля. В приложении можно встретить интересные материалы, письма многих деятелей литературы и культуры Камалу Ходы, указы о присвоении поэту множества премий и наград... Книга богата разными интересными фотографиями, говорящими о жизни и творчестве поэта. Оформлена прекрасно знающим свое дело художником Валерием Григоряном.

Составитель книги Эльбрус Скодтати прав, говоря в предисловии книги о том, что Ходы, как истинный патриот своей Родины, никогда не обошел должных и чудовищных проблем своего народа. Вопиющие вопросы Севера и Юга Осетии мужественно защищал от Владикавказа до Москвы с высоких трибун на разных важных форумах и встречах. Таким смелым и находчивым он является и в поэзии. С помощью поэтического мышления его произведения становятся близки нашим душам.

Но он никогда не стремится создать какой-либо прекрасный образ ради образа. В своих лучших произведениях оригинальное мировидение поэта дает нам возможность почувствовать внутренний, светлый и незаменимый мир вдумчивого философа и тонкого лирика.

«Когда не возвращается корабль», «на безмятежное дно ложится навек», над ним не только одинокие волны рыдают, и не только овдовевшие жены одевают траур:

*Когда не возвращается корабль,
В стеклянном стакане офиса
На берегу
Поднимается буря.*

*Вновь заодно
Воротилы и клерки —
Рабы пирамиды —
Начинают дрожать
В страхе за место,
За то, чтобы имя осталось
Добрым.
Хотя иной
И жалеет погибших.*

*Про то, что не вернулся корабль,
Газеты дают петитом,
Чтобы люди ощутили озноб,
Примеряя к себе
Холод волны.*

Но и не в этом суть дела. И даже не в этом самая большая трагедия жизни, «когда не возвращается корабль». Поэт планку ставит намного выше, чем ежедневная земная суета. И это мы видим в заключении стихотворения:

*А далеко, на земле,
Под ветром
Вздыхает лес на родине корабля.
И по щекам потемневших пней
Ползут
Солоноватые
Капли.*

(Когда не возвращается корабль...)

Таким образом, поэт каждый раз с помощью художественного образа расставляет точки над «і». А это — Божий дар. И когда на VII съезде писателей РСФСР он поставил вопрос ребром: «Что делать нам, писателям, на фоне всеобщего духовного обнищания нашего общества, падения нравственности, на фоне катастрофического падения престижа творческого труда, когда вокруг проистекают наши и экономические, и экологические, и социальные кризисные ситуации?» — то у него на все насущные проблемы бывает готов

ответ. И что самое главное, он на все вопиющие вопросы отвечает конкретно, поэтично, как в жизни, так и в литературе.

Вот почему ни одно произведение Камала Ходы никогда не остается без рецензий — о его поэтическом мышлении и поэтике свои мысли всегда выражали и выражают самые видные люди, почетные литераторы Осетии: Нафи Джусойты, Шамиль Джиккайты, Ахсар Кодзати, Михаил Булкаты, Музафер Дзасохты, Георгий Тедеты, Борис Хозиты и многие др.

О поэзии Камала с любовью говорит В. Цыбин: «Настоящая поэзия всегда создает свой микромир. И здесь важно не замкнуться в найденных образах и темах, важно, чтоб в сердце поэта постоянно обновлялись лирические силы»... И дальше: «Камал Ходы в своей лирике исходит всегда от конкретного факта, отсюда плотная образная реальность его стиха, отсюда, быть может, и широта восприятия современности, стремление сказать о бытии людском с возможной полнотой. Его переживания, если говорить образно, «думают». Поэт говорит о себе, а значит, и о нас».

Суть художественного слова в том, если сказанное будет тревожить и слушателя. По К. Короткову: «Одно удачно пущенное слово может иметь больше последствий, чем целые тома сочинений». А если удачно пущенное слово будет образным, его не остановить ничем и будет брать города. Вот почему поэзия Ходы приятно пьянит своего читателя.

Об этом говорят многие статьи многих авторов, вошедшие в сборник. Ирина Гурджибекты, рассуждая о книге поэта «Своим чередом», не зря спрашивает: «Какая же поэтическая книга нужна сейчас? Думаю, именно такая, о которой веду разговор. Книга поэта-патриота, поэта-лирика и поэта-философа, размышляющего о ценностях непреходящих, но с позиций нынешних».

Творчество Камала Ходы любителей поэзии привлекает и тем, что им созданы прекрасные образцы

поэтических произведений как мировой классической традиции, так и в свободной форме поэзии (осетинской и других народов) – верлибре. Его творчество интересно и тем, что он является не только талантливым поэтом, но и прекрасным переводчиком, и драматургом, и чутким критиком, публицистом, общественным деятелем, и обо всем этом ярко говорится в книге.

Фотографии, вошедшие в книгу «КАМАЛ», являются целой историей, говорящей о жизни и даже о творчестве одного из ведущих поэтов Осетии Камала Ходы, и это радует читателей.

С уверенностью можно сказать: книжное издательство «Ир» издало много нужных, ярчайших книг и сегодня оно порадовало читателей еще одной замечательной книгой, именуемой – «КАМАЛ».

IV

КУДА ДЕЛСЯ, ОСЕТИЯ, НАШ ВОСТОК?

Как для каждого святого есть молитва, предназначенная для обращения только к нему, так и у каждого села, ущелья, народа есть только ими сказанное, с чем и выходят в мир. А что сказать — есть у всех. И в сказанном, словно в колее, отпечатывается все: место, время их бытия. Ничего не исчезает бесследно. Не зря народная мудрость гласит, что даже там, где лошадь повалялась в пыли, остается волосинка. А уж людям тем более дано оставлять после себя след. Хорошо, когда это добрый след.

Вот и жаждущим нашего полного исчезновения не дают покоя свежие отпечатки — отчие наши дома и земли (не говоря уже о следах далеких предков осетин). Они напоминают о себе с той же настойчивостью, с какой нерадивому путнику напоминает о себе неправильно привязанная и оттого постоянно сползающая ноша. Тревожный набат их раздаётся неустанно, но ни боль, ни тревога, заключенные в них, никому не слышны и не поняты. Даже мы сами закрыли глаза и уши — ничего не видим, ничего не слышим.

И этому есть хорошее объяснение — позиция «видел, вижу и знаю» обременяют ответственностью; «не знаю, не вижу» — освобождают от нее. Удобная позиция, не правда ли? Вот это-то и не дает нам права ходить с гордо поднятой головой. Нарушив кодекс чести наших славных предков, мы отдали предпочтение безмятежному существованию...

Но народная мудрость, как мы все знаем, гласит, что шила в мешке не утаишь. Вдобавок ко всему оно еще и в позвоночник вонзается. А тому, кто думает о будущем нашего народа, и прятать шила нет необходимости.

Рассматривая сегодняшние границы Осетии, остается недоумевать — если у Осетии есть Юг и Север, то куда девались ее Восток и Запад? Не испарились же они, как утренняя роса? Встает вопрос: почему они забыты, оставлены в пасти людоедов? Единственный ответ: потому что забвение стало для нас хроническим заболеванием. Потому что перестали понимать, «что такое хорошо?» и «что такое плохо». Не можем отличить свое от чужого. Перестали замечать варварские деяния недругов и реагировать на них.

Посмотрим на Восток Осетии и обратимся к словам известного историка Юрия Гаглойти: «Территория Восточной Осетии, центральную часть которой составляют Тырсыгом и Гудыком, является одним из древнейших и важнейших регионов формирования и расселения осетинского народа и его этнотерриториальных групп. Тырсыгомские и гудыкомские осетины имели, естественно, много общего со своими соплеменниками из других регионов Ирыстона как в своих устремлениях, так и в исторических судьбах. Однако в силу специфики занимаемой ими пограничной территории, непосредственно соприкасавшейся с восточно-грузинскими горцами и ингушскими обществами (мтиулы, пшава, хевсуры, галгаи — хьулгъа, махъал и др.), тырсыгомцам и гудыкомцам нередко приходилось принимать на себя первые удары непрошенных гостей».¹

Для подтверждения правдивости этой мысли исторических материалов более чем достаточно, их легко представить, но в данной работе мы о Востоке Осетии будем говорить, опираясь в основном на материал богатейшего народного творчества и художественной литературы осетин. И убеждены, что вдумчивому читателю ничего больше не останется, как только удивиться положению нынешних границ Осетии, сопоставив их с совсем еще недавними, известными всему миру границами.

¹ Гаглойти Юрий. Из истории Восточной Осетии / Фыдыуазæг. — Дзæуджыхъæу, 2008. — С. 19.

Так, например, недруги-соседи, в данном случае грузины, из названия Фаснаур (Фæснауыр) образовали Пасанаури, так как у них нет звука «ф», соответственно нет и буквы, обозначающей этот звук. Вместо них производят и пишут «п», вместо «æ» — «а». Поскольку и «ы» буквы нет у них, они вообще выкинули ее из названия, взамен приклеив свое неизменное окончание «и». Вот таким образом исконно осетинское название «Фæснауыр» превратилось в «Пасанаури». А над Дарьялом и над башнями наших предков они развесили свои кровавые стяги и всячески завлекают туда иностранных туристов, с уверениями о том, что это земли грузин: а предкам осетин они, якобы, отдавались под временное пользование в качестве пастбищ. И как при таких обстоятельствах можно определить меру гнева еще недавно проживающих там осетин, тепло чьих натруженных рук еще не позабыто очагами силой отобранного Отчего края.

Теперь несколько слов о Дарьяле. Все, кто интересуется историей Кавказа, знают, что Дарьял — это узкое ущелье Главного Кавказского хребта. Оттуда берет свое начало воспетый поэтами буйный Терек. Там, начиная с Ларса и до самой Казбеги протяженностью в 14 километров, проложена издавна известная в осетинском народе дорога — Арвыкомы фæндаг (в подстрочном переводе — дорога Небесного ущелья; Дайран, Дарьял), позднее переименованная русскими в Военно-Грузинскую дорогу. Поскольку этимология слова Дайран — Дариал — Дарьял заставляла задуматься многих ученых, есть разные толкования, самой вероятной из которых признан вариант академика Бросса. Он выводит название ущелья, опираясь на персидский язык, на котором *дар* — дверь, а *дар* и *алан* вместе означают *Аланты дуар* (Аланские двери, ворота). Так образовалось современное название Дайран (Дариал, Дарьял)...

Вот что отмечал А. С. Грибоедов в своих «Путевых записках»: «Выезд из Дариеля. Непроходимость от множества камней; иные из них огромны, один

разделен надвое, служит вратами; такой же перед въездом в Дариель. Под иными осетинцы варят пищу, как в пещере».¹

В книге «Жизнь Артемия Араратского» пошли дальше: «До Степан-Цминда» (ох, как наш горе-сосед любит чужие топонимы уродовать по-своему — М. К.), где живут одни только осетины... пришли мы в полдень другого дня».²

А. С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» пишет, что, восторгаясь красотой в окрестностях Ларса, отстал от обоза, и бежавший за ним солдат кричал ему, предупреждая об опасности, настоятельно советовал догнать обоз, дабы остаться в живых: «...осетинские разбойники, безопасные в этом узком месте, стреляют через Терек в путешественников». Не забыл он описать и эпизод прибытия в Казбек: «Деревня Казбек находится у подошвы горы Казбек и принадлежит князю Казбек. Князь, мужчина лет сорока пяти, ростом выше преображенского флигельмана», и как перешли через Коб, и потом — «На другой день около 12 часов услышали мы шум, крики и увидели зрелище необыкновенное: 18 пар тощих, малорослых волов, понуждаемых толпою полунагих осетинцев, насилу тащили легкую, венскую коляску приятеля моего О.»³

Таким образом, пройдя Арвыком (Дарьял, через Бэрзæфцæг, стал спускаться в сторону Гудского ущелья и постепенно дошел до села Уалваз, а оттуда в святилище Гудской Богоматери. «Отсюда, с дивной рощи у самого обрыва, как на ладони видно Гудское ущелье, родина Сека и Цомака Гадиаты. Здесь и написал А. С. Пушкин свой знаменитый «Кавказ»:⁴

¹ Грибоедов А. С. Путевые записки / Осетия в русской литературе. — Дзауджыхъæу, 1963. — С. 12.

² Жизнь Артемия Араратского. — М., 1981. — С. 112.

³ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 5. — М., 1975. — С. 358.

⁴ Цгъойты Хазби. Тогойты мæсгуытæ / Рæстдзинад, 2011. — 29 октября.

*Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.*

*Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.*

*А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;*

*Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.¹*

Читаешь стихотворение, а перед глазами неотрывно стоит Осетия, хотя это больше говорит о поэтическом даре великого поэта, чем о конкретном народе. Стихотворение не является и доказательством исторической правды. Другое дело берушие за душу строки:

*А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущелье...*

¹ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т., 2. — М., 1974. — С. 198.

Читая их, перед глазами встает картина другого его описания жизни горцев: «осетинцы — самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе»; «На скале видны развалины какого-то замка: они облеплены саклями мирных осетинцев, как будто гнездами ласточек»; «полунагие осетинцы». И так дальше, где говорит об осетинах то, что видел своими глазами. А все остальное, что излагается с вводными словами «как слышно», «как говорили» и т. д., наводит на мысль, что и великие могут ошибаться, когда слепо верят в выплескиваемую из грязной души информацию недругов.

Таким образом, напрашивается вывод: Пушкин прекрасно знал, на чьей земле стоит и где ходит. Потому четко определял и называл национальности тех, кто ему встречался на пути: будь то казаки, русские, ногайцы, французы, осетины. И ни разу не называется им национальность недобрых наших соседей, вольготно чувствующих себя сегодня на землях наших отцов. Неужели меткий глаз поэта не приметил бы никого из них, не брезгует же он, в конце-то концов, произносить название их национальности?!

Зато, после описания пути вдоль бездонной пропасти, он отметил: «Здесь путешественники обыкновенно выходят из экипажей и идут пешком. Недавно проезжал какой-то иностранный консул: он так был слаб, что велел завязать себе глаза; его вели под руки, и когда сняли с него повязку, тогда он стал на колени, благодарил бога и проч., что очень изумило проводников», — отмечает с благоговением: «Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает повевать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми саклями, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извивающейся, как серебряная лента, — и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога.

Мы спустились в долину. Молодой месяц показался на ясном небе. Вечерний воздух был тих и тепел. Я ночевал на берегу Арагвы, в доме Чилиева. На другой

день я расстался с любезным хозяином и отправился далее.

Здесь начинается Грузия...».¹

Как видим, Пушкин очень хорошо знал, где начиналась страна, куда он держал путь. Однако никакими достоверными сведениями не убедить наших недобрых соседей, что это они, подобно злему сказочному дракону, расселись на наших землях, а не мы на их землях. Потому что подобной ложью с раннего детства им внушают ненависть к нам, осетинам, и уверенность в том, что они владеют не принадлежащей им на самом деле территорией.

А теперь посмотрим, как в 1830-ом году карательная экспедиция под предводительством Ренненкампафа совершила свой кровавый поход на Южную Осетию. Как грузинские алдары,² которые по мере возможности уничтожали осетин, натравливали русских офицеров на осетинский народ, всячески клеветца и обвиняя их в непокорности царю, в отказе от уплаты дани, в непризнании быть подданными царя и т. д., в результате чего — неравный бой и жестокая расправа над лучшими сынами Осетии.

Анонимный автор, участник карательной экспедиции, в своем послании к другу пишет: «Дабы дать тебе, любезный друг, как можно более удовлетворительное понятие об Южной Осетии, которую имел я случай обозреть, скажу тебе, что сия горная и доступная только русской решительности страна, граничит к востоку с Военно-Грузинской дорогой или Кавказским ущельем, к западу с Имеретией, к северу с большой Кабардой, к югу с Каргалинией».³

И о том, какую жестокость русские войска 17-го июля 1830 года сотворили в селении известной фамилии Тогойта на востоке Южной Осетии, неизвестный

¹ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 5. — М., 1975. — С. 359.

² Князя.

³ Анонимный автор. Письмо I / Тифлисский листок, 1830. — № 72.

автор писал: «Селение же вместе с замком, по приказанию генерала Ренненкампа, 17 июля было разрушено до основания».¹

Вот такие дела. Оказывается, на землях, якобы отданных им под пастбища во временное пользование, даже на время выпаса своих стад, осетины успевали строить башни и крепости! Да какие крепости! Крепости с непробиваемыми стенами, которые даже русские войска с их пушками долго не могли разрушить...

В народном сказе «Башня Тогойты» с прискорбием говорится о том, что эта башня, оставшаяся до сих пор в народной памяти, как самая крепкая, была разрушена царскими войсками: «Немногочисленный по сравнению с русской армией род Тогойты, конечно, был бессилен, даже если бы были стальными. Но, несмотря ни на что, воевали, оказывали сопротивление.

Самый уважаемый из их рода Кудзан сказал: «Чем не угодила вам моя башня, почему вы ее разрушили?»

И его сослали в Сибирь.

Тогда заступился за него Биганаты Уарак: «Что он вам сделал, почему вы его посылаете на погибель?!»

Тогда они сослали и Уарака.

— Зачем вы хотите уничтожить их? — сказал Осман. За это арестовали и Османа.

Потом и Секинаты задержали».²

О том, смог ли еще противостоять царским войскам после Кешельтского кровопролития знатный род Тогойты или нет, писал один из самых мудрых представителей осетинской интеллигенции, репрессированный в 1937 году Александр Тыбылты: «Урстуалта³ легко были взяты Ренненкампом.

Во всей Южной Осетии только ущелье Дзимыр осталось непокоренным. По мужеству и стойкости они, дзимырцы, не уступали кешельтцам, потому русские

¹ Анонимный автор. Письмо V / Тифлисский листок, 1830. — № 78.

² Ирон таурагъгъæ. Дзæуджыхъæу, 1989. — С. 179.

³ Ущелье Едыс.

войска против них были настроены особенно враждебно.

11 июля войска Ренненкампафа начали наступление на Дзимиыр, через Едыс. Потом перешли мимо озера Кел через ущелье Гнуг и напали на ущелье Дзимиыр. Ренненкампф со своими войсками остановился в селении Баджын. В то же самое время один из отрядов русской армии из Арагви подошел к Дзимиыргому и занял высоту Мичет, перекрыв таким образом дорогу в Гуд. Два других отряда русских войск наступали на Дзимиыр через Малую Лиахву и Ксанское ущелье. Таким образом защитники Дзимиыра оказались в окружении, незамеченной даже птица не могла вылететь из Дзимиыра».¹

Теперь посмотрим, что пишет об этой битве упоминаемый нами выше анонимный автор: «Отряду нашему с самого начала определено было усмирить кешельтцев, взять от них атаманов и, возвратясь оттуда, следовать вверх по Большой Лиахве для приведения к покорности осетин, живущих около сей реки и потом, перейдя высокий хребет Кного, спуститься в Жемурское ущелье для истребления обитающих в нем разбойников. Но, дабы он мог действовать с большим успехом против отважных жемурцев, ему назначены были в помощь под командою начальника горских народов Эриванского карабинерного полка майора Чилиева, две роты 40-го егерского полка и 300 человек грузинской милиции, составленной из храбрых и воинственных обитателей Мтиулетиных гор. Одна егерская рота и сто человек милиции должны были идти к отряду из города Душети через Ксанское ущелье; другая же, с остальным числом милиционеров, выступя из Кайшаура, обязана была занять горный хребет, отделяющий Гудское от Жемурского ущелья и, наблюдая на оном все тропинки, перехватывает жемурцев, если бы они вздумали, для избежания ненавистой им покорности, укрыть себя бегством через сей хребет».²

¹ Тыбылты Александр. Уацмысты æмбырдгонд. — Цхинвал, 1988. — С. 288.

² Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. I книга. — Цхинвал, 1981. — С. 35.

Здесь человек улавливает любопытный факт: царские войска к своему кровавому походу готовились не один и не два дня. Очевидно, заранее строили план наступления; и анонимный автор очень хорошо знал, как должны были идти дела, и как шли на самом деле, хорошо знал топонимию наших соседей, правильно указывает названия близлежащих к нам мест. Почему же тогда не смог указать правильно названия: Дзимиыр, Джермугъ, Баджын, Хъел? Может, трудно ему их произносить? Нет, не здесь собака зарыта. Дело совершенно в другом... Эти места наши неблагоприятные соседи и сами не знали. И несмотря даже на то, что их продажная милиция служила наводчицей, названия исконно осетинских мест были им незнакомы. И ничего больше не оставалось им, кроме как называть их «сопели»¹ и смотреть на них снизу вверх. Потому и русскими они называли их сильно искаженно, на ломаном языке... Но послушаем опять упомянутого нами выше Александра Тыбылты: «Русские войска камня на камне не оставляли там, где ступали. Дотла сожгли села Цапарух и Гнуг в ущелье Малой Лиахвы, разрушили башни, отобрали у сельчан скот и все нажитое. Осетины небольшими отрядами стойко противостояли им, но сдержать натиск войск Ренненкампфа не смогли, войска окружили ущелье, и дзимиырцам ничего больше не оставалось, как сдаться».

Не сдались только Тогойта. Они вошли в родовую башню и оборонялись. Даже женщины Тогойты сражались. Но русским удалось разрушить башню и занять село. Защитники скрылись на вершине горы Дзимиыр, но и там их достали войска, многие были истреблены. А самые отважные: Тогойты Кудзан и Соста-Мурат были пленены».²

О храброй фамилии Тогойты, о русских войсках и о продажной грузинской милиции мы вспомнили не про-

¹ На их языке — деревня.

² Тыбылты Александр. Уацмысты æмбырдгонд. Цхинвал, 1988. С. 288–289.

сто так. Это к тому, что наши злосчастные соседи сами никогда не смогли бы справиться с осетинами в открытом бою. И потому им приходилось прибегать к помощи сильного русского штыка, чтобы раздробить южную часть Осетии, потопить в крови и любой ценой завладеть ею, наложить на нее свою грязную, лохматую лапу.

Гудское ущелье, о котором мечтали наши алчные соседи, испокон веков относилось к Южной Осетии. Крепкими нитями было связано с ней. Делили все: и радости, и горести, не было границ между нами, пока не осуществилась мечта злосчастных соседей, грузин, и их грязная нога не ступила на наши земли.

О том, что с Гудским ущельем у нас была крепкая связь, общий уклад жизни, говорят и многие произведения народного творчества, в частности, сказ «Гудские абреки».

«Была поздняя осень. Люди завершили свои осенние работы. Все ярче проявлялись знаки поздней осени: сникла резко пожелтевшая трава, опала листва, и лес стоял совершенно голый. Сизый туман прочно обосновался в ущельях. Приближались унылые зимние дни.

В такую пору гудские абреки: Рубайты Тотрадз, Такаты Цыппу, Исараты Сугар и Цаболты Гайти жили в древней пещере в Гудском ущелье, у истоков Арагви.

Много было тех, кто преследовал их с намерением арестовать. Но не могли. Народ в тайне держал место их пристанища: кто же станет руку себе отсекать — плотью и кровью их были они. Все знали, что из-за своей борьбы за правое дело, за защиту народа своего они стали скитальцами. Потому и скрывали их от преследователей.

Много ли, мало ли еще прожили они в той пещере, известно только Богу, но некий благодетель сообщил им: «От злого языка власти узнали, что обитаете в этой пещере и вы в опасности. Придумайте что-нибудь».

От подобной вести все четверо на какое-то время застыли на месте, уставившись в землю, будто оглохли. Затем Цыппу взял себя в руки и, выпрямившись,

обратился к друзьям: «Солнышки мои, как старший, уверяю вас — не каждая гроза сопровождается ударом молнии. Оставим это благословенное место и уйдем через перевал в сторону Урстуалта. А там... будем надеяться на Божью благодать». — Сказали и сделали — «В ночь на праздник Тутыр отправились через Кельтский перевал в Урстуалта...» «Приблизились до горы Черно-го покровителя...»¹ «Внезапно дошли до летних пастбищ и решили остановиться там». Однако ночью снега выпало по самый пояс человеку, и они решили вернуться в Дзимыр, к родственникам Цыппу — Тогойты. «Тогойта гостей встретили с большим радушием и предоставили им свою родовую башню, где они могли быть в полной безопасности. Башня их была прославлена. Ей, сложенной из цельных горных камней (хæдхонгæ дур), не было равных в прочности, она считалась неприступной. У самого входа в башню была надпись: «Пусть тому, кто струсит и покинет эту башню, суждено будет пить воду из одной лоханки с собаками. А коли башня не устоит перед врагом, пусть не найдет покоя на том свете душа сложившего ее».²

Узнав местонахождение гудских абреков, власти угрожали давшему им приют хозяину, и требовали выдать гостей. Тогда абреки по смертельно опасным тропам ушли в Урстуалта.

Классик нашей литературы, основоположник художественной прозы Сека Гадиаты отмечал, что Дзимыргом и Арвыком разделяет одна гора. «Сека сам был женат на девушке из рода Битаргааты из села Горга, Дзимыргома. Потому Сека часто приходилось бывать здесь в гостях у родственников жены, матери Цомака. То, что он отлично знал Дзимыргом, отражается и в его произведениях»,³ — это заметно и в его автобиогра-

¹ Черный покровитель защищает путников от невзгод.

² Зарджытæ, таурагътæ, æмбисæндтæ. — Цхинвал, 1977. — С. 182 — 183.

³ Цгъойты Хазби. Тогойты мæсгуйтæ / Рæстдзинад, 2011. — 29 октября.

фической поэме «Одинокий», когда его лирический герой был еще женихом:

*Плеть — моя постель,
Серый камень — мой стул,
Слезы — чернила мои,
Солнце — свидетель мой.*

*Все же я в путь
Собрался тогда...
В рваной шубе зимой
Замерз на перевале.*

*Довели меня
До высокого села,
Там угостили меня,
Бедняка, не щедро.¹*

В те времена незнакомые ущелья и горы переходить было небезопасно, вспомним хотя бы то, как испугались за Пушкина, хотя он путешествовал вместе с обозом под охраной русских солдат. Таким образом, жителям Гудского ущелья не угрожала встреча с чужаками, шли, куда хотели. Поскольку все эти ущелья, начиная с Фаснаура, принадлежали Осетии, и осетины всегда свободно перемещались по родной земле.

Доказательств тому, что земли эти принадлежали Осетии, а именно Южной Осетии, более чем достаточно. Еще сравнительно недавно, в первой половине двадцатого века, точнее в 1929-ом году в 5 томе «Известий Горского педагогического института» Цомак Гадиаты в статье «Сека Гадиаты — самобытный осетинский поэт» говорит то же самое, но об этом подробнее чуть позже.

Если сведения, приводимые Пушкиным о границах Осетии, не берутся в расчет, то слова Цомака тем более остаются без внимания. Не зря сам Сека с горечью писал:

¹ Стихотворения, в которых не отмечен переводчик, даются в подстрочном переводе.

*Высокие черные горы,
Зазубренные серые скалы,
Глубокое узкое ущелье, —
Край мой родимый.
Я покинул его давно,
И он стал лебщиком скота Хада.¹*

Причину всего этого поэт знает, чувствует и умом, и сердцем, но слишком ограничены его возможности, чтобы что-то изменить, чтобы оживить свое родное село. Говоря его же словами:

*Зимою, в холод.
Жестокий голод
И волка губит.
В бессилье тяжком
Любой дворняжке
Он путь уступит.²*

Каким бы мудрым и знаменитым ты ни был, никогда жизнь не складывается по желанию человека. Камень бедняка везде найдет. Не хочешь, не терпи, но только усугубишь свое и без того тяжелое положение. Потому с тревогой и болью писал он о наболевших проблемах:

*Черный лес весь в плешинах,
Покинули его звери,
Оставив царить в нем зайцев.
Черные скалы
Все в трещинах, рушатся,
Осыпаясь мелким щебнем.*

*Наши гордые горы
И гранитные скалы
Потрясены до оснований.
Извергают из утробы
Дорогие сокровища
Алчным и хищным.*

¹ Соседнее с Ганис грузино-осетинское село.

² Гадиев Сека. Произведения. — Владикавказ, 2008. — С. 148.

*В немой досаде
Тебе снился ночами,
Что остался без присмотра.
Для твоего серебряного тела,
Твоей закрытой двери
Нашли ключ.*

Говорил с горечью, хотя свободно высказаться не давали. Но, к сожалению, и тогда, и сейчас никто не прислушивается к сказанному. Он болел душой за свою Родину. Потому и прибегал поэт к аллегории, к форме изложения слов, обращаясь к скалам. Только они, скалы, его слушали, только на них он надеялся, только они были его отрадой и надеждой, горестью и тревогой:

*Наша земля вся в оврагах,
Одни камни и кручи, —
Жить здесь уже невозможно.
Мой родимый край
Погиб, как покинул его,
Разорен мой Ганис.¹*

(«Ганис»)

Столько горечи может быть только в строках человека, оторванного от родной земли, у человека, который, потеряв родину, видит, как враг чувствует себя вольготным хозяином самого родного для души уголка земли. Но эту боль души мы не видим в переводах поэта. Вместо — «Маэ гуырæн бæстæ Фæци маэ фæстæ Хадæн (соседское грузинское село — М.К.) ривæддон» читаем:

*Мой край печальный и святой,
Давно расстался я с тобой.
И стал ты лежбищем скота.²*

¹ Гæдиаты Секъа. Равзаргæ уацмыстæ. — Цхинвал, 1979. — С. 71–74.

² Гадиев Сека. Азау. — Цхинвал, 1984. — С. 111.

Или:

*Земля родная
Теперь, я знаю,
Пустыней стала.¹*

Ганис и пустыня! Но речь не об этом. Совсем очевидным является то, что на земле, которой пользуются временно, как пастбищем, башни и крепости из цельного камня не строят («Гудские абреки»).

Сека эти жизненные странности видел как будто во сне. В своем великолепном стихотворении «Сон» он потому говорит: «Спросил я у Терека во сне: «О чем скучаешь, скажи ты мне?» — и, «рожденная в Осетии слеза» отвечает ему:

*Терек печально заговорил:
— Чужая болезнь разве не болезнь?
Что нас ждет в будущем,
Ты об этом еще ничего не знаешь...*

*Вооруженные силы и война нам не нужны,
Без лишнего крика умираем.
Тихо, спокойно в кого-то
И днем, и ночью вливаемся.*

«Тихо, спокойно», а точнее, и днем, и ночью куда нас силой загоняют, чтобы размножить свою нацию, расширить свои границы, нам всем известно. И причину сказать не забыл поэт-аксакал:

*Не находим осетина-правителя, —
Кто бы позаботился о наших неоплаченных долгах.
Чужие спокойно отнимают наше Отечество.²*

А что после этого происходит, отлично знал Сека Гадиаты из своего жизненного опыта. Васо Абайты, наверное, знал, куда катится арба бедного осетина, и

¹ Гадиев Сека. Произведения. — Владикавказ, 2008. — С. 146.

² Гæдиаты Секъа. Равзаргæ уацмыстæ. — Цхинвал, 1979. — С. 97–98.

сдержанным, но эмоциональным тоном потому сообщал: «Горную Осетию времен Сека писатель Георгий Цаголти справедливо назвал «Краем беспросветной нужды». Одним из самых глухих и бедных уголков этого края была родина Сека, селение Ганис в верховьях Арагви. Внешне Ганис и сейчас мало изменился по сравнению с прошлым веком».¹

Васо сам был родом из соседнего аула Къоб и отлично знал родину Сека. Не зря говорил о ней с любовью. Но политиканов, как и «политиков» нашего горесоседа, в последнее время развелось немало. Те, кто и во сне никогда не был в с. Ганис, стараются ознакомиться с родиной основоположника осетинской художественной прозы и других.

Одна журналистка из уст такого политикана в газете «Комсомольская правда» своим читателям «подробно» описала родину писателя. В своей корреспонденции она называет уважаемого всеми как на Юге, так и на Севере Осетии человека Сека Гадияты каким-то оскорбительным именем «Секи»; в «Справке «КП» его отчество пишет Куцревич (вместо Куцуриевич).

Если бы этим все ограничилось... Но, как в народе говорят — от удара не упал, кинжалом пронзи! Оказывается, по данным газеты, Сека Гадияты «родился в маленьком...», — осетины, кто нервами слаб, пусть пока примет лекарство, — Сека Гадияты «...родился в маленьком грузинском селе Ганис».²

Что это такое? Неужели, русские, с которыми всю жизнь живем, как братья, издеваются над нами? Или кто-то хочет нас посорить? Если уж говоришь о народе, то хотя бы выучи «азы» его истории. Или, на самом деле, решили, что мы манкурты и забыли о своем Отечестве?

¹ Абаев В. И. Избранные труды. — Владикавказ, 1990. — С. 568.

² Егорова Анна. В республике создали антологию осетинской литературы // Комсомольская правда, 2012. 24 февраля.

Сын Сека Гадияты — классик осетинской литературы, писатель и ученый Цомак Гадияты, наверное, лучше нас знал, где родился его отец и он сам, и в своей статье «Сека Гадияты — осетинский поэт-самоучка» о жизни и творчестве своего отца пишет: «Сека родился в Южной Осетии... Это селение Нижний Ганис». Потом в своей статье еще и еще раз повторяет: «В то время в Южной Осетии, в некоторых местах и в Северной Осетии...»; «Рифма, стих и размеры Сека брал из богатых кладов народной поэзии Южной Осетии...».¹ И подробно описывает, где находится Нижний Ганис. Как будто знал, что когда-нибудь родина его отца и его самого станет для кого-то издевательским названием. Потом в своей статье еще и еще раз повторяет: «В то время в Южной Осетии в некоторых местах и в Северной Осетии...»; «Рифма, стих и размеры Сека брал из богатых кладов народной поэзии Южной Осетии...».² И подробно описывает, где находится Нижний Ганис. Как будто знал, что когда-нибудь родина его отца и его самого станет для кого-то предметом издевательств.

Доктор филологических наук, профессор Нафи Джусойты то же самое говорит в своей докторской диссертации.³ Да и во всех учебниках черным по белому написано: классик осетинской литературы, основоположник осетинской художественной прозы Сека Гадияты родился в селе Ганис в Южной Осетии. Но нет, по Анне Егоровой и ее информатору Сека Гадияты «родился в маленьком... Это издевательство над святым именем классика нашей литературы и над осетинским народом. Эти осетинские территории от Пасанаур до Ларса были оккупированы Грузией во время Советс-

¹ Известия Горского педагогического института, вып. V. Владикавказ, 1929.

² Гадиев Цомак. Сека Гадиев — осетинский поэт-самоучка // Известия Горского педагогического института. Вып. V. — Владикавказ, 1929.

³ История осетинской литературы. Книга 2. — Тбилиси, 1985.

кой власти до того, когда почти весь Северный Кавказ был отдан нашим горе-соседям, по воле тогдашних членов Политбюро ЦК КПСС: Сталина, Орджоникидзе, Махарадзе, потом — Берия. А в настоящее время и Гудское ущелье (где родились Сека и Цомак Гадиаты), и Трусовское ущелье (колыбель многих осетинских поэтов), и Кобийская котловина (родина великого ираниста Васо Абайты) являются оккупированными Грузией территориями. Но это не означает, что Сека Гадиаты родился не в Южной Осетии, а в каком-то маленьком... неосетинском селении.

И такое случается всегда — умышленно или не вдумываясь в то, что говорят, автор и информатор оскорбляют целый народ, когда в одном или в другом вопросе оказываются некомпетентными. Часто бывает и так, что целый народ оскорбляют специально и, как в данное время, извинения не попросят. Сека не зря заранее оплакивал потерянную Родине.

Плач позабытой страны сопровождал и Цомака, потому горькие мысли свои излагал в своем творчестве:

*Плач позабытой страны слышен жалобой горькой, тягучей,
Воспоминаньем о предках,*

о славной отчизне могучей.

*От очага охладевшего вдаль он уходит над кручей,
Над головами над нашими стелется черной тучей.¹*

(«Плач позабытой страны». Перев. С. Вольский).

И не только для Сека и Цомака, для всех писателей-выходцев из ущелий — Гуд, Тырсы, Коб — тот факт, что райские места земель их отцов, просто так оказавшиеся владениями наших врагов, стал причиной недоумения и печальных раздумий. И их немало: Сека Гадиаты, Цомак Гадиаты, Бекыза Абайты, Герман Гудиаты, Албег Хамыцаты, Тотрадз Кокайты, Батрадз Касаты и многие другие.

¹ Гадиев Цомак/Коллектив авторов. Антология осетинской поэзии. — Владикавказ, 1984. — С. 130.

И опять удивительный факт: каким образом столько талантов, настоящих мастеров художественного слова родились там, где осетины будто бы только «скот свой пасли». И, может быть, многие из них, как оторванный от родной земли Темирболат Мамсыраты, скучая по Родине, стали поэтами? Об этом тоже стоит подумать.

Шамиль Джиккайты писал об одном из лучших представителей осетинского народа Цомаке Гадиаты: «Цомак родился в 1882 году, 14 января в селении Ганис Гудского ущелья. Это ущелье, прославленное красотой и тяжелыми (особенно в зимнее время) условиями жизни, воспето в стихотворении Сека Гадиаты «Зима в Гуде». Гуд — ущелье легенд. Там всю жизнь наши предки находились в состоянии войны. Боролись с суровыми природными явлениями, чтобы выжить; воевали с врагами, чтобы отстоять честь и свободу свою. Но ущельцев было слишком мало, не получали помощи от других ущелий и потому с трудом справлялись с грузинскими насильниками, превосходящими их численностью во много раз. В одном из своих стихотворений Сека с болью писал:

*Край мой родимый...
Я покинул его давно
И он стал лежбищем для скота Хада.*

Наконец случилась большая беда, которой так боялся Сека. Мудрый поэт предупреждал: «Отнимут наши отеческие земли — зарыдает Черная гора». Нынче ущелье Гуд полностью отдано хадцам, т. е. грузинам. Рыдает Черная гора, причитают над Ганисом деревья Таймураза и Азау, трещит пещера Амрана, стонут вольные просторы благородных гудских абреков... Ну, а слышит их кто?!»¹

Удивительным представляется еще и тот факт, что к России-то мы, единая Осетия, присоединились на-

¹ Джиккайты Шамиль. Разагъды лæгтæ. — Дзауджыхъæу, 1999. — С. 210–211.

много раньше Грузии (мы в 1774-ом году, они – в 1801) и в определенных границах, однако нашим, постепенно прибираемым грузинами землям, наши покровители окончательно придали статус щедрого подарка для них. Это явление стало не только для Сека, но и для современных осетинских писателей предметом очень горьких и грустных раздумий.

Душа Албега Хамицаты принадлежит родному краю – Тырсыгомю. Поэт считает возможным соиздание новой жизни там, в родной сакле:

*Но снежный порог наш позабыт,
Избалованная буря стучит в окна.
Согнулась низкая опушка леса,
Безжизненная деревня смирилась со своей смертью...*

*Меня уже не узнают ни бугорки, ни ущелья.
Тырсыгомцев настигла клятва Бога...
Нет у них уже будущего...*

(«Я родился в Десе...»)

Может, опустевшее село, у которого не оставалось другого выхода, и смирилось с такой судьбой, но как поэту смириться с гибелью родного села, как вырвать память о нем из изболевшейся груди?

Кокайты Тотрадз уверен, что «Есть только одно счастье в мире – ОТЧИЗНА». «Без нее не жаждет жизни душа человека» и мечтает вернуться туда, чтобы упасть на колени пред ней. «Есть в мире только одна благодать: ЛЮБИТЬ», но по милости горе-соседей он лишен этой возможности, и снова кровоточит давняя незаживающая рана – «Остался где-то в теснинах гор опустевший Тырсыгом» и «Нет возврата туда» – «Волей злого коварства он безлюден, угрюм», «И дрожит будущее его во мгле» – и стонет душа поэта. Тот отчий край остался только в светлых воспоминаниях:

*Поныне... поныне... поныне... поныне...
Как много тех былых воспоминаний!
Едва приклонюсь к постели головой –
Душа приобщается к отчему крову.*

*Пуститься я рад бы к нему наяву,
От радости пел бы в твоих забытых уголках,
Но ущелье уже забыто,
Осетинский очаг здесь давным-давно разбит.*

*Гремучие села тайком превратились в руины,
Сыновья их разбрелись в поисках счастья.
Здесь открытой войны не было ни одного дня,
Но жизнь здесь всегда была злостнее войны.*

*Покуда под небом — вражда и раздор,
От этого сердце мое убито и тает:
Забытой осталась земля наших предков.
Без труда выиграл кто-то...*

(«Тырсыгом — I»)

Там жизнь всегда приравнивалась к войне. И в открытом, и в вероломном бою, в силу обстоятельств численного превосходства, осетин чувствовал приставленный к горлу нож, потому вынуждены были оторвать от сердца оставленные очаги. И это должно тревожить не только выходцев оттуда: кудинцев, тырсыгомцев, кобийцев, а каждого осетина, кто носит шапку мужскую на голове. Родину потерять легче, чем вернуть назад, обрести снова. В этом и заключается трагедия потерявшего родину человека.

Это хорошо знал один из самых лучших, талантливейших представителей нашего народа — поэт, прозаик, драматург, общественный деятель, педагог Шамиль Джиккайты. Не потому ли, что был он достойнейшим, настигли его окровавленные руки убийц, заклятых врагов нашего народа и всего человечества. Этот финал предвидел и сам поэт, где-то допускали и мы, но в силу нашего чрезмерного великодушия, а может, и недооценки врага, а, может, потому, что часто судим по себе, не смогли уберечь одного из лучших сыновей Осетии — Человека с большой буквы Шамиля Джиккайты.

Шамиль был велик. Любовь к родной земле, к родному народу, горечь попираемой чести осетин и потерянных земель не давали ему быть, подобно многим,

равнодушным наблюдателем. И он решительно взял оружие истинного поэта — слово. Цитируя его самого, ему «было что сказать, и сказал, что должно было сказано»:

*Стоит согнувшись, как полумертвая гора Куд,
Ее черные слезы текут родниками.
Из двух могил слышится тихий плач,
На двух чинарах две птицы плачут.*

*Вопит Ганис у подножия горы удрученным,
Стонет разрушенный, черный дом Сека.
Да, мохе¹ его поле превратили в пастбище,
На его камнях видны кровавые следы.*

*Спешит Арагви перед мертвыми деревьями,
Ее истоками уже не являются горы Осетии...
Когда-то умела говорить, показывать наше горе,
Почему оглохла сегодня, как камень?*

*Чем обидели осетины мать Природу,
Куда нас бросает из своего теплого объятия?
Где жили орлы, останется черным воронам,
Чаща ангела для вайнаха станет крепостью.*

Подобно Коста, вернувшемуся из Петербурга в 1885-ом году и увидевшему Осетию униженной и беззащитной, которому ничего не оставалось, кроме как обратиться с мольбой о помощи к самому почитаемому небесному покровителю осетин: «Взгляни ж, Уастырджи, и не дай Погибнуть измученным людям» («Взгляни!..» *Перевел П. Панченко*), так и Шамиль с распростертой грудью обращается к небесам в стихотворении «Ганис»:

*О покровитель осетин, где летаешь за горизонтом неба?
Твой фарн² в беде пусть осветит наш ум!
Титан, на тревогу нашу порви свою цепь,
Из огня своего дай угнетенному народу силу.³*

¹ Грузинское племя.

² Фарн (осет.) — благоденствие, счастье, мир, ум, честь.

³ Джыккайты Шамил. — Намыс. — Дзауджыхъæу,

Но, по осетинской притче, Бог без трех рублей не дает бедняку осла. На нашей грешной земле мать не кормит дитя, пока он не заплачет; брат брату становится врагом из-за личной выгоды. Кто же тогда вернет нам наши исконно осетинские земли, отданные так тихо и спокойно, окажись мы даже мудрецами и великанами. Только силой законных требований на правительственном уровне есть надежда вернуть принадлежащее нам по праву.

Единственное неудобство оставалось для Грузии — отсутствие через Ларс дороги в Чечню, но и оно тоже было с легкостью устранено президентом-пропойцей Ельциным, который оторвал от нашей и без того скудной территории больше целого километра. И мы опять набрали в рот воды.

Только начальник пограничных войск Российской Федерации Николаев позволил возразить и сказать правду, что нельзя так одним махом кому-то дарить государственные земли, и его прогнал тот же президент Ельцин. Какое, мол, твое дело до гор Осетии, и кто вообще тебя спрашивает. В принципе, если хорошо подумать, то он и к просторам России ненамного бережнее относился, но это уже другой вопрос.

На эту позорную сделку тревожным набатом первым прозвучал голос того же Шамиля Джиккайты в декабре 1997 года:

*Тревога! — Дайранское ущелье у русских
Отнимают шайтаны грузины силой...
И скоро ерыстау¹ своим жеребцом
Будет притеснять наших маленьких детей.*

*Кто поддержит бедную страну?
Если потеряем Дайран, тогда
На нашу шею накинута петля,
И наша жизнь превратится в тяжелый сон.²*

(«Тревога»)

¹ Ерыстау — грузинские князья.

² Джиккайты Шамиль. Саст дзæнгæраг. — Дзæуджыхъæу, 2000. — С. 87.

Но, к сожалению, ни властью, ни людьми голос поэта не был услышан, ибо он оказался гласом вопиющего в пустыне.

Местные правители тех лет повели себя так, как будто ничего и не произошло, а если произошло, то это их никоим образом не касается. Притворившись глухими, предпочли более выгодным для себя вариантом не терять удобные кресла и безмятежное существование.

И решили наши враги, чем меньше таких заступников, как Шамиль Джиккайты, тем легче разрывать на мелкие кусочки нити, связывающие две части Осетии. Издавна грызли эти нити, где открыто, а где-то с тайным коварством, чтобы в удобное время их разорвать. Ведь мелкими частями мы быстрее переваримся в их ненасытных утробах. Правда, еще заводим иногда нашу давнюю гневную песню о наших давно потерянных территориях: «Ой, делиа-делиа, Мцхетис акет чвениа»,¹ — но песенками Отчий край не вернешь, тем более — не вырвешь из пасти хищника.

Гибель поэта представляется связанной с подобными ситуациями по другим поводам. Вдвойне горше от того, что враги Осетии погубили его руками наших же безумных ничтожеств, заслуживших горения синим пламенем в аду...

Старания грузин стереть с памяти нашего народа, да и своего народа, воспоминания о том, что мы по-настоящему имели, настолько сильны, настолько желанны, что они даже перестали признавать осетинское происхождение Давид-Сослана. С таким же невероятным усердием пытаются переименовать наши исконные топонимы на свой лад, называют и пишут их в искаженном виде, потому поселок Сæна (Казбек) превратился в Степан-Цминда.

И здесь ничего удивительного нет. Осетинский выдающийся ученый современности, доктор филологических наук, академик Российской Академии естествен-

¹ Ой, делиа-делиа, до Мцхета наши земли (*по-груз.*)!

ных наук, лауреат Государственной премии СССР, лауреат Государственной премии имени Коста Хетагаты, действительный член Азиатского Королевского Общества Великобритании и Северной Ирландии и член-корреспондент Финно-угорского общества в Хельсинки Васо Абайты говорил: «Фашизм, — везде, где он приходит к власти, — разрушает гуманитарную науку, прежде всего — историческую. Перед наукой открыто и цинично ставится цель: не поиски и восстановление исторической правды, а безудержное этническое, национальное и расовое самовосхваление».¹

Читаем и труды прежних грузинских историков: «В период первой половины XIX века в Юго-Осетии происходили массовые выступления. Особенно крупными были восстания 1804, 1810–1812, 1830, 1840 и 1850 годов. Крестьяне ущелья Большой Лиахвы отстаивали свою вольность и личную свободу от притязаний помещиков. В феврале 1851 года правительственный сенат России признал незаконными притязания князей Мачабели на крепостное право над осетинами».²

Гудское ущелье, да и другие ущелья, благодаря собственной силе и мужеству, добыли для потомков своих свободу от гнета Еристави. Но сейчас наших злощастных соседей все это не интересует. Слишком буйствуют их шовинистические страсти. То, чего они не добились во время карательной экспедиции царских войск в 1830 году, сегодня наверстывают со свойственной им злобой и коварством. А почему они должны упустить такой шанс, что им мешает? Наглости им не занимать. Продажный современный мир в свою пользу потакает им во всем.

Таким образом, точно так же, как и западная наша территория — Триалет и Гудзарет, восток наш от Гудского и Труцковецкого ущелья, через Коби до самого

¹ Абайты Васо. История истинная и вымышленная / Фыдыбæстæ. 2005. № 3 (85). — 3 июня.

² СССР. Грузинская Советская энциклопедия. — Тб., 1981. — С. 353.

Ларса записали в собственность Грузии. И хотя к России мы присоединились с этими ущельями, потом, даже не вспомнив о нас, райские уголки нашей земли вложены были в волчью пасть.

Но не одним днем живет человек, и в надежде на лучшие времена мы не должны предавать забвению эту истину.

А пока мы стоим и с недоумением спрашиваем себя и народ наш: «Почему Арвыком остался за границей?», «Куда делся, Ирыстон, наш Восток?»

А ведь было бы правильнее, если бы не мы задавали вопрос Ирыстону, а он бы спросил нас: «Куда делся, осетинский народ, наш Восток?»

Р. С. В первый день празднования дней Джиуаргуба¹ и в ночь вознесения молитвы Уастырджи² (20.11.11) закончил я излагать свои горькие думы, изложенные выше, и прошу для Осетии покровительства, Уастырджи, у тебя и у всех наших святых.

Да благословит всех нас Великий Бог! Аминь!

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ

Когда у бедняка веревка не достает в один конец, он складывает ее вдвое. Вот так-то. Когда на улице Нижней случается пожар, а на Верхней улице в тот же час у человека разгорается аппетит от ароматов пирогов и прекрасно зажаренных шашлыков, с застолий пиршеств слышны радостные песни. Нам будто и невдомек, что вот-вот пожар доберется и до наших голов, мы и словом не обмолвились о нем: пока посмотрим, подождем, что будет с соседями, подсуеятся сами,

¹ Всеосетинский народный праздник, который продолжается целую неделю и справляют его в последнюю неделю ноября.

² Покровитель мужчин, воинов, путников и подрастающей молодежи.

а дальше мы посмотрим, что делать. Мы ведь рядом с ними, здесь.

Во время грузино-осетинской войны один мой приятель хвалился мне: «Ты — кударец, вот и иди пока на войну, — говорит он мне о нашем друге, — а потом и я подумаю». Каждый из нас воюет со своей башни. Вот почему Шамиль Джиккайты говорил: «Мы на Севере не чувствуем даже малой опасности потерять южную часть Осетии. Нас больше всего беспокоит, как бы беды Юга не задели нас своей волной».¹ Вот тебе и одна кровь, и одна плоть, братья! Вот вам и национальная политика!

Всем известна истина: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь», да и от беды не скроешься. Когда в 1830 году, по подстрекательству нашего горе-соседа, царская армия во главе с генерал-майорами Абхазовым (на севере) и Ренненкампом (на юге) напала на Осетию, чтобы «утихомирить» непокорных горцев, то на тревожный зов Хазби Алыккаты в Кобанское ущелье никто не явился. Основоположник осетинской драматургии Елбыздыко Брытиаты все это художественно описал в своей трагедии «Хазби»: «Даргавс... Услышали новость. Все ущелье горевало, некоторые были уже готовы к бою, но задержались, не могли они оставить своих жертвенных животных в честь святого Рекома без жертвоприношения»; «В Саниба... К моему приходу все сидели за пиршественным столом в честь святого Рекома. Были очень радостные. И лица, и руки их блестели от жира, пьяные, меня тоже приглашали к застолью. Но я отказался. Услышав тревожную новость, они продолжали свое пиршество. Наверное, все еще чистят от жира свои миски и ножи».²

И на Юге на призыв о помощи в Чесельтское уще-

¹ Джыккайты Шамил. Цæйут, æфсымæртау Раттæм нæ кæутæ Абон карæдзимæ, Иры лæппутæ!.. / Хурзæрин, 2011. — 2 июля.

² Брытиаты Елбыздыхъо. Уацмыстæ 2 т. Т. 1. — Дзæуджыхъæу, 1981. — С. 92–93.

лье тоже никто не поспешил. Даже предводители местных воинов Ака Кабысты и Бега Коцты, несмотря на то, что были родственниками, боролись порознь. Укрыться в своей крепости и бороться поодиночке мы все переняли от наших предков. Но та трагедия не обошла ни Дзауское, ни Цалагомское, ни Ксанское ущелья.

Жители Дзау раньше Чесельтского ущелья сдались в руки царской армии. «Урстуалта без труда попали в руки Ренненкампа. Во всей Южной Осетии только Дзымырское ущелье не покорилось русской армии. По героизму Дзымыр не был ниже Чесельтского ущелья», — говорил Александр Тыбылты. — «Российские войска после себя камня на камне не оставили. В ущелье Малой Лиахвы сожгли деревни Чапарух и Гнуг, разрушили башни, у народа отняли скот и все, что они имели».¹ В XIX веке, после экспедиции в Южную Осетию, историк В. Чудинов радостно сообщал, что в плен взяли 118 человек; половину из них замучили в небывалых пытках, а другую половину сослали в Сибирь.² Мол, «за пределами событий 1830 года у осетин нет больше истории».³ Откуда ему было знать, что осетины еще и не такое испытывали. И сколько еще мучений нас ожидало. Кому было до книг! Историю, как народное творчество, одно поколение передавало другому.

Хотя эту кровавую историю грузинские и русские историки не хуже нас знали и знают, что «рæстæг уыцы иу сау тар мылазон хаста, рухсы цъыртт æм никуыцæй зынд, кусæг адæмы цард, æфсæн рæхыстæй баст, талынг мæйдары хъеллау кодта. Адæмы зæрдæ ныссау, ныддур».⁴ Но, несмотря на все это, наши историки смогли заглянуть в глубины времен и, если бы другие захо-

¹ Тыбылты Александр. Уацмысты æмбырдгонд. — Цхинвал, 1988. — С. 288–289.

² Чудинов В. Окончательное покорение Осетии // Кавказский сборник. Т. 13. — Тифлис, 1889. — С. 181.

³ Там же.

⁴ Гæдиаты Секъа. Равзаргæ уацмыстæ. — Цхинвал, 1979. — С. 234.

тели раскрыть карты, то увидели бы в истории, как по вине нашего горе-соседа беспощадно лилась кровь невинного народа. «В период первой половины XIX века в Юго-Осетии происходили массовые выступления. Особенно крупными были восстания 1804, 1810–1812, 1830, 1840 и 1850 годов. Крестьяне ущелья Большой Лиахвы отстаивали свою вольность и личную свободу от притязаний помещиков. В феврале 1851 года правительственный сенат России признал незаконными притязания князей Мачабели на крепостное право над осетинами».¹

По закону подлости, к сожалению, до сих пор никак не можем воссоединиться. Каждый из нас думает, что Богом ему дано быть лидером. В таком случае не избежать одного: «Когда слепого быка ведет слепой бык, быть в грязи обоим». Потому страдал поэт-переселенец Темирболат Мамсыраты на далекой турецкой земле:

*Мы – изрубленные щепки,
Губят род, когда-то крепкий.
Сам суди: одни в Сибири
Стонут, затерявшись в мире,
Дома бедствуют другие.²*

(«Два друга». Перев. М. Синельников)

Любой патриот своей родины, увидев свой народ и свою страну в таком состоянии, подобно Прометею, будет рвать свои цепи, чтобы встать против угнетателей своего рода. Период исторических перемен хорошо знал борец за свободу Коста Хетаггаты:

*Как от свирепого хищника стадо,
Мы разбежались, покинув свой край.³*

(«Горе». Перев. Б. Иринаина)

¹ Грузинская Советская энциклопедия. – Тб., 1981. – С.353.

² Мамсыраты Темирболат. Два друга // Коллектив авторов. Антология осетинской поэзии. – Владикавказ, 1984. – С. 66.

³ Хетагуров Коста. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. – М., 1974. – С. 55.

Классик осетинской литературы Сека Гадиаты все горести жизни испытал на своей шкуре. Ему хорошо было известно, куда вела извилистая дорога Осетию во мраке. Судьбу нашей Родины символически показал он в своем стихотворении «Мое дерево»:

*Ты знойным летом был в лапах духоты,
Зимой — от стужи и от вьюг страдаешь.
Дожди сквозь листья пропускаешь ты,
То сук, то ветку наземь ты роняешь.*

*Все восседают на горбу твоём:
Орлы и воробьи, и куры — тоже.
В корнях твоих копаются живьем —
Свинья и мул, и конь — аж дрожь по коже.*

*Вот на тебя вползает муравей,
Посмотришь — мал и, кажется, безвреден,
Он водит носом по коре твоей,
И мучает тебя, хоть не приметен.*

*А ты стоишь безмолвно, как немой,
И с уст твоих ни слова, ни попрека.
Все кровь твою сосут, но голос твой
Тобой же подавляется жестоко.¹*

(Перев. Л. Озеров)

А оно напасти всегда носит. И плату от них не требует. Во время Великой Отечественной войны, в 1944 году, когда лучшие сыны Осетии проливали свою кровь за Победу, наши соседи взяли да от Фæснауыра... «Фæс» — «за», но в их языке нет букв «ф» и «æ». Вместо них пишут «п» и «а». Также у них нет гласного «ы» (который есть в осетинском языке), и его выбросили. «Фæснауру» в конце прибавили характерное окончание своего языка «и». И из понятного «Фæснауыр» — «За Науром» (вблизи есть такая местность, которая в свое время тоже относилась к Осетии) получилось непонятное «Пасанаури»... И от Фæснауыра до Ларса без войны отняли осетинскую территорию, мол, живем в одном

¹ Гадиев Сека. Азау. — Цхинвал, 1984. — С. 105–106.

государстве и, какая разница, к Осетии будет относиться или к Грузии. Но после распада Советского Союза уже не освобождают ее. То, чего всю свою жизнь боялся Сека Гадиаты: «Высокие черные горы, Забытые серые скалы, Глубокое узкое ущелье, — Край мой родимый. Я покинул его давно, И он стал лежбищем скота Хада» («Ганис»),¹ — сбылось в самом худшем варианте.

Хорошо усвоили одно правило жизни: «Если рубить, так с плеча».² Когда на Дарьяле русские пограничники пограничный пост отодвинули на полтора километра в сторону Владикавказа, мол, здесь невозможно развернуться — как будто нартский танец «Симд» танцевали и на старом месте им тесно стало, — то коварные национал-шовинисты сразу объявили «голодовку», как будто оставленная территория грузинская и русские не освобождают ее. Ельцин «с барского плеча» взял и подарил им осетинские ворота — Дарьяльское ущелье, чтобы через эту территорию дорогу провели в Чечню. Поэт Шамиль Джиккайты поднял настоящую тревогу:

*Наш ир! — потомкам из всех благ мира
Оставляете что для славы или наследства?
Где граница нартского Ира?
Во время сражения где будет ставить барьер?*

*Судьи народные, видите впереди
Только кресло царя. Горе! —
Клочок не остался нам из Кавказа —
Царь не бывает без царства.*

*Тревога! — Дайранское ущелье у русских
Отнимают шайтаны грузины силой...
И скоро еристау³ своим жеребцом
Будет притеснять наших маленьких детей.*

¹ Гæдиаты Секъа. Равзаргæ уацмыстæ. — Цхинвал, 1979. — С. 71.

² Осетинские пословицы, поговорки, загадки. — Владикавказ, 2005. — С. 15.

³ Ерыстау — грузинский князь.

*Кто поддержит бедную страну?
Если потеряем Дарьял, тогда
На нашу шею накинут петлю,
И наша жизнь превратится в тяжелый сон.*

*Наша высота задрожала, как тополь,
Ее почву уносит черный ураган...
Гранжиры! — враг отнимает наш порог,
Все равно не слышите тревогу!¹*

(«Тревога». Подстрочный перевод)

К сожалению, ни чиновники, ни Всевышний, как всегда, «не услышали» его. Поэт потому пишет, страдая: «Мы на Севере ни грамма не чувствуем опасности потерять Юг Иристана. Нас больше всего волнует, чтобы их трагедия не коснулась нас».² Вот — наша национальная политика! А его, нашего горе-соседа, никогда не мучила и не мучает совесть. Доктор исторических наук Валерий Дзидзоев громогласно и справедливо заявил: «Какую еще катастрофу можно ожидать?.. Грузия — фашистское государство».³ Я не говорю об очевидцах и борцах за свободу нашего народа, но даже те, которые в 2008 году услышали то, что происходило на юге, как могут ратовать за то, чтобы не воссоединилась Осетия? Единомышленники наших врагов с севера Осетии («До Арджинарага ходят вдвоем они В поисках птицы» («Лиса и барсук». *Перев. С. Олендера.*)⁴ тоже собирались напасть на осетинский народ. Хотели, как привыкли, нанести удар в спину. Таким же «приемом» — ударом в спину убили их покровителя Давид-Сосла-

¹ Джыккайты Шамил. Саст дзаенгарæг. — Дзауджыхъæу, 2000. — С. 87.

² Джыккайты Шамил. Цæйут, æфсымæртау Ратæм нæ къухтæ Абон кæрæдзимæ, Иры лæппутæ!.. / Хурзæрин. — 2011. — 2 июля.

³ Дзидзойты Валери. Гуырдыстон у фашистон паддзахад / Рæстдзинад. — 2008. — 12 августа.

⁴ Хетагуров Коста. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. — М., 1974. — С. 99.

на, потом плакали крокодиловыми слезами: «Нагрязнуло горе, умер Давид-Сослан, человек, исполненный всякого добра, божеского и человеческого, прекрасный на вид, в сражениях и на войне храбрый и мужественный, щедрый, смиренный и превознесенный в добродетелях. Он оставил двух детей: сына Георгия и дочь Русудан. Плакали, рыдали и повергли в печаль всю вселенную».¹ Так ударом в спину хотели утихомирить и север Осетии, но братская Россия одной угрозой утихомирила их самих и, как крысы, разбежались по кустам.

Тех, которые из патриотических чувств утверждают, мол, абхазы, ведь, строят независимое государство, хорошо понимаю. Но мы не должны забывать один нюанс – за Абхазией стоит весь Северный Кавказ, Турция. В случае чего, они их никогда не оставят в беде. Этому мы были свидетелями в 1992 году во время грузино-абхазской войны. А война 2008 года нам еще раз показала, что у нас есть единственный, незаменимый брат – российский народ. И, хотя некоторые этого или нет, мы не должны забывать об этом. Пора опомниться и не надо кричать: «Для нас независимость важнее всего!»²

Это белая мечта каждого осетина. Но надо смотреть вокруг, чувствовать планы наших соседей. Удивляюсь, как быстро забываем наши трагические дни. Так называемые «патриоты», которые кричат: «Осетию нельзя воссоединить! Осетия никогда не была единой! Мы строим независимое государство!» – кроме некоторых, они соросовцы и представители других «неправительственных» организаций за рубежом. Они думают, что мы забыли, как еще недавно свою заработную плату в долларах привозили из Тбилиси. Может быть, эту «зарплату» и сейчас получают в конвертах? Но давайте подумаем: если бы мы попали в их руки, остави-

¹ Картлис цховреба. Т. 2. – Тбилис, 1974. – С. 100.

² Коллектив авторов. Национальная идея и государственная политика. – Цхинвал, 2012. – С. 111.

ли бы нас в живых? За какие заслуги наших «государствостроителей» не трогают?

Рано ушедший из жизни от рук наших врагов Шамиль Джиккайты был прав: «Грузины народ талантливый, умеют делать вино, петь и танцевать. Умеют пышными словами подкупать кого-либо, способны к шарлатанству, умеют своими хвостами заметать свои следы. Но они нахалы, шеголи и прилипалы. Кого боятся — для него рабами становятся, кого побеждают — тому на голову встают».¹ Дальше — еще больше: «Всю жизнь стараются уничтожать наших избранных. Вероломной смертью убили Ос-Багатыра. Зарезали спящего Алгуза. Бесчестным путем на тот свет отправили своего благодетеля — Сослана Царазона. Плутством поссорили своего спасителя Гоци и его друзей. Ядом отравили нашего покровителя Афако Гасситы. Расстреляли тринадцать коммунаров. Нет конца и числа их преступлениям. Один геноцид настигает другой геноцид. Грузинский нацизм хуже немецкого фашизма, нападают натравленными, кусаются бешеными. Уничтожавший в 1930 году Кобан плотоядный Абхазов тоже был грузином, князь Абхазашвили».²

Если будем слушать наших «государствостроителей» и мечтателей занимать доходные места в «свободном» государстве и, — не дай, Бог, — Президентом Российской Федерации опять станет какой-то Горбачев или Ельцин, то русские войска опять оставят нас, как в 90-е годы. Но, не успев покинуть Рокский тоннель, какой-нибудь чертовщина Саакашвили опять из заграницы привезет тридцать тысяч целлофановых мешков для трупов осетин, с наемными войсками поспешит на юг Осетии. Не надо забывать, почему предки наши мечтали о воссоединении осетинского народа. Это сила и процветание нашего народа. И чем раньше осуществится мечта нации, тем — лучше. Потому что развитие Осе-

¹ Джиккайты Шамиль. Удвидар ут. Зынтӕн лӕг хъауы / Рӕстдзинад. — 2008. — 12 августа.

² Там же.

тии и в политическом, экономическом, научном, художественном, культурном и духовном сферах связано с нашим воссоединением. Без мира не бывает благополучия. Именно поэтому в мирное время мы сталкиваемся с такими национальными проблемами. На первом месте всегда оказывается проблема родного языка, чего нельзя откладывать на завтра, ибо, как сказал Васо Абайты: «...исчезновение языка является исчезновением народа. Нет языка — нет народа».¹ А мы, как будто назло себе, почему-то забываем о своем родном языке: «Слова исчезают тогда, когда не разговариваешь на родном языке» («Письмо в редакцию»)² — учил нас Сека.

Родной язык растет, обогащается тогда, когда на него нация не смотрит как на мачеху и для его развития делается все необходимое. Нафи Джусойты, отвечая, как сам говорит, на «яркое и дерзкое выступление Марка Блиты и Руслана Бзарты в газете «Северная Осетия», говорит: «...наш долг, думаю в том, чтобы не дать себя увлечь полемике по частностям, но трезво осознать важнейшие аспекты нашей национальной судьбы в ближайшей и дальней исторической перспективе. Все остальное — роскошь непозволительная, ибо народу нашему ныне не до «poleмических красот» и состязания в красноречии. Всеобщая беда запрещает вступать в интеллигентские распри».³

И волей-неволей вспоминаются слова Алихана Токаты:

«Я умею взлететь в небо, общаться с ангелами, играть со звездами, я бы улетел к небесам.

Я знаю, как очутиться в подземном мире, слышу оттуда песню муравьев, я бы очутился в подземном мире.

¹ Абайты Васо. Письма Вассо Абаева. — Цхинвал, 2008. — С. 4.

² Гæдиаты Секъа. Равзаргæ уацмыстæ. — Цхинвал, 1979. — С. 377.

³ Джусойты Нафи. Национальная идея — мечта народа о бессмертии / Южная Осетия, 1997. — 14 июня.

Но народ, которому я служу, пока ищет кусок хлеба, чтобы не помереть от голода.

Он мучается в поисках хлеба и первым долгом надо ему дать хлеб».

(«Переднее слово»)¹

Для таких выводов нужен жизненный опыт. Народу первым долгом надо давать то, в чем он нуждается: духовная ли это пища или пища в прямом смысле. Если бы мы могли смотреть далеко, то чувствовали бы боль юга Осетии. О том, как наш горе-сосед мечтает увидеть нас униженными и оскорбленными, прямо говорит их так называемый профессор Т. Канчилашвили, напечатавший фашистскую статью о демографическом росте своего народа.² Глупец упрям. Он во весь голос кричит, что в республике только коренной народ, — то есть сами, — вправе иметь и растить детей.

Его предложение уточнил такой же «профессор» З. Чкванав, мол, тех, которые имеют больше двух детей, будут гнать с «грузинской» земли.³ А отец грузинской истории И. Джавахишвили утверждал: «Положение исследователя истории грузинского народа еще более осложнено тем обстоятельством, что Кавказ не был первоначальной родиной грузин и остатки культуры не надо искать здесь».⁴ Но пришелец объявляет себя хозяином.

Сколько же их было, этих кровопролитных нашествий на народы, которые меньше их по численности, этих незабываемых кровавых войн с целью геноцида, и сколько недостойных и греховных мечтаний было у тех, кто с нетерпением рвался испить человеческой

¹ Токаты Алихан. Уацмыстаѳ. — Дзауджыхѳеу, 1973. — С. 276.

² Канчилашвили Т. / Литературули Сакартвело, 1988. — 30 сентября.

³ Чкванав З. Путь найден / Комунисти, 1988. — 21 ноября.

⁴ Джавахишвили И. История грузинского народа. Т.1. — Тбилиси, 1928. — С. 5.

крови, насытиться человеческой плотью, чтобы только им самим на этой грешной земле существовать. И то — каннибалами.

Что могут сказать светила науки, культуры, обществоведения, мудрые представители этого этноса о тех ничтожных, кровожадных человеконенавистниках, которые, перебивая друг друга, взхлеб кичатся своими неизменными амбициями; что достойным человеком они смогут назвать тех нелюдей, для которых высшее наслаждение — истреблять мирных людей, о тех заморских наемниках, специальность которых — убивать?!

Даже если мы закроем глаза на то, как тайно и явно порывались наши враги проглотить южную часть Осетии, все равно за 90 лет (1920—2008) было совершено 4 геноцида.

Истребление осетин в южной части Осетии, чудом оставшихся в живых, вытеснить их с исконно родных территорий, выхватить из-под ног наши земли, которые сплошь превращены в погосты павших в сражениях за отчую землю, развеять по ветру прах наших славных предков — не эту ли цель преследовали те, кто устроил четыре широкомасштабных геноцида?!

Четыре геноцида за 90 лет! Такая беда, такая трагедия не под силу даже каменной твердыне. Так из чего же сделаны мы, осетины, из какой стали мы, должно быть, сотворены, чтобы пройти через все это, ни во что не ставя свои личные муки во имя Отчизны?!

О последнем беспощадном геноциде кандидат технических наук, генерал-майор авиации в отставке Ю.Г. Мамсыраты и многие другие с тревогой извещали секретаря Организации Объединенных Наций Бутроса Гали: «Это — геноцид!»¹ Но кто услышал это? Те, кто должен был услышать это тревожное сообщение, привыкли заматывать хвостами свои преступные следы, однако мы и сами ни одному из этих четырех геноцидов до сих пор не дали должной политической оценки,

¹ Мамсуров Ю. Г. Это — геноцид / Литературная Россия. — 1992. — 17 июля.

как это следовало бы сделать. Никогда не потребовали у них должного ответа. Стоим рядом с ними с таким видом, будто это мы виноваты в произошедшем. А тем временем нацизм расцветает в нацистской Грузии. Поэтому кричал, брызгая слюной, их кровожадный предводитель Гамсахурдиа: «Кахетия всегда была демографически самым чистым районом, где грузинский элемент всегда преобладал, всегда властвовал. Сейчас там так устроили дело, что мы в раздумьи: как спасти Кахетию? Тут татарство поднимает голову и тягается с Кахетией, там — лекство, там — армянство, а там же — осетинство, и они вот-вот проглотят Кахетию... Сила на нашей стороне, грузинская нация с нами, и мы расправимся со всеми предателями, всех призовем к надлежащему ответу, и всех злых врагов, приютивших тут негрузин, выгоним из Грузии!»¹

Почему бы им не действовать уверенно и гордо! Когда-то, чтобы Гори и восточная часть Грузии, Алазанская долина были в безопасности от грозных нашествий врагов, чтобы их государство не было разбито на части, они оцепили его живыми крепостями из осетинских селений. По-одному проглатывали тех, кто во имя спокойствия и спасения Грузии проливал свою кровь. Начиная Гудским ущельем, ущельем Хива, Трусовским ущельем, Кобийским округом до самого округа Ларс многострадальные земли наших предков преспокойно сидят в ненасытных грузинских утробах. Как видим, время работает на них, и они хитро улыбаются. Их сегодняшняя мечта — проглотить южную часть Осетии. К тому же они точат зубы, чтоб проглотить и Алагир. Только это им не только «планомерное уничтожение населения Южной Осетии».²

Те, которые думают, что если бы в войне августа 2008 года США стала их союзником и развязала бы вой-

¹ Дзантиев И. Свободу народа задушить невозможно // Южная Осетия: кровь и пепел — Владикавказ. 1991. — С. 54.

² Абеев В. И. Трагедия Юго-Осетии: беспредел геноцида. — Цхинвал, 2007. — С. 11.

ну с Россией, то фашист-галстукоед встал бы в Рукском тоннеле, сильно ошибаются — они намеревались захватить сначала весь Северный Кавказ, а потом и обширные территории России. Позднее бывшая глава Парламента Грузии Нино Бурджанадзе об этом открыто говорила в своем интервью, что «воины», старавшиеся сдать зачет по бегу из Чреба в Тбилиси, хвалились, что они со своим зарубежным вооружением аж до Москвы дойдут.

Таким образом, лозунг, с которым устраивают геноцид народу Южной Осетии, — «Грузия — для грузин!», — со скрытым смыслом, на самом деле значит: «Осетию — грузинам».¹ И кто бы из них не стал президентом — Жордания или Гамсахурдиа, Шеварднадзе или Саакашвили, — каждый из них землю грызет зубами, чтобы, подобно тому, как клещ надувается от чужой крови, так и они надулись за счет Осетии и осетин, «чвени мицъа», «чвени мицъа», кричав, мол, «наша земля», «наша земля».

Неприлично, недостойно снова и снова говорить о том, о чем сто раз шла речь, о том, что сто раз уточнялось. Но наша природа такова — мы забываем то, что уже не раз повторяли. Стыдно, в конце концов, стоит кому-то просто слегка улыбнуться нам, и он становится для нас самым уважаемым человеком. Есть такие, что, если мы все время не обращаемся к ним по имени, они подзабывают, кто они такие, что из себя представляют и для чего они появились на земле. Совершим небольшой экскурс в историю.

Осетины — представители тех народов, которые самими первыми, раньше всех других народов и народностей жили на территории Кавказа и в южных частях Евразийских просторов.² История осетинского народа, его теперешнее положение и места обитания, как и у других народов, видны тесно связанными с его про-

¹ Южная Осетия 1988–1992. Хроника событий грузинской агрессии. — Цхинвал. 1996. — С. 10.

² Карта «Царство мира во время Иисуса Христа». Библия.

шлым и этнической историей. Доктор исторических наук Баграт Техты по этому поводу говорит: «Этнические общности создавались группами людей, говоривших на близких диалектах одного языка или его наречиях, и обладавших многими общими чертами культуры. При выделении такой общности мы руководствуемся главным образом археологическими материалами, данными исторической этнографии и устного народного творчества»,¹ — и это твердое убеждение не только осетинского ученого. До нашей эры в VIII—VI веках, как сохранилось в истории, предки современного осетинского народа — скифы и сарматы — жили на Кавказе и широких равнинах северного Причерноморья, а осетинский народ главным образом — на Кавказе. Спинным мозгом их обширных владений было то место, где мы живем сейчас — по обе стороны Кавказских гор — наподобие хурджина.²

«История осетинской нации и ее послужной список закодированы в Библии и в эпосе о нартах, — в этом послании дальновидных предков своим потомкам, — записаны в древних армянских и греческих рукописях, хранящихся в Матедаране и Афинах. Именно оттуда следует начинать осетинское национальное возрождение, воссоздавая великолепную во всех отношениях историю осетинского народа»,³ — мы можем приводить, приводить и выносить на суд истории эти доказательные данности о том, что мы не пришельцы на Кавказ, а исстари от прапращуров до сегодняшнего поколения живем на исконно нам принадлежащей земле в содружестве со многими переместившимися сюда в ходе истории народами.

¹ Техов Б. В. «Осетины — древний народ Кавказа». — Цхинвал. 1993. — С. 6.

² Атлас истории древнего мира для 5 класса. — Москва, 1976. — С. 6.

³ Хамицев Валерий Лактеевич, Балаев Александр Черменович. Давид Сослан, Фридрих Барбароса... — Владикавказ, 1991. — С. 2.

Тем, кто осетин называет гостями на земле наших прапращуров, не мешало бы время от времени перелистывать страницы ее высочества Истории и беспристрастнее вчитываться в ее тайны.

То, что в самом центре Осетии — через родной аул Великого Коста Нар — проходит разделительная граница Ирыстона, чисто символично. В его «Походной песне» поэт призывает нас воссоединиться воедино:

*Дети Осетии,
Братьями станем
В нашем едином
И дружеском стане.*

*С нами высокое
Знамя народа,
К свету, с победною
Песней похода!¹*

Если люди до этой символической границы и природно, и географически жили в отдельных ущельях, то все же они по своему социально-экономическому состоянию развивались одинаково и были одной, этнически самобытной областью. У живущих там людей до времени выдумывания или до установления границ в Осетии — между южной и северной ее частями — кроме высокогорных и равнинных поселений, до последнего времени были тесные экономические, политические и демографические связи, и они всегда гордились этой самобытной свободой.

Главный Кавказский хребет и природно, и по географическому своему расположению не мог стать разделяющей границей одного этноса, единого по происхождению, по крови и кости, такого разделения никогда и не было в истории осетин. В ряду лучших классических рассказов осетинской литературы по своим художественным и философским особенностям стоит

¹ Хетагуров Коста. Собр. соч. в 3. Т. 1. — М., 1974. — С. 127.

рассказ «Хорхæссæг» («Идущий за зерном»),¹ — говорил Хаджи-Мурат Дзуццати о произведении классика осетинской литературы Кудзага Дзесты. Потому что это — беда, настигшая оставшихся без хлеба насущного оголодавших южан Темсыра и его сына Доди, которые по горным тропам отправились в Северную Осетию за зерном. Их настиг сильный снегопад и в снежном буране они не могли уже правильно ориентироваться. Автор достоверно описывает, как они потеряли друг друга и как потом все-таки нашли друг друга: «В глубоком ущелье-могиле все же встретились наконец отец и сын, но на этот раз они уже не узнали друг друга»,² — все это писатель, живший в этих местах, описал так внимательно и точно, что нельзя без горечи читать эту историю. Однако нигде в рассказе о границе нет даже упоминания. Да и не могло быть границы в общности одного и того же народа, пока не наступили эти собачьи времена и двух братьев-близнецов не довели до такого состояния, что заставили их пойти друг на друга с ножом в руках, доведя их до преступного кровопролития.

О том, как в III веке осетины напали на Грузию, летописец Леонтий Мровели говорит, что во время правления Амазаспа многочисленное войско овсов перешло через дорогу Двалетов и что об этом Амазасп узнал только тогда, когда оно уже миновало горы. Отсюда следует, что, если бы хоть какая-то политическая граница существовала между Северной и Южной Осетией, особенно подвластная Восточной Грузии (Иберии), то Грузинское царство бы сразу же, как только войско двинулось в поход, уже знало о случившемся. То место в самом центре территории, принадлежащей осетинскому народу, где была установлена линия границы между Российской Федерацией и, якобы, Рес-

¹ Дзуццаты Хадзы-Мурат. «Цæрдхъом курдиат» / Дзесты Куыдзæг. «Хорхæссæг». — Сталинир, 1959. — С. 4.

² Там же. С. 31.

публикой Южная Осетия, мы, осетины, называем Туальское ущелье. Отсюда происходит и грузинское название — Дуалети (Двалети), и в средние века так называли территорию, на которой проживали осетины южной части Осетии. Если говорить о термине «Южная Осетия», то, как говорит история, он впервые появился в записях иностранных путешественников в конце XVIII века и этим термином они отмечали одну часть Осетии, то есть, южную часть. А в русской и грузинской литературе корни этого термина стали укрепляться в XIX веке, когда Грузия присоединилась к России.¹ Историк Юрий Гаглойти потому говорит: «Термин «Ирыстон» или «Осетия» с этой стороны, с нашей стороны» (акета Осети, Осетс акет), как термин, означающий территориальность проживания южных осетин; в грузинской литературе встречается и в XVIII веке.

Чтобы не утомить вас приводимыми доказательствами (потому что их много. — *М.К.*), я скажу только о Панулу Орбелиани и Вахушти Орбелиани.

Эту территорию Осетии Иосиф Тбилели упоминает в своей поэме XVII века «Дидмоуровиани», которая написана о Георгии Саакадзе. Если говорить дальше, мы здесь читаем название территории «Двалети», которая простирается от поселения Ачабет до Трусовского ущелья и название ее происходит от названия «Двалты» — по-осетински — Туальцы (Туалтæ). А они были одной из самых древнейших осетинских фамилий (родов), большее число которых занимало земли (проживало) на южных склонах Центрального Кавказа, в том числе у истоков Большой Лиахвы и Малой Лиахвы с начала нового летоисчисления.

Об этом подробно говорят исследования античных авторов и также грузинские летописи. Корни этого процесса свое начало берут из эпохи скифов, из тех самых времяисчисляющих глубин жизни человечества, когда в VIII—VII веках до нашей эры, завершив свои боль-

¹ Абаев В. И. Трагедия Юго-Осетии: беспредел геноцида. — Цхинвал, 2007. — С. 17.

шие военные походы в Переднюю Азию, одна часть скифов обосновалась в Закавказье».¹

В те времена Осетия много раз дробилась на отдельные губернии, но и тогда об этом и речи не могло быть. Как могла быть в одном царстве, в одном государстве политическая или административная граница между северной и южной частью Осетии? Только когда в Грузии образовалось меньшевистское правительство, ей захотелось вместе с Россией разъединить наше отечество — вонзить нож в сердце Осетии, установить границу по хребту Кавказа. И они временно на несколько месяцев добились этого. Из-за того, что они пытались все вокруг прибрать к рукам, и в 1921 году, когда у них победила Советская власть, им не удалось до конца претворить в жизнь свои хитроумные планы. Однако расстались с ними не окончательно.

С построением Союза ССР хитростью и насилием Осетия была разделена на две автономии, но как в царские времена не нужны были границы между губерниями, так и в советскую эпоху не было никакой надобности разделять одно ущелье, одну часть Осетии от другой.

Когда в 1752 году осетинские послы в Петербурге довели до конца вопрос о присоединении Осетии к России, когда им уже было обещано, что воссоединят нас со своей империей, и когда в 1774 году Осетия официально вошла в состав России, то речь шла не о какой-то одной ее части, а о всей Осетии.² Вся Осетия целиком воссоединялась с Российской империей как самостоятельное государство. И послы наши тоже были из всех ущелий.³

Историк Руслан Бзарты тщательно изучил этот вопрос и, как видим, подтвердил все эти факты своим

¹ Гаглойти Ю. Ёргом фыстаг Нугзар Церадзеае / Советон Ирыстон, 1989. — 1 июля.

² Блиев М. М. Осетинское посольство в Петербурге. — Дзауджикау, 1961.

³ Там же.

научным трудом, где говорит: «Русско-осетинские переговоры в Петербурге — надежное свидетельство того, что Осетия воспринималась на Кавказе и в России как единая страна с особым геополитическим статусом».¹

Чего требовать от тех, кто, дабы отметить посещение своей столицы кем-то, одну из ее улиц называет именем своего случайного гостя?²

Если бы те осетины, которые первый раз в октябре 1993 года подписывали документ о необходимости строить дорогу от Бурана до створа Рокского тоннеля и второй раз 2 марта 1994 года, знали о том, какая ситуация создастся сегодня, они бы более обдуманно подошли к окончательному решению этого вопроса. Последствия войн и неудобства границы не самым благоприятным образом отражаются на жизни и здоровье людей.

Одному Богу ведомо, что будет завтра. Подобно тому, как дерево цепляется корнями за обнаженную скалу, так и мы с трудом выживаем. До каких пор? В чем причина? Сноп горел, а обвязка снопа смеялась над ним. Мы должны твердо усвоить — нельзя делить на части единый живой организм. Не может расти, развиваться Осетия, если делить ее на части. А граница сегодня разделяет очень многих родителей и детей, братьев, сестер, друзей, родственников, народ... Такое положение дел подзуживает грузин, и без того жаждущих беспощадно проливать осетинскую кровь. «Выступление президента Грузии Михаила Саакашвили 21 января на Парламентской Ассамблее Совета Европы вызвало весьма оживленные комментарии... Естественно, что большинство обвинений в адрес России так или иначе были связаны с войной «08.08.08» и признанием РФ независимости Южной Осетии и Аб-

¹ Бзаров Р. Независимость Республики Южная Осетия — гарантия безопасности и надежного будущего осетинского народа / Стыр Ныхас. — 2007. — 1 сентября.

² За то, что Президент США Буш младший посетил Грузию, одну из улиц в Тбилиси назвали его именем.

хазии».¹ И сколько бы мы с помощью Полномочного Представителя Президента РЮО ни упорядочивали постконфликтные вопросы и ни предупреждали и этого негодника, и ПАСЕ: «Если бы в ПАСЕ хоть раз услышали голос Южной Осетии, то меньше бы аплодировали, когда слышат о «территориальной целостности Грузии»,² — все равно мы их такими приемами воздействия не остановим. Они ни крика нашего не услышат, ни правда им не нужна, как нападали на нас и нападают, так и будут нападать. Разъяренную злую собаку только палкой можно усмирить. Однако надо подумать и над тем, в чьих руках должна быть эта усмиряющая палка. Мы на своем горьком опыте узнали, что только в горькие дни нашего истребления вынуждены держать палку... Хотя, даже тогда ее из-за многих тяжелых испытаний и большой пролитой крови, благодаря своей решимости и мужеству, силой вырываем из когтей своих проклятых врагов.

Не надо забывать слова академика Дмитрия Лихачева: «Национализм... самое тяжелое из несчастий человеческого рода. Как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и к той части своего собственного народа, которая не разделяет националистических взглядов».³

В делах нациста нет логики. Думающий человек не сможет понять его. Он вслепую бежит туда, куда устремляются его грезы. В газете, о которой мы упоминали, под рубрикой «Буш поощряет возрождение фашизма в Грузии», читаем: «По сообщению грузинской газеты «Georgian times» от 4 января с. г. (2007 г. — М.К.), Петр I объявлен грузином и принадлежит Грузии». А в следу-

¹ Гобозов Вячеслав. Что ПОСЕЯл Михаил Саакашвили / Южная Осетия. — 2013. — 24 января.

² Там же.

³ Лихачев Дмитрий / Южная Осетия. — 2007. — 20 января.

ющем номере той же газеты от 11 января поставлен вопрос: «Пленные Германии — изменники Родины или национальные герои?» Утверждается, что героями надо считать тех, кто сдались в плен и в последующем вместе с фашистскими войсками боролись против коммунистов за освобождение Грузии».¹

В выдумывании небылиц куртатинский лгун по сравнению с ними сгорел бы от стыда: благодаря Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу (Леонид Ильич у него был комиссаром) придумали героя Великой Отечественной войны, генерала К. Леселидзе. В Тбилиси его именем была названа улица и грузины гордились своим «героем». Но настали новые времена в Грузии, обесценились веками создаваемые человеческие, нравственные ценности и вместе с этим имя боевого генерала тоже было затоптано грязью. Ветеран Великой Отечественной войны И. Кобрава обращается к грузинским неовластям: «Каким же антигрузином надо быть, чтобы стереть с названия улицы в Тбилиси имя генерала К. Леселидзе и назвать проспект именем гитлеровского фашистского холуя Робакидзе?»²

На какие только низости они не способны: «Грузия — страна азиатская, и лесть, раболепие по отношению к «хозяину» приобретают черты, которые в европейских странах выглядели бы гротеском и даже издевательством. Так, одна из улиц Тбилиси названа в честь президента США Джорджа Буша-младшего. С инициативой присвоения одной из улиц в старинной части города имени Джорджа Буша выступила мэрия Тбилиси «в знак ознаменования визита президента США в Тбилиси 9—10 мая 2006 года и его вклада в развитие дружественных отношений между Грузией и США».³ Придумали даже специальную награду и в придачу подарили

¹ Forum.msk.ru — Героями надо считать предателей / Южная Осетия. — 2007. — 20 января.

² Там же.

³ Там же.

ему, как они это привыкли делать, давая взятки, около полумиллиона долларов.

Нет ничего правдивее народных пословиц и поговорок — лисица у норы бурундука вытворяет грязные дела и, спрятавшись где-то неподалеку, наблюдает, что же будет. Когда бурундук возвращается к своему жилищу, на сооружение которого вложил немало сил и сноровки, и видит результат лисьей подлости, он, будучи в шоке от ее наглости, бежит подальше от того вонючего места. Нора остается лисице. Скоро так произойдет и в Грузии, где так «любят этого мицфа» и, кто его знает, кому он достанется из зарубежных ков.

Наши горе-соседи ничем не брезгуют, лишь бы им перепала какая-нибудь выгода. Вот что пишет корреспондент газеты «День» Леонид Шахов:

*«Лгут трусы
И подлые женщины,
И дядя Миша из Тбилиси...»¹*

От козы козленок рождается, от овцы — ягненок. В мастерстве показухи, лживости, хитросплетений и нартовский пройдоха Сырдон бы от зависти получил разрыв сердца. Будь иначе, они хотя бы услышали упрек своего славного историка и писателя Геронтия Кикодзе о своем пристрастии к обезьяньим выходкам со времен появления обезьян. Мы тоже слышали об этом, но постарались еще раз напомнить им: «Кто мы и откуда мы, это даже сегодня неопределенно, потому что на земле нет у нас ни родственных, ни дружественных народов. Мы и сами не знаем, куда ведет нас судьба. Правда, говорят, как будто бы мы жили на берегах Тигра и Евфрата, но и там нас не любили, и соседи не давали нам жить там, они возненавидели нас. Мы не знали, куда нам податься. Вот так проводили мы дни свои в одиночестве, как будто только что упали с неба на землю... Правда, наши соседи прогна-

¹ Шахов Леонид. Рехнутый / День. — 2008. — 29 августа.

ли нас со своих земель, ничего нам не оставили. Ала-ны пожалели нас и дали нам поселиться на берегу Черного моря в Колхидской долине, дали нам земли, приласкали нас, научили нас военному делу, обучали нас своей культуре, своим традициям, защищали нас от внешних врагов».¹

Не делай добро, дабы не столкнуться со злом. Когда кот поставили ко льву учителем, то для самозащиты он оставил себе только умение лазать по деревьям. А мы настолько бесхитростны, что нам даже кошачьей сообразительности не хватило. Из своих навыков и умений, из всего хорошего, что у нас есть, мы ничего не пожалели для них. Приютили их, обучили их военному искусству, познакомили их с нашей культурой, с обычаями, защищали их от врагов, но наши труды река времени умчала в неизвестность. Как сказал Максим Горький, «рожденный ползать летать не может!».² Мы не сумели вытравить из их сердца ядовитую отраву. И теперь они беспощадно поливают ею наши головы.

Как говорят их собственные историки, это было в третьем веке нашей эры, но они ни заботу нашу не поняли, ни наше военное искусство, ни культуру нашу, ни обычаи, ни то, что мы их вытащили из пасти смерти. Они сумели перенять только наш массовый танец Симд, наш почетный Бокал, наше одеяние и похитить много чего из нашей народной сокровищницы. И все же им никогда не понять и перенять наш Фарн.

Говорят, что Гитлер мечтал о том, чтобы в его армии был этикет осетинского застолья. Грузины похитили у нас и это. «Осетинский стол — это академия», — говорим мы. Как только они услышали это, стали кричать во всю глотку (а кричать они, ой как умеют!): «Картвели супра академия». А на деле их академия — уткнуться ртом в свою еду раньше, чем молитву начнут или тост произнесут.

Зато нас погубила их хитрость, их подлость, скры-

¹ Сакартвело. — 1917. — №4.

² Горький М. Собр. соч. в 16 т. Т. 1. — М., 1979. — С.154.

тая ненависть. С течением времени всех этих качеств у них становится больше. К своим непотребным делам они добавили новые подлости и преступления. Вряд ли кто другой сумеет выдумать более изощренные преступления. Они нацелены на то, чтобы истребить нас более хитро и более мерзкими способами. Чтобы своими хвостами начисто стереть с человеческой памяти то, что они по земле ходят и живут на земле благодаря гуманности и доброте осетин, они готовы на любые преступления. Рвутся к тому, чтобы отобрать у нас и те крохи земли, которые, пожалуй, скоро станут погостами. Отобрать с помощью кровожадных наемников из Америки — «ведь за ними стоит не кто-то большой, а надменный Дядя Сэм».¹

Их пустомеля-предводитель в августе 2008 года об участии США в войне открыто заявлял в тот период, когда Вашингтон направил на Черноморское побережье элитный крейсер. Хотя, кого им стесняться, говоря: «...русские махнули рукой на идею занять Грузию». Он, глава Грузии, был весьма озабочен тем, что США не сбросили бомбы на Рокский тоннель, через который русская армия пришла на помощь Южной Осетии. Этот кровопийца сам намеревался завладеть южной частью Осетии и сожалел, что не сравняли Юг с землей, превратив его в чистое поле.²

Когда развалили Советский Союз, грузинский народ, благодаря своему Белому Лису, сумел-таки из этого процесса извлечь выгоду для себя. Тогда внушительные богатства России уже были поделены: тот, кто их когда-то пригрел за пазухой, им уже не нужен был, как когда-то не нужна им была уже павшая от мук кровожадного татаро-монгольского нашествия Осетия. Мы им тогда не нужны были, и они с тех пор держат у

¹ Шахов Леонид. Рехнутый / День. — 2008. — 29 августа.

² По материалам Инфромагентства / Южная Осетия. — 2013. — 18 апреля.

нашей шеи нож наготове. Теперь их уже кто-то другой должен был на прицепе тянуть за собой к благам, — он был влиятелен, богат, и они кинулись к Израилю, мы, мол, тоже евреи.

Но евреев на мякине не проведешь. Они их выпроводили обратно по своим свежим следам, ответив им, что в этом случае они найдут способ, как твердо стать на ноги. Тогда они кверху лапками пали перед США, мол, наше государство у ваших ног, только: «наша голова — ваша голова». Американцы посмотрели на их низости, поняв, что небезопасно на их территории располагать нормальные военные базы, кроме аэродромов, и отнеслись к ним с холодцом, не стали давать и желанных долларов. А когда Россия поднялась на ноги, им снова захотелось ползать у ее ног. И «русские» средства массовой информации рады стараться угождать им. Даже такие поливавшие Россию грязью перед мировой общественностью, как тот же Кикабидзе и ему подобные, теперь снова юлят, угодливо виляя хвостом перед нею. Правильно вещает газета «Хурзæрин» под осетинским, достойным оплакивания, заголовком: «Причитание Лиавы — песня Терека»,¹ называя вещи своими именами: «Тем, которые из беззубого Кикабидзе сделали человека, подняли его до высоты звезды эстрады, дали ему возможность в лучших местах Москвы открыть рестораны, он в благодарность плюнул в лицо. Тем не менее его продолжают любить, вспоминают его песни. Послушать их, так без его «чито-гри-то» русские жить уже не могут».² Если бы еще имел хоть «голосок»! Автор от имени газеты правильно ставит вопрос: «А что же делать нам, осетинскому народу? Если мы кричим, что у нас одна общая вера, один общий язык, одна общая культура, то почему между нами создана искусственная граница? Если мы один народ (а мы единый этнос, единый народ!), то и у севера, и у юга, по логике вещей, и враги общие долж-

¹ Хурзæрин. — 2013. — 9 апреля.

² Там же.

ны быть, будь то ингуши или грузины, потому что они враждуют с нашей кровью и плотью».³

Тем, у кого болит сердце о судьбах осетинского народа, подобные дела доставляют сердечную боль. И те, кто в силах говорить об этом, не имеют права молчать, они должны говорить правду, суровую правду! Надо бы до конца понять, почему я заговорил об этой статье, о том, какая боль заставила автора заговорить с газетной трибуны во весь голос: газета «Северная Осетия» напечатала одно маленькое сообщение под необычной рубрикой — «Неужели?». Что удивляет и что радует государственную газету? То, что между Россией и Грузией налаживаются теплые взаимоотношения. И грузин называют братским народом! Мол, если удар тебя не убивает, то получай смертельную ножевую рану! В сообщении читаем строки, от которых сердце кровью обливается: «Особенно радует, что после долгого перерыва в Москву собирается приехать народный артист СССР Вахтанг Кикабидзе» (!?).²

Тот, кто себя называет осетином, всегда будет согласен с правдивой позицией газеты «Хурзарин»: «Теперь спросим, кто такой Кикабидзе для нас? Это тот первый известный грузин, который открыто выступил против России, сделавшей из него человека. В «благодарность» он плюнул в лицо России за то, что она защитила народ Осетии от геноцидного истребления»,³ — газета публикует совершенную правду.

Бдительный осетинский читатель давно заметил, что у газет «Северная Осетия» и «Южная Осетия» осетинское только слово «Осетия», но по вине или недопониманию некоторых газетчиков, вместо серьезной вековой мечты, осетин в большей степени заботят наши враги и вопросы, далекие от реалий сегодняшней политической напряженности. Махнуть рукой на голос собственной совести и назвать наших врагов на-

¹ Хурзарин. — 2013. — 9 апреля.

² Там же.

³ Там же.

шими братьями — это позор. И не только для тех, кто об этом говорит, но для нас для всех.

А разве это единственный случай?! Много грузинских борцов потеряли покой, боясь, что Осетия станет единой республикой, радеющих за то, чтобы ее снова загнать в состав Грузии, как это было в 1921 году. Во имя осуществления этого начальственного акта наши лицемерные соседи и их зарубежные союзники не жалеют ни валютных средств, ни наглых, хитросплетенных планов насилия. От них неудивительно ждать любых подлых выпадов. Как они его называют — их «Ильямегьоре» — встречался даже с Путиным, когда его наградили премией мирового масштаба. Не случайно. «В Москве он главным образом намерен обсудить вопросы Абхазии и Южной Осетии»,¹ — заранее сообщал и не ошибался корреспондент «РЮО Новости» Константин Плиты.

Правильно заметил, увидевший собственными глазами, как выглядят грузино-осетинские отношения, в чем причина войны-противостояния, и глубоко проанализировавший их эксперт мирового уровня Алексей Мартынов: «Я хочу напомнить, что это тот самый грузинский патриарх, который в середине 1990-х годов поддерживал этнический геноцид в Грузии и в своих проповедях отказывал в праве рожать детей осетинам и абхамам. Это тот самый человек, который приветствовал то, что делал Саакашвили в Грузии, благословил несколько военных операций и агрессию 2008 года в Южной Осетии»,² — невозможно сосчитать, какие злодеяния он совершал и совершает, как вдохновляет людей всего грузинского государства истребить осетинский народ. Но, не дай Бог, если кто одернет когонибудь из их головорезов — он станет заклятым кров-

¹ Плиты Константин. Илья II ищет единомышленников для возврата Абхазии и Южной Осетии в состав Грузии / Хурзæрин. — 2013. — 31 января.

² Гæбæраты Юрий. «Гуырдиаг бæллиц» — ирон тугæй хуылыдз пæлæзы / Хурзæрин. — 2013. — 26 января.

ником всего грузинского народа. Об этом их так называемый Илья-мегьоре издал специальное высокое распоряжение: «Во имя Отца и Сына и Святого духа приказываю: отныне убийцу каждого грузина, несмотря на вину или невиновность жертвы (убитого) объявить врагом грузинского народа.

Занести фамилию и имя убийцы в специальную книгу Патриаршества и передавать из поколения в поколение как постыдное и надлежащее осуждению...»¹ И это — наместник Бога на земле, который обязан думы и чаяния людей доводить до сведения Господа нашего, который по своему высокому духовному статусу обязан на благословенной земле сеять разумное, доброе, вечное!

«Илья II, начиная от Звиада Гамсахурдиа и кончая Михаилом Саакашвили, поощрял все агрессивные действия, направленные не только против народа Южной Осетии, но и его союзника — России»,² — правильно замечает полномочный представитель при Президенте РЮО по вопросам религии Соня Хубаты. И далее: «Я помню, как он обращался к высшим силам во время богослужения в честь святого Николая Чудотворца — вернуть утерянные Грузией территории. Католикос Грузии не устает повторять, что он хочет вернуть территории Абхазии и «Самачабло». Илья II не привык произносить слова *Южная Осетия*, что еще раз подтверждает его отношение к народу Южной Осетии.³ И никто не спросит их самих: о каких таких «утерянных Грузией территориях» они ведут речь, когда же они сами вернут, наконец, законным владельцам те земли, которые подло, силой, хитростью захватили и присвоили?

Разве не всегда, начиная от их предков, они придерживались подобных захватнических принципов?! Когда и кто из них добровольно говорил своим млад-

¹ Вечерний Тбилиси. — 1990. — 30 октября.

² Джиоты Алена. Зачем Илья II поехал в Москву / Южная Осетия. — 2013. — 22 января.

³ Там же.

шим правду и не натравливал их на их же благодетелей?! Наглость, хитрость, подлость и бессовестность сопровождали их веками, с момента их сотворения и до сегодняшнего дня это было их национальной чертой и основной их национальной идеей. Кикодзе — белая ворона в стае черных ворон? Потому он писал: «...жили на берегах Тигра и Евфрата, но и там нас не любили, и соседи не давали нам жить там, они возненавидели нас».

У кого нет совести, кому неведомы понятия нравственности и порядочности, тот успешен в низости своих преступных деяний. В сегодняшний критический момент они, подобно хищным волкам, повалились на спины лапками кверху. Сегодня для них вроде бы дороже дорогих им людей стали единичные остатки полуосетин, которые, в жуткое время гонений на осетин, из-за нехватки средств на дорогу не смогли выбраться и спастись, чью кровь они пили в дни грузино-осетинской войны и которые сполна испытали на своем горбу издевательства и насилие.

Они с помощью тех, кто из нас продался им за «доллары», «намерены строить» «совершенно свободное» государство. И еще — создать супер литературный язык, на котором будем писать песни, петь, ставить спектакли и т. д. Только юг Осетии не будем соединять с севером, и чтоб от нас никто не слышал о разделенной нации. Но должны быть связаны... с нашими проклятыми соседями... пока они нас окончательно не проглотят.

Давая оценку результатам встречи грузинского «идеолога» с теми «осетинами», которые прикатили к нему и с грязной совестью обещали ему «наладить прежние дружественные взаимоотношения между осетинами и грузинами, невзирая на прежнее непонимание и неясности».¹ — Председатель Парламента РЮО Станислав Коцты сказал: «Пусть это останется на их совести. Це-

¹ Гæбæраты Юрий. Нæй ныббарæн уæйгæнджытæн / Хурзæрин. — 2013. — 2 февраля.

ловать руку, измазанную кровью народа Южной Осетии, — это признак близорукости. Мы знаем, что настоящие защитники интересов народа Южной Осетии не станут целовать руку, которая вся в крови. Ко всему этому у руководства Южной Осетии однозначное отношение».¹ Заместитель спикера Парламента Мира Цхурбаты тоже говорит, что Илья-мегоре называет шовинистом и идеологом грузинского фашизма. Для тех, кто троекратно обнимался с ним, пусть не будет неожиданностью, «если, согласно кодексу чести наших достославных предков, народ предаёт их всеобщей анафеме».²

Раньше всех с экрана Юго-Осетинского телевидения я сам призывал к этому, но моя мысль осталась не услышанной. Нам нельзя забывать, что мимо такой важной проблемы нельзя проходить, потому что пройдет какое-то время и снова могут отыскаться «умники» и «целователи рук», которые безголово, вслепую станут разделять враждебные нам планы грузинской стороны, прикрытые мишурой обещаний «братства» и «дружбы».

Такого мнения и председатель Социалистической партии «Отечество» Вячеслав Гобозты: «Эту встречу я считаю мерзким фактом. Встреча с этим человеком, который является духовным лидером и отцом агрессивных деяний против Южной Осетии; который считал за великое благо истребить осетин, прогнать их с их исконно родной земли; который Южную Осетию называет не иначе, как «Самачабло», я могу назвать только предательством; эти люди предали Осетию и осетинский народ. У этих человечков нет ничего общего с Южной Осетией, им никто не давал права, никто не уполномочивал их говорить от имени осетинского народа. А про Гоча Дзасохашвили скажу следующее: он все время был сторонником того, чтобы Южная

¹ Гæбæраты Юрий. Нæй ныббарæн уæйгæнджытæн / Хурзæрин. — 2013. — 2 февраля.

² Там же.

Осетия оставалась в составе Грузии. У Амирхана Торчынты ничего общего нет с Южной Осетией и никогда не было, как не было и нет у Нугзара Журули тоже». ¹ Разговор они вели от имени Московской осетинской диаспоры. К тому же — настойчиво и уверенно. И люди думают, что эта группа выразила всеобщее мнение осетинского народа. И многие разделяют это мнение из-за того, что к любому событию мы подходим с трезвым рассудком. Но Юрий Габараты делает правильные выводы: «Превратись в камень и не удивляйся, что мы удивительный народ!.. Главный идеолог грузинского фашизма подобно черному ворону разгуливает каркая, с надеждой вернуть любителю «мицца Грузии» «его земли», даже плевком уже не стирает со своего грязного лица, а мы играем в благородных дипломатов. Кто, говорят, лизал его измазанные в осетинской крови руки, они, мол, не от имени нации говорили: в этом, говорят, ничего зазорного. А люди, которые все это видят? Они тоже так считают и так думают?» ² И автор с горечью ссылается на то, как же воспринимать и оценивать студентам-осетинам в Москве эту порочащую человеческое достоинство и национальную гордость встречу?

«Эти осетинские студенты с болью в сердце узнают из интернета об этой порочащей грязной встрече и с горечью думают о том, что теперь их абхазские друзья-студенты могут и не здороваться с ними...», ³ — из-за того, что наши земляки согнулись в три погибели перед нашим общим недругом и, ломаясь в изяществе неуместного здесь этикета общения, целовали руки, обогранные в осетинской крови, давая тем самым надежду, что южная часть Осетии снова может быть в составе Грузии.

Все знают, что как бы гром ни гремел, молния мо-

¹ Г а б а р а т ы Ю р и. Н а й н ы б б а р а н у а й г а н д ж ы т а н / Х у р з а р и н. — 2013. — 2 февраля.

² Там же.

³ Там же.

жет и не ударить. Но мы не должны забывать: если в картофельной яме оказывается порченная картофелина, все запасы погреба сгниют и пропадут. Потому свою статью Юра завершает риторическим вопросом: «Неужели вам кажется, что люди на самом деле все ослепли — не разберут, кто чей хвост?..» Боже упаси, чтобы люди превратились в картофелины, или уже не разбирали, кто чей хвост. Все равно у нас должна быть крепкая национальная идея, и мы ее должны претворять в жизнь с помощью твердой государственной национальной политики. Если Бог будет благоволить разделенному народу, то и первое звено цепи национальной политики станет объединителем их государства.

У патриотов-лжекрикунов, фигляров-угодников, которые только вредят делу, на государственном уровне появляются и сторонники. Но лучше приведем пример из газеты: «Если бы не была и не существовала Северная Осетия, перестала бы существовать и Южная Осетия. (Упаси нас Бог от такого. — *М.К.*) Мы бесконечно благодарны нашим северным братьям и сестрам, но почему, почему они причиняют боль нашему сердцу?.. В государственной газете иногда встречаются такие чудеса, что впору растеряться, не поверить, что эту газету выпускают наши братья. Сразу же после августовской войны (08.08.08. — *М.К.*) по поводу чудовищного теракта, произошедшего на центральном рынке Владикавказа, Михаил Саакашвили дал телеграмму Президенту Северной Осетии, где осуждает терроризм (!). И государственные газеты печатают текст его телеграммы без комментариев. Никто не сказал ему: «Ты же сам первый террорист, как в таком случае ты можешь выступать против терроризма?..»¹ — и надо бы понимать боль вопрошающего. У него есть право допускать, что подобные теракты могут проводиться и с легкой руки «телеграммадавателя».

В начале 2013 года к нам собиралась прибыть делегация наших неофашистских соседей, чтобы своими

¹ Хурзæрин. — 2013. — 9 апреля.

лживыми заверениями, лстивым языком напудрить уши, а глаза золой запылить, чтобы мы больше не слышали об учиненных над нами зверствах, о потоках крови, которыми они затопили Южную Осетию и что еще собираются учинить над нами.

Однако Юг их не принял. Зато когда грузинские эмиссары надумали приехать в Северную Осетию, Юг думал так: «...Планируют вбить разделяющий клин между южной и северной частями Осетии. Но в Северной Осетии в глаза им не сказали об этом. Встретили их весьма радушно, с поцелуями, объятиями, провели их по всем своим углам»,¹ — они даже не заметили, что в крови, в которой обильно были их руки запачканы, запачкали и себя наши северяне, что грех, плотной чалмой обмотанный на их головах, они искусно переложили и на головы принимающей стороны. А ведь в этой крови и в этом грехе — часть судеб наших северных братьев-патриотов, погибших в жестокой войне с грузинскими захватчиками. И этот грех изо дня в день становится все больше и больше: «...праздник в Балте (на пороге Владикавказа. — М.К.) ежегодно собирает сотни жителей и гостей республики, в том числе представителей многих из трех десятков национально-культурных обществ республики межнационального движения «Наша Осетия». Вот и вчера на величественную возвышенность в Дарьяльском ущелье приехали первый зампреда Парламента республики Станислав Кесати, министр по вопросам национальных отношений Сослан Фриаты и его заместители, и. о. главного федерального инспектора по Северной Осетии Андрей Бессонов, руководители комитетов и депутаты Парламента республики, гости из соседних республик Северного Кавказа и Грузии».² И, глотая вино, сделанное из виноградных отжимков, восклицали: «Гамарджоба, Ломисоба!», а республиканская газета не смог-

¹ Хурзаерин. — 2013. — 9 апреля.

² В о л о д и н В. Да бон хорз, добро пожаловать, гамарджоба, Ломисоба! / Северная Осетия. — 2013. — 27 июня.

ла найти хотя бы одну-единственную осетинскую букву «æ», чтобы грамотно подать своему читателю местоимение «дæ».

Все же бедолаги мы. У нас отнимают святилище Гудского и Ксанского ущелий — святой Ломис, называют его принадлежностью грузинского народа. Своим гостям из республик Северного Кавказа грузины демонстрируют, мол, смотрите, до каких границ простираются наши молитвенные святыни. В Балте, пока еще запинаясь, смущаясь, груда камней, которые поставили несколько лет назад, называют семидесятилетней давности святилищем.¹ Пока в этом убедят людей, которых потчуют за счет тех агитационных долларов, которые они получают от своих заграничных спонсоров и в скором времени территории до Балты потянут к себе точно так же, как на наших осетинских территориях до Ларса на исконно осетинских башнях водрузили свои грузинские флаги. Немеренные аппетиты Грузии протянутся и до Балта, и она, ничем не брезгуя, прихватит и эти наши территории. И мы опять молча уступим их им. У нас ведь щедрые сердца, широкая натура!.. А Ломис-то святилище осетинское! И находится на земле осетинской в Ксани.

Доктор исторических наук Валерий Дзидзойти не только по моему мнению является по-настоящему трезво мыслящим человеком. Он не просто так, не без основания говорит: «Как нам всем известно, национально-освободительная борьба осетинского народа началась в конце 80-х годов прошлого века под лозунгом объединения Севера и Юга исторической Осетии. Объединительный процесс на Севере и Юге Осетии фактически начался до распада СССР, в 1991 году. Инициатором объединительного процесса выступили представители патриотично настроенной интеллигенции в основном Южной Осетии. Эту идею тогда поддерживали

¹ Володин В. Да бон хорз, добро пожаловать, гамарджоба, Ломисоба! / Северная Осетия. — 2013. — 27 июня.

ученые, писатели и представители общественных и религиозных организаций. Все они осуждали разделение единого осетинского народа (нации) на две части: Северную и Южную Осетию. Такое разделение малочисленного осетинского народа произошло в результате волюнтаристского решения политического руководства РСФСР и Грузинской Демократической Республики (ГДР) в мае 1920 года, заключивших в Москве договор»,¹ — России какая помощь от нас? Да и сама она, к сожалению, наши вопросы рассматривала с точки зрения своей выгоды. Иначе как она могла забыть нас с 1991 до 2002 года? Интересно, как она нас оставила на растерзание собакам?

Известно, что когда в 1920 году меньшевистская Грузия учинила геноцид, руководство Южной Осетии 3 августа отправило телеграмму В. И. Ленину и министру иностранных дел Г.В. Чичерину: «Восставшая Южная Осетия — это часть Советской России. В шовинистическую меньшевистскую Грузинскую республику она никогда не входила и не желает входить».²

Утверждать это им давало и дает право то, что Осетия как единое государство в 1774 году вошла в состав России. Еще — нота, которую 7 июня 1920 года отправили министру иностранных дел Грузии: «Мы с тревогой узнали, что в Южную Осетию, где провозглашена Советская республика (мы и тогда провозглашали республику — М.К.), направлены для уничтожения такой власти грузинские войска. Мы настаиваем, если это верно, отозвать свои войска из Осетии, ибо считаем, что Осетия должна иметь у себя ту власть, которую она хочет. Вмешательство Грузии в дела Осетии было

¹ Дзидзоев В. Д. Проблема объединения разделенного осетинского народа в контексте перспективы независимого государственного строительства в Южной Осетии (исторический и политико-правовой аспекты) // Коллектив авторов. Национальная идея и государственная политика. — Цхинвал, 2012. — С. 39.

² Адамон ныхас. — 1990. — № 2. — Август.

бы ничем не оправданным вмешательством в чужие внутренние дела».¹

В советское время нас оставили в составе республики наших заклятых соседей. Это походило на насильственную женитьбу, когда жениха и не спросили, на ком женят — подобно этому и нас, осетин, загнали в их государственный состав, и этот акт насилия нас сводил с ума. Потому что из поколения в поколение мы истреблялись Грузией, нас всячески притесняли, особенно в 1937 году — из-за наших национальных идей. Теперь, когда у нас появилась возможность осуществить эту идею, — это же не просто так — возьми и осуществи — какие-то «соросовцы» и им подобные «овцы» должны две части Осетии обмануть как детей?

У России пока нет такой национальной политики, которую бы сейчас люди по-настоящему понимали, ценили, гордясь которой, можно было бы шагать вровень с другими народами как представители прогрессивного государства. Они сами признают это. Поэт Юрий Ряшенцев говорит: «Лично я такую политику не ощущаю. Стержень ее не найден до сих пор».² Журналист Светлана Анохина: «Если какая-то национальная политика есть, то она сводится к тому, чтобы все народы были в равной степени озлоблены и враждебны по отношению друг к другу и к государству».³ Депутат Госдумы РФ, член комитета Госдумы по проблемам Севера, Дальнего Востока Федот Тумусов: «Мне кажется, внятной национальной политики у нашего государства на сегодняшний день не сформировано. По крайней мере, она не сформирована в таком виде, как хотелось бы».⁴

Мы же который раз, будто подражая или в угоду кому-то, хотя каждый свой шаг нам и так ясен, заставляем себя верить, что государственная национальная

¹ Советская Осетия. — 1990. — 31 августа.

² Литературная Россия. — 2013. — 7 июня.

³ Там же.

⁴ Там же.

политика направлена на неукоснительное и добросовестное выполнение государственных и межнациональных проблем. И отвечает государственным и общенациональным устремлениям, всемерной разносторонней совместной деятельности органов государственной власти РЮО и руководством местных органов самоуправления и национально-культурными обществами. Вместе с тем как будто нет другой равной национальной политики ни у кого на всем земном шаре, вплоть до страны, у которой мы заимствовали ее.¹

Пусть Россия завидует нам. У них пока еще нет такой жизнестойкой политики, и они допускают перегибы. Зампредседателя союза межнациональностей России, кандидат исторических наук, писатель Иван Миронов говорит: «У нашего государства есть абсолютно внятная и четкая национальная политика, которая сводится к тому, что необходимо обеспечить такую смену национального состава электората, чтоб заменить русский народ, который вечно чем-то недоволен и вечно что-то хочет, покорными и всем довольными таджиками, узбеками, азербайджанцами и так далее».² Эту мысль усилил поэт Николай Богомолов: «Правда состоит в том, что никакого «нашего государства» давно нет. Оккупационный режим сырьевой колонии под названием РФ проводит зачистку территории от местного населения, активно заселяя всевозможных мигрантов. В этом суть, все остальное — глобальный спектакль, игра на публику для усиления аборигенов».³

Это мысли отдельных людей, но вся беда в том, что думающих так — миллионы. Упаси Бог, чтобы Президент РФ В. В. Путин и Председатель Правительства Д.А. Медведев со своими единомышленниками нетвердо занимали свои места. Слава Богу, благодаря исто-

¹ Проект закона Республики Южная Осетия об основании государственной национальной политики Республики Южная Осетия.

² Литературная Россия. — 2013. — 7 июня.

³ Там же.

рии, они твердо знают, кто из нас и что из себя представляет. «Мы помним, что еще в 20-ом году были совершены три карательные операции грузинскими вооруженными силами в отношении осетин»,¹ — говорит В. В. Путин. И далее — еще более конкретный и обнадеживающий разговор: «Грузия добровольно вошла в состав Российской империи. И когда она входила в Российскую империю, у нее не было этих территорий — ни Южной Осетии, ни Абхазии».² И если бы мы не были равнодушным народом, то эти слова должны были быть начертаны как лозунги на наших границах с Грузией. Если они скрывают от своего народа его историю, то хотя бы мы должны им напоминать ее. Может, одумались бы, стали наконец понимать, кто из нас кто. Но вся беда в том, что они и знать не хотят правду. А кто не знает правды и не желает ее знать, тот страшнее зверя. Зверя же всегда и везде нужно остерегаться.

В 51-ом пункте внешней политической концепции РФ сказано: «В числе Российских приоритетов остается содействие становлению Республик Абхазия и Республики Южная Осетия как современных демократических государств, укреплению их международных позиций, обеспечению надежной безопасности и социально-экономическому восстановлению»,³ — это, конечно, было записано для нашего блага.

Однако в мире все делается в зависимости от того, каков глава государства. К добру это или к лиху, но так создано, видать, Богом, что люди верят своему правителю. Они гнутся перед ним в поклоне, подобно провинившимся детям. Против слова правителя и сокол не полетит, под ним муравей не посмеет проползти. А у современных президентов и нрав более суровый, чем у царя. Потому и дела у нас, горемык, «идут». И если

¹ Путин В. В. Когда Грузия входила в Российскую империю / Южная Осетия. — 2006. — 28 октября.

² Там же.

³ Южная Осетия. — 2013. — 7 марта.

где-то появится один, подобный Ельцину, непонятливый тип с утробой, жаждущей спиртного, и его накачают этим самым спиртным, как это умеют делать грузины своим «хванчкарой»¹, которого у них уже нету, то разве он еще в состоянии будет вникнуть в суть подписываемых законов и соглашений или будет целовать их измазанные кровью руки?

Упаси нас Бог от подобного преступления, но случись вдруг такое, что бы стало с нашим бедным многострадальным народом и с нашей бедной Осетией? Интересно, государственные деятели и высокие чиновники когда-нибудь находят время подумать над такими вопросами? Или кто-нибудь из них выступит с чистой совестью, что отвечает за судьбу Осетии и осетинского народа? Где же они были, когда нас истребляли, когда наше отечество превращали в «чистое поле»? Где прятались тогда эти храбрецы? Куда они убегали, почему жалели для нас, для родины своей, ум и свою силу?

Не говоря о наших оборонных возможностях, мы забываем и о том, что из госбюджетных денег только несколько процентов бывают внесены нами самими как оплачиваемые нами налоги и взносы частично. Куда девается остальная часть, этого даже Карельский экстрасенс Илуша Паркаты бы не разгадал. При таком раскладе иногда так и хочется перепрыгнуть через собственную голову. Наши коварные соседи не пожалели даже своего военного предводителя, обеспечившего им государственную безопасность и процветание царства Грузинского — Давид-Сослана Царазон. Не успокоились, пока с притворной лукавой улыбкой на устах коварно не предали его. Те, кто предательски обманывает Осетию и предает ее интересы тайно и явно грузинской стороне, конечно, будут приближены к Грузии, обласканы. Но посудите, какой им прок от бедного человека? Они прежде выжмут из него все, что им от него нужно, потом еще посмотрят, подумают, как избавиться от него, может, им забавно будет посмотреть, как

¹ Сорт винограда — одноименное вино.

умирает осетин. И запаяют в стальную трубу (разве им такое впервой?!). Инквизиторские пытки они усвоили искусно, научились им у своих отцов и ничем не брезгают. Особенно, когда ниоткуда ничего не угрожает. Вот и пьют кровь своих жертв. Вместо того, чтобы не мешать воссоединению Юга и Севера Осетии, они вынашивают идею, как бы Южная Осетия снова угодила под лохматые лапы Грузии, и рвут удила, как застоявшиеся жеребцы, стремясь поскорее осуществить свою бесчеловечную страсть захвата и властвования: «Все решения принимаются единогласно, как у Гитлера. Концепция «хозяев» и «гостей» с намеком на перспективу выселения всех «гостей». Оголтелый расизм... Доморощенное мессианство...», — мнение Васо Абайты.¹

Вот об этой их нацистской и фашистской совести говорит Нафи Джусойты: «Судьба разделенного народа — судьба трагическая. Одолеть эту ситуацию мы сможем, только объединившись в составе Российского государства. Поэтому я за объединение Северной и Южной Осетии».²

Потому они от века до века против нашего объединения, чтобы мы не вырвались из их когтей. Потому они лезли из кожи вон, всячески препятствовали строительству дороги, соединившей две части Осетии. Если нельзя уже было не построить ее, то она не должна была пролегать по территории Осетии: «Представителю Северной Осетии — инженеру Давиду Хетагаты в Ростове по вопросу дороги через Техты-хох пришлось выдержать сильное сопротивление. Если дорога от Зарамага пройдет через Техты-хох, то попадет из Зругского в Рачинское ущелье, где осетину совершенно нечего делать и, соответственно, такой маршрут дороги не соединяет Северную и Южную Осетию»,³ — горячо

¹ А б а е в В. И. Трагедия Юго-Осетии: беспредел геноцида. — Цхинвал, 2007. — С. 21.

¹ Единая Осетия. — 2013. — 2 июля.

² Гаглойты Рутен. Хохыл фæндаджы тыххæй / Хурзарин. — 1929. — 9 мая.

убеждал инженер Рутен Гаглойты. Это было его самой заветной мечтой. Потому наши злобно ненавидящие нас соседи с легкой руки своих соплеменников, чело-веконенавистников постарались оборвать его жизнь. По указу небезызвестного злобствующего пса Лаврентия Берия он в 1937 году 19 августа был арестован и, объявив его «врагом народа», расстрелян.

Разве только его мечтой была дорога через Рокский перевал? У кого из осетин не были связаны мечты с этой дорогой? Безысходность жизни осетин того времени ни пером описать, ни в сказке сказать. Они готовы были ради строительства дороги, соединявшей воедино наше отечество, оторвать от себя последние крохи. Дед известного нашего писателя Гафеза – Джедуан Гаглойты в свой смертный час просил у родных: «Когда появится дорога, крикните мне об этом на тот свет у моей могилы».¹

Не лучшим образом обстояли дела со строительством дороги и в 70-х годах прошлого века, когда вопрос об этом был опять поднят. Вспоминая о тех препятствиях и о том сопротивлении, которое приходилось одолевать, тогдашний сотрудник Высшей партийной школы при УК КПСС И. Г. Котолиты рассказывает: «У меня была возможность встретиться с зав. отделом транспортного строительства ЦК КПСС Смирновым, который выступал в Высшей партийной школе с лекцией. Во время перерыва я задал ему вопрос: «Как решится судьба проектирования и строительства автомобильной дороги через Главный Кавказский хребет?» Дословно запомнил его ответ: «По вопросу строительства автомобильной дороги через Главный Кавказский хребет существует несколько вариантов. Грузины предлагают укрепление Военно-Грузинской дороги и выступают против Рокского варианта дороги, но Б. Е. Кабалоти входит в ЦК КПСС с такими деловыми и вескими аргументами, что ЦК КПСС склонен поддержать

¹ Кортиев Л. И. Транскавказская Рукская автотрасса. – Цхинвал, 1982. – С. 108.

его».¹ «В ЦК поддержали Кабалоти, согласились с его доводами, — рассказывает Котолиты. — С тех пор осталась крылатая фраза Билара Емазаевича: «Этому хребту мы ломаем хребет». Он поставил последнюю точку в решении данного вопроса благодаря своей мудрости, таланту, деловитости, стойкости, принципиальности и любви к родной Осетии!»²

Тот, кто называет себя осетином, никогда не должен забывать все это.

Всему свой черед. Нам непременно нужно знать, о чем говорить в первую очередь. Без родного языка не только народа-нации, но и Отечества нет. Если у тебя нет Отечества, родись где угодно бродягой. Поэтому Нафи говорит: «Общеизвестно, что двумя конституирующими признаками нации являются этническая родина (общность территории) и национальный язык. На базе общей территории формируется материальное бытие нации, на базе общего языка — ее духовное бытие. Эта двучастная общность обеспечивает материальное благополучие и духовное богатство нации».³

Говоря о росте и развитии родного языка, предметом нашего постоянного беспокойства должна быть объединенность, целостность нашего Отечества, и наоборот: с объединением, с единством Отечества мы непременно постоянно должны думать о росте и развитии нашего родного языка, чтобы в просторах истории не исчез наш след. Там, где Россия, Китай, Индия, Англия, США и многие другие крупные страны, подобно хрупкому стеклу, оберегают свой родной язык и свое Отечество, почему мы — по сравнению с ними горстка людей — не бережем как зеницу ока те светлые приоритеты, которыми отличаемся от них? Если мы растеряем свои духовно-нравственные богатства, то, упаси Бог, нашим потомкам

¹ Котолов И. Г. Транскам зарождался так / Южная Осетия. — 2009. — 10 июня.

² Там же.

³ Джусойты Нафи. Национальная идея — мечта народа о бессмертии / Южная Осетия. — 1997. — 14 июня.

Давайте подумаем — если бы 08.08.08-го года мы от своих заклятых убийц не отличались нашим родным языком, Россия бы пришла к нам на помощь? Ни за что. Сказала бы — они один народ и пусть хоть кровь друг друга запечется на них. Мудрый Нигер еще в молодости писал, глубоко переживая: «Образованный, грамотный человек в первую очередь осваивает язык своего народа (родной — *М.К.*), а потом языки других народов. А осетинская молодежь наоборот: осваивает языки других народов, но не свой родной».¹

Подобных примеров можно привести немало, начиная от классиков нашей литературы — Коста, Елбыздыко, Арнигон Илас, Гафез, Александр Царукаты — и многих других и кончая сегодняшними представителями осетинского народа. Безразличных к судьбе родного языка, искренне не заботящихся об его сохранении для будущих поколений и не стремящихся поднять его силу и славу на должную высоту, немного.

Все созданные художественные произведения о родном языке дороги нам. Одно из них — стихотворение Хаджи-Мурата Дзуццати «Мой язык» — является лучшим и популярнейшим в народе. Не потому ли Хаджи-Умар Алборты говорил о вечности этого произведения: «В нем не умирает жизнь».² Вспомним отрывок из него. В нем речь идет от лица «причитания осетина» и «песни осетина». К тому же ласковыми, обнадеживающими словами:

*Язык мой —
материнское молоко,
колыбель младенчества!
Если я когда-нибудь тебя
обиженно предам упрекам, оговорам,
если я когда-нибудь тобой
спекулировать и торговать начну,*

¹ Нигер. Полн. собр. соч. в 3 т. Т. 3. — Дзауджыхъæу, 1968. — С. 577.

² Елборты Хадзы-Умар. Уидæгтæ æмæ къабæзтау. — Цхинвал, 1985. — С. 241.

*променяю тебя,
за выгоду продам тебя,
пусть меня серые звери
уравняют со своей славой,
пусть тогда слова твои с презрением, брезгуя
заговорят обо мне!*

Эти слова поэта не поверхностно произнесены. Всю его жизнь родной язык был для него его пречистым святилищем, божественным храмом. Благодаря ему он поклонялся родной Осетии и Вселенной. Было время, когда они — Осетия и Вселенная — были равноправными, равнозначными: «Осетия и Советский Союз, национальное и интернациональное, этнические родной народ и все человечество — эти диалектические взаимоотношения — живой родник поэтической мысли и высоких эмоций».¹ Но все же, все же, ближе и дороже его сердцу было то, чему постоянно он поклонялся — «наш народ» и родной язык. Поэтому он и клятву давал:

*Я смерти не боюсь,
сколько мне дано,
столько и проживу.
Я в моей могиле
буду счастлив,
если родной мой язык начертает
на кресте моем упокоительные слова,
из звуков моего языка
когда природа зеленью засветит.
В могиле своей буду я рыдать,
стонать,
как родники Осетии моей,
из-под земли я буду причитать,
если вдруг я окажусь
последним поэтом на земле Осетии,
если других после меня не будет,
когда черный поток из крови
в горах Осетии ливнем прольется,*

¹ Дзуццаты Хадзы-Мурат. Рæстæг æмæ литературæ. — 1985. — С. 111.

*и в могильную глубь
не услышу я боле родимую речь
осетинскую,
зов Коста на борьбу
и стенания Отелло».¹*

(Подстрочный перевод)

Эти слова поэт говорил не только применительно к себе. Любой из нашего этноса должен это понимать. Если на его кресте не на родном языке будут начертаны упокоительные слова, то души наши точно будут проливать слезы, как «родники Осетии». А перед душой Хадзы в раю мы должны бы чувствовать себя смущенно, потому что не выполнили его наказ. Из-за того, что в решительный момент мы не всегда показываем силу духа, остаемся хладнокровными, и на кресте его не на родном языке начертали упокоительные слова. И это тоже говорит о том, что не всегда от души работаем над претворением в жизнь национальной идеи, не поднимаем этот вопрос на должную высоту. Это непростительно. Такой поэт, как Александр Царукаты, остался бы «глухим и слепым», «ником – ни небу, ни земле» без родного языка; наш язык бы без художественного слова Коста был без огонька, без очага лачуга. Что же тогда можно сказать о нас? У мудрых старших надо учиться: «Осетинский язык, я с тобою – буревестник, сокол; Ты – красота короны на голове, ты – правда моей жизни!» («Родной язык»)² У нас удивительно красивый язык, нам бы песни о нем слагать.

*Ах, этот нартский соловей,³
чье пенье слаще жизни...
Ужели радостью людей
явилась песнь отчизне?*

¹ Дзуццаты Хадзы-Мурат. Биографи. – Цхинвал, 1990. – С. 23–25.

² Царукаты Александр. Сагъæс. – Дзауджыхъæу, 1994. – С. 306.

³ Свирель в осетинском Нартском эпосе, которая пела сама.

*Что за любовь ей сердце жжет,
коль так цветет, мечтая
согреть дыханьем небосвод
и обогреть собой сирот
родимейшего края?*

*И что за воздух, за вода
ей силы прибавляют,
чтоб, как фандыр, звучать тогда –
когда молчит небес звезда,
и птицы умолкают?!*

*Поет!.. И слышно вдалеке.
Но ведь иное дело,
когда б на милом языке –
хоть день один бы, пела...¹*

(«Осетинская свирель». Перев. Ник. Горохов)

Как же радовались осетинские поэты, когда дорога была построена и стала функционировать! Разве вековая мечта осетинского народа, которая наконец-то обрела реальность, не всколыхнула в их душах самые глубинные чувства радости и патриотизма? И очень хорошо знал Георгий Бестауты, какие коряги оттягивали строительство дороги Дзау – Алагир, что этого осетины добиваются с 1838 года,² и сколько лучших представителей нашей молодежи было погублено из-за ядовитого языка наших соседей. Нам небезызвестно, какие силы, настойчивость и упорство были потрачены на разрешение, да и на само строительство этой дороги жизни. Грузия всячески противилась, препятствовала положительному решению, не давала строить дорогу, а потом почти насильно перехватила строительство и высасывала из стройки все, что могла высосать. Стройка шла на осетинской земле, а ее строи-

¹ Хъазиты Мелитон. Ёнусон сагъæс. – Дзæуджыхъæу, 2010. – С. 41.

² Кортиев Л. И. Транскавказская Рукская автотрасса. – Цхинвал, 1982. – С. 110.

телям временные жилые дома строились за 100–200 километров от объекта — в Гори, Тбилиси и, кто знает, может, даже на черноморском побережье. Думаю, не нужно быть мудрецом, чтоб догадаться, почему.

Поэт тогда не на этом акцентировал свое внимание. Для него главное было другое — осуществлялась вековечная мечта осетин и потому «Стальной поток вошел в ущелья с грохотом...» Бестау безмерно радовался этому, и это чувство распирало сердце поэта, он не в силах был сдержать его. И он показывал это открыто, ярким поэтическим языком:

*Ты был забыт и счастьем, и светом,
Мой гордый и обиженный мой Ир.
Любовь, разделенная гранитом высоких гор,
Не расцветала хлебным колосом.*

*Скалы — как острые ножи,
И сердце надвое разрезаю.
Тусторонний б стал жить на этой стороне,
Но его побивал град.*

*Когда осветило его солнце жизни,
С тех пор он стал ликовать.
Теперь в сердцах их — улыбка любви
И надежд у них — сто.*

*Сколько благ тебе принесла эпоха!
Ты расцвел колосом,
О тяжелый Кавказский хурджин,
О родимый наш Ир!*

Рокский тоннель не случайно для поэта — как солнце жизни Осетии. Большой поэт горячим пульсом своим чувствовал, что дорога через скалы Главного Кавказского хребта, устланная человеческими жертвами, нынче, нырнув в тоннель под Рокским перевалом, благодаря инженерной мысли тех же горцев, тесно, неразрывно связана с жизнью всего Отечества. Поэт писал, что долг писателя поймать точные ноты своего времени, чтобы сумел свою лиру настроить на самую значи-

мую мелодию чувств и переживаний своих земляков; он мастерски оседлал строкой своей ритмы времени и устремления мечтаний человеческих.¹

И в самом деле, если бы в дни грузино-осетинской войны не было этой дороги, сколько бы нас осталось в живых в южной части Осетии — никто не знает. Да и остался бы кто-нибудь жить на этой горестной, политой кровью земле — тоже непростой вопрос. Те, кто в те страшные дни испытаний были здесь, не о жизни думали — они страшились позора и с честью вышли из этого адского испытания войной с чистыми личными именами и с именем Осетии — отважными и негибаемыми. Они высоко подняли имя своего Отечества.

Рокская дорога была дорогой не только беженцев. Правда, после войны в нашей жизни появились люди, которые сегодня «в моде», и возомнили себя вершителями судеб. Наши начальники их цепочкой тянут за собой. Следы того, что проедают с ними, бывают так искусно заметаны хвостом лисицы, что их не отыскать. Снимешь их с работы — они тут же ускользают куда-то, и с них уже никто не спрашивает о проеденном и расхищенном ими. Те, кто остается на месте, хотя бы раз в сердцах выскажут правду, но в ответ — только ругань. А кому нужна лишняя головная боль? Но вот уже 20 лет по дороге жизни к нам доставляется все необходимое для жизни. Доставлялось и доставляется. Осетинские соколы, погибавшие в боях, недаром мечтали об этой дороге. Сегодня, чтобы Осетия уверенно строила свою дальнейшую жизнь, в ущелье не стихает движение «стальной лавины».²

По дороге жизни люди ехали и едут. Об этом в годы противостояния грузинскому фашизму и в дни жестоких боев мечтали наши соколы. И не мог поэт не радоваться этому:

¹ Бестауты Гиуаѳрги. Уацмыстæ 3 т. Т. 3. — Дзæуджыхъæу, 2004. — С. 151.

² Яков Валерий. Дорога жизни // Семья. — 1991. — №10.

Он раздвинул скалы в стороны
Словно Нарт Батрадз, гляди!
Перевал охвачен вибрацией,
Скоро от страха помрет.

С его сокрушением, с его дрессировкой
Связаны твои мечты.
ДЗАМ – это твой Кавказский БАМ теперь,
Порог счастья твоего племени, твоего народа.¹

(«ДЗАМ». Подстрочный перевод)

Но что значат эти «вершина мечтаний», «порог счастья нашего племени»? «В отдалении от любимого любящий не расцвел колосом хлебным», потому что «круча скалы стала острием ножа» и разделила надвое сердце Осетии, и живем в двух отдельных республиках. Не потому ли на эту разделяющую скалу обрушивается «рассерженный град»? Из-за разделяющей границы Нар и сегодня, к сожалению, может сказать: «Хур ныл, нæхи куыд фæнды, афтæ нæма ракаст» («Солнце до сих пор еще не согрело нас так, как нам этого хочется»).

Во время строительства дороги, пока не встретились тоннельщики, прорубающие чрево Рокского перевала с Севера с теми, кто прорубал нутро скалы с Юга, я написал стихотворение и в нем была моя радость: «Дорога из Осетии в Осетию – моя радость, моя вековая радость».²

Может быть, есть еще стихи, написанные в те дни, но многие так и не опубликовали их. Сегодня – другое дело. Почему не вынести их на суд осетинского читателя? Почему мы своей радостью не поделимся с народом? Или дело в другом – перестали радоваться исполненной вековечной мечте? Или ржа гуляет по нашему сознанию и мы в ленивой растерянности не сообразим, что делать?

В 2007 году в Цхинвале состоялся VI Съезд осе-

¹ Бестауты Гиуæрги. Уацмыстæ 3 т. Т. 1. – Дзæуджыхъæу, 2003. – С. 253–254.

² Роксалан. Цатыр. – Цхинвал, 2012. – С. 180.

тинского народа. Много надежд мы на него возлагали. Верили, что будет принято решение об объединении нашего Отечества: «Если Осетия не сомкнет свои ряды, как сжатый кулак, мы пропадем».¹

Таймураз Мамсыраты, тогдашний Глава Республики Северная Осетия — Алания, рассуждал так: «Съезд станет важной решающей силой процесса объединения осетинского народа».² Такого мнения и председатель Союза писателей Республики Северная Осетия—Алания Камал Ходы: «То, что очередной съезд единого этноса, единого народа Осетии проходит в южной части Осетии, имеет большое политическое, социальное и историческое значение. Он еще раз покажет, что Осетия никогда не была из 2 частей. И в составе России она давно была единой Осетией. Она и сегодня одна. Нам, осетинским писателям и другим представителям творческой интеллигенции, кажется странным странное отношение некоторых политиков к объединению двух частей Осетии воедино. Если люди исторически, генетически, этнографически — один народ, и они стремятся к единству, то почему это кому-то кажется неправильным, если этот человек народу этому желает добра?»³

Так думает и поэт Тотрадз Кокайты: «Нет Севера и нет Юга — есть одна Осетия — из поколения в поколение»,⁴ — и таких примеров можно привести очень много.

Делегаты съезда и гости все придерживались одного мнения, но опять на кого-то кто-то посмотрел, нахмурив брови, откуда-то на нас опять сердито прикрикнули: «Цыц!» — и наши любители кресел опять как сидели, так и остались сидеть на местах.

А ведь какие бы времена ни наступили, мы должны

¹ Хъазиты Мелитон. Размæ — «Стыр Ныхас»! / Хурзæрин. — 2007. — 19 сентября.

² Там же.

³ Ходы Камал. Историон логикамæ гæсгæ Ирыстон хъуамæ уа иу / Хурзæрин. — 2007. — 19 сентября.

⁴ Кокайты Тотрадз. Нæ иудзинадæн — ахъазаджы æвдисæн / Хурзæрин. — 2007. — 19 сентября.

твердо знать — нельзя Осетии без объединения. К этому нас призывают думающие люди. Полномочный представитель Северной Осетии в Российской Федерации Эльбрус Карджынты сказал конкретно: «В нашем понимании абсолютным приоритетом для России является позиция народа республики в отношении своего будущего».¹ Такого мнения придерживается не только он. Каждому осетину надлежит серьезно задуматься над этим.

Невозможно не вспомнить слова Президента РЮО Леонида Харитоновича Тыбылты: «Если Осетия воссоединится, пока я буду работать президентом, то считаю, что я выполнил свой долг».² Точно так и выразился Глава РСО—А Таймураз Дзамбекович Мамсыраты, что Россия — наша судьба, и из сотен маленьких наций, которые входят в Россию, никто еще не пропал.³ Эта мудрая мысль прослеживается в работах и выступлениях многих осетинских и зарубежных ученых и политиков.

Такого твердого мнения и директор Российского института вновь созданных государств Алексей Мартынов: «Думаю, воссоединение осетинского народа в едином субъекте РФ, который искусственно поделен на Северную и Южную, было бы логичным шагом... Другого пути нет».⁴ Этому мнению придерживались все делегаты съезда. Таково мнение и всего нашего народа уже много десятилетий. Можно сказать — несколько веков.

5 сентября 2012 года у нас проходил специальный основополагающий съезд политической партии «Единая Осетия», на котором шел серьезный разговор о

¹ Каргинов Эльбрус. Абсолютным приоритетом для России является позиция народа Южной Осетии / Южная Осетия. — 2013. — 28 февраля.

² Тыбылты Леонид. Нæ адæмы баиу кæныны фарст у фыццаггадон / Хурзæрин, 2013. — 27 июля.

³ Мамсыраты Таймураз. «Кавказы проек»-ты тыххæй / Рæстдзинад. — 2013. — 9 февраля.

⁴ Мартынов А. Победу 2008 года разворовали / Комсомольская правда. — 2012. — 3 августа.

сохранении генофонда Южной части Осетии. Серьезную озабоченность вызвал вопрос о том, как уберечь народ от окончательного истребления. Глава министерства по чрезвычайным ситуациям Анатолий Бибылты сообщил о том, как МЧСовцы работают над этой архиважной проблемой. Они прекрасно понимают, какая цель стоит перед ними, какую проблему им предстоит решать: «Мы, граждане Южной Осетии, объединились в политическую партию, чтобы в соответствии с законами Республики и Российской Федерации добиться воссоединения Юга и Севера Осетии в составе многонационального Российского государства».¹

Мнение его руководителя о «самостоятельности» Республики ясно: «Мы прекрасно знаем, что появятся силы, появятся политики в известных соседних государствах, которые сделают все для того, чтобы Осетии не стало». И далее: «Если мы говорим о фарне наших славных и действительно мудрых предков, то ведь нельзя забывать о том, что наши предки входили в состав Российской империи единой Осетией: кто же в таком случае мы такие, чтобы брать на себя такое решение — сказать о том, что нам это больше не нужно? Я считаю и настаиваю на том, что национальной идеей осетин сегодня должно стать воссоединение осетин на единой территории. Это обязательно нам надо сделать».² С таким мнением прошла II-я международная научно-практическая конференция «Национальная идея и государственная политика» в Цхинвале.³ Непременно нам надо воссоединиться. Это во-первых. Потом, конечно, мы найдем время и для того, чтобы приступить к выполнению остальных задач, стоящих перед нами.

Это долг каждого, кто называет себя осетином, у

¹ Программа Республиканской политической партии «Единая Осетия». — Цхинвал, 2012. — С. 1.

² Бибылов А. И. Выбирать будет народ // Национальная идея и государственная политика. — Цхинвал, 2012. — С. 80.

³ Коллектив авторов. Национальная идея и государственная политика. — Цхинвал, 2012.

Мы знаем, какой шаг они сделали вместе с их нацистским правительством; знаем по геноциду 1920 года. Кто еще уцелел из нас, остался жив, они тоже пробирались на Север через горные хребты, через скалы, благодаря той строящейся дороге. Не зря они ее прокладывали так спешно. До тоннеля она тоже шла через Рокский перевал. Потом ее стерли камнепады и лавины, точно так, как наши проклятые соседи хотели нас истребить. Нет, они ни о чем не пожалели. Наоборот, они радовались: «В результате почти трехнедельного истребления, убийств, разрушений и пожаров вся Осетия (о чем они мечтали, к чему стремились?! — М. К.) опустела. Грузинские меньшевики поставили себе целью совершенное уничтожение Юго-Осетии, и цель эту достигли. Осетия была разрушена и сравнена с землей»,¹ — так радостно сообщал в 1920 году всему грузинскому народу один из них, славных убийц, — Филипп Махарадзе. А мы... говорят, один из тех волков был за нас: тушу нашей коровы пододвигал к нам, — хвалимся мы, чтобы наши младшие не черствели сердцем, не ожесточались и не таили в сердце злобу. Мы заставили их забыть горький наказ классика осетинской художественной литературы Чермена Беджызаты, который вместе со всем юго-осетинским народом в 1920 году испытал все тяготы и мучения:

*Кто предаст из нас
Забвению все это,
Пусть проклятию он будет предан!
Наше Красное, цвета крови, знамя,
Обагренное в сражениях нашей кровью,
Развевайся алым цветом гордо, далеко!*²

(«20-й год»)

¹ На Юге Осетии и снег горел. Материалы периодической печати в 4 т. Т. 2. — Цхинвал, 2012. — С. 148.

² Беджызаты Чермен. Ёвзæрст уацмыстæ. — Сталинир, 1958. — С. 508.

И опять нас настигла новая беда. С середины 1992 года у нас стояли российские миротворцы, но они не позволяли себе даже грубых слов, — о выстрелах и речи не могло быть, — не было права. Наши же соседи-гяуры плевали на них. Глядя на то, как они их поливали всякой грязью, сердце кровью обливалось. Председатель Координационного совета Президентского клуба «Доверие» генерал-майор в отставке, член Президиума Российской академии естественных наук, член Союза писателей России, доктор технических наук, лауреат Всемирной литературной премии имени М.А. Шолохова, заместитель председателя Союза писателей России Н.В. Тараканов потому сказал: «В 1992 году после локализации кровопролитного конфликта в Южной Осетии, Россия получила статус миротворца по Дагомьскому соглашению 1992 года. Все эти годы российская сторона строго соблюдала условия соглашения. И при всех сложностях и правовых пробелах на земле Южной Осетии обеспечивался мир. Но ситуация резко обострилась с 2004 года, после прихода к власти нового грузинского руководства, которое свои проблемы в экономическом и политическом развитии республики стало компенсировать националистической риторикой и вооруженными провокациями. В итоге — безумное нападение Грузии на Цхинвал».¹ И какое нападение?! Там, где лошадь прокувыркается, там хоть волосок останется. Они же целое государство хотели превратить в чистое поле. И им, — мол, от радости в честь Пекинской олимпиады, — аплодировали их зарубежные приспешники во главе с США.

В течение 20 лет эти хищные убийцы безжалостно истребляли ни в чем неповинный осетинский народ: подобно сирийским убийцам съедали убитых ими осетин. Средства массовой информации били тревогу: «Сегодня идет истребление мирного населения вопреки всем

¹ Тараканов Н. Д. Мир должен знать правду о геноциде осетинского народа // Коллектив авторов. Цхинвал: хроника грузинской агрессии. — М., 2008. — С. 11.

обязательствам, которые взяла на себя Россия, вопреки всем международным документам, под которыми она подписалась»,¹ но на всем земном шаре их, как и нас, никто не слышал. Те же «демократы», которые слышали их, то ли «стесняясь» Грузии, то ли мечтая о гибели России, засунули головы в песок, уши свои заткнули пробками, мол, мы ничего не слышим, ничего не знаем. Такие тяжелые испытания возможны и далее, каждую минуту, если бы острие штыка русской армии в боевой готовности не было направлено против врага. То, что это зависит от руководителя страны, мы видели на примере нерушимого Союза Советских республик во время правления разрушителей и врагов народа Горбачева и Ельцина. Потому мысль Валерия Дзидзойти откровенна и обоснована: «Считал и считаю, Осетия объединенная должна быть в составе России».² Политическое, экономическое, научное, культурное и духовное развитие Осетии связано с нашим единением и тесными связями с Россией. Представители зарубежья, стоящие за правду и справедливость, тоже за претворение в жизнь этой неотложной проблемы. Мнение французского ученого, бывшего посла Франции в Иране Жана Перрина ясна: «Важно, что в Южной Осетии сейчас мир. Внутренний мир, который наступил после очень сложных политических дискуссий, для этого решения очень актуален. Только мирно можно решать дальнейшие вопросы. Я считаю, что как только до конца пройдут все внутренние политические дискуссии в самой Южной Осетии (он упрекает нас, что у нас нет взаимопонимания. — М.К.), неиз-

¹ Мало Ксения. И это — война / Литературная Россия. — 1992. — 26 июня.

² Дзидзоев В. Д. Проблема объединения разделенного осетинского народа в контексте перспективы независимого государственного строительства в Южной Осетии (исторический и политико-правовой аспекты) // Коллектив авторов. Национальная идея и государственная политика. — Цхинвал, 2012. — С. 68.

бежно встанет вопрос о воссоединении с Северной Осетией».¹

Почуться уму-разуму неплохо, но почему о том, что мы видели собственными глазами, испытали сердцем на самых глубинных уровнях жизни и до сих пор не может оправиться до конца, нам должен говорить кто-то? Я своим землякам об этом говорю потому, что, к сожалению, мы частенько более внимательно слушаем и доверяем словам со стороны.

То, о чем нам говорит история, то, что с нами хотя бы сотворить соседи, каждый из нас знает прекрасно. От трагедии Осетии, от ее губительной трагедии геноцида (упаси нас Бог от повторения подобного) есть только единственный выход — единственный путь: покончить с разделенностью Осетии, воссоединить ее две части в единое целое. Воссоединить Осетию!

Аминь! Не зря свои мысли заключаю в День Святого Хетага Уастырджи — 07.07.13.

МНЕ БЫЛО СТЫДНО

Тот, кто ищет, всегда находит. США со своими единомышленниками в бывшем СССР после Великой Отечественной войны искали все пути к тому, чтобы, по словам директора ЦРУ Даллеса, наше, советское общество, привести в такое состояние, где «честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого...».²

Они отлично знали, что делали: «Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания».³ Каким образом, они об этом подумали тщательно.

¹ Жан Перрин. Мнение / Российская газета, 2013. — 27 июня.

² Литературная Россия, 1992. — 31 июля.

³ Там же.

*СССР без головы — ей-богу!
Без брюха — все обглодано зверьем.
И все ж — маршировать готовы ноги,
рога бодаться норовят с врагом.¹*

(«СССР». Перев. Т. Кибиrow)

На земле Южной Осетии двадцать лет грузинские неофашисты, используя военную технику, которую им охотно предоставляли тогдашнее правительство Российской Федерации и Европа с АИШ, лилась кровь многочисленного осетинского народа, чтобы построить свое государство, грузины вытесняют осетинский народ с территории его исторического проживания и уничтожают тех, кто не желает покориться их злой воле.

*Враг вероломством был силен.
Он подлостью своей сражал.
Свободным сделать Иристон
Мог только ты один, Цхинвал!*

*Ведь лживый, хитрый наш сосед,
Как будто пекся он о нас,
А вот в спине — кровавый след
Его ножа... И каждый час*

*Не зря молились мы: «О Бог,
Как терпишь гибель сыновей?
Пошли нам друга, чтоб помог
Разбить зарвавшихся зверей!..»²*

(«Героический город». Перев. И. Гурджибековой)

Агрессоры отлично знают, что осетины живут на своей древней земле, что предки этих неофашистов сами являются пришельцами из неизвестной им прародины. Думаю, будет не лишним еще раз вспомнить,

¹ Кодзати Ахсар. Богиня огня. — Владикавказ, 2003. — С. 427.

² Роксалан. Осетинская свирель. — Цхинвал, 2015. — С. 63.

что говорил по этому поводу грузинский видный писатель и ученый Геронтий Кикодзе: «До сих пор не установлено, кто мы и откуда мы, поскольку на земле у нас нет родственных народов. Мы не знаем, куда нас ведет наша судьба. Правда, говорят, мы жили на берегах рек Тигр и Евфрат, но и там нас не любили, не давали жить соседи, они ненавидели нас. Мы не знали, куда нам податься. Вот так мы проводили наши дни в одиночестве, словно мы тогда спустились с неба... Мы были изгнаны из наших земель нашими соседями, они ничего нам не оставили, а аланы (предки осетин — *М.К.*) пожалели нас и приютили в Колхидской долине, дали нам земли, приласкали нас, обучили нас военному делу, привили нам свою культуру, свои обычаи, защищали нас от внешних врагов».¹

Их историк З. Чичинадзе пишет: «Дружба между осетинами и грузинами берет начало в глубокой древности, но особенно утверждается с XII века».² То есть, во время царствования в Грузии Тамары и Давид-Сослана.

Потом историк отмечает: «После XI столетия история Осетии тесно связана с царствованием Давида Строителя... Они помогали ему (осетины — *М.К.*) в деле создания имеретинского войска, с помощью осетин ему удалось изгнать арабов и турков из Картли и Кахетии».³

Война всегда — кровавая. Хаджи-Умар Алборты вызвал со стоном от имени Родины в стихотворении «Голос Осетии из прошлого»:

*Умела воевать
И побеждать в бою, —
И не было конца и края миру.
И боевой набат,
И львиные сердца,
Мечей сверканье —
Где это все теперь?*

¹ С а к а р т в е л о, 1917. — № 4.

² Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. — Цхинвал, 1993. — С. 90.

³ Там же.

*Жестокая судьба.
Иду не спеша,
В бездну ушла по самые плечи.
Что будет?
Разве боги жаждут моей смерти?
Но — нет,
Еще не все,
И где-то спрятала
Я в горах и под горами
Сокровища свои —
Моей души осколки...
Уастырджи!¹ Молю,
Благослови
Ты их на жизнь
И на бессмертье!²*

(Перев. В. Семернин)

Боги не жаждут смерти Осетии. Но всякие болезни тоже делали свое черное дело: «В 1783 году, в десятый год чумы, осетин осталось 35750 человек; в 1826 году 20200 и в 1835 году — всего 16 тысяч».³ И наши земли оставались нашим горе-соседям.

Однако насильники не хотят верить истине. Кричат во весь голос, будто мы, осетины, неблагодарные гости на их земле и они потому взяли за оружие. А на самом деле они не упустят шанс для убийства осетина — во время геноцида 1920 года тринадцать коммунаров-осетин на Згудерском кладбище в одной могиле похоронили живьем:

*Буря плачет.
Буря-мать в трауре,
Бездомная буря плачет:
Тринадцать ее сыновей
Лежат в одной могиле...*

¹ Уастырджи — в осетинской мифологии покровитель путников, воинов-мужчин.

² Албурты Хаджи-Умар. Песнь корней. — М., 1980. — С. 29.

³ Из архивных материалов.

Слезы,
Смешанные со снегом,
Падают на траву.
Бурю нельзя успокоить,
Нельзя заставить
Не плакать над могилой.¹

(«Тринадцать». Перев. В. Семернин)

И все это повторяется во время каждого геноцида. Даже грузин Тамаз Наскидашвили их потому предупреждал: «Сползание к фашизму очевидно».²

В 1991 году 18 марта арестовали двенадцать осетин, избили их до полусмерти и таким образом похоронили в с. Ередви. Не видно ни начала, ни конца таким нечеловеческим пыткам.

Камал Ходы потому спрашивает Осетию:

*От долгой песни в сердце след горяч.
В ней прошлое —
Как черная дорога...
Скажи мне, чем
Ты прогневила бога,
Осетия?
И песнь твоя —
Как плач.*³

(«Слушая народную песню». Перев. В. Еременко)

По словам депутата Верховного Совета России С. Бабуринна на встрече с группой российских депутатов в 1992 году Председатель Верховного Совета Грузии Шеварднадзе всячески подчеркивал, что он «согласовывает все свои действия с Кремлем».⁴

Осетины и абхазцы никогда не сомневались и не сомневаются в этом. Ведь Шеварднадзе являлся граж-

¹ Алборты Хаджи-Умар. Песнь корней. — М., 1980. — С. 10–11.

² Наскидашвили Тамаз. Бойтесь необольшевизма / Онт. — Париж, 1991. — 25 апреля.

³ Ходов Камал. Своим чередом. — М., 1988. — С. 106.

⁴ Д е н ь, 1992. — № 35.

данином России. И правопреемник СССР продолжал «прихватазировать» военные части на территории Грузии. На территории Грузии, но не на территории же Осетии и Абхазии. Но и на это тоже получали добро со стороны России. И этим оружием проливали кровь невинных, невооруженных осетин, абхазцев и, не стесняясь, хвастались и сейчас хвастаются, что скоро придет очередь и до русского народа. Может, они со своими западными «братьями» живут амбициями Наполеона (1812): «...Мы раздробим Россию на прежние удельные княжества и погрузим ее обратно во тьму феодальной Московии, чтоб Европа впредь брезгливо смотрела в сторону Востока»?¹

Не-е! Им хочется пойти дальше. Хотят одним взмахом проглотить всю Россию. И Николай Зиновьев был прав, когда с уверенностью сказал:

*Я верю: Россия очнется,
Чтоб доброе дело творить,
Но прежде такое начнется...
О чем я боюсь говорить.²*

(«Я верю...»)

Если бы Грузия была мирной, демократической, если бы грузины, вооруженные российской техникой, ежедневно не уничтожали мирное население — детей, женщин и стариков, то Россия имела бы право передавать Грузии часть военной техники бывшего СССР. Но в ситуации геноцида осетинского и абхазского народов государство, которое снабжает оружием неонацистов, численность населения которого в десятки раз больше, само становится соучастником преступления. Поэту Ахсару Кодзати потому пришлось давать «Телеграмму отчаяния Богу»:

¹ Литературная Россия, 1992. — 31 июля.

² Зиновьев Николай. Когда душа кипит от злости / Литературная Россия, 2007. — 31 августа.

*Все крови нашей мало супостату.
Найди отвагу, родина, и силы:
кто чует нашу боль в огромном мире? —
Нет ни друзей у нас, ни кровных братьев.*

*Как ни зывай к любым земным сардарам —
Генсекам ли, Премьерам, Президентам,
к кому еще?.. — на этом горьком свете
одни остались мы на дне кошмара.*

*Ты всемогущ, о Господи, и если
есть справедливость меж землей и небом,
то это — Ты, Господь. Да только есть ли?..*

*Мрак ослепляет душу супостата.
Так озари же разум тех, кто слепы,
добром и светом, и лиши их яда.¹*

(Перев. С. Кабалоти)

Было бы даже не лишне спросить: Грузия требовала из вооружения свою долю, но в свое время на это вооружение из своих средств сколько выделяла СССР? Ведь не секрет, что в то время, когда она уже не входила в состав России, вышла из СНГ, все равно жила за счет средств русских.

Осетия воссоединилась с Россией отдельно, но раньше Грузии, а не в составе Грузии. И если грузины больше не хотят жить с русскими — это их дело, но в таком случае осетины имеют такое же право решать свою судьбу по своему разумению. Тем более, что Осетия никогда ни по какому договору не вошла в состав Грузии, и было бы глупо думать, что геноцид осетинского народа является внутренним делом Грузии. Это в 1801 году Грузия вошла добровольно в состав России. Русские кормили и охраняли их около 200 лет и их дела являются внутренними делами России.

Позиция ООН и российского государства в отноше-

¹ Кодзати Ахсар. Телеграмма отчаяния Богу / Столичная, 1991. — 1–30 апреля.

нии Грузии не всем была понятна. Многие удивлялись, почему они так старались развалить СССР, ныне стараются развалить Россию (за развал СССР Горбачев получил Нобелевскую премию и «гонорар» — миллионы, если не миллиарды долларов, за развал России тоже кому-нибудь перепадет), и в это время всеми силами стараются сохранить империю — Грузию. Эту фашистскую страну без каких-либо препятствий приняли в ООН.

Нас во веки веков никогда не лелеяла судьба. В подтверждение приведу строки из стихотворения Сека Гадиаты:

*Вершины на землю глядят свысока,
На юг и на север раскинув отроги;
Утесы стоят, молчаливы и строги,
Сверкает над бездной язык ледника.*

*По склонам потоки кипят серебром,
Ущелья тревожит их голос могучий,
И с Черного моря идущие тучи
Над Черной горой рассыпали гром.*

*Густые туманы ползут по горам,
И скалы укрылись завесой мгlistой.
Кустов рододендрона жесткие листья
Извечную жалобу шепчут ветрам.¹*

(«Родина»)

Но эту «извечную жалобу никто не слышит. И большого секрета здесь нет. Грузинами большей частью являются огрузинившиеся евреи, мингрельцы, сваны, армяне, азербайджанцы, осетины, абхазцы и другие, вынужденные доказывать свое «грузинство» и по этой логике особенно свирепо ведущие себя. Грузия — машина, созданная из частей разных марок машин, еле-еле работает, но неуправляемая, и ее надо таскать на буксире.

¹ Гадиев Сека. Произведения. — Владикавказ, 2008. — С. 143.

Последние 200 лет ее тянула Россия, но в конце XX в начале XXI вв. она и сама ходила с протянутой рукой. Вместо России нужно было прицепиться к кому-нибудь. И нашли такую силу — даже евреев обманывают: тайком их уверяют, что они все чистокровные грузины еврейского происхождения!..

Это их дело. А распад России как сильного государства, на стыке двух веков, все близился. Точнее, российская верхушка этому способствовала. Нужен был еще один Горбачев или Ельцин...

Вот почему Российская Федерация не признавала Республику Южная Осетия. Тем самым она нас хотела подарить нашему горе-соседу. Российское бывшее правительство не защищало ни Южную Осетию, ни Абхазию от агрессора. Хотя Россия была обязана это делать как государство — правопреемник СССР. Кавказ бы уже отделился от России, если бы не В.В. Путин. Потому что до него не защищались интересы Кавказа.

А Осетия сама, не сегодня-завтра, хочет этого кто-нибудь или нет, все равно воссоединится. Осетия даже в одном государстве, — ни во время Российской империи, ни при СССР, — никогда не была единой. Что нас морально убивает и по сегодняшний день. Вот почему в творчестве многих осетинских поэтов наше положение как разделенной страны, разделенной нации, стало главной темой.

И я — не исключение. Воссоединение Осетии была и остается нашей вековой мечтой. Никто не сможет нам помешать в этом. Не сегодня, так завтра сбудется наша мечта:

*Народ единый дружен и силен,
И целостность, сплоченность — это свято!
Но мой народ — раздроблен, разделен
Стараниями недругов заклятых.*

*А судьям — никому доверья нет,
Они ведут себя, как ворог лютый:
Им только б нагрести в карман монет
Побольше, да желательно — валюты.*

Но я — молюсь! И мне внимает Бог:
Прошу у неба воссоединенья
Двух родин...
И быка румяный бок
На пир сзывает все мое селенье!¹

(«Приходите на пир мой». Перев. Наталья Куличенко)

Если Осетия по этой дороге пойдет самовольно, то прольется очень много крови невинных людей. И Осетия будет не одна в Российской Федерации. И тогда опять многие правители получают мировые большие премии и «гонорар» в долларах, как наш бывший, советский горе-президент, как в народе его называют — Михако Горбач. А за границей над всеми нами, над честными тружениками и безмозглыми правителями, будут смеяться еще сильнее.

Мне понятна душевная боль А. Васильевой, говорившей со слов известного писателя Бориса Полевого, «что Солженицын проходил через суд офицерской чести за пасквиль, в котором изобразил советских воинов-освободителей как насильников, мстящих за своих жен и детей. За это Солженицын и подвергся наказанию, отбывая срок в лагере».² И дальше высказывается о Солженицыне: «Мне трудно назвать А. И. Солженицына патриотом своей страны. В своих творениях, публиковавшихся вначале только за рубежом (одна из причин устойчивой неприязни к нам на Западе), он акцентировал внимание лишь на негативе, тем самым раскачивая лодку, которая вскоре и перевернулась».³

Любителей «раскачивать лодку» много и сейчас, и не только в России.

За это мне было стыдно. Стыдно было и за многомиллионный русский народ, который, подобно сказочному великану, никак не мог проснуться, а мошенники растаскивали те ценности, которые он собирал по крупицам.

¹ Р о к с а л а н. Осетинская свирель. — Цхинвал, 2015. — С. 38.

¹ Васильева Александра. Как познать эпоху / Литературная газета, 2016. — 25–31 мая.

² Там же.

Но, когда в 2008 году наш горе-сосед с наемными войсками во главе с полусумасшедшим М. Саакашвили напали на Осетию, чтобы нашу Родину превратить в чистое поле, тогда, благодаря Владимиру Путину и Дмитрию Медведеву, Россия показала свое настоящее лицо, свою мощь. И опять поднялась на высоту поэзии:

*Был момент – восторга зуд
Захлестнул врагов России:
«У Москвы-то сломан зуб!
Великан теперь бессилён!*

*Сброшен в водочный угар,
Безоружен и повержен!»
И на радость всем врагам
Стал зависим, слаб, отвержен.*

*Даже бывшие друзья
Вдруг противниками стали...
Но Осетия моя
Знала: светлый день настанет!*

*На полях духовных битв
И во всех земных сраженьях
Будет враг России бит,
Зло потерпит поражение!*

*Разъяренный, встал медведь,
Разогнал посланцев ада.
Было так – и будет впредь:
За Россию – Бог и Правда!¹*

(«Зуб России». Перев. Н. Куличенко)

А сегодня я рад за Осетию. За Абхазию. За Крым. Рад особенно за Россию. Верю, что в скором будущем воссоединится Осетия. И я убежден, что Осетия и Россия навеки – едины.

¹ Роксалан. Осетинская свирель. – Цхинвал, 2015. – С. 7.

НАШ СВЯТОЙ ДОЛГ

(выступление на научно-практической конференции «Вопросы сохранения и развития традиционной культуры в произведениях писателей «Северного Кавказа». 18–20 сентября 2014 г., г. Владикавказ.)

Осетинская поговорка гласит: «Обычай является фарном, фарн — обычаем». А «фарн» по-осетински — и мир, и спокойствие, и обилие, и счастье, и нрав... Но народ создает их не одновременно и не в один день. Заведующий отделом Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН в Санкт-Петербурге, доктор исторических наук Ю. Ю. Карпов в предисловии к книге доктора исторических наук, профессора Людвиг Алексеевича Цыбырты «Традиционная духовная культура осетин», говорит, что: «Излагаемые в книге материалы передают дух и колорит традиционных устоев жизни осетинского народа. Устой опирались не только на социальный порядок, но и, как убедительно показывает Людвиг Алексеевич, на ощущение, осознание коллективами людей своего места и своих возможностей в мире, в котором они существовали и должны были жить от пращуров до потомков».¹

То, что создается целым народом веками, остается в их крови. Бесспорно, что духовная традиционная культура народа с их лучшими представителями рождается вместе и, как правило, остается на века. Потому у нас часто говорят: «У нартов и лепешки с каравай были».² У них такая священная традиция осталась от своих святых предков, что даже последний кусок хлеба гостю оставляли. А истина проста: «Отдашь людям — не потеряешь».³ Простой смертник все берет от народа и

¹ Карпов Ю. Ю. От редактора // Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. — Владикавказ, 2008. — С. 4.

² Осетинские пословицы, поговорки, загадки. — Владикавказ, 2005. — С. 48.

³ Там же. — С. 33.

от земли, и все это, в свое время, — чем раньше, тем лучше, — надо возвращать обратно. Чем в совершенном виде, тем — внушительнее.

Вот почему наши священные традиции всегда нуждались и нуждаются в открытии, как художественно, так и научно. Великий Коста почти полтора века тому назад в своем известном этнографическом очерке «Особа» был глубоко уверен: «Правильное и всестороннее изучение кавказских туземцев в связи с их прошлым является весьма существенным фактором в деле наиболее успешного развития края. Интеллигентные туземцы, — их теперь немало, — могли бы в этом случае оказать и правительству, и своей родине, несомненно, крупную услугу».¹

Он в своем творчестве не только сохранял, но и развивал традиционное культурное наследие наших предков. Ярким примером того являются его поэтические произведения: «На кладбище», «Всати», «Привычка», «Мужчина или женщина», «Кубады», «Хетаг» и мн. др. И что интересно, он всегда старался, чтобы дотронуться до сути проблемы.

А с каким благоговением Сека Гадияты, основоположник осетинской прозы, рисует адаты наших предков: «Мистала ножом выстрогал из березовой ветки трехгранную палочку и снова обратился к народу:

— Сделаем священные знаки, друзья мои!

Каждый сделал надрез на березовой палочке в знак того, что он клянется быть верным общему делу. Палочку положили в часовню и стали решать, что делать дальше».² Они, предки наши, были преданы и верны своему справедливому слову.

Или другой пример. Когда Таймураз, договорившись тайком с любимой девушкой Азау, похитил ее и во время преследования десять человек были убиты — по пять с той и с другой стороны, то, не желая больше

¹ Хетагуров Коста. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. — М., 1974. — С. 228.

² Гадиев Сека. Азау. — Цхинвал, 1984. — С. 9.

невинного кровопролития, глава ущелья, пророк Мистала Рубайты, решает: «Мы один народ, одна семья. Какой бы палец ни отрезать — будет одинаково больно. Как не властны мы над жизнью — так же не властны и над смертью. И та, и другая в большей власти. Требуя смерти, мы нарушаем порядок, установленный богом, и губим две души из нашей семьи. Приговорим их к изгнанию, дорогие мои!»¹

Предок наш всегда был хозяином своего слова. Потому считал своим долгом не обидеть даже кровника-гостя в своем доме. Когда гудские абреки появились в ущелье Дзимыр, то хозяева отлично знали, что если они им предоставят убежище, то их враги, — царская армия и князья наших горе-соседей, — не простят им этого — попытаются их село сравнить с землей, но гостеприимных хозяев это не остановило: «Тогойта гостей встретили с большим радушием, предоставили им свою родовую башню, где они могли быть в полной безопасности».²

В этом и хозяева, и гости были вполне уверены: «Башня их была прославлена. Ей, сложенной из цельных горных камней, не было равных в прочности, она считалась неприступной. У самого входа в башню была надпись: «Пусть тому, кто струсит и покинет эту башню, суждено будет пить воду из одной лоханки с собаками. А коли башня не устоит перед врагом, пусть не найдет покоя на том свете душа сложившего ее».³

Тогойта приняли жестокий удар врага, но не сдали своих гостей. Против кровожадных захватчиков с гудскими абреками вместе, как подобалось, героически сражались до конца жизни. И, как настоящие герои, остались в истории.

Много прекрасного можно вспоминать о культе предков, о культе животных, о традиционной культуре и обычаях. Священные были отношения между стар-

¹ Гадиев Сека. Азау. — Цхинвал, 1984. — С. 27.

² Зарджыгæ, таурæгъгæ, æмбисæндтæ. — Цхинвал, 1977. — С. 182—183.

³ Там же.

шими и младшими. О достижениях и мужестве мужчин, об их уважении к женскому полу осталось много народных сказаний и легенд. Но кто скажет, что все это художественно не отобразено в произведениях классиков осетинской литературы Арсена Коцойты, Елбыздыко Брытиаты, Цомака Гадиаты, Георгия Малити, Нигера, Чермена Беджызаты, Созрыко Кулаты и многих, многих других.

На этом поприще далеко не отстают и современные осетинские писатели. Когда могучий Бега Коцты, герой исторического романа «Кровь предков» Нафи Джусойты, после жестокого сражения с царскими войсками в Нарской котловине случайно увидел хилого, раненого солдата Олега, то недолго думал. Ему ничего не стоило одним взмахом сабли отрубить слабому, раненому врагу голову, но честь предков не дала ему право ошибиться. Вместо этого, как полагается мужественному человеку, он сажает его в седло и везет домой, чтобы не дать чужому ребенку умереть. Мы понимаем, это — адат человеколюбия, который, как божий подарок, достался нам от наших предков. И Олег, или, как Бега назвал его, Алэг ему отвечает взаимной преданностью и, когда понадобилось, умирает за свою свободу и за свободу горцев.¹ И сколько можно привести таких примеров из современной осетинской литературы! Да и из других литератур народов Кавказа.

Меня удивляет другое — когда многие деятели искусства и словесности «забывают» традиционную культуру своего народа и «приобретают» культуру других народов. И начинают на весь мир кричать и хвастаться, мол, смотрите, какие мы молодцы. То есть чужую традиционную культуру «прихватизируют» с «чистой» совестью и начинают делать все, чтобы им поверили. Потом, что самое удивительное, и сами начинают верить в это.

За примерами далеко ходить не надо. Все знают, что известные так называемые «грузинские народные»

¹ Джусойты Нафи. Фыдæлтæ туг. — Цхинвал, 1964.

танцы «Картули» и «Лекури» на самом деле не их танцы, но мы же все ровно молчим.

Позорным, на мой взгляд, является то, как они нагло присваивают осетинский народный массовый танец «Симд». Этот танец Богов, как принято в народе говорить, они переименовали по-своему, в конце прибавив присущий их языку окончание «и» — «Нарнари». Такой наглости и в каменном веке не встретишь.

Да, они не брезгают ничем. Им понравилось выражение «Осетинский стол — академия» и, как один, начали кричать: «Картвели супра — академикосиа!», то есть, «Грузинский стол — академия», но пока, несмотря на то, что пьют часто и досыта, еще не усвоили даже простые правила ведения настоящего стола. Не знают даже, кто должен быть тамадой за официальным столом и где он должен сидеть.

По их мнению, и, проследившая их современную литературу, искусство, кавказскую мужскую и женскую формы как будто придумали и носили только они. А на самом деле, судя по их давнишним фотографиям, даже князя не имели такую форму, она для них была недоступной роскошью.

В «Энциклопедическом словаре» Ф. Брокгауза и И. Ефрона читаем: «Одежда Г. состоит¹ из бумажной, весьма часто цв(е)тной² рубашки и ситцевого архалука, застегнутого на груди и руках мелкими пуговицами, сверх каторого надева(е)тся чоха, съ длинными откидными рукавами...»³ И дальше еще любопытнее: «Г. вообще неопрятны: б(е)лье носить долго и надевают новое платье только когда старое д(е)лается никуда негоднымъ, или въ исключительныхъ случаяхъ (женитьба, праздникъ и т. п.).»⁴

¹ Текст печатается по грамматике того времени.

² Скобки ставлю я, так как в современном русском языке другого, старого «е» больше нет. — *Авт.*

³ Энциклопедический словарь. — С.-Петербургъ, 1898. — С. 792.

⁴ Там же.

Это было недавно — в 1898 году. И об этом пишут их ученые. А они, свой народ знали и знают лучше нас. Но мы тоже знаем, что народ, постоянно занимающийся «прихватизацией» чужого добра, а тем более чужой общеизвестной традиционной культуры, в конце концов остается ни с чем. И об этом не стоит забывать. Ибо, как писал наш предок, скифский мыслитель VI века до нашей эры, великий Анахарсис: «Спрошенный о том, почему люди всегда огорчаются, Анахарсис ответил: потому что огорчаются не только вследствие своих собственных несчастий, но и ввиду чужого добра».¹

Кстати, если посмотреть книгу «Кавказские женщины», куда вошли фотографии, сделанные в XIX веке, то в типичном, можно сказать, кавказском одеянии кроме осетинок можно увидеть кабардинку и чеченку.²

Великий Аристотель прав был, говоря: «...одна ласточка не делает весны и один [теплый] день тоже; точно так же ни за один день, ни за короткое время не делаются блаженными и счастливыми».³

В произведениях нынешних писателей часто традиционную народную культуру начинают заменять только уголовные законы, различные положения, указы, и нарушается связь между поколениями, что впоследствии приводит к деградации целые народы и государства.

Нам никто не дал и не даст такого права, чтобы забыть нашу традиционную культуру, которую целый народ создавал веками. В ней — *фарн* и история наших предков. Она — наше знамя, которое мы должны нести, подняв высоко.

Когда наши друзья-кавказцы, да и представители других народов, нас часто спрашивают, не обидимся ли на них, если они Коста назовут и своим поэтом, то я их понимаю — великий писатель и их чаяния рисо-

¹ Козаев А. И. Анахарсис. — Цхинвал, 1982. — С. 128.

² Мах дуг, 2014. № 3. — С. 100–110.

³ Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4. — М., 1984. — С. 64–65.

вал, защищал и их права, потому принимают его так близко к сердцу. Это — любовь друг к другу. Она тоже, как традиционная культура наших народов, вошла в нас, в нашу душу и мы все, не только писатели, но все народы должны хранить ее на веки веков, как зеницу ока. Это наш святой долг перед ушедшими и перед будущими поколениями.

ОПУСКАЯ ГОЛОВУ

Как известно, из всех трагедий, которые случаются по вине человека, самой трагичной является война. А из всех войн, которые знает человечество, самой бесчеловечной, не знавшей аналогов в мировой истории, была Великая Отечественная война. Со дня Великой Победы над фашизмом прошло уже больше семидесяти лет и еще точно никто не знает, сколько невинных душ растоптала, уничтожила это чудовище. Только человеческие жертвы исчисляются миллионами, десятками миллионов.

Почти все народы бывшего Великого Советского Союза против гитлеровского фашизма бились бок о бок, не считая тех, которые, подобно нашим горе-соседям, после распада Союза «чистосердечно» признались в том, что себя добровольно сдавали в плен, и этим наносили удар социалистическому строю и России. Великая Родина братских народов, «благодаря» таким предателям, ничтожествам, несла большие потери.

Эта война не обошла стороной и маленькую Осетию. Можно сказать, что из всех осетин, которые могли взять в руки оружие, мало кто остался в тылу. Осетия на борьбу против фашизма направляла лучших своих сынов и дочерей. Майор Казиты по этому поводу говорил, что, если грянула война — осетин с оружием в руках должен быть на коне. Но в Великую Отечественную войну, в те трудные годы не только мужчинам, но и многим осетинским женщинам пришлось воевать против фашизма.

Я горжусь тем, что являюсь сыном и зятем ныне покойных отца и тестя — участников и победоносных воинов великой битвы. Солдаты и после войны оставались солдатами и, благодаря им, весь советский народ смог поднять разрушенное государство на ноги. Не было бы таких, не было бы и нас с вами.

И осетинские поэты не могли в своих песнях не восхвалять героизм осетинского солдата, да и вообще советских солдат, которые за родину были готовы в любую минуту отдать свою жизнь.

Поэт Реваз Асаты с гордостью вспоминал о героизме нашего земляка Лазаря Дзотты. Он смотрит на его комсомольский билет и видит, как: «На серой обложке Пятно расплылось: Билет комсомольский Прострелен насквозь». И перед глазами поэта-фронтовика встал суровый, жестокий бой:

*«Вперед! — он твердил себе. —
Только вперед!»
Но путь преградил ему
Вражеский дзот.*

*И, смело рванувшись
К нему напрямик,
Он грудью своей
К амбразуре приник.*

(«Баллада о твоём комсомольском билете». Перев. Е. Елисеев)

Ценою своей жизни открыл дорогу своим друзьям к победе. И сколько совершалось таких героических подвигов на фронте! Сколько юношей и девушек отдали свою жизнь за освобождение Отечества. А разве только молодые умирали? Моему отцу было тридцать семь лет, и в тылу он оставил шестеро своих беспомощных детей, старую мать и троих сирот своего покойного брата на попечение моей матери. От беспощадных фашистов начал очищать осетинскую землю на севере Осетии и пешком дошел до северной столицы великой России — тогда Ленинграда, пока в 1943

Воинов — сынов достойных
Семерых лишилась мать.
Семь гробниц в тени дорожной
Средь могильной тесноты.
А гробницы-то — порожни.
А черкески-то — пусты.

Мать уже никогда не погладит рукой своих сыно-
вей. Но и не хочет верить в их кончину. Она их видит
живыми:

*И черкеске, словно сыну,
Говорит в печальный миг:
— Почему не слышу вести
И не вижу я письма.
В нем о фронте — честь по чести —
Прочитала б я сама.
Семь черкесок. А в неделе
На беду мою семь дней.
Семь сынов — все улетели,
Семь любимых сыновей.
Мать сынов своих ласкает.
Семь черкесок. Семь забот.
С горя трескаются скалы.
Небо ливнем слезы льет.*

(Перев. Л. Озеров)

А мой однофамилец, старый Зено Казиты, из села
Чхараул Цхинвальского района, в ряды защитников
Родины отправил девять своих сыновей!

Подобных семей в Осетии, к сожалению, немало.
На войне сражался каждый пятый житель Осетии. А
из Южной Осетии — каждый четвертый!

Каждый второй из них не вернулся домой. Каж-
дый второй! И умирали они смертью храбрых. Комсо-
молец Лазарь Дзотты, о ком писал поэт Реваз Асаты,
умирая тяжело раненным, написал своей кровью заве-
щание, где с гордостью говорил: «...дерусь до после-
дней капли крови за честь, за свободу, за независи-
мость советской земли. Я верен своей воинской прися-
ге, которую принял перед лицом великого моего наро-

да. Считаю себя до последней минуты жизни верным сыном народа...». Вот как Гафез вспоминал о своем поколении: «Когда ж война поход нам протрубила, — / мы в бой пошли под проливным огнем. / И в том аду девизом нашим было: / «Умрем мы все, но Родину спасем!» («Мое поколение»). И на самом деле с героизмом спасали Родину.

В гвардейской истребительной авиадивизии генерал-майора Ибрагима Дзусаты было воспитано свыше двадцати Героев Советского Союза. В том числе такие известные личности как трижды Герой Советского Союза, позднее — маршал авиации Александр Иванович Покрышкин, дважды Герой Советского Союза, полковник Дмитрий Борисович Глинка и другие. А о летчике-штурмовике Василии Чочиты и сейчас рассказывают такие легенды, что волосы дыбом встают. Да и поэты о нем сочинили много песен и поэм.

О том, какой героизм проявляли осетинские воины на поле брани, ярко говорят такие примеры, что из нескольких не очень больших сел звания Героя Советского Союза получили по двое-трое человек.

Я не говорю о генералиссимусе И. В. Сталине, чье осетинское происхождение оспаривают и приписывают себе наши горе-соседи. Наряду с его минусами в работе о его подвигах знает весь мир. Даже его идейный враг Уинстон Черчилль признал, что Сталин был великим руководителем — государство принял с сохой и оставил его с ядерным оружием.

О мужестве прославленного осетинского полководца, генерала Армии, дважды Героя Советского Союза, Героя Монгольской Народной Республики, Героя Карибского кризиса, о ком видный государственный и партийный деятель, дважды Герой Социалистического Труда Андрей Андреевич Громыко отозвался так: «Выдержка, железная воля и твердый расчет генерала Плиева спасли мир от ядерной катастрофы». Иску Александровича Плиты вспоминаем часто, но забываем наших других легендарных героев. Героями Советского Союза — генералом армии Георгием Ивановичем Хе-

таггаты, легендарным разведчиком, генерал-полковником Хаджи-Умаром Джиоровичем Мамсыраты и другими гордилась не только Осетия, но и весь Союз Советских Социалистических Республик.

Понятно, что на войне, где каждый настоящий воин до последней капли крови борется за Свободу, всегда будут герои. Потому и осетины, по численности населения, по количеству Героев Советского Союза заняли первое место. Не зря говорил известный русский писатель и воин Петр Павленко: «Слово «осетин» с уважением произносится на всех фронтах Отечественной войны, ибо осетины показали себя храбрыми, честными воинами».

Каждый воин-осетин был готов принести свою голову в жертву Великой Победе, за нашу Великую Родину, в том числе тысячами умирали за свободу Украины, бывшее руководство которой в августе 2008 года посылала своих убийц-боевиков и современное смертоносное оружие в фашистскую Грузию, чтобы Республику Южная Осетия превратить в чистое поле.

И очень старались. Убивали всех от маленьких детей до стариков. Разрушали все, что им попадалось на пути. Объединенная с их западными «единомышленниками» свора не щадила никого. Разграбляли даже памятники героям Великой Отечественной войны и великим ученым!

Им мешали памятники Исса Плиты и ученого Васо Абайты! И в них стреляли. И в этом как будто уже нет ничего удивительного. Так поступали всегда враги человечества — фашисты и вандалы. Но все же болит сердце — до чего опускается человек; как низко падает?

Но их планы с их западными «братьями» не закончились бы на этом, если бы им не помешала Великая Россия. И как не написать о том героизме, который был проявлен в Южной Осетии?!

*Летят снаряды
с неба вереницей.
Земля
уходит из-под ног.*

*За собственную тенью,
что ль, укрыться,
Чтоб шквал огня
достать не смог?*

*А ты — как неземной...
Тебя не сможет
Царапнуть пуля...
Будь, Чреба,
в веках!
Настанет час —
и голову положит
К ногам твоим
безумный враг.*

*И с кем он будет жить,
каменоголовый?
А Правда —
все равно права.
О, Чреба,
мы в сраженьи
пасть готовы,
Была бы ты жива!*

(«Чреба». Перев. И. Гурджибекты)

Спасибо России, спасибо русскому народу, спасибо Путину и Медведеву и всем нашим братьям, которые своих сограждан не бросили на произвол судьбы в борьбе с кровопийцами и опозорившими человеческое имя нелюдьми.

Во время Великой Отечественной войны Великий Советский Союз и участники кровавой войны принесли долгожданную Победу не только народам бывшего Советского Союза, но и всему миру, и потому так неопределима их борьба за мир. Этого Осетия еще сильнее поняла после кровавой грузино-осетинской войны 08.08.08 года.

Низкий поклон всем участникам-победителям этих войн — Великой Отечественной и грузино-осетинской.

Ибо после кровавой войны 2008 года на земле Осетии нет ничего слаще праздника Свободы и Победы.

БЛИЖЕ К СЕРДЦУ¹

Кавказ всегда славился своими аксакалами и джигитами. Я уже не говорю о воинах, которых можно встретить в любом доме. По необходимости и женщины, и дети становятся защитниками очага, если понадобится их помощь.

У аксакалов и джигитов слово дороже, чем жизнь. А, как мы знаем, слово было Бог. Слово же в устах поэта оборачивается настоящим живым существом, чудотворящим Богом.

Именно открыто, чтобы весь народ услышал его, сказавший:

*Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть —*

Расул Гамзатов был таким поэтом, который с помощью поэтических чар мог слово превратить в Бога.

Это дано только великим, поэтам от Бога. И если я скажу, что Расул Гамзатов был великим поэтом, то не открою...

По привычке хотел сказать «Америку», которую открыли европейцы, но прошло уже сколько времени, и никак уже ее не в силах «закрыть» весь мир; и Америка, точнее — США, всем несут зло, насилие и смерть. Это мы видели в Японии, во Вьетнаме... То же самое видим в Палестине, в Ираке, в Афганистане...

Это мы на днях испытали на своей шкуре на юге Осетии — руками грузинских неонацистов, американских, украинских, чернокожих наемников и инструк-

¹ Это выступление подготовил к 85-летию юбилею Расула Гамзатова «Белые журавли» в Махачкале к 8-му сентября 2008 года, но накануне, 6 сентября ночью, в Ингушетии террористы взорвали мост и представительство Дагестана попросило делегацию Осетии воздержаться от выезда, так как боялись новых терактов.

торов с помощью оружия стран НАТО хотели нашу Родину — Южную Осетию — превратить в чистое поле. Свою смертоносную, разрушительную военную операцию не зря назвали «Чистое поле». Только мощь русского оружия укоротила грязные руки смертоносных захватчиков.

Все это я вспомнил потому, что США, примерившие на себя роль мирового жандарма, несут ненависть и смерть, а настоящая поэзия, особенно такая, как поэзия Расула Гамзатова, сближает народы мира и во веки веков вооружает их знаниями, радостью, любовью. Поэтому наставляет поэт-мудрец:

*Приняв кинжал, запомни для начала:
Нет лучше ножен места для кинжала.*

(«Надписи на кинжалах»)

Не только на Кавказе, но и в мире мало поэтов, которые в шестнадцатилетнем возрасте, пусть и «по его собственному признанию», считали себя настоящими поэтами.

Думаю, он имел на это полное право. Говоря словами самого писателя, он не затем создавал, чтобы песня его забавляла его любимую или подвыпивших гостей. Он творил, чтобы песня его Родине трудиться помогала. И даже дидактика в устах поэта превращается в цветущую поэзию. Мы, положи руку на сердце, верим ему, что не надо выносить «спешных приговоров», потому обращается к своему собрату по перу:

*Учи, поэт, суровые уроки
И не бери без боя города,
Чтоб наскоро написанные строки
Не рвать потом, сгорая от стыда.*

*Ты сел в седло, веселый иль угрюмый,
Не торопись, уму не прекословь,
На полпути остановись, подумай,
И оглянись, и путь продолжи вновь!*

(«Не торопись»)

И мы верим ему. Верим Человеку с большой буквы, чей язык, если умрет завтра, он сам готов сегодня умереть. Не верить ему нельзя. И это самое главное.

Если бы он так сильно не любил свой родной язык, свой народ и свою Родину, вряд ли бы он поднялся так высоко.

Я уверен, Расул Гамзатов не нуждался и не нуждается в моих хвалебных словах. Но тем не менее не сказать не могу. На Кавказе высоких, прекрасных гор, ой как много(!), но Эльбрус выше всех; в двадцатом веке Кавказ миру дал, ой как много прекрасных поэтов(!), но Расул нашим сердцам ближе всех!

А мне разрешите прочесть одно стихотворение о моем родном уголке, который восемнадцать лет находился под грязным каблуком нелюдей и только недавно, благодаря России, приобрел свободу, — о Ксанском ущелье:

ЧЫСАНГОМ

*Цай, наертон лаг, аербахиз мае уаердонмае,
Исты сау аефсон ма скаен, —
Ацъыкк каендзыстаем махмае, Чысангоммае, —
Уым цъаех дзенает у махен.*

*Уым баегъатыр Антъоны наергае номыл
Бон дaер уаз цырагъ судзыни.
Уым Уасо аемае номдзыд Хацыроныл
Адаем таураегътае дзурыни.*

*Уым зaехкусаег арм — ардуаны баесты,
Фарнимae сты аемцаедис.
Уым даем сенаефсир — мин сау къаейных цаесты —
Расыг ныкъуылд каендзенис.*

*Уым дае 'наезонгае исчи куы фаехона,
Ууыл дисмаердтае ма каен.
Акув, аназ-иу нуазен — аертaехдонау.
Зараег — фарнхаессаег махен.*

*Уым – андон дурæй лæмæрст – нæ ирон дзырд,
'Хсæры ныкккæрæццау, зæлы.
Байсæрста йæ 'хсыры цы сагсур гуырд!
Ронгау базмæлы сæры.*

*Саулагъз, саудзыкку сатæг чызг бахуддзæн,
Хурты хурау – йæ бакаст.
Ау, лæппу ма дæ?
Уарзтæй дæ басуддзæн –
Мады Майрæм дæм ракаст!*

*Цæй, нæртон лæг, сæрбахиз мæ уæрдонмæ,
Исты сау æфсон ма скæн, –
Ацъыкк кæндзыстæм махмæ, Чысангоммæ.
Уым уæлдзæнæт у махæн!*

06.09.08

БРАТЬЯМ-ПИСАТЕЛЯМ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Уважаемые братья-писатели!

Писатель писателя может смело называть и братом, и товарищем, и, выражаясь словами Пушкина – товарищем по несчастью. Не потому, что писатели несчастные люди. Человек, взваливший на свои плечи радости и невзгоды всех времен и народов; человек, художественно отражающий историю и повседневную жизнь своего народа – непременно счастлив.

Нести такую ношу и великану из сказок не по силам. А писатели всего-навсего простые смертные люди. И человек, добровольно взваливший такую ношу на свои плечи, в глазах многих его соотечественников, безусловно, несчастный.

Но истинный писатель должен гордиться собой, ибо он во все времена совершает великий подвиг. Гениальный осетинский филолог Васо Абайты ведь не зря сказал: «...хорошо известно, что поэтам удается нередко гораздо глубже и совершеннее проникнуть в дух и характер изображаемой эпохи, чем самым добросовестным и кропотливым специалистам – историкам».

Если это так, в чем я ничуть не сомневаюсь, то труд писателя надо ценить высоко, а писателей беречь, как зеницу ока, что мы наблюдаем нечасто. Наоборот, некоторые чиновники нередко себе позволяют унижать нашего брата, доказывая нам, что источники жизни – жизненные рычаги, находятся в их руках и, оскорбляя писателей, тем самым часто рубят сук, на котором сидят.

Несмотря на то, что нашему Союзу писателей 84 года (Ассоциация пролетарских писателей Южной Осетии организована в 1926 году), а Союзу писателей Приднестровья 15 лет, эта разница нам не мешает жить дружно и сотрудничать по-братски.

Когда по случаю избрания на пост Президента Приднестровской Республики я поздравил Игоря Смирнова, в ответе уважаемого человека было сказано: «Надеюсь, что плодотворное сотрудничество между творческими союзами Южной Осетии и Приднестровья будет успешно развиваться и крепнуть в интересах народов двух государств и в последующие годы».

Чудесные слова. Но, к сожалению, мы до сих пор еще как следует не воспользовались нашими возможностями. Уже давно пора особое внимание обратить на художественную литературу. Только с ее помощью сможем донести настоящую истину нашим потомкам. И я горжусь, что это воистину почетное, благородное дело досталось нам, писателям.

Чтобы показать грязь войны и светлое лицо свободы, наши с вами писатели сделали и делают все возможное и невозможное. Многие из нас порой жизни не жалеют для этого огромного и неотложного дела. И это похвально! Особенно на уровне наших государств.

Но все ли делается для того, чтобы их творения вовремя находили своего читателя? Сделали ли мы все возможное или хоть что-нибудь, чтобы наши требовательные читатели лучше знали друг друга?

Ключи к этим вопросам не в наших руках. К сожа-

лению. Но нас никто не освободит от ответственности. И в этом есть своя правда.

Когда я получил приглашение на этот форум, на съезд писателей Приднестровья, то мы, вместе с маленькими внучкой и внуком читали стихи приднестровских поэтов. После каждого стихотворения они, восхищаясь, говорили: «Чудесно!», — и это до сих пор радует.

Наши народы давно признали друг друга как граждане свободных государств. И это «сладкое слово» — «Свобода» мы не намерены отдать в чьи бы то ни было руки. Но мы должны держать его высоко с помощью другого, не менее сладкого слова — Поэзия.

«Плодотворное сотрудничество между творческими союзами Южной Осетии и Приднестровья» давно должно «успешно развиваться и крепнуть в интересах народов двух государств».

Сердцем чувствую, что многие из нас на эту тему создадут еще многие художественные произведения, и неважно, на каком языке они будут сотворены, но самое главное — чтобы нашим братским народам они были доступны.

Дорогие товарищи, братья мои, от всей чистой души желаю всем вам и каждому из вас новых творческих успехов и чтобы вся радость этого «сладкого слова» — «Свобода» — почувствовали во всей его полноте в скором будущем.

V

**МЕЛИТОН КАЗИТЫ:
«НА СЛОВАХ ВСЕ ЗА РАЗВИТИЕ
ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА,
НО ПОЧЕМУ-ТО ВСЕГДА НАХОДЯТСЯ
ДЕЛА ПОВАЖНЕЕ»**

Многовековая история осетинского народа насчитывает много таких периодов, когда происходило не только физическое уничтожение нации, но и моральное ущемление, искусственное торможение развития богатого наследия наших предков. Наверное, мы настолько привыкли к роли постоянной жертвы, что и сегодня, когда, в принципе, можем развиваться, — преступно бездействуем. Находясь в состоянии глубокой спячки, общество тем не менее предпринимает попытки экономического выживания, тем временем напрочь забывая о необходимости пицци духовной, и пока разгребается гора социально-экономических проблем, внушительными кусками разваливается такое понятие как «ирондзинад», основными составляющими которого являются наш язык и литература. Отсутствие внутриидеологической работы постепенно приводит к затянувшемуся молчанию наших муз, а попытки изменить что-либо при помощи громких докладов с высоких трибун результатов не дают, ибо предложения по развитию национального языка и литературы не находят практического применения. Скорее всего, все мы осознаем наше губительное равнодушие к собственному языку, но не можем принципиально что-либо изменить, тщательно продумать методы сохранения культурного наследия наших предыдущих поколений, при этом располагая хоть какими-то материалами. О сегодняшнем положении осетинской литературы мы беседуем с председателем Союза писателей РЮО Мелитоном КАЗИТЫ.

— Мелитон Резоевич, начиная с 1992 года, в Южной

Осетии вышло всего несколько книг по художественной литературе, и они в основном результаты творения наших известных писателей. За эти годы широкая читательская аудитория не открыла для себя ни одного нового имени в осетинской литературе. Неужели нет молодых талантов?

— Эта проблема не только писателей, но и искусства в целом. Сегодня везде наблюдается падение престижа творческих профессий, и если где-то с этим пытаются бороться, то у нас для этого в высших инстанциях не делается, можно сказать — ничего.

Общество вынуждено делать упор на зарабатывание денег, идет борьба за элементарное выживание, а писательский труд, к примеру, не может достойно оплачиваться. Наряду с уже известными писателями пишут и некоторые представители молодого поколения, причем последние зачастую представляют очень достойные произведения, но все они ограничены в возможностях заявить о себе. О писателе судят по его книгам, а если их нет, то, следовательно, нет и писателя. Читателю же не объяснить, что рукописи их книг годами пылятся в ожидании издания. Зачастую, не дождавшись выхода своей книги, молодые писатели отказываются от своих идей и вынуждены бывать заниматься иными делами, далекими от творчества.

Очень хорошие, интересные произведения пишут молодые Ирбег Маргиты, Олег Кудухты, Александр Джиоты, но они известны только узкому кругу, широкой аудитории их имена ни о чем не говорят. Это может показаться абсурдным, но труд автора любой книги, какого бы формата она ни была, оценивается в 3000 рублей. Иногда авторы, заждавшись рождения своего детища, готовы отказаться и от этой суммы. Многие скажут, что, мол, подумаешь, 3 тысячи рублей, зачем мелочиться, главное, чтобы книга вышла. Но не могут же писатели работать бесплатно? Если кто-то получает за свой труд на каком-либо предприятии зарплату, то и писатель, пишущий произведения, тоже

трудится и, соответственно, его труд должен оплачиваться.

— Наверное, то, что у нас мало пишущей на родном языке молодежи, в какой-то степени связано с очень слабо развитой сельской местностью, ведь именно там чаще всего хранятся духовные ценности нашего народа и именно в основном из деревень вышли наши именитые поэты, прозаики, драматурги, имеющие богатую духовную базу для творчества...

— Если говорить, что миграция из наших сел началась только в период последнего геноцида осетинского народа, то это будет не совсем правильно. На протяжении многих десятилетий нашими горе-соседями проводилась специальная политика, направленная на недопустимость развития осетинских сел. Это касалось в основном высоких сельскохозяйственных налогов. Для сравнения, в осетинских селах основные налоги были в три раза выше, чем в соседних грузинских. Люди, конечно, этого не выдерживали и, спасаясь от нищеты, массово мигрировали в Северную Осетию, а то и в соседние грузинские села, отсюда так много огрузиневшихся осетин в Грузии. Вообще, в XX веке осетины подверглись трем геноцидам, а не двум, как все мы считаем. 1937 год для Осетии может сравниться и с предыдущим, и с последующим геноцидами. Вся наша интеллигенция пострадала в 37-ом, тех, кого не расстреляли, превратили в живых трупов, их настолько ограничили в творчестве, что тем самым вынуждали деградировать. В тот самый злополучный год в Осетии всего двум писателям — Арсену Коцоиты и Нигеру, да и то только с помощью покровителей, удалось избежать ареста. Но основным ударом было то, что был затронут и наш национальный язык, была изменена письменность. Сегодняшнее поколение никто не ограничивает, но оно сейчас живет уже по другим понятиям, ориентируясь на иные ценности. И уже нет отличия городской от сельской молодежи, и, если кто-то географически живет в селе, то это не означает возвы-

шенность его понятий и преимущественную духовность по сравнению с другими.

— Не затрагивая вопрос военной агрессии со стороны наших соседей, от которой мы, к сожалению, не застрахованы, хочется поговорить о том, что мы можем сделать и не делаем внутри нашего государства. Казалось бы, все то, о чем Вы говорили выше, осталось в прошлом, сегодня мы, имею в виду Южную Осетию, — самостоятельное независимое государство, которое в силах решить хотя бы некоторые свои проблемы, в данном случае вопросы развития языка и литературы. Почему откладывается вопрос принятия единой государственной программы развития нашего языка?

— Последний раз государственная программа развития осетинского языка была принята в конце 80-х годов прошлого века, но как раз на тот момент пришлось военная агрессия против Южной Осетии, и нам стало не до ее исполнения. В середине 90-х годов я, будучи заместителем Председателя Парламента, возглавил комиссию по развитию осетинского языка, которая разработала государственную программу в этой области. Тогда многие в Правительстве выступили против принятия данной программы, объясняя это тем, что ее реализация требует слишком много финансовых затрат. Даже некоторые из наших знаменитостей только потому против принятия этой важной программы, что не они участвуют в работе принятия программы, хотя в этом им никто не мешает. Почему-то на словах все за развитие осетинского языка, но на деле выходит иначе. В нашем государстве всегда находятся дела поважнее, а при таком раскладе говорить о принятии конкретной программы не имеет смысла. Не говоря об общей какой-то программе, есть и другие важные моменты, которые нам попросту необходимы. Когда-то давно, в пору моей юности, я слышал, что наш НИИ готовит к выпуску «Толковый словарь осетинского языка», но за много лет мы никак не можем этого дождаться. Если хотя бы такие книги, которые помогают обогащать родной язык, не будут выпускать-

ся, для нашего общества, то наш язык, уникальный по своему богатству, попросту обречен. Вдобавок ко всему, в обществе наблюдается разрозненность взглядов на вопрос литературного языка. Некоторые «знатоки» осетинского языка распространяются о создании «нового кударского» литературного языка. Между тем, аргументированные, на их взгляд, доводы направлены на раскол общества и тем самым перечеркивается и наше стремление к единству с северной частью Осетии. Раз мы один народ, то и язык (литературный) у нас должен быть единый, тем более, что нормы литературного языка, утвержденные в 1958 году еще никто не отменял. Если даже и отменим, то это будет большой ошибкой.

– Да, но если и на кударском говорить, избегая употребления иноязычных слов получается тоже звучно и красиво... Наша основная проблема заключается не в том, кто на каком наречии или диалекте говорит, а в том, что людей, разговаривающих на осетинском языке, вообще становится все меньше.

– Как можно сделать кударский говор литературным языком, если вся история нашей литературы, все произведения наших классиков написаны на языке великого Коста. Ведь если читать их на кударском говоре, некоторые конкретные слова иногда произносятся как нецензурные. На кударском говоре как будем читать стихотворение Коста «Мать сирот» («Сидзæргæс»)? Коченеет ворон... Где? На кударском говоре даже неудобно думать об этом. Ужасно плохо звучит.

Вот почему основоположник осетинского литературного языка Коста говорил: «Если я пишу то или другое слово так, а не иначе, то я пишу сознательно, я над ним долго ломал голову...». И сейчас мы хотим его произведения выставить... курам на смех? Думающий человек, кто бы он ни был, нам никогда не простит этого.

Почему нам кажется трудным придерживаться норм литературного языка, ведь это, к слову, не китайский язык изучать, есть лишь разница в определенных со-

гласных звуках и любой публичный человек обязан их придерживаться. Я не знаю ни одного из наших ученых-языковедов, который бы говорил об изменении норм литературного языка, этим занимаются, в основном, люди, далекие от языкознания. И кажется, хватит уже говорить о попытках изменить существующий алфавит на латинский, мы не можем развивать даже то, что имеем, а уж с нуля начать и подавно не сможем.

Я согласен с Вами в том, что людей, разговаривающих на родном языке, становится все меньше. Если долгие годы нас заставляли изучать и говорить на других языках, то все же в сельской местности, в деревнях удавалось сохранять и беречь нашу культуру, наш язык. Сегодня села большей частью обезлюдели, а в крупных селах Северной Осетии вообще говорят по-русски.

Сейчас больше внимания нужно уделять малышам, которые только начинают учиться, прививать им любовь к родному языку, а если надо, то и обязывать учить осетинский, чтобы не выросло еще одно поколение, которое не будет знать родной язык, богатую историю своих предков.

— Почему не открываются экспериментальные классы в начальной школе, где изучение всех предметов будет вестись на родном языке? В одно время об этом говорили на достаточно высоком уровне...

— К сожалению, такой класс открыт только в шестой школе. Дети, которые учатся в этом классе, с 1-го класса изучают все предметы только на родном языке и, по словам их учительницы, обучение идет достаточно успешно. В дальнейшем, если этот эксперимент приживется и докажет свою состоятельность, можно будет открывать аналогичные классы и в других школах.

— А как разрабатываются для них программы? Есть ли необходимые учебники на осетинском языке?

— Эти программы и учебники имелись в наличии давно, но ими никто не пользовался, так что в этом вопросе проблем нет. Многие наши выдающиеся зем-

ляки в школах учились только на родном языке, но это не помешало им впоследствии изучить и другие языки. В осетинских, причем сельских школах учились Васо Абайты, Нафи Джуссойты и многие другие наши именитые люди.

— Мелитон Резоевич, в этом году исполняется 80 лет со дня выхода в свет первого номера печатного органа Союза писателей РЮО журнала «Фидиуæг». Сегодня «Фидиуæг» переживает не лучшие свои времена, тем не менее такой юбилей не может пройти незамеченным...

— Появление журнала «Фидиуæг» в 1927 году стало большим событием в Осетии. «Фидиуæг» поставил перед собой большие задачи в деле становления осетинской литературы и науки, долгие годы журнал публиковал лучшие произведения и научные труды нашей интеллигенции. Сегодня журнал частично утратил совершенность, зачастую публикуя не совсем оригинальные материалы. Вдобавок к этому огорчает и то, что журнал выходит всего лишь в два месяца один раз, а это негативно влияет на нашу современную литературу в целом. Сегодня ставится вопрос о том, чтобы журнал вновь стал ежемесячным, и хочется надеяться, что улучшится и его содержательность. Конечно, такая дата не может остаться незамеченной. По празднованию юбилея «Фидиуæг»-а создана комиссия на государственном уровне, разработан комплекс мероприятий к этой дате. Дай Бог, чтобы коллектив журнала нашел силы и возможности для преодоления трудностей и возвращения «Фидиуæг»-у былой оригинальности.

Беседа вела Рада Загойты

ЯЗЫК НАШ КРАСИВЫЙ И БОГАТЫЙ

Из пятидесяти, прожитых Мелитоном Казиты лет, тридцать три года он писатель. Политиком он стал относительно недавно.

О Мелитоне Казиты как о писателе заговорили в середине шестидесятих годов, когда были опубликованы

первое стихотворение в газете «Советон Ирыстон» и новелла в журнале «Фидухег».

Дебют был удачным. В 1971 году вышла в свет первая книга молодого писателя «Зелы зарсег» («Звенит песня»), за ней вторая, третья, четвертая... всего одиннадцать. Пока одиннадцать. Последняя из них, «Хастарыд Ирыстон» («Осетия, опаленная войной»), появилась в 1996 году.

Этот год был счастливым для Мелитона Резоевича. Не только тем, что вышла дорогая его сердцу книга, но и успехами в политической деятельности. В 1996 году он стал депутатом Верховного Совета. В ноябре того же года на 1-й сессии был избран председателем Комитета по культуре и СМИ Парламента, на 2-й сессии — заместителем Председателя Парламента.

Его путь к этой должности начался в 80-х годах, когда он был избран депутатом городского Совета. В конце 80-х он стал одним из основателей движения «Адамон Ныхас». Вместе со многими другими защищал родной город, свою землю в период грузинской агрессии и готов был пожертвовать жизнью во имя ее. Когда город был оккупирован, посылал телеграммы в разные стороны от имени Союза писателей.

В 1991 году написал стихотворение «Федис». Это первое стихотворение, повествующее о трагических событиях в Южной Осетии, зовущее встать на ее защиту, с которого начинается книга «Хастарыд Ирыстон».

В результате, впервые в Осетии писатель поднялся на такую высокую ступень в политике.

— Мелитон Резоевич, кто Вы сегодня больше — писатель или политик?

— Конечно, писатель. Я и политиком стал потому, что был писателем. Мне кажется, каждый писатель в какой-то мере должен быть и политиком. Писатель глубже других воспринимает происходящие события. Невозможно стоять в стороне от политической жизни, особенно в такое трудное время. Хочешь не хочешь — должен включаться в решение вопросов, касающихся судьбы его Родины, его народа.

— У Вас никогда не возникла мысль уехать, как это

сделали многие творческие работники, найти себе место поуютней, поспокойней?

— В 1991 году я был во Владикавказе на съезде осетинского народа. В то время город был полон беженцами, им предоставляли пустующие квартиры. Помню, меня повели в один двор, показали хорошую квартиру и сказали: она твоя, бери ключи и живи в ней. Мне стало не по себе: как после этого я появлюсь на своей Родине, покажусь своему народу? Я посчитал это ниже своего достоинства и отказался, хотя мой дом в селе-нии Отреу был разрушен звиадистами. Я не осуждаю никого из тех, кто уехал, как это делают некоторые. Писатели тоже люди. Уехал и живи, пиши, делай что-то полезное для Осетии. Скажи мне кто сегодня, что Алеш Гучмазты уехал и остался жив, я был бы несказанно рад. С его смертью Осетия потеряла одного из талантливых своих писателей. Но меня возмущают те писатели, которые обвиняют в своем отъезде других: не дали, видите ли, им хороших должностей. Есть и такие, которые уехали тайком. Сам им давал справки, как депутат, чтобы разрешили им увести свое имущество. А сейчас, думают, что мы все забыли, пишут отвратительные стишки на других писателей-беженцев. Это — двуличие.

— Последнее время идет много разговоров вокруг осетинского языка. Знаю, что Вами подготовлен и скоро выйдет Закон о языках и Программа развития осетинского языка. На самом деле давно назрела необходимость в этом. Закон будет способствовать повышению значения родного языка, не так ли?

— Разумеется. А многие люди, не вникнув в суть, подхватывают разные слухи, говорят об ущемлении прав русского языка. Хочу уяснить, что Закон о языках нацелен на то, чтобы осетинский язык развивался, рос его авторитет, чтобы его изучали как следует и употребляли в речи как на бытовом, так и на официальном уровне.

В Законе о языках, как и в Конституции РЮО, сказано, что государственный язык Республики Южная

Осетия — осетинский. Но как государственный, он не работает. То и дело слышны требования сделать русский язык государственным наряду с осетинским, иначе, мол, не быть нам в составе РФ. Это дешевые популистские выпады. Ни один осетин не принижает роли русского языка, у нас, как и прежде, обучение идет на этом языке. Закон нужен для того, чтобы поднять значение осетинского языка, приблизить его к уровню русского, сделать так, чтобы он заимел силу. Как-то Васо Абайты сказал, что осетинский язык семейный, домашний, а учиться осетины должны на русском. Потом он поменял свое мнение. Так не должно быть. Мы — Республика, существующая уже 8 лет, и в ней должен господствовать свой язык. Слава Богу, он у нас красивый и богатый. Почему мы не должны говорить на нем? Почему мы должны говорить, допустим, с гостями из Англии не на осетинском, а на другом языке, тогда как они говорят исключительно на своем языке. Разве они не подумают: а зачем им Республика, если у них нет своего языка.

Конечно, трудно сразу всем заговорить на хорошем литературном языке, но постепенно мы должны этого добиться с помощью Закона о языках и Программы развития осетинского языка. Он уже почти готов, скоро будет принят и начнет действовать. А чтобы внести в Закон другой язык на правах государственного, надо сначала внести изменения в Конституцию РЮО, что автоматически приведет и к изменению в Закон о языках.

— Все эти трудные годы, начиная с 1990 года, возглавляете Союз писателей РЮО. За это время мы потеряли не одного хорошего писателя. Как обстоят дела с творчеством сегодня? Появились ли новые писатели, ведь говорят, что трудности стимулируют творчество?

— Творческим союзам во все времена приходилось нелегко. Но прежде хоть можно было издаваться. Сегодня делать это стало очень трудно. Но и у читателя уже нет прежнего интереса к книге, к искусству в целом. Сегодня главная забота всех людей — как бы

прокормиться, выжить. Но это не значит, что наши писатели в данное трудное время не творят. Я предполагал во время войны, что появятся новые интересные писатели. Так и случилось. Среди авторов — даже учащиеся школ, пишут в основном стихи. За редким исключением, почти у всех наших писателей готовы к изданию книги, только нет средств на это. Одну книгу мне удалось издать в Северной Осетии. Это «Кровавое рождество» («Тугæйдзаг цыппурс»), состоящее из произведений писателей Осетии на тему последней войны и обошелся ее выход в свет в 58000 рублей. Сегодня таких средств у писателей нет.

В этом году вновь возобновило свою работу издательство «Ирыстон». Было внесено в план издание четырех книг, одна из них, учебник, уже вышла. В наборе сборник произведений осетинских писателей, остальные книги тоже в типографии, ждут своей очереди. Пусть не сегодня, но когда-нибудь будут изданы и все другие, готовые к печати книги. Придет время — книга вновь обретет своего читателя.

— **У Вас у самого готовы к изданию книги?**

— К своему 50-летию намеревался сделать себе подарок, выпустить сразу пять книг. Но, к сожалению, не получилось из-за финансовых затруднений. Над одной из них идет работа в Северной Осетии. Остальные, надеюсь, тоже будут изданы когда-нибудь.

— **Раскрыв в свое время книгу «Хæстарыд Ирыстон» я вместо привычного издательства «Ирыстон» на титульном листе прочитала «ЦЫКУРА». Разъясните, что это?**

— Книги, выходящие малым тиражом, а это можно сказать обо всех осетинских книгах, обходятся в 10 раз дороже их себестоимости. И потому уже около восьми лет за счет государства не было издано ни одной книги. Чтобы как-то выправить положение, я в 1995 году учредил малое предприятие по изданию книг и назвал его «ЦЫКУРА». Тогда у меня появились средства, и я издал книгу «Хæстарыд Ирыстон». Больше пока не удалось. Будут средства — буду печатать.

тать, поскольку мне есть что печатать. Книга нужна народу. Есть у меня мечта собрать и напечатать лучшие произведения осетинских писателей, скажем, как серийное издание. Ведь многие из них затерялись среди прочих. В общем, планов много, есть желание что-то сделать — нет средств.

Есть среди осетин и такие люди, которые готовы оставлять в ресторанах и казино десятки тысяч долларов, но поддержать осетинскую культуру, в частности, книгу, это они не могут. Не хотят понять, какое большое дело делают и для себя, и для Осетии, поскольку их имена войдут в историю. Сегодня мы знаем имя врача Андукапара Хетагаты, который оказывал помощь Коста в создании им гениальных произведений. Или же Гаппо Байаты, который прославился тем, что издал «Ирон фæндыр» («Осетинскую лиру»). Не будь его, Осетия, возможно, потеряла бы много. Эти люди, предоставив Коста Хетагаты возможность печататься, увековечили и свои имена.

Недавно был принят Закон о государственной поддержке малых предприятий. Будем надеяться, что эта поддержка распространится и на издательское дело.

Беседу записала У. Джиоты

ДАРОВАННАЯ НАМ СВЫШЕ

Осетинский язык для нас намного больше, чем самая дорогая ценность. Она нам дарована свыше. Но она сейчас нуждается в защите с нашей стороны. Для этого в последнее время на развитие и сохранение осетинского языка руководством Республики Южная Осетия были выделены определенные финансовые средства.

«Заметных успехов добились мы и в направлении реализации «Государственной программы РЮО по сохранению, изучению и развитию осетинского языка», — отметил в своем Послании к народу и Парламенту 19 февраля 2016 года Президент РЮО Леонид Харитонович.

Как эта Программа исполняется и о состоянии осе-

тинского языка корреспондент **Инна Коцты** беседовала с сопредседателем Союза писателей Осетии **Мелитоном КАЗИТЫ**.

– Мелитон Резоевич, уже исполнилось пять лет, как действует Государственная программа РЮО по сохранению, изучению и развитию осетинского языка, а конкретно что было сделано?

– Это безусловно нужная программа, которую надо было сделать давно, но, к сожалению, мы никогда не торопимся. Хотя, хорошее делать никогда не поздно. Тому яркий пример наша программа.

За пять лет по этой программе было издано много нужных книг. Например, первые два тома толкового словаря осетинского языка («Ирон æвзаджы æмбарын-гæнæн дзырдуат», третий и четвертый тома будут также), три тома по истории современной осетинской литературы («Ирон литературæйы истори», другие тома тоже будут изданы), 3 тома из народного творчества («Ирон хæзна» ведется работа над другими томами), «Топонимия Южной Осетии» (2 тома были изданы, остальные – в работе) и много еще нужных книг.

Была создана специальная программа «Малусæг», которая способствует развитию и изучению осетинского языка в дошкольных учреждениях республики. Эта программа уже реализуется.

– **Как Вы думаете, после реализации этой программы все осетины друг с другом начнут общаться на осетинском языке?**

– Так не бывает, чтобы после какой-то программы весь мир перевернулся. К сожалению, приходится признать, что в бытовом общении мы очень часто используем как русские, так порой и слова из других языков. Этому тоже можно найти хоть какое-то оправдание: у нас иногда отсутствует необходимая терминология, и многие слова приходится заимствовать. Но, где можно свободно использовать осетинское слово, мы очень часто почему-то этого не делаем.

Среди молодежи сейчас очень актуально или же, как говорится, «модно» общение на русском языке.

Притом правильность произнесенных слов и многие другие аспекты ими почему-то забываются.

С каких времен говорить на русском стало модным? Еще век тому назад Сека Гадияты удивлялся: «...если русский будет разговаривать с тобой, то придется отвечать ему его ж языком. Но если осетин будет разговаривать с осетином, то причем тут русский или грузинский языки?»

Каждый осетин должен перед собой ставить цель — говорить при возможности только на осетинском языке. Только на осетинском!

Красота осетинского языка, глубина и разнообразие слов не могут не захватить любого человека. Мы с детства знаем, что русский язык — великий и могучий. И слова Ивана Тургенева помним: «...нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» Но наш язык ничем не уступает другим. Просто вслушайтесь в звучание слов.

— В каждом слове чувствуется мощь древнего и сильного народа... как все замирает и остается лишь мелодия слов и словосочетаний. Знание осетинского языка помогает изучению других языков?

— Кто владеет осетинским языком, кто привыкает и познает то, что называют «ирон зэлтæ» («осетинские звуки»), тому легче бывает учить другие языки. Если человек захочет, то сможет на основе осетинского языка выучить множество остальных языков.

Среди осетин было много известных личностей, которые владели несколькими языками, в их числе выдающийся ученый-филолог, языковед-иранист, академик Васо Абайты. Сослан Цæразон знал более пяти языков. Бурдухан же, дочь осетинского царя Худана, мать царицы Тамары, знала одиннадцать языков. Благодаря тому, что они знали осетинский язык, на его основе им и удалось изучить с легкостью остальные языки.

— В последнее время наблюдается тенденция, когда многие родители отказываются обучать ребенка осетинскому языку, оправдывая себя тем, что повзрос-

лев, он не сможет нормально разговаривать на русском языке.

— Думаю, что это большое заблуждение, но судить мы никого не будем, это их право. Мы должны твердо знать — осетинский язык никак не может помешать развитию ребенка. Наоборот, на основе осетинского языка можно выучить много языков. Чем больше языков ребенок изучает, тем развитее он будет. Хорошо владея осетинским языком, ребенок вовсе не будет занижен или перегружен в каком-то плане. Это будет лишь на пользу ему.

А это значит, что «Государственную программу РЮО по сохранению, изучению и развитию осетинского языка» надо продолжать постоянно. Это нам только в пользу. Другое дело, как мы ее выполняем.

ЗАЩИТНИК ИНТЕРЕСОВ КАВКАЗА

Осетия в нынешнем 2009 году отмечает знаковое событие — 150-летие основоположника осетинской литературы и литературного языка Коста Левановича Хетаггаты. Соответствующие Указы подписали Президент РЮО Эдуард Кокойты и Глава РСО—А Таймураз Мамсуров.

Этот год — непростой в истории юга Осетии, учитывая события, которые произошли в 2008 году, и он символичен тем, что и на Юге и на Севере Осетии проходит Год Коста Хетаггаты. О том, какую роль занимает Коста Хетаггаты в истории осетинского народа, в интервью агентству «Интерфакс-Юг» рассказал председатель Союза писателей Республики Южная Осетия
МЕЛИТОН Казиты.

— Коста Леванович Хетаггаты не только основоположник осетинской художественной литературы, но является и великим поэтом и основоположником осетинского литературного языка. Он — поэт, прозаик, драматург, публицист, этнограф, художник, общественно-политический деятель, борец за свободу народа.

Коста боролся не только за свободу осетинского народа, но и за справедливость человечества. Об этом говорят его поэтические строки:

*Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня,
Вселенная — отечество мое...*

(«Я не пророк...»)

К какому бы жанру он ни обратился как в литературе, так и в искусстве — все у него получалось великолепно. Вот почему известный русский писатель Александр Фадеев назвал его «Леонардо да Винчи осетинского народа».

25 декабря 1894 года газета «Северный Кавказ» потому сообщала, что всем годовым подписчикам в 1895 году бесплатно выдаст «Сборник стихотворений» Коста Хетагаты. Это еще раз подчеркивает его знаменитость, популярность не только у осетин, но и у других народов, живущих на Кавказе. В том году по его жалобе освободили всех незаконно арестованных по Северному Кавказу.

Вот почему осетинский народ при жизни о нем слагал героические песни. До него такого почета никто не удостоился. А его произведения, я имею в виду «Ирон фæндыр» («Осетинская лира»), для осетин имеет такую же значимость, как для православных — «Библия».

Эту уникальную книгу еще никто не смог, как следует, перевести на другой язык. Да и невозможно его переводить. Гениальная его поэтика и ювелирная, — скажем так, — «простота языка» читателям доступны только на языке, на котором они были созданы — на родном осетинском языке.

Вроде бы нам все понятно в его гениальных произведениях, сочиняем о них десятки книг, а на самом деле до их сути еще никто не смог дойти.

Роль Коста Хетагаты в истории осетинского народа огромна. Он всю Осетию поднял, как флаг, и показал ее всему миру. Он, как и Александр Сергеев-

вич Пушкин, без зазрения совести мог сказать: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, К нему не зарастет народная тропа», — но, несмотря на его гениальность, он был человеком более чем скромным. В своем предсмертном стихотворении «Знаю» («Зонын») в переводе на русский язык М. Исаковского скромно потому звучит:

*Знаю, поплачете, может,
Вы, зарывая мой прах,
И пожелаете в божьем
Царстве мне всяческих благ.*

*Знаю, барана забьете
И, не грустя уж ничуть,
Вдосталь араки нальете,
Чтобы меня помянуть*

*Каждый, наверное, скажет
То, что обычной велит.
После ж — не вспомните даже,
Где я в могиле зарыт.*

— **Какие мероприятия состоятся в Республике Южная Осетия в рамках проведения Года Коста?**

— Текущий, 2009 год, когда осетинский народ отмечает 150-летие Коста Хетагаты, объявлен и Годом осетинского языка и осетинской литературы. В этом нет ничего удивительного. Без Коста Левановича осетинский язык не был бы так красноречив и звучен, как сейчас. Благодаря ему мы впервые увидели, как красив и многогранен наш родной язык. А то, что он одним взмахом осетинское художественное слово поднял на уровень мировой литературы — об этом и слов нет.

Так бывает очень редко, чтобы основоположник литературы и литературного языка сам стал ее вершиной. И было бы даже смешно 150-летний юбилейный год нашего поэта отделять от года нашего родного языка и литературы.

В связи с этим событием, культурных мероприятий

в этом году в Республике Южная Осетия пройдет немало, в том числе семь научных конференций. Среди них такие масштабные, как — «Коста и современная осетинская культура», «Художественный мир Коста Хетагаты», «Культурологический аспект изучения осетинского языка» и т. д. Планируем провести встречу писателей — «К.Л. Хетагаты — защитник интересов Кавказа».

Отмечу, что наряду с научно-практическими конференциями состоится большое количество конкурсов, приуроченных к 150-летию Коста. Союз писателей республики с Министерством печати и массовых коммуникаций РЮО уже объявили конкурс на лучшее художественное произведение о Коста Хетагаты. Конкурс охватывает все жанры художественной литературы. Также проведем конкурс на лучшее исполнение музыкальных и инструментальных произведений, посвященных Коста и созданных на его слова.

Также готовим очень много интересных конкурсов, встреч, выставок художников, народных умельцев, фотовыставки, литературные вечера, готовятся к выходу в свет книги о Коста, а также его произведения.

Активное участие в проведении Года Коста Хетагаты принимают в Южной Осетии не только Союз писателей, но и научные работники, Министерство печати и массовых коммуникаций, Министерство по делам молодежи, спорта и туризма, Министерство культуры, ЮОГУ, Союз художников республики... Отмечу, что все вышеперечисленные мероприятия спланированы таким образом, чтобы охватить все население республики, чтобы произведения Коста помогли им оправиться от стресса прошлогодних августовских событий.

— Какие совместные мероприятия планируется провести с братьями на севере Осетии?

— Осетия — одна. И литература — одна. И родной язык у нас один — осетинский. И все, что бы мы ни делали, делаем для Осетии, для осетин, и для всех тех, кто живет с нами дружно не только в Осетии. А

между Союзом писателей Республики Южная Осетия и Союзом писателей Северная Осетия—Алания есть специальное соглашение о взаимном сотрудничестве. По этому соглашению мы способствуем развитию прямых контактов с целью обеспечения наиболее эффективного взаимодействия в проведении единой политики по развитию осетинского языка и литературы. Мы ставим своей целью расширенное сотрудничество между издательствами и редакциями. Также сотрудничаем по всем направлениям литературы и ее творческого совершенствования. Обеспечиваем обмен информацией о программах и планах, проводим совместные мероприятия — юбилеи, презентации авторских книг, «круглые столы»...

Год Коста для народов Осетии — единый. Из мероприятий, которые я перечислил, мы многие проводим с участием наших братьев из Северной Осетии. Некоторые книги, приуроченные к юбилею Коста Хетагаты, мы подготовили к изданию вместе. А юбилей основоположника нашей литературы вся Осетия вместе празднует на родине великого поэта. И в этом году собираемся основные юбилейные мероприятия провести вместе в день рождения поэта.

Этого хочет народ, и мы обязаны выполнять желания людей тем более как мы знаем, народ ошибается очень редко.

— **Какие юбилейные мероприятия уже прошли?**

— Встречи писателей с читателями, посвященные 150-летию Коста Хетагаты, проводим систематически с помощью Министерства культуры и Министерства просвещения. О проблемах осетинского литературного языка, о преподавании осетинского языка и осетинской литературы в школах с участием писателей, научных работников и преподавателей школ республики состоялся очень полезный разговор за «круглым столом».

Недавно с кафедрой осетинского языка и осетинской литературы ЮОГУ провели научно-студенческую

конференцию «Художественный мир Коста Хетагаты», где в основном активное участие приняли студенты отделений осетинской филологии и журналистики.

Стараемся, чтобы СМИ систематически обращались к жизни и творчеству Коста Хетагаты, к проблемам осетинского языка и литературы...

— **1 апреля отмечался День памяти Коста Хетагаты, который в этом году прошел по-особому. С чем это связано?**

— Действительно, 1 апреля 1906 года — день смерти великого Коста, а то, что связано с его жизнью и творчеством — нам всем очень дорого. Мы и день его смерти отмечаем каждый год. Отмечаем по-своему: возлагаем цветы к его памятникам, проводим митинги, литературные встречи, на которых поэты, учителя, учащиеся рассказывают о роли Коста, значении его творчества в нашей жизни, читаем его стихи и стихи о нем...

А то, что этот день отмечали «особенно», обширнее, — это, разумеется, связано с его юбилеем. Ведь 2009 год является Годом Коста Хетагаты, этим все сказано.

ГЕНИЙ СЛОВА И МЫСЛИ

*Коста Хетагаты — поэт, прозаик, драматург, про-светитель — ушел из жизни 1 апреля 1906 года. Прошло сто десять лет, а его творчество продолжает жить с нами, оказывая влияние на умы и сердца, не утрачивая своей актуальности. В связи с этой датой корреспондент МИА «Южная Осетия сегодня» **Инна Коцты** встрети-лась с сопредседателем Союза писателей Осетии **Мели-тоном КАЗИТЫ**, и у них получился такой разговор.*

— **Мелитон Резоевич, что значит для Вас Коста?**

— Коста Леванович стал путеводной звездой для мно-гих людей, в том числе и для мастеров словесности. Я не исключение. Знакомство с его творчеством заставило меня полюбить осетинскую литературу, погрузиться в мягкие, мелодичные, наполненные живыми эмоциями образы, которые он создавал в своих произведениях.

В данном случае нельзя сказать, что все познается в сравнении, ведь с нашим национальным гением до сих пор никто из нас не может сравниться. Потому и сказал Васо Абайты, перефразируя Нигера: «Народы с гордостью произносят имена людей, в которых с наибольшей полнотой и блеском раскрылся их национальный гений. Англичанин говорит — Шекспир. Шотландец говорит — Бернс. Немец говорит — Гете. Итальянец говорит — Данте. Русский говорит — Пушкин. Мы, осетины, говорим — Коста, и душа наша наполняется гордостью и трепетной любовью».

Он для нас — первооткрыватель, первопроходец, который показал нам всю красоту родного языка, всю трагичность истории Осетии... Его творчество стало тем идеалом, к которому стремятся не только осетинские поэты.

— Впервые в каком возрасте ознакомились с творчеством Коста Хетагаты?

— В Осетии нет такого осетина, который бы не знал хотя бы одно стихотворение или же строчки из произведений Коста Левановича. Это знак глубочайшего уважения и признания гения Коста.

Вспоминаю, как пошел в первый класс, и учительница, вместо того чтобы сначала дать учебники, попросила по возможности приобрести «Ирон фæндыр» («Осетинская лира») Коста.

Она часто спрашивала, что мы знаем о Коста. А мы к этому времени уже знали такие стихотворения, как «Гино», «Уасæг», «Скъолайы лæппу» и многие другие, но не до конца понимали смысл, который был заложен в этих стихотворениях... Его слова «æз алы дзырд дæр мæ тугæй ныффыстон» («я каждое слово своей кровью писал») красноречиво говорят о том, что каждому своему слову гений осетинской литературы уделял пристальное внимание.

— Есть у нас такие писатели, которые последуют примеру Коста?

— Если мы последуем примеру Коста и также тре-

петно отнесемся к написанному и сказанному слову, то сделаем значительные успехи в овладении родным языком и приблизимся к пониманию его истинной красоты.

— **Отразился ли Коста Хетагаты на вашем творчестве?**

— Можно определенно сказать, что творчество Коста так или иначе отразилось на творчестве всех осетинских писателей. Не остался в стороне и я. Впечатления от его произведений вылились в цикл стихотворений «Варяцитæ (Къостайы уацмыстæн)». По его поэтической повести «Фатима» написал одноименную пьесу, которой в закрытом конкурсе присудили почетную — вторую премию (первую не присудили никому).

Я о Коста написал большой цикл стихотворений. Также издал научную работу — монографию «Къоста» (2009) на осетинском языке — образ Коста в осетинской поэзии... Точно никто не может сказать, как Коста появится опять в творчестве того или другого писателя. Ведь о нем написано много стихотворений, поэм, рассказов, повестей, романов. И к нему еще, слава Богу, будут возвращаться.

— **Кем является Коста Хетагаты для осетинского народа?**

— После Коста у нас в Осетии вторым знаменитым человеком считается Васо Абайты. Коста называем Солнцем осетинского народа, а Васо Абайты — Луной. Васо назвал Коста светочем осетинского народа.

Коста Леванович Хетагаты — яркая звезда, ангел, Бог, солнце (так называют его в своих произведениях осетинские писатели) в истории Осетии и осетинского народа, горящая неугасимым пламенем. Его имя и творчество ассоциируются со свободой, мощной, непоколебимой волей, с любовью к Родине и народу. И память о нем продолжает жить в сердцах людей вместе с его вольнолюбивыми произведениями. Имя Коста для осетинского народа — бессмертно.

ИНТЕРВЬЮ О НАФИ

1. Слово о поэте

Вся Осетия отмечает в нынешнем году знаковое событие — 90-летие известного осетинского писателя и ученого-филолога, народного писателя Осетии, лауреата Государственной премии им. Коста Хетагаты Нафи Григорьевича Джусойты. Этот, 2015 год в Республике Южная Осетия был объявлен Годом Нафи Джусойты. Соответствующий Указ был подписан Президентом РЮО Леонидом Харитоновичем.

О том, какую роль занимает Нафи Григорьевич в осетинской литературе и науке, в интервью с директором ИА «Рес» Аллой Джиоты отметил сопредседатель Союза писателей Осетии Мелитон КАЗИТЫ.

— «Певец своего времени», — так называют поэтов, которые выражают чаяния, думы своего народа. И нам эта мысль пришла в голову, думая о судьбе и творчестве поэта, который и в жизни, и в творчестве никогда не забывает свою Родину и свой народ. Он знает, что стоит на плечах малого народа, народ его «уместится на ладони», потому его голос слаб и он «не мог под стать» ему «сложить такие строки, чтоб, как в деревьях, в них кипели соки и кровь стучала, словно в его висок».

Он знает, что является сыном «немногочисленного рода», его народ «уместится на ладони Великого Советского Союза», — теперь уже бывшего. Ему также известно, что «С вершины той, где облака пасутся, Порой родник дойдет до океана, Труднее осетинскому поэту Стихами взволновать людское море» («Я — сын немногочисленного рода»). Но он не становится жертвой пессимизма. Он горд своими предками, своей Родиной и тем, что он их защитник: «Носил на каске я твою звезду, В твоей победе и моя заслуга, Враждою отвечаю на вражду И верным другом становлюсь для друга». И он имеет полное право сказать о Родине с высоко поднятой головой:

*Твое подножье — два материка,
Ты велика,
но все ж, любви на милость,
Легко в сыновьем сердце уместилась,
Словно росинка в чашечке цветка.*

*Тебе слагал я песни много раз —
Из вешних листьев и колосьев спелых,
Вершин, то зеленеющих, то белых,
И девичьих, меня пленивших глаз.*

(«Слово о Родине». Перев. Я. Козловский)

Это народный писатель Осетии, известный в ближнем зарубежье, ученый-филолог и общественный деятель Нафи Григорьевича Джусойты. То, что поэт радость народа всегда встретит песней, «а печаль — молчанием суровым», и историю нашего народа видит в протяженности веков и знает, что «Жизнь отлична от небытия Битвами, движением и словом», помогает ему суть ее выносить на обозрение его многочисленных читателей. И не только осетинских. Мы все это видим воочию. Многим, может быть, это кажется легко, но нести высоко честь человека всегда было трудно. Тем более имя поэта. Быть всегда начеку — адский труд. Разговаривая с горой («Разговор с горой») Джусойты потому утверждает:

*— Скажи, в чем трусости примета? —
Я у горы спросил,
и мне
Гора ответила на это,
Раздвинув тучи в вышине:*

*— Зерна не вырастит, кто робок,
Когда окрест сплошной гранит.
Кто, стоя с женщиной бок о бок,
Клинком в ножнах
врагу грозит.
Кто ослеплен, но к дому тропок
Во мраке дня не проторит.*

– Скажи, в чем храбрости примета, –
Я у горы спросил, и мне
Гора ответила на это,
Раздвинув тучи в вышине:
– Кто храбр, клинок, а не угрозы
Обрушит грозно на врага,
Кто храбр, себе оставит слезы
И пир друзьям у очага.

Так стойкий поэт от имени горы – символа мужества – считает достоинства настоящего мужчины: «...если в поле косовица Торопит истинных мужчин, Ему в ауле не сидится, Хоть пуст рукав его один» и как будто дает нам уроки стойкости.

Я у горы спросил:
– А если
Иной поведасть правду в песне
Боится, хоть и пробил час? –
Гора ответила на это:
– Ужель подобного поэта
Смог обрести уже Кавказ?

Слово Нафи в осетинской, даже в кавказской поэзии в целом, было и остается своеобразным. Оно не походило на ту «поэзию», которую «творили» после 37 года десятилетиями по «плану партии». Хотя у него тоже было немало таких стихотворений в сборниках «Зæрдæйы ныхас» («Душевный разговор», 1952), «Лирика» («Лирика», 1955), «Ирыстонæ сагъæстæ» («Думы Осетии», 1958). Но голос талантливого, вдумчивого поэта Нафи Джусойты назло тому времени вскоре окреп благодаря его неустанному труду. В своем поэтическом сборнике «В трудном возрасте» («Зын кары», 1962) талантливый поэт оказался на вершине поэтического слова. В его поэзии внимательный читатель увидел высокую образность, яркость красок и чувство обязательности перед Родиной. Голос Нафи резко отличается от других. В его новых стихах видна неразрывная связь темы народа и Родины.

Джусойты – поэт-реалист, лирик. То, что многие

его произведения философичны, говорит о кругозоре писателя. Осетия для него как родная мать. Но он чувствует тревожное биение пульса всего земного шара. В его чувствительной душе перекликаются эпохи. Для него «Осетинская степь – Ирыстона ячменные ясли, Терек в ней Словно сабельный шрам на груди»:

*Осетинская степь,
Мне о предках всю правду поведав,
Как наследство вручи
Письмена их и нравы, и речь,
Чтобы мог представлять я
Воочью страдания дедов,
Мог их гордую вольность
И дикую лихость беречь.*

*Слышен конницы топот
И посвист плетеных арканов.
И нельзя забывать
Ради истины, славы, любви,
Сколько воинов храбрых –
Бритоголовых аланов –
Под неправыми саблями
Рухнуло в травы твои.*

(«Осетинская степь»)

Нафи Григорьевич один за другим издает свои наилучшие поэтические сборники «В трудном возрасте» («Зын кары», 1962), «Безымянная книга» («Æнæном чиныг», 1967), «Тихие слова» («Сабыр ныхæстæ», 1973), «Вечерний свет» («Изæры рухс», 1988), «Прощай, двадцатый век!» («Хæрзбон, ссæдзæм æнус», 2007)... И каждый из них был явлением в осетинской поэзии, где создается образ Родины в современном восприятии. В них прослеживается много нового, до него не сказанного. И это новое всегда привлекает к себе внимательного читателя. А это, увы, нечасто встречается в искусстве слова.

Тот, кто внимательно слушает даже отрывки из по-

эзии Нафи Джусойты, не может не заметить, как они насыщены поэтическими образами. Нафи Григорьевич был одним из первых осетинских поэтов, которые в осетинскую поэзию внесли образное видение. Одно его маленькое стихотворение «Казбек», в переводе его близкого друга Якова Козловского для подтверждения этой мысли, является ярким тому примером:

*Круторогий Казбек,
Словно нарта могучего, славлю.
В белом кованом шлеме
От века кавказец стоит,
Терек в правой руке
Держит, как обнаженную саблю,
Держит в левой руке
Громящий Кастий, как щит.*

Нафи создает такие яркие образы, благодаря которым читатель влюбляется в его творчество. Эти образы порождают много ассоциаций у читателя и становятся любимыми стихотворениями многих поколений осетинского народа.

За примерами далеко ходить не надо. Великолепный, большой цикл стихов Нафи Джусойты «Стихи, не сказанные матери», переведенные на русский язык Н. Орловой и М. Синельниковым, ярчайшее подтверждение этому. Большая, незаменимая любовь к родной матери неиссякаема у поэта. С помощью этой любви, что поэт ставит выше всего, просыпается сказка, спящая в наших сердцах с детских времен: «Спой, чтобы сакли тишь Стала светлей, чем хоромы, Спой, чтоб туренок-крепш, Спой, чтоб шалун-малыш Не убежали из дому».

Поэт знает, как чувством любви к матери очищать сердца своих читателей. Читая эти стихи, и духовно становимся богаче.

В них поэту удалось создать жизненно-убедительный образ многострадальной матери-осетинки. Она сдержанная, но сильная, стойкая, не по-женски мужественно переносит все жизненные трудности ради своих

детей, ради домашнего очага, чтобы в доме всегда было тепло и уютно.

Его произведения учат нас жить и трудиться на этой, дарованной свыше благодатной земле, где можно обрести не только свободу, но и благополучие. То, что читатель переживает вместе с лирическим героем о смерти его матери — это успех поэта: «День пришел второпях, Ты не вышла навстречу, Сохнут кадки в сенях, Приближается вечер... Дом — как высушенный рог, Пусть очаг обветшалый. Жизнь ушла за порог, За тобой убежала». Нафи Джусойты — настоящий мастер художественного слова. Рисую конкретные, поэтические детали из жизни матери, невозможно их не запомнить:

*Нет, не грянули трубы и колокола,
Только вестник с печалью прошел по аулам:
Незаметная горская мать умерла —
И жила незаметно, и тихо уснула!*

*Но пришли попрощаться по свежим сугробам
И оплакали горе, равно мне близки,
И родной, и чужой. Молчаливо за гробом
Шли и дети, и женщины, и старики.*

*Сколько ласковых слов и участия на свете!
Доброту ее вспомнили все в эти дни.
Так печально глядели аульские дети,
Словно мать хоронил здесь не я, а они.*

Так бывает, когда покойник при жизни сеет на земле любовь и доброту среди народа. Мать лирического героя была именно такой: «...слабых больше всех она любила — Детей, телят и всходы, из-под спуда Земли проросшие, — ко всем благоволила, Ее блаженством было жизни чудо»:

*Я знаю точно — солнце закатилось,
Как саваном, укрыто плотной тьмою,
Но кликнуть мать — и сразу — так
пометилось —
Она в дверях возникнет предо мною.*

*Как будто вышла соли дать коровам
И возвратится — стоит подождать?
Да вдруг случится заблудиться снова?..
Боюсь окликнуть. Не могу позвать.*

Яркий пример тому, какую радость приносят новые стихотворения поэта его многочисленным читателям — письмо классика осетинской литературы Гриса Плиты в 1958 году к другому классику Гафезу: «Сегодня, 12 июня, получил «Фидиуæг» номер пять и в первую очередь прочитал стихи Нафи и Георгия Бестауты. Боже! Никогда я после «Ирон фæндыр»-а не испытывал такого блаженства, такой великой, захватывающей все мое существо творческой радости от всего того, что прочитано мной на осетинском языке».

Таким поэтам, как Нафи Джусойты надо жить вечно, чтобы своими произведениями дарили нам мгновения красоты и радости. Нафи Григорьевич является настоящим певцом своего времени.

2. Быть царем

Недавно увидела свет 1-ая книга монографии «НАФИ», председателя Союза писателей Республики Южная Осетия — писателя и научного работника Мелитона Резоевича КАЗИТЫ и по поводу этого события журналист Г. Уалыты встретился с автором книги. Между ними состоялся такой разговор:

— Мелитон Резоевич, что Вас побудило написать монографию о жизни и творчестве Нафи Григорьевича Джусойты в двух книгах, первый том которого уже увидел свет, благодаря совместному творческому труду издательств «Ир» РСО—А и «ЦЫКУРА» РЮО?

— История таланта рождается с самим талантом. А Нафи Джусойты, как нам всем известно, является настоящим талантом. Он — поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературный критик, литературовед, языковед, публицист, общественный деятель...

К какому бы жанру ни обратилось его перо, везде

оставляет свой яркий след. И это говорит о его способностях. Такая многогранность его таланта удивляет человека.

Одним словом, он — писатель и ученый широкого размаха крыл. Не чувствовать, не видеть это невозможно. Жизнь научила его суровой и беспощадной правде, и это красной нитью проходит через все его творчество. Ему чужда эффектность приключений. Не говорит со своими читателями громкими фразами. Он научился высокому эмоциональному накалу слова. Его душе близок простой, честный человек-жизнетворец с его искренними душевными переживаниями, и это сближает его с читателями. Писателя особенно привлекают глубокий смысл жизни, история наших предков и своих современников, красота их характеров и взаимоотношений.

Произведения признанного писателя и ученого прежде всего отличаются высокой гражданственностью и глубоким психологизмом. Герои его художественных произведений активны в жизни, преисполнены чувством патриотизма и справедливости.

Каждая новая книга Нафи Григорьевича Джусойты является творческой удачей и свидетельствует о таланте и серьезной требовательности ее автора к труду творческого человека, о совершенствовании его художественного и научного мастерства.

Не уважать такого человека, не гордиться им невозможно. В разные времена пробовал для себя сочинять разные статьи о его произведениях, но никогда не пытался их напечатать. А к его 70-летию доклад делал я, заново перечитав все его творчество. У меня тогда появилось желание написать монографию о динамике жизни в творчестве Нафи Джусойты. Часть этой работы (1-ю книгу монографии) смог подготовить только к его 80-летию, а работа, как видим, с трудом увидела свет только к 85-летию писателя. Но история о жизни и творчестве Нафи Джусойты родилась с ним, продолжается уже 86 лет и будет продолжаться вечно.

– **Расскажите о Нафи Григорьевиче как о человеке.**

– Нафи Григорьевич Джусойты родился 27 февраля 1925 года на юге Осетии. Среднюю школу окончил перед Великой Отечественной войной и в тот же год добровольно ушел в ряды Красной Армии. По демобилизации вернулся на свою Родину в 1945 году и с тех пор работает на благо своего Отечества. С 1954 года является заведующим отделом осетинской литературы Научно-исследовательского института Республики Южная Осетия. Стал кандидатом, а потом – доктором филологических наук. Был депутатом Верховного Совета СССР, депутатом нескольких созывов Парламента РЮО. Подготовил научные кадры не только для Осетии, но и для всего Северного Кавказа. Всегда находится в гуще народной жизни. Его, как талантливого писателя и принципиального, известного ученого, знают не только в странах ближнего зарубежья, но и на Западе...

Все это уже говорит о многом. Не зря говорил известный балкарский поэт Кайсын Кулиев, что талантливость и многогранность таланта Джусойты, честность, благородство, верность в товариществе вызывают со стороны его друзей большое уважение.

Мы, его соотечественники, благодарны ему за это. Я не ошибусь, если скажу, что Нафи Григорьевич Джусойты является совестью не только осетинского народа, но и каждого совестливого кавказца.

– **Какую роль играет Нафи Джусойты в общественной жизни Осетии?**

– Не только в общественной жизни Осетии, но и в жизни Северного Кавказа не бывает ни одного значимого события, в работе которого бы Нафи Григорьевич по мере возможности не принял активного участия. Все хотят видеть его на всяких важных мероприятиях, чтобы каждому и делом помог, и своим присутствием украсил различные встречи и торжества.

Уважаемый писатель, ученый и общественный деятель Н. Джусойты, если считает это необходимым, всегда идет им навстречу. И это, несмотря на его возраст.

Он, слава Богу, по-прежнему очень трудоспособен, подвижен и жизнелюб. Так что, можно с уверенностью говорить, в общественной жизни Осетии Нафи Григорьевич Джусойты играет ключевую роль. И в этом нельзя сомневаться.

— **Какие труды (произведения) Нафи Вам нравятся больше всего, и почему?**

— У нашего писателя и ученого очень много прекрасных литературно-критических статей, ученых трудов, монографий... Одна только его научная работа — «История осетинской литературы» в 4 книгах, 2 из которых пока не увидели свет, чего стоит!

У него значительные статьи по проблемным вопросам национальных литератур Кавказа. Недавно была издана книга его художественной публицистики «Царды æвидигæ сагъæс» («Неизбывная дума о жизни»), о которой литературная критика пока не сказала свое веское слово. Но мне больше всего нравится его художественное наследие.

Нафи Григорьевич Джусойты создал и создает такие прекрасные произведения, что их остается только читать, получать удовольствие и по ним подводить свои жизненные итоги.

Когда я еще учился в школе, в 1965 году был издан его первый исторический роман «Фыдæлты туг» («Кровь предков») о борьбе народа Чесельтского ущелья, и она сразу стала моей любимой книгой. Я попытался написать на него рецензию для себя — «Моя любимая книга», которая пригодилась мне во время моей работы над монографией о писателе.

Также перу нашего писателя принадлежат отличные повести о состоянии, к сожалению, умирающего осетинского горного селения «Урс-урсид мит» («Белый-белый снег»), «Зарæг дыууæ хъалæсæй» («Песня в два голоса»), о смысле жизни человека на земле «Адæймæджы мæлæт» («Возвращение Урузмага»)...

Его поэзия мужественна и страстна, вместе с тем — лирична и философского характера.

Я часто вспоминаю его «Стихи об одиноком бизо-

мя, когда это стихотворение родилось – в 60-е годы за такие шедевры могли еще повесить человека.

Но Нафи Григорьевич Джусойты относится к той плеяде поэтов, которые, говоря словами А. Пушкина, бывают царями за своим рабочим столом. И в любое время готов всех судить по своим высоким и справедливым меркам. Вот, в основном, в чем суть его многогранного таланта.

3. Благодаря Нафи

По Указу Президента Республики Южная Осетия, за выдающийся вклад в осетинскую литературу и научное осетиноведение, и в связи с исполняющимся 90-летием со дня рождения осетинского писателя, заслуженного деятеля науки РЮО, доктора филологических наук Нафи Григорьевича Джусойты, 2015 год объявлен Годом Н. Г. Джусойты.

В связи с этим журналистка Л. Цхуырбаты встретилась с писателем и научным работником Мелитоном КАЗИТЫ и задала ему несколько вопросов для блиц-интервью:

– **Кем является Нафи Григорьевич для Вас?**

– Первым долгом – большим писателем и ученым; потом – старшим другом. В некотором смысле и наставником. Во всяком случае, вдохновляет своим талантом и работоспособностью.

– **Какое стихотворение поэта Вы предпочитаете?**

– Таких стихотворений у Нафи Григорьевича немало. Но больше всех мне нравится «Дикий бизон» («Хъæддаг гал»). В русском переводе называется «Стихи об одиноком бизоне».

– **Ваш любимый рассказ писателя?**

– Пожалуй, «Белая бурка».

– **А самый любимый роман?**

– «Кровь предков». Эта книга – часть нашей истории. Марина Цветаева сказала: «Сегодня, не имеющее вчера, не имеет завтра».

— Если я не ошибаюсь, то этот роман когда-то называли своей любимой книгой в осетинской литературе?

— Это когда-то. Но повесть «Возвращение Урузмага» превзошла всю прозу писателя. Урузмаг, его главный герой, старается после себя оставить жизнь прекрасной. И это дорогого стоит. Особенно в наше время. Это идеал жизни. По тематике и по изложению также удачными оказались повести «Белый-белый снег» («Урс-урсид мит») и «Песня в два голоса» («Зарæг дыууæ хъæлæсæй»).

— Самая удачная пьеса в драматургии писателя?

— Без сомнения «Азау и Таймураз».

— Говорят, что о жизни и творчестве Нафи Григорьевича в науке больше всего работ написано Вами? Насколько это правильно на самом деле?

— Иногда человеку хочется сказать короткую мысль, вроде крылатого слова, и чтобы это изречение отражало суть дела. Но не каждый раз везет простому смертному на такой успех. И тогда порой приходится говорить много. В итоге получаются статьи, книги...

— И все-таки, сколько книг издали о Нафи?

— Многим хочется вставлять мне палки в колеса. Некоторым — по глупости, некоторым — чтобы помешать мне в работе. Чувствую, есть такие, которые, наверно, и завидуют. Но... Если Богу будет угодно, то книга, куда войдет наше с вами короткое интервью, будет моей четвертой книгой о нашем уважаемом Нафи.

А на самом деле это — одна незаконченная книга. Пока. Хотя монография «Нафи» получилась слишком объемистой. Потому что о Нафи можно говорить бесконечно.

— Вы еще будете возвращаться к творчеству Нафи Григорьевича?

— Творчество Нафи — целое море. Многим литераторам приходится сталкиваться с ним. Что сулит нам грядущий день, никому неизвестно. Время все покажет.

— Вы всегда жили с Нафи в мире или между вами когда-нибудь пробежала, как говорят, черная кошка?

— Мы не ровесники. Между нами — двадцать с лиш-

ним лет. Не о чем нам спорить. Только о литературе, что ли? Тем более, младшему подобает уважать старшего, быть услужливым, а не ругать и критиковать его.

— **А все-таки?**

— В начале XXI века на севере Осетии, в издательстве «Ир» мне поручили подготовить избранное прекрасного осетинского поэта Георгия Бестауты. Хотели издать книгу в серии «Осетинская поэзия» («Ирон поэзи»). Не скрыл свою радость от Нафи и поделился с ним. Он ничего не сказал. Только подумал о чем-то. И через некоторое время наш друг, главный редактор издательства Тотрадз Кокайты сказал мне, чтобы я позабыл о составлении той книги.

Нафи Григорьевич через «Фонд Сороса», с помощью сына поэта Бестауты Ацамаза, нашел 150000 рублей для издания трехтомника Георгия Бестауты... Какое же издательство откажется от такой выгодной сделки?

Но сегодня мне очень часто приходится пользоваться этим трехтомником. Зная творчество Бестау и не возвращаться к нему постоянно, невозможно. И каждый раз благодарю нашего Нафи за такое издание. Побольше бы таких обид.

— **По Вашему мнению, в каком литературном жанре не преуспел Н. Джусойты?**

— Для Нафи Григорьевича нет таких жанров. Одновременно он и поэт, и прозаик, и драматург, и переводчик, и публицист, и литературный критик, и литературовед, и Человек с большой буквы... Начал заниматься и языкознанием. И везде преуспевает успешно.

— **Кого можно сравнить с Нафи Григорьевичем и в осетинской художественной литературе, и в осетиноведении?**

— Говоря словами Федора Достоевского: «Гений выше всего, ибо он уже высший плод». Таланты ведь не штампуются. Каждый талант рождается со своим характером, со своими возможностями, со своим видением мира.

— **Что больше всего нравится Вам в творчестве Нафи Джусойты?**

— И в художественных произведениях, и в научной литературе в Джусойты мне первым долгом нравится преданность писателя и научного работника своему народу, своей Родине и всему человечеству. Он всегда делает то, что ему нравится, в чем он уверен.

Если бы не Нафи Григорьевич и его огромное творчество, я бы и себя, и осетинскую художественную литературу, и публицистику, и науку, и Осетию считал намного беднее, чем сейчас. И это не голые слова, это — истина.

— **Что желаете нашему аксакалу Нафи Григорьевичу в его юбилейном году?**

— Жить бы ему много-много лет спокойной, благодатной жизнью. Столько, сколько он сам себе отмерил. И поскольку он не может сидеть без работы, желаю, чтобы ради нашего народа, ради нашей Родины добился еще больших неожиданных творческих успехов.

4. Создатель целого мира художественных творений

В Республике Южная Осетия 2015 год объявлен Годом известного осетинского писателя и ученого-филолога, народного писателя Осетии, лауреата Государственной премии им. Коста Хетагаты Нафи Григорьевича Джусойты.

О роли Нафи Джусойты в истории осетинского народа и осетинской литературы в беседе с корреспондентом ИА «Рес» Элиной Габараты рассказал сопредседатель Союза писателей Осетии Мелитон КАЗИТЫ.

В частности Казиты рассказал, что слово о Нафи в осетинской и кавказкой поэзии своеобразно, не походит на ту поэзию, которую творили после 1937 года, хотя и у него было немало таких стихотворений в сборниках «Сердце солдата», «Душевный разговор», «Лирика»...

«Голос талантливого поэта Нафи Джусойты окреп довольно скоро. В последующих книгах, особенно в «Трудном возрасте», поэт показал неординарную силу своего таланта, — подчеркнул Казиты. — Его голос резко отличается от других. Тематика стихов быстро расширяется, его внимание охватывает разнообразные стороны духовного мира современника. Многие его стихи философичны, он разрабатывает темы глубокой, чистой любви, эстетической позиции поэта в жизни. Он заслуженно становится запевалой в осетинской поэзии. И вскоре главными темами его творчества становятся Родина, история Ирыстона, гуманизм, истинная дружба народов».

Казиты сравнивает Нафи со старым воином, которому небезразлично тревожное состояние всего земного шара, в его душе перекликаются эпохи, ему не дает покоя история своего народа.

«Каждый поэтический сборник Нафи Григорьевича становился настоящим явлением в осетинской художественной литературе, — пояснил Казиты. — В них читатель находил что-то новое, до него не сказанное, что, к сожалению, нечасто встречаем в искусстве слова. Нафи Григорьевич был одним из первых осетинских поэтов, которые в осетинскую поэзию внесли образное видение».

По его мнению, высказывание писателя, классика русской и киргизской литературы Чингиза Айтматова, «перекликаются эпохи», можно с уверенностью отнести и к личности Нафи.

«Классик эти слова сказал, думая о поэзии Кайсына Кулиева, но высказывание отождествляется и с судьбой и творчеством поэта, — сказал Казиты. — Нафи и в жизни, и в литературных переплетениях никогда не забывает свою Родину и свой народ. Он знает, что стоит на плечах малого народа и его голос слаб и он «не мог под стать» ей «сложить такие строки, чтоб, как в деревьях, в них кипели соки и кровь стучала, словно в его висок». Он знает, что является сыном «немногочисленного рода». Он горд своими предками, своей

Родиной и тем, что он их защитник и говорит об этом в стихах: «Носил на каске я твою звезду, В твоей победе и моя заслуга, Враждою отвечаю на вражду. И верным другом становлюсь для друга». И он имеет полное право говорить о Родине с высоко поднятой головой».

Нафи Джусойты — народный писатель Осетии, — отметил Казиты, — который известен в ближнем зарубежье как ученый-филолог и общественный деятель.

«Поэт радость народа всегда встретит песней, «а печаль — молчанием суровым», историю нашего народа видит на протяженности веков и помогает выносить проблемы на обозрение многочисленных читателей, — подчеркнул Казиты. — Многим, может быть, это кажется легко, но нести высоко честь человека всегда было трудно, тем более, что для поэта быть всегда начеку — адский труд».

Тема храбрости души ярко раскрывается в стихотворении «Разговор с горой», что характерно поэзии Нафи Джусойты, — продолжил собеседник агентства.

Здесь стойкость горы поэт считает достоинством настоящего мужчины, символом мужества, и «...если в поле косовица Торопит истинных мужчин, Ему в ауле не сидится, Хоть пуст рукав его один», — этими словами автор будто бы дает нам уроки стойкости от имени горы.

Благодаря ярким образам, читатель каждый раз влюбляется в творчество поэта, — отметил Казиты.

«Они порождают множество ассоциаций и становятся любимыми стихотворениями многих поколений. Этому яркий пример — великолепный большой цикл стихов Нафи Джусойты «Стихи, не сказанные матери». Большая любовь к родной матери неиссякаема у поэта. С помощью этой любви, не думая об этом, просыпается сказка, спящая в наших сердцах с детских времен».

Любовь к матери очищает не только душу поэта, уточнил Казиты, но благодаря его стихам очищаются и наши души.

«Его произведения помогают нам жить на этой благодатной земле, несмотря на то, что страдаем с лирическим героем, когда умирает его мать, — пояснил Казиты. — Можно привести много примеров, как поэты вспоминают своих покойных матерей, но Нафи Джусойты такие конкретные, поэтические детали рисует из ее жизни, что не запомнить их невозможно. Так бывает, когда покойник при жизни сеет любовь и доброту среди народа. Мать лирического героя была именно такой. Если сын такой удивительной женщины — поэт, особенно, талантливый поэт, то невозможно, чтобы боль из его груди не вырвалась в виде поэтической скорби».

Творчество Нафи ценят не только его читатели, но и поклонники его неиссякаемого таланта, в их числе и его коллеги, — подчеркнул Казиты.

«Его многочисленным читателям и коллегам приносит радость, когда видят в его произведениях все новые и новые художественные красоты, — продолжил он. — Достаточно вспомнить письмо Гриса Плиты к их другу Гафезу».

Казиты рассказал о содержании письма, в котором говорилось, что Плиты, получив в 1958 году пятый номер журнала «Фидиуæг», в первую очередь прочитал стихи Нафи, и что он «...никогда после «Ирон фæндыр»-а не испытывал такого блаженства, такой великой, захватывающей все существо творческой радости от всего того, что прочитано мной на осетинском языке».

«Поэтике поэта можно радоваться долго и постоянно. Нафи — создатель целого мира художественных творений, поэтических образов и полотен. Поэт всегда должен «над врагом кинжал властно вознести» и Нафи Григорьевич всегда является таким мастером словесности. В его творчестве «перекликаются эпохи», — заключил собеседник агентства.

ДОЛЖНЫ РАБОТАТЬ СООБЩА

*Прошлый, 2015 год, был Годом литературы в Российской Федерации. А мы, как Республика, ориентируемся на Россию, потому что у нас с древних времен очень тесные связи друг с другом. Значит, прошлый год и для нас — для граждан Республики Южная Осетия — был Годом литературы. Поэтому корреспондент ИА «Рес» **Зарина Хубиаты** обратилась к председателю Союза писателей Осетии **Мелитону КАЗИТЫ**, чтобы он ответил на несколько вопросов.*

— **Мелитон Резоевич, какие мероприятия Союз писателей провел в прошлом году?**

— Можно с уверенностью отметить, что 2015 год был полон значимых событий. И Союз писателей Осетии провел много мероприятий, связанных с литературной жизнью нашей Родины. Но первым долгом надо отметить то, что прошлый год Указом Президента Республики Леонидом Харитоновичем был объявлен Годом известного осетинского писателя, ученого — доктора филологических наук, профессора и общественного деятеля Нафи Джусойты.

Он автор более 50 книг, в 2015 году ему исполнилось 90 лет. В день его рождения ЮОНИИ организовали Международную конференцию, где активное участие принял Союз писателей Осетии. Юбилей писателя был проведен на высшем уровне. Но празднования не закончились этим. Союз писателей Осетии провел много десятков встреч с почитателями творчества писателя в школах и в культурных учреждениях. Жизни и творчестве Нафи Григорьевича были посвящены столько статей, научных работ и монографий, чего не было сказано о нем за семьдесят лет его творческой и научной деятельности.

Также с успехом отметили юбилеи наших именитых писателей и просветителей — Ивана Агузаты (Габараты), Алексея Букуылты, Хаджи-Мурата Дзуццати, Дмитрия Бязрты, Тотырбека Дзаттиаты, Мухтара

Шавлохты и др. Участвовали в установке памятных досок Грису Плиты и Мухтару Саулохты. И на юге и на севере Осетии было организовано немало разных мероприятий.

Стоит отметить, что впервые в истории осетинской литературы, благодаря издательству «Ир», была осуществлена мечта наших писателей, издана книга «Писатели Осетии».

— Сколько книг было выпущено в 2015 году, и остались ли нереализованными какие-нибудь работы? Как Вы в целом оцениваете свою работу в 2015 году?

— В данный момент в Осетии (и не только в Осетии) столько государственных и негосударственных организаций и предприятий, которые занимаются изданием разного рода книг, да и многие авторы сами издают столько хлама, что просто невозможно их посчитать, хотя этим официально занимаются многие учреждения.

Когда непрофессионалы заменяют профессионалов ради своей выгоды, нереализованных работ остается очень много.

А как я оцениваю проделанную работу в 2015 году?

Когда в последнее время увеличивается число разных нужных и ненужных премий, появляется много желающих любыми путями получить поощрения. Человеческой наглости нет предела. В литературе даже их следа не видно, а они еще и претендуют на премии.

А я, как бы ни успокаивал себя, полностью довольным своей работой никогда не бываю. Работа 2015 года не является исключением.

— Какие совместные действия намечены Союзом писателей Осетии?

— Союз писателей Осетии — единый орган. Нас разделяет только наше мизерное финансовое обеспечение, так как, к сожалению, мы еще относимся к разным государствам. Мы всю свою работу связываем друг с другом. Совместными усилиями, как на севере, так и на юге Осетии отмечаем 75-летие народного по-

эта Осетии, лауреата Государственной премии им. Коста Хетагаты, автора Гимна РСО—Алания Камала Ходы. Также совместно будем отмечать юбилеи Елбыздыко Брытиаты (135), Нигера (120), Георгия Дзугаты (105), Владимира Икаты (80), Алеша Гучмазты (65) и др.

— Ваша оценка о состоянии югоосетинской литературы на сегодняшний день? Как преодолеть разрыв поколений и стимулировать появление молодых писателей?

— Осетинская литература, начиная с Сослана Царазон, никогда не разделялась. Не было и нет таких понятий как югоосетинская литература и североосетинская литература, хотя в 30-е годы наши горе-соседи стремились к этому, но не смогли разделить один народ.

Наша литература, как и художественная литература всего мира, в конце XX, в начале XXI вв. пошатнулась. Но не упала, а по-прежнему крепко стоит на ногах.

Что касается молодых авторов, не считая «пенсионеров-начинающих писателей», их не так мало, как многие хотят это преподнести. Им просто надо быть активнее и в литературе, и в общественной жизни. Был издан недавно общий сборник. Издается еще один сборник молодых писателей Осетии во Владикавказе. Я думаю, для одного года это немало.

— Как Вы оцениваете результаты реализации программы развития осетинского языка, которая заканчивается в этом году? И как Вы относитесь к внедрению модели полилингвальной школы?

— Программа развития осетинского языка не закончена. И нельзя никак завязать эту программу. Другое дело — какие книги издаем по этой программе. Все издания должны быть на высоком уровне. К чему мы почти все и стремимся. Потому продлена программа еще на пять лет. И этот факт уже говорит о том, что результаты ее не плохи.

А что касается полилингвальной школы, то у нас, к сожалению, школа всегда была полилингвальная, мы, как бы ни старались, не обойдемся без русского языка.

Плюс к этому и иностранный язык. Беда только в том, что изучение нашего родного осетинского языка везде не на должном уровне.

— Есть ли у Вас контакты с Союзом писателей России и возможность принимать участие в различных мероприятиях, проводимых этим Союзом?

— Контакты есть. Не только с ними, но и с другими Союдами писателей, входящими в Российскую Федерацию. Но беда в том, что из-за отсутствия финансов много нужных мероприятий невозможно проводить. К примеру, Союзу писателей Чеченской Республики ежегодно государство выделяет 16 миллионов рублей, а нам — только 400 тысяч рублей. В сорок раз меньше! И то, неизвестно, сколько приходится их ждать. Иногда по полгода и больше не получаем зарплату. Два года Правительство нам выделяет мизерные средства, чтобы с 2008 года отремонтировать наши рабочие кабинеты, но прямо на наш счет их не перечисляют, а тем, кому их дают, не до нас.

Так большую литературу никто не делает. А тем, от которых это зависит, не до художественной литературы — от нее им никакого дохода.

— Во Владикавказе регулярно практикуются различные билборды с акцентом на осетинский язык. Почему бы не популяризировать таким образом осетинский язык у нас? Ваше мнение.

— Пока, к сожалению, никто не убедит меня, что в Северной Осетии осетинский язык в лучшем состоянии, чем на юге Осетии. Для развития осетинского языка делается многое и на юге, и на севере Осетии. Но этого недостаточно. Мы все, и север и юг, должны работать сообща, чтобы развивать свой родной осетинский язык. Но пока этого нет, о чем, — не дай Бог, — будем жалеть в скором будущем, если вовремя не примем меры и не осознаем всю серьезность проблемы. Но почему-то хочется верить, что Всевышний с нами.

УВАЖАЯ ОСЕТИНСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Как известно, 3-го марта каждый год все писатели мира отмечают свой профессиональный праздник — Всемирный день писателя. В этот день все писатели бывают празднично настроены. И, где бы они ни находились, в самых разных точках земного шара, их объединяет одно желание — греть душу народа теплым художественным словом.

В связи с этим праздником корреспондент пресс-службы Президента и Правительства **Инна Коцты** встретила с председателем Союза писателей Осетии **Мелитоном КАЗИТЫ** и задала ему несколько вопросов.

— **Расскажите, пожалуйста, о Вашем пути становления как писателя.**

— Сейчас в моде, если тебя не хвалят, то заставлять своих подчиненных и близких, чтобы тебя восхваляли, называли тебя громкими именами, — «гений», «самый знаменитый писатель», «человек-эпоха»... Сам пиши о себе статейки или так называемые «монографчики». Но как бы человек себя ни восхвалял, его рейтинг изо дня в день будет падать все ниже и ниже. И еще начинают ругать всех, начиная своих «друзей» и знакомых, вплоть до Создателя — почему они не стараются возвысить его.

Но такими приемами писатель никогда не станет талантливым, тем более знаменитым, как бы ни прыгал и ни ругал всех на этом белом свете.

Я в начале своей творческой деятельности, если можно так выразиться, начинал писать стихотворения. Мне было двенадцать лет. Был пастухом. Пас наш скот. И от скуки на лоне природы мне захотелось петь. Но слов песни было мало, а мне хотелось петь долго. Чтобы не скучал.

И мне пришлось самому придумывать слова. Так пошло, поехало. А стал ли я настоящим писателем или нет, об этом, наверно, уже говорят мои книги.

— **Практически у каждого начинающего писателя бы-**

вает некий ориентир или кумир в виде всемирно известного писателя, был ли он у Вас?

— Я еще не ходил в школу, не мог читать и писать, но как многие мои ровесники, наизусть знал многие стихотворения Коста. В молодые годы я не мог жить, не мог дышать, как и многие мои ровесники, без поэзии Сергея Есенина. Не читать его, не переживать и не радоваться с ним я не мог. Потом в прозе моим кумиром стал Иван Тургенев. Его великолепные произведения и сейчас читаю с большим воодушевлением. Восхищаюсь его культурой речи, его образами.

Но позже я увлекся Федором Достоевским. Когда прочитал его роман «Преступление и наказание», у меня внутри как будто все перевернулось. Его произведения объединяют в себе психологическую достоверность и насыщенность социально-философскими размышлениями.

— Как проходит у Вас процесс написания произведений? К примеру, слушаете ли Вы в это время музыку или предпочитаете тишину? Стараетесь больше времени проводить среди друзей или же наоборот — проводите дни в некой изоляции?

— Когда я пишу что-нибудь, особенно прозу, то, безусловно, предпочитаю абсолютную тишину. Чтобы я слышал и топот копыт лошадей, и их ржание, и смех, и плач своих героев... И жил их жизнью.

Но во время сочинения поэтических произведений не мешает мне и тихая, особенно осетинская, музыка. Иногда внутренняя и внешняя музыка воссоединяются, и рождается своеобразная, задушевная песня.

— Расскажите о Вашей деятельности как сопредседателя Союза писателей Осетии.

— Наш Союз писателей Осетии родился в 2013 году 3 октября. Тогда воссоединили Союз писателей РЮО и Союз писателей РСО—А и образовали единый Союз писателей Осетии.

Но те, которые не знают историю наших союзов, думают, что мы придумали какую-то новизну. А на самом деле, в 1924 году, осетинская творческая молодежь, учившаяся в Москве, при Ассоциации пролетар-

ских писателей Москвы провозгласили Ассоциацию осетинских пролетарских писателей. Даже издавали альманах «Зиу».

Когда эти молодые писатели закончили свою учебу и вернулись домой, то такая Ассоциация пролетарских писателей была создана и на юге Осетии в 1926 году, потом и на севере Осетии.

Наши предшественники много раз старались, чтобы опять воссоединить наши творческие союзы, но к чему это вело, отлично знали наши горе-соседи и уничтожили наших лучших писателей в 1937 году. Ущемляли нас и в 50-е годы. Не разрешали нам проводить общие собрания. И только сейчас сбылась наша долгожданная мечта.

С тех пор мы работаем сообща. У нас совместное правление. Проводим совместные собрания. Отмечаем наиболее значимые юбилеи. В прошлом году отметили юбилеи Хаджи-Мурата Дзущати (80), Нафи Джусойты (90), Тотырбека Дзаттиаты (105) и других.

В этом году как на севере, так и на юге Осетии, отметили 75-летний юбилей Камала Ходы. В национальной научной библиотеке г. Владикавказа провели презентацию моей книги «Поэтический мир поэта». Намечаются другие юбилеи и другие мероприятия.

Уже готовы к печати произведения не «молодых пенсионеров-писателей», как называют себя многие так называемые писатели, а настоящих молодых писателей. Также во Владикавказе увидит свет общий сборник произведений молодых писателей Осетии, пишущих на осетинском языке.

— Третьего марта отмечается Всемирный день писателя. Считаете ли Вы необходимым проведение этого праздника и в РЮО?

— РЮО не отдельная планета. Мы частица, маленькая, но частица всего мира. Все всемирные праздники, писательские они или неписательские, относятся и к нам. Мы должны уважать мировые традиции.

И все, кто уважает Осетию, кто уважает осетинских писателей и осетинскую литературу, должны уважать и наш Всемирный день писателей.

КНИГА ДЛЯ КАЖДОГО ДОМА

Наконец вышла в свет книга, которая нужна в каждом доме — биобиблиографический справочник «Писатели Осетии». В произведениях наших писателей прослеживается история осетинского «народа, его быт, обычаи и вековые чаяния». Если это так — о чем никто не спорит — то эта книга без спора является книгой каждого дома.

*Об этом корреспонденту ИА «РЕС» **Зарине Хуьбияты** рассказал председатель Союза писателей Осетии, один из авторов этой уникальной книги, известный осетинский писатель, научный работник, лауреат Государственной премии им. Коста **Мелитон КАЗИТЫ**.*

По словам Казиты, идея создания книги о писателях двух частей Осетии давно нуждалась в реализации. «Данная книга требовала тщательной и трудоемкой работы и поэтому она до сих пор не была выпущена, — сказал Казиты. — Несмотря на то, что Осетия в состав России добровольно вошла в 1774 году (в «Предисловии» по ошибке написано — 1874 г.). Но во время Октябрьской революции, несмотря на территориальную разделенность, древний осетинский народ все же десятки лет был един и неделим. Но вдруг по закону подлости оказались по разные стороны баррикад. Это всегда мешало нам быть вместе. А после развала СССР юг Осетии по вине наших южных горе-соседей оказался в огне. Только сейчас, когда Республика Южная Осетия была признана, смогли вздохнуть свободно. Создаем, можно сказать, имеем возможность создавать новейшую историю нашей Осетии. Помимо этого, ни для кого не секрет, была и финансовая проблема, так как требовались большие денежные средства. Благодаря директору Северо-Осетинского книжного издательства «Ир» Жанне Козырты, книга получила грант и таким образом увидела свет».

Казиты также рассказал, что изданию этой уникальной книги послужил и тот исторический факт, что в 2013 году, накануне дня рождения Коста, 3 октября,

состоялся II-й съезд писателей Осетии, и исполнилась наша давнишняя мечта — за что в свое время поплатились жизнью почти все наши известные писатели в 1937 году: Чермен Беджызаты, Созырыко Кулаты, Сармат Косирати, Коста Фарнион, Александр Тыбылты и мн. др. — воссоединились в одном союзе. Отныне нас уже никто не разъединит и будем работать в едином Союзе писателей. Таким образом, каждый осетинский писатель будет иметь больше возможностей работать на благо своего народа и Отечества.

В книгу вошли все писатели как Южной так и Северной Осетии. В основном в книгу были внесены необходимые данные о литературных классиках и членах Союза писателей Осетии. По этой книге, по словам М. Казиты, можно узнать не только о творческом пути одного или другого писателя, но можно увидеть его взгляд на жизнь и идейно-художественные проблемы его основных произведений.

«Книга началась с поэта, который является символом, флагом осетинского народа, Коста Хетагаты, так как он является основоположником профессиональной осетинской художественной литературы и осетинского литературного языка, — отметил М. Казиты. — И затем последовательно, по возрастной категории, идут все писатели Осетии: Иван Агузаты, Аксо Колыты, Темирболат Мамсыраты, Инал Канукаты, Сека Гадиаты, Батырбег Туганты и т. д. В справочнике даны не только биографии писателей, но также перечислены все их книги».

Казиты также подчеркнул, что в список справочника не попали несколько писателей как с Южной Осетии, так и с Северной, так как в Союз писателей были приняты поздно и занести их всех в книгу, к сожалению, было уже невозможно.

Мелитон Казиты особо подчеркнул важность данной книги для литературоведов, работников словесности и образовательных учреждений как в школах, так и в высших учебных заведениях.

«Книга «Писатели Осетии» обязательна для преподавателей осетинской литературы, а также обязательна для студентов-филологов и учеников старших классов», — подчеркнул он.

По Мелитону Казиты, стоит отметить, что основой данного сборника стали предшествующие издания: «Писатели Советской Осетии» Федора Гаглойты и Нафи Джусойты (1957), «Писатели Южной Осетии», («Хуссар Ирыстоны фысджытæ», 1967) Федора Гаглойты и Хаджи-Мурата Дзуццати, «Писатели Северной Осетии» (1992) Георгия Калоты, Хадзыбатра Ардасенты, Девлета Гиреева и другие книги. Но они были для узкого круга писателей. В данном справочнике информация более чем по 200 писателям всей Осетии.

Справку о писателях Южной Осетии подготовил Мелитон Казиты. Дополнительные материалы о писателях Северной Осетии подготовила заместитель директора по краеведческой работе Республиканской научной библиотеки Ирина Бибоева.

Тираж книги составил всего 1000 экземпляров.

«Тысяча экземпляров такой книги очень мало, — говорит Мелитон Казиты. — Такая книга должна стать настольной для каждой просвещенной осетинской семьи. Несмотря на то, что ныне спрос на книгу очень низкий — она нужна народу, но в данное тяжелое время люди не могут и себя прокормить, а покупать одну книгу за тысячу рублей и не каждый автор сможет за свой гонорар».

СОДЕРЖАНИЕ

I

На рубеже столетий	5
Зеркало жизни	13
Языком художественного слова	17
Божий дар	22
Поговоркам следует верить	27

II

Из окна храма	42
Символ Осетии	45
С любовью к Ирыстону	51
Песню оставить потомкам	63
Писатель с трепетной душой	89
Прерванный путь	99
Исповедь поэта	113
Слово о Камале Ходове	124
Смелость поэта	126
Государить в своем мире	134
Радужные цвета поэтического мира	140
Сила слова	145
Радужные цвета юбиляра	153
Во имя правды	159
Встречая утро бодрой песней	172
Путь писателя	176
Запах теплого хлеба	182
Он стремился в небеса	194
О чем тревожится сердце	200
Лицо осетинской литературы	206
Неосуществленные мечты	214
Художник Кола	219
Художник по призванию	222

Сердце, отданное искусству	226
Начало большого пути	229

III

Ближе к Богу	235
Если и... информатор некомпетентен	241
Камал. И о Камале	245

IV

Куда делся, Осетия, наш Восток?	250
Единственный путь	276
Мне было стыдно	335
Наш святой долг	348
Опуская голову	354
Ближе к сердцу	362
Братьям-писателям Приднестровья	365

V

<i>Мелитон Казиты:</i> «На словах все за развитие осетинского языка, но почему-то всегда находятся дела поважнее»		368
Язык наш красивый и богатый		374
Дарованная нам свыше		379
Защитник интересов Кавказа		382
Гений слова и мысли		387
Интервью о Нафи		390
1. Слово о поэте		—
2. Быть царем (5)		396
3. Благодаря Нафи		401
4. Создатель целого мира художественных произведений		404
Должны работать сообща		408
Уважая осетинскую литературу		412
Книга для каждого дома		415

Литературно-художественное издание

КАЗИТЫ (КАЗИЕВ) МЕЛИТОН РЕЗОЕВИЧ

Собрание сочинений в 5 томах

ПУБЛИЦИСТИКА

Литературно-критические статьи

Интервью

5 том

Редактор *В. Т. Петрушевская*

Художник *Т. Ф. Алипченкова*

Технический редактор *М. Р. Казиты*

Корректор *Л. П. Тотоева*

Компьютерная верстка *А. И. Лажинцевой*

Сдано в набор 08.01.17. Подписано к печати 29.07.17. Формат бумаги 84х108 1/32. Бумага офс. № 1. Усл.-п.л. 22,05. Уч.-изд.л. 21,29. Тираж 300 экз. Заказ № .

ООО «ЦЫКУРА», 100001, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, пр. Ленина, 3.

Отпечатано в полном соответствии с предоставленными диапозитивами в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гасиева», 362011, г. Владикавказ, ул. Тельмана, 16.